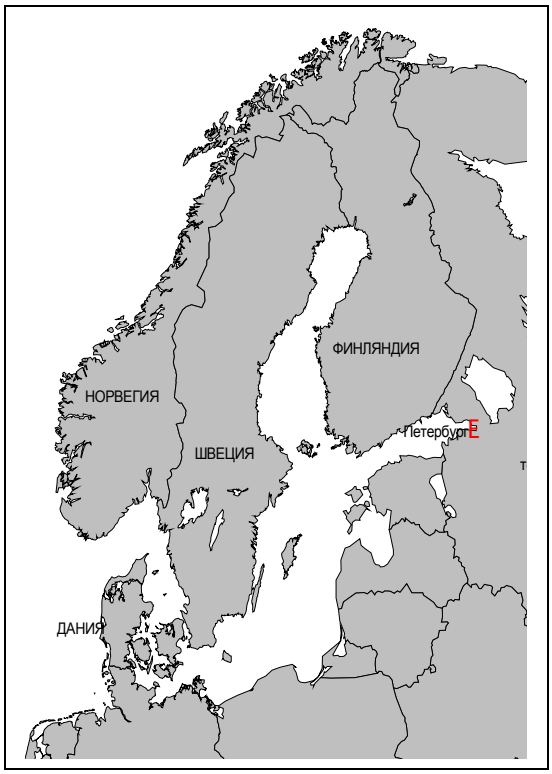
ST. PETERSBURG SCANDINAVIAN CENTRE
Санкт-Петербургский государственный университет
Русский христианский гуманитарный институт
Институт Финляндии в Санкт-Петербурге

Пятая международная научная конференция

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ



Материалы пятой ежегодной международной научной конференции

Санкт-Петербург
2004

Редакционная коллегия: Е. А. Акимова, докт. ист. наук, профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор), д.и.н., профессор Кротов П.А., канд. ист. наук К. Е. Нетужилов, Я. Ниронен, канд. филол. наук С. Ю. Трохачев.

Рецензенты: д.э.н. Межевич Н.М., к.и.н., Терюков А.И., к.и.н., доцент Шершнева С.В.

Издание подготовлено при финансовой поддержке

Института Финляндии в Санкт-Петербурге

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов пятой, юбилейной ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Расчитана на
Книга рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции (23-25 апреля 2003 г.). Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2004.

© В.Н. Барышников, С. Ю. Трохачев, сост., 2004
©Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ……

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Русенбрёйер К-К.
Основатель Ниена - Антониус Брёйер/Росенбрейр….

Выскочков Л. В.
Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823 – 1831 гг.)……

Цоффка В. В.
А.С. Пушкин и Финляндия…..

Тетеревлева Т. П.
Валерий Вильямович Каррик (1869 — 1943): эмигрант из Петербурга в Норвегию…..

Барышников В. Н.
К вопросу о различиях в подходе к образованию т.н. «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны»……

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Кротов П. А.
«Совершенный камень во основание Санкт-Петербурха» (Полтавская битва: некоторые перспективы и итоги изучения)

Стерликова А. А.
Петербург - Стокгольм: поиск мира (1716 – начало 1718 гг.)

Пересадило Р. В.
Санкт-Петербург и развитие Архангельской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Садова Л. В.
Шведско-норвежский конфликт 1905 г. в донесениях в Петербург российских военных агентов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива).

Усыскин Г. С.
Куоккальская трагедия и ее герои (хроника событий 1907-1909 гг.)…..

Журавлев Д. А.
Влияние боевых действий на социально-экономическую обстановку в Ленинграде в период советско-финляндской войны 1939- 1940 гг….

Репневский А. В.
Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний…

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Юнтунен А.
Балтийское море – объект общих геополитических интересов….

Копельманн В. С., Кобчиков Е. Ю.
К вопросу о происхождении названия острова Котлин.

Бажанов Д.А.
Матросы и берег: I-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914-1917 гг.)

Партала М. А.
Малоизвестные документы о захоронениях германских моряков на Балтике в годы первой мировой войны (по материалам Российского государственного архива Военно-Морского Флота).

Фокин В.И.
Международные конференции по гидрографии Балтийского моря в Ленинграде (30-е гг. XX в.).

Петров П.В.
Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1940 году.

Андрющенко Ю. Г.
Особенности современных российско-латвийских связей в контексте международных отношений на Севере Европы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Седых В. Н.
Северо-запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов по археологическим и нумизматическим данным……

Возгрин В. Е.
Северная война в «Истории Петра» Ф. И. Соймонова….

Нетужилов К. Е.
Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском…..

Бурков В.Г.
Государственные символы «независимой Карелии»….

Шрадер Т.А.
Ленинградские газеты об исследовании Арктики в 1928 г. (по материалам Полярной комиссии)..

Барышников Н. И.
Блокада Ленинграда в концепциях финских историков…….

Костригина Е.В.
Историческая демография Карелии в работах финских и российских исследователей (исследования 1998 – 2003 гг.)……

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Энгман М.
Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX-начале XX вв….

Каллейнен К.
Взгляд высшего чиновничества Финляндии на Россию, на русских и на положение Финляндии по отношению к России в начале XIX в……

Мусаев В.И.
Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.).

Невалайнен П.
Финны в Петрограде-Ленинграде после революции….

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Жаров Б.С.
Санкт-Петербург и Исландия…..

Архимандрит Августин (Никитин)
Россия и Исландия……

Ивлева С.Е.
«Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857-1860 гг.» Алексея Вышеславцева в России и в Дании (к истории иллюстрированного издания 1860-х гг.)….

Педерсен А.
Впечатления датских писателей от пребывания в Санкт-Петербурге в кон. XIX – нач. XX вв…

Кривдина О.А.
Воспоминания о Скандинавских странах скульптора Ф. П. Толстого и писателя Д.В.Григоровича.

Суворова Л.В.
Финская жанровая живопись в музеях Прибалтики и России.

Пааскоски Ю.
Сайменские каналы: интересы, предпосылки и действительность….

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ…….

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКАХ И МАТЕРИАЛАХ КОНФЕРЕНЦИЙ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ» (1999-2004 гг.)……...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов пятой, юбилейной ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Он отражает основные достижения, изложенные на конференции в исследовании скандинавистов России и стран Северной Европы в области раскрытия отношений Петербурга со Скандинавией и Финляндией.

Конференция была организованна под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии (St.Petersburg Center for Research and Culture of Scandinavia and Finland) историческим факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, Русским христианским гуманитарным институтом (РХГИ), а также Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Она проходила с 23 по 25 апреля 2003 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, социологов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения Петербурга и северо-западного региона. Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».[1]

Традиционно на конференции принимали активное участие ученые РХГИ, многие из профессорско-преподавательского состава исторического, социологического факультетов и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской Академии наук, ряда музеев и архивов. Кроме того, на прошедшей конференции расширился состав участников, представлявших различные районы страны и зарубежных государств. Всего на конференции приняло участие порядка семидесяти известных ученых и молодых исследователей Санкт-Петербурга, Москвы и Архангельска. Из стран Северной Европы и Прибалтики были ученые Финляндии, Дании, Швеции, Эстонии и Литвы.

Работа конференции получила соответствующее освещение в информации периодической печати, рассматривавшей ее как один из весьма важных научных форумов, проведенных в канун 300-ленего юбилея Петербурга[2] и стала свидетельством развивающегося творческого сотрудничества ученых Санкт-Петербурга с отечественными и зарубежными коллегами.

К-К.Русенбрёйер

ОСНОВАТЕЛЬ НИЕНА - АНТОНИУС БРЁЙЕР/РОСЕНБРЕЙР

В Государственном архиве Швеции храниться интересное письмо, следующего содержания:

«Весь правящий совет государства Швеции, Высшие сословия, Милостивые государи, Многоуважаемые господа. Вашей милости и Господам буду служить со всей своей преданностью так долго, пока буду жив…

Высшие сословия, Милостивые и Многоуважаемые господа, Ваше превосходительство. Вы точно знаете, что когда-то волей нашего Всемилостивейшего короля и Господа (ныне воздаём благодарную память Его Высочеству) было основать у крепости Ниен Город, который со временем мог бы стать во главе российской торговли, когда-то ведущейся через Балтийское море. Поэтому Его Королевское Высочество мог бы разослать официальные декларации, которые могли бы освободить от налогов и таможенных пошлин на какое-то количество лет тех, кто пожелает переехать сюда и дома каменные построить. Но поскольку земная смерть Его Королевского Величества (к сожалению) преждевременно унесла его от нас, все те привилегии, которые Его Королевское Величество собирались дать этому городу (с помощью которого другие народы можно было бы привлечь сюда на проживание) не смогли осуществиться. Поэтому, этот выгодный проект не мог добиться успеха, хотя им кропотливо продолжали заниматься, а сам план не мог успешно продвигаться вперёд до тех пор, пока официально не были объявлены привилегии этого места, чтобы те, кто хотел поселиться здесь, узнали, какую выгоду и какие свободы они получат, пожелав переехать сюда жить. Но как скоро привилегии будут опубликованы и копии с документа разосланы в крупные города Балтийского моря , а также в Голландию в тех местах проживающим законным представителям, чтобы через них об этом узнали купцы и ремесленники, тогда без сомнения в этом мете разовьётся могущественный город, который принесёт Короне больше, чем незначительную победу и выгоду.

Проект этот был продолжен по просьбе представителя благородного сословия господина Иохана Скютте не жалеть на это усилий, в связи с этим попросили у известных купцов, которые вели торговлю в России с ближайшими к ней нациями, чтобы они направили свои товары из России и в Россию через Ниен, на что они и согласились, однако, с такими условиями и оговорками, что не желают платить больше пошлину, чем две при ввозе и одну при вывозе с каждого сотого.

Во вторых, они не хотели открывать или развязывать свои тюки, сундуки и бочки, но готовы были платить пошлину на основании тех таможенных удостоверений, которые получали в Голландии и России.

В третьих, Ваше Превосходительство и Господа, вы могли бы дело это вести вместе с Его Величеством, Царём, Великим Князем Российским таким образом, чтобы их товары, которые через Ниен направляются в Россию, могли бы беспрепятственно продвигаться до самой Москвы, таким же

образом, как они сейчас направляются из Архангельска в Москву. Если Ваше Превосходительство и Сиятельство могли бы вместе с Великим Российским Князем добиться того, чтобы всем тем, кто хочет поселиться в Ниене было бы предоставлено свободное прохождение для торговли с Персией, тогда с Божьего благословения со временем из этого поселения развился бы такой город, равного которому бы на берегах Балтийского моря не было бы.

В четвертых, по их просьбе в случае развития какой-либо торговли в Ниене, можно было бы прекратить господство Спрингена и его уполномоченных. Это Вашей Милости и Господам покорно желал бы сообщить и то, что Вы Ваша Милость и господа об этом думаете и решите будет представлять мудрое усмотрение Вашего Высочества и Господ.

Не могли бы Вы, Ваша Милость и Господа, находясь под защитой Всевышнего Господа, покорно и услужливо об этом распорядиться.

Ниекёпинг, 9 августа 1633 г.

Ваша Милость и Господа, со всей покорностью, готовый служить до конца своей жизни. Антониус Брёйер

Это интересное письмо адресовано регентскому правительству Швеции, главенствующей фигурой которого был государственный канцлер Аксель Оксенстирн во время несовершеннолетия королевы Кристины. Но кем же был Антониус Брёйер, человек, написавший это письмо?

Длительный период времени в 1630-1641 гг. он являлся бургомистром города Выборга, и представленные в его письме прогнозы и представления являются очень интересными. Ниен или по-фински Неванлинна был основан по приказу короля Куста II Адольфа 17.6.1632 г. совсем незадолго до его смерти, однако, ему не были предоставлены права города вместе с привилегиями, которые были бы жизненной предпосылкой для его развития и которые Антониус Брёйер усиленно стал выдвигать в последующее десятилетие. Расположением Ниена было место слияния рек Невы и Охты, где через 70 лет Пётр Первый основал новую столицу. У Антониуса Брёйера были многочисленные контакты и переписка с Оксенстирном по поводу Ниена, его возможностей и будущего, на чём мы остановимся далее.

Но вернёмся ещё ненадолго к истории рода Антониуса Брёйера. Из самого имени вытекает вывод, что Антониус Брёйер являлся немцем по происхождению. Его отец, Херман Брёйер, был торговцем из Любека, прибывшим в Выборгский порт 16 мая 1588 г., он доставил на том же судне в составе прочих грузов ткани и хмель, с чего и начал торговлю между Любеком и Выборгом. Молодой Херман Брёйер был, скорее всего, энергичным и решительным человеком, поскольку уже в следующем навигационном сезоне в 1589 г. он стал самым крупным Выборгским экспортёром, по сравнению со всеми отечественными и иностранными коммерсантами.

Зимой 1590-1591 гг. Херман Брёйер принял присягу горожанина Выборга, а также и женился там. Его женой была Агнесс Нюланд, дочь Тённеса Нюланда, длительное время занимавшего пост бургомистра города Выборга и финки Анны Тейт, относящейся к фрельзовому сословию. Как видно из

фамилии отец был родом из Уусимаа. В 1595 г. Херман Брёйер уже стал бургомистром Выборга и являлся им до 1599 г.

К деятельности Хермана в Выборге относится одно премичательное событие, относящиеся к 1599 г. Оно вызывающее интерес прежде всего с исторической точки зрения. Когда герцог Карл (будущий король Швеции Карл IX) предпринял осаду Выборга – последнего важнейшего опорного пункта короля Сигизмунда, бургомистр Брёйер передал герцогу послание, что одни из крепостных ворот будут ему и его солдатам открыты, если он даст обещание защитить жителей города, жён и детей от насилия, а также от разграбления их имущества. Герцог согласился на это условие. Его войска прошли через открытые ворота и им таким образом не составило труда овладеть крепостью. Так Херман Брёйер повлиял решающим образом на захват Выборга. Позже герцог Карл подчеркнул в своей речи перед войсками, что политика сторонников Сигизмунда отличалась обскурантизмом и религиозностью, которая, однако, при захвате укреплённого Выборга и в достигнутой победе имела большое значение.

Антониус Брёйер родился в Выборге в начале 1590-х гг. в семье Хермана Брёйера. Несколько юношеских лет он провёл в Любеке, но в 1611 г. начал заниматься в Выборге международной торговлей, помогая своему отцу, пока не стал бюргером города Выборга. Также, как и его отец в двадцатьпеть лет он вступил в брак. Его женой стала дочь одного из крупных выборгских купцов, который еще и являлся бургомистром Выборга, выходецем из Германии Ханс Крёэль, а ее матерью являлась известная городская представительница матриархата, дочь епископа Паавали Юустена Анна Юустен. Выборг стал родным городом также двум братьям Антониуса Брёйера. Младший, Херман Брёйер был купцом и депутатом парламента, а Иохан Брёйер являлся в период 1634-1657 гг. почтмейстером Выборга.

Экономическое положение Антониуса Брёйера стало значительно укрепляться в 1620-1630-е гг. Он наладил связи с влиятельнейшими лицами в Стокгольме и Ливских землях, с генерал-губернаторами Ингерманландии и Карелии (государственным советником Иоханом Скютте) и его стали привлекать как специалиста в области торговли между Швецией и Россией. Он также вошел в круг руководства Выборгом, став вначале ратманом (членом городского суда и магистрата), а затем, как уже и отмечалось, длительное время занимая пост бургомистра.

Однако, вся энергия и интерес Брёйера были вскоре направлены за пределы родного города. Первым шагом в этом направлении стала его деятельность в качестве представителя Выборга на собрании 1626 г., планирующем создать новую торговую кампанию Россией. В дальнейшем, в 1628 г. он отправляется в Стокгольм, где ему 8 мая от государственного совета предоставляют право набрать для торговой компании акционеров в Финляндии, Карелии и Ингерманландии. Свидетельством тому является преведенное уже его письмо Акселю Оксенстирну. Оно даёт представление о том, что в мыслях у Брёйера были далеко идущие планы: направить через Ниен торговлю в Персию «на Турецкую дорогу», «Шёлковый торговый путь» и вплоть до Дальнего Востока.

Таким образом, представлялась возможность заменить морской путь в обход мыса Доброй Надежды северным торговым путём, используя российские речные маршруты и древнейший Шёлковый путь. Как видно из его письма делается вывод, что если бы можно было осуществить намеченное, то «тогда с Божьего благословения со временем из этого поселения развился бы такой город, равного которому на берегах Балтийского моря не было бы». А также то, что «этот город принёс бы Короне большую победу и выгоду». Кротме того, из письма водно, что Антониус Брёйер был тесно связан с влиятельными купцами в России и на Западе, представляя их интересы и предлагая перенаправить торговые потоки через город Ниен. Проскальзывает к тому же мысль о том, чтобы ввозимые в Россию товары получили право на беспрепятственную их транспортировку до самой Москвы, подобно тому как это осуществлялось при торговле через Архангельск. После этих переговоров некоторые московские купцы обратились через Брёйера к регентскому правительству с предложением направить свою торговлю не через Архангельска, а через Ниен. В связи с этим, 8 марта 1634 г. регентское правительство уполномочило Антониуса Брёйера вести с купцами переговоры и предоставить им условия торговли, предлагаемые Шведской Короной.

4 августа 1642 г. Антониус Брёйер составил подробный список товаров, которые можно было ввозить в Россию через Ниен и, соответственно, из России на Запад. Этом список, опубликованный в труде Карла фон Бонсдорфа, представляет интерес и вместе с тем является очень детальным.

Наконец, 20 сентября 1642 г. многолетняя работа Антониуса Брёйера принесла результаты – Ниену были предоставлены права города и привилегии.

Ещё раньше в 1630-х гг. личные экономические интересы Антониуса Брёйера начали смещаться из Выборга в сторону Ингерманландии. В то время он построил завод по обжигу кирпича вблизи Ниена и один понёс все, связанные с ним расходы. Для поддержания завода генерал-губернатор Скютте подарил Брёйеру четыре деревни. Антониус Брёйер направил регентскому правительству прошение получить в губерниях Ингерманландии, Пяхкинлинна и Каприо достаточное количество выморочных поместий, чтобы там оснастить всадников для войска.

В конечном счете губернатор Брёйер получил от регентского правительства 8 августа 1636 г. в качестве подарка 25 деревень погоста Корписелькя губернии Пяхкинлинна (Крепость «Орешек») и 11 деревень погоста Лянсикаргал губернии Каприо, верой служа Короне. Достигнув совершеннолетия, королева Кристина закрепила эти подарки, подписав в 1646 г. соответствующий указ, то есть Антониус стал распоряжаться поместьями на правах дворянина, хотя таковым в то время ещё не являлся.

В 1641 г. Антониус Брёйер переехал жить из Выборга в поместье Вартиомяки на погосте Корписелькя. До этого он овдовел в 1640 г. он вступил в новый брак с Маргаретой фон Трейден. И хотя теперь местом его проживания было поместье Вартиомяки, в Ниене у него также имелся дом.

Во второй половине 1640-х гг. к Антониусу обратились как к специалисту за помощью в целях развития города Ниена. Ему заказал отчёт главный инспектор таможенных счетов Ливских земель и Германии Мартен Август Лейонскольд для отправки Акселю Оксенстирну. В своём отчёте Антониус

подчеркнул улучшение в таможенном обращении, но дополнительно предложил заложить в городе гостевое поместье и основать торговую компанию по восточной торговле, которая могла бы предоставить городам на Финском заливе и в Карелии необходимые кредиты. По этим вопросам Антониус Брёйер вёл переписку с Акселем Оксенстирном в 1644-1645 гг.

Длительная служба Антониуса Брёйера Шведской Короне была вознаграждена 19-го августа 1647 г., когда королева Кристина предоставила ему дворянский титул с фамилией Рёзенбрёйер. В качестве основания предоставления дворянства упоминались именно заслуги Антониуса и многолетняя деятельность по основанию города Ниена, получению им статуса города, а также деятельность по развитию торговли в этом городе и прохождению через него российской торговли. Это указывает на то, что Антониус Брёйер сделал более, чем кто-либо для пользы города Ниена. Сразу после вступления в дворянство Антониус Рёзенбрёйер получил в подарок 6 деревень в погосте Корписелкя. Они были компенсацией за несправедливое взимание таможенной пошлины в Ниене в 1630 г. Таким образом, 17-ю годами позже старый долг Шведской короны был возвращён.

9 марта 1652 г. Антониус Розенбрёйер получил ещё одно важное задание от королевы Кристины. Его назначили пограничным комиссаром в губернии Кякисалми вместе с губернатором Вястерботтена Франсом Крузебьёрном и начальником крепости города Выборга Ароном Иоханом Клёфверблатом. В их задачу входило выяснение с представителями России всех неясностей, возникавших после заключения Столбовского мира в 1617 г. это касалось, в частности, возврата перебежчиков, пересекавших государственную границу после 1647 г., приграничных ссор, приведения в порядок пограничных столбов и ряда других недоразумений со страной-соседом. Осуществление поставленной задачи длилось с начала июля 1652 г. до начала марта следующего года. Корона предоставила рабочей комиссии средства, вырученные Нарвской таможней, которых хватило на шесть недель. Таким образом, сами комиссары понесли большие расходы.

При ведении переговоров в целях их ускорения было закуплено 2300 литров вина и палёной водки! Компенсации понесенных расходов Антониусу Розенбрёйеру пришлось ожидать целых 15 лет из-за денежных затруднений Шведской Короны. Потребовалось также 20 лет, чтобы получить остаток оплаты за продажу выборгского Епископского дома.

Война между Россией и Швецией в губерниях Ингерманландии и Кякисалми 1656-1658 гг. сыграла поворотную роль в судьбе всей Ингерманландии и самого Антониуса Рёзенбрёйера. Весной 1656 г. продвижение войск России на ладожском направлении было успешным, поскольку шведская армия находились тогда в Польше. Генерал-губернатор Густаф Эверт Хорн провёл в Ниене 21 мая 1656 г. срочное совещание, после которого вместе с Антониусом Рёзенбрёйером и двумя другими представителями был организован сбору ополчения из числа крестьян губернии Пяхкинлинна. Результат, однако, оказался плачевным, так как православные крестьяне убежали за границу, а оставшиеся лютеране не получили вооружения из-за задержки поставки мушкетов из Нарвы. Русские

завоевали Ниен уже 5 июня 1656 г., заняв также и сельские территории. В этой войне поместье Антониуса в Вартиомяки, а также дом в Ниене были сожжены.

Уничтоженное войной было востановлено, но теперь удар постиг уже самого старого Антониуса. В 1675 г. в Ингерманландии началось сокращение земельных угодий, которые до этого являлись даренными Короной поместьями. Теперь их следовало возвратить. Это коснулось также и Антониуса. В 1679 г. часть принадлежавших ему земель надлежало вернуть. Антониус Рёзенбрёйер же умер в преклонном возрасте в 1678 г.

То, что развития Ниена не произошло, согласно тем большим ожиданиям, частично зависит от того, что город не был достаточно защищён и в нём не было достаточного гарнизона, несмотря на все обещания. В XVII-м веке Швеция обладала военной мощью, однако вела войны в различных направлениях. В связи же с большими потребностями, денежных средств не хватало. Заботы о восточной границе отошли на второй план, а расходы для ведения наступательных войн превзошли ассегнования необходимые для обороны.

Всё имеет своё начало, и хотя Ниен был в какой-то степени предшественником Петербурга, но он может быть сравним лишь с трепещущим пламенем свечи. Петербург нуждался совсем в другой опоре, которую смог предоставить только великий человек и сильный правитель могучей страны. Таким, стал Пётр Великий, давший будущему городу свое имя.

Л. В.Выскочков

ФИНЛЯНДСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР АРСЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ ЗАКРЕВСКИЙ (1823 – 1831 ГГ.)

Закревский Арсений Андреевич - финляндский генерал-губернатор на рубеже царствований Александра I и Николая I - получил противоречивую оценку современников и историков[3].

Он был сыном мелкопоместного помещика Тверской губернии; как писал князь-эмигрант П.В. Долгоруков, – «бедного и пьяного».[4] Дед его Иван Андреевич служил в армии подполковником, отец – отставной поручик Андрей Иванович был женат на Анне Алексеевне Солнцевой. Отрочество А.А. Закревский провел в Шкловском кадетском корпусе, где не мог получить даже сносного образования**.** 19 ноября 1802 г. он был выпущен прапорщиком в Архангелогородский мушкетерский полк, расположенный тогда в Западных губерниях, которым командовал будущий генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский-2-й. Участвовал в войнах с Францией в 1805 – 1807 гг.; отличился в сражении при Аустерлице (20. 11. 1805 г.), когда спас Каменского от плена. В дальнейшем он постоянно пользовался покровительством Каменского, который называл его «Закрев». С марта 1805 г. А.А. Закревский - батальонный, с 1806 г. полковой, с апреля 1807 г. – бригадный адъютант. [5] Он вникал в мельчайшие подробности службы и был щепетильным формалистом, но храбрым боевым офицером.

В 1808 г. он сопровождал Каменского на русско-шведскую войну 1808 – 1809 гг. Одновременно был начальником его канцелярии. Так впервые Арсений Андреевич оказался в Финляндии. 12 декабря 1808 г. за отличие в сражении у Оравайса был произведен в капитаны и назначен начальником канцелярии главнокомандующим русской армией в Финляндии. За сражения при Оравайсе, Сарвике, Кауртане и Сальме, он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. За сражение с 7 по 9 августа 1809 г. в пределах шведского королевства - в Вестерботнии, при Зееграре, и у гавани Ратан - награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В дальнейшем вместе с армией Н.М. Каменского участвовал в русско-турецкой войне, за сражение при Шумле 28 июня 1810 г. был произведен в майоры. В 1811 г. после приема у французского консула в Бухаресте его начальник и покровитель Н.М. Каменский неожиданно заболел и умер, успел оставить Каменскому конфиденциальное письмо для передачи Александру I. Карьера Закревского успешно продолжалась. 12 декабря 1811 г. был назначен адъютантом военного министра, а 13 февраля 1812 г. стал полковником. В дальнейшем участвовал в битвах при Смоленске и Бородино и был награжден знаком ордена Св. Владимира 3 степени, 3 декабря 1812 г. был назначен флигель-адъютантом. Во время заграничных походов участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Лейпциге, Дрездене и Кульме. 15 сентября произведен в генерал-майоры, а на другой день после Лейпцигского сражения (8 октября 1813 г.) в возрасте 27 лет Закревский стал

генерал-адъютантом. За сражение под Парижем у Фер-Шампенгауз был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

12 декабря 1815 г., в должности дежурного генерала Главного штаба, Закревский заведовал инспекторским и аудиторским департаментами, а также - военной типографией Он пользовался покровительством Александра I и сблизился со многими государственными и политическими деятелями: А.П. Ермоловым, Д.В. Давыдовым, Ф.В. Ростопчиным, М.С. Воронцовым, П.М. Волконским, А.С. Меншиковым, А.Ф. Орловым, П.Д. Киселевым. В то же время, у Закревского сложились крайне натянутые отношения с В.П. Кочубеем, Е.Ф. Канкриным, А.И. Чернышевым, Д.Н, Блудовым, И.И. Дибичем, А.Х. Бенкендорфом, а также с А.А. Аракчеевым.

В 1818 г., когда императорский двор был в Москве, Александр I, зная о недостаточности средств Закревского, способствовал его женитьбе на одной из богатейших невест России – графине Агрипине Федоровне Толстой. Единственная дочь Толстых, она унаследовала имения в Пензенской, Нижегородской и Московской губерниях. Это была странная супружеская пара. 18-летняя красавица, пылкая и неуравновешенная любительница французских романов, иногда неистово молившаяся, и 36-летний некрасивый военный педант А.А. Закревский. Отношения между супругами сначала были весьма прохладными и только позднее наладились. Через 8 лет, 18 июля 1826 г., у них родилась единственная дочь Лидия, но семейная жизнь, как и раньше не удовлетворяла Аграфену Федоровну. Ни она, ни впоследствии ее дочь строгим нравом не отличались. Бурная в своих стремленьях, «как беззаконная комета в кругу рассчитанных светил», являлась она, по выражению Пушкина, среди светского общества, мнением которого не дорожила и «ничем не стеснялась». Свои наперсником Закревская сделала А.С. Пушкина, который «сгорая пламенем любви, потупя голову ревниво» слушал ее «признанья». Она окружала себя молодыми людьми и около того же времени (1828 г.) увлеклась поэтом Боратынским. В Петербурге, Москве и Финляндии она собирала вокруг себя многочисленное общество и, пользуясь своим большим влиянием на грозного мужа, помогала всем без разбора и сделала много добра.[6]

30 августа 1821 г. Закревский был произведен в генерал-лейтенанты. Будучи дежурным генералом, он, на всякий случай старался угодить и великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам. Только с Аракчеевым ужиться он не мог - ему пришлось выбирать между ним и начальником Главного штаба кн. П.М. Волконским. Справедливо рассудив, что великие князья Аракчеева не любят, Закревский решил пожертвовать настоящим ради будущего. П.В. Долгоруков писал: «Когда в 1823 году Аракчеев одержал победу над Волконским и заменил его пронырливым и искательным Дибичем, он удалил и Закревского от должности дежурного генерала и убедил государя назначить генерал-губернатором финляндским человека не говорящего ни на одном языке кроме русского. Он надеялся, что Закревский не примет новой должности, но ошибся».[7]

30-го августа 1823 г. Закревский был назначен финляндским генерал-губернатором и командиром отдельного Финляндского корпуса вместо «тишайшего», как пишет М.М. Бородкин,

барона Фаддея Федоровича Штейнгеля (назначен генерал-губернатором 7 февраля 1810 г.). Это было для него совершенно неожиданно. «Возвращаясь из-за границы, - писал он П.Д. Киселеву 20 сентября 1823 г., - неожиданно получил новое назначение в Финляндию и кажется, по желанию немца Дибича, которому желаю царствовать и выводить новых немцев и русские не раз вспомнят князя Волконского… Говорил государю, что буду бесполезен на новом месте; но он требовал, чтобы я туда ехал. Прибывши сюда и увидевши ход дел, тогда решу, что мне надо с собою делать». [8] Назначение Закревского отвечало «духу времени» - вполне определившейся реакции в правящих сферах, совпавшей с началом общественного движения декабристов с политическими идеалами. Инструкция для генерал-губернатора, высочайше одобренной 7 февраля 1811 г., имела две части – одну публичную, другую – конфиденциальную, относящуюся к ведению высшей полиции. Инструкция отражала тенденцию превращения генерал-губернатора из номинального председателя Правительственного совета (с 9 февраля 1816 г. – Императорского Финляндского сената) «во влиятельного его руководителя».[9] В пожеланиях, высказанных Закревскому при назначении, ему предписывалось внушать в жителях края покорность российскому императору, руководить «сердцами и мыслями их не к частному благу, но к общей всей России, нового их Отечества».[10] Независимо от замыслов Александра I, главной задачей на этом посту Закревский видел в ликвидации особого статуса Великого княжества Финляндского.

В последующих письмах Закревский также далеко не восторге от нового поручения. В ответ на одно из его писем, П.Д. Киселев 21 декабря 1823 г. признавал сложность миссии, порученной Закревскому: «Дай Бог тебе успеха в предприятии и достаточной проницательности к отражению всех происков, которые ненависть финнов к русским устремят противу тебя. Не могу скрыть любезный друг, что весьма желал бы видеть тебя администратором русских провинций, где ты полезен будешь для русских и оставишь по себе имя, тогда как в Швеции, кроме скуки, неудовольствия и может быть чего хуже, ничего не получишь».[11]

«Напрасно ты думаешь, - отвечал Закревский, - что я располагаю оставаться в Финляндии. Напротив того, я прежнее имею намерение ехать туда и пробыть назначенное мною время и показать, что я не упрям и готов исполнить волю государя со мною несправедливо поступившего. После двух докладов по Финляндии я еще более убедился, что там полезен быть не могу, и государь никак не полагает, чтобы финны ненавидели русских, тогда как это заметно почти на каждом шагу. Впрочем, в звании моем теперешнем я не могу оказать никакой пользы моему отечеству, а что финны меня хвалить или ругать будут, для меня все равно».[12] Только 9 марта 1824 г. Закревский выехал из Петербурга в Финляндию и начал ее обозрение, начиная с Выборга. 15 марта (5 апреля) Закревский прибыл в Борго, где в своей речи заявил, что будет соблюдать все местные законы и обращать внимание на все, что может принести пользу финляндцам. Он также сказал, что «питает к финляндской нации уважение, которое еще со времени прежнего служения его в сей стране твердо в нем поселилось».[13]

Назначение 37-летнего Закревского генерал-губернатором вызвало оживленный обмен мнениями у финляндцев. Сенатор И. В. Хисингер описал Закревского как человека, стремящегося ввести военные порядки в управлении, как человека чрезвычайно подвижного, справедливого, проявлявшего редкую деятельность, ежегодно объезжая всю страну. Уже после первой поездки он с неудовольствием писал 16 ноября 1824 г. о деятельности своего предшественника, который, по его мнению, с равнодушием немца смотрел на неприязненные отношения финляндцев к русским.[14] Перемены в управлении Финляндии ее жители почувствовали быстро. Канцелярия нового генерал-губернатора работала до десяти часов вечера. Сам Закревский удивлял всех своей необыкновенною неутомимостью в работе. И хотя работа закипела, по мнению финских историков, надежды финнов, он не оправдал, так как совершенно не подходил для «конституционных порядков» края. [15] Как отметил историк М.М. Бородкин, «финляндцы почувствовали, что прошли штейнгелевские времена, когда они делали, что желали, и когда начальник края считал своей первой заповедью вторить во всем Сенату и финляндской Комиссии, чтобы жить со всеми в добром согласии. При Штейнгеле центр тяжести в управлении Финляндии находился в Петербурге в руках статс-секретаря барона Ребиндера. Ограничив его влияние, Закревский взялся за Сенат. Значение Сената теперь существенно сократилось, а докладчик Ребиндер был, отодвинут на второй план, так как случилось, что Закревский сам нередко лично представлял дела государю; а главное Закревский пользовался большим влиянием при дворе и огромным весом в петербургских административных сферах».[16] В то же время, Закревский смог лучше понять Финляндию. Его биограф кн. Д.В. Друцкий-Соколинский свидетельствует, что Арсений Андреевич «любил Финляндию и всегда отзывался с похвалой о трудолюбии ее народа. Когда только мог, он всегда носил мундир финского стрелкового батальона, которого был творцом и который ему был пожалован».[17] За пожертвование финляндским Сенатом и обывателями Финляндии 300 тыс. рублей ассигнациями для пособия жителям С.-Петербурга, пострадавшим от наводнения, рескриптом от 23 ноября 1824 г. ему было объявлено высочайшее благоволение, а 1 января 1825 г. – подарена табакерка с портретом императора, украшенная алмазами…

В мае 1825 г. произошел первый серьезный конфликт между Закревским и Сенатом. Во время пребывания Закревского в Петербурге по его представлению Александр I подписал пять рескриптов о новом разделении губерний, увеличении власти местных губернаторов, предоставления лицам православного вероисповедания права поступать на службу, открытия в Финляндии новой епархии, введения в крае верстовых столбов русского образца. Сенат постановил бумаги перевести на шведский язык и подал всеподданнейшее донесение императору на французском языке с жалобой на действия Закревского. Закревскому пришлось давать объяснения. Поскольку государь находился тогда на юге России и вскоре скончался, спор остался нерешенным.[18]

В 1825 г. при восшествии на престол Николая I, Закревский привел Сенат, должностных лиц и все населенные пункты Финляндии к присяге по общей форме, как во всей России, и тем

фактически считал уничтоженным обособленное положение этой страны. Но Николай I, несмотря на все настояния его, подтвердил постановления Абоского сейма и автономию Финляндии. Граф подчинился распоряжению самодержавной власти; но до конца своей жизни горячо доказывал, что, если бы было поддержано его распоряжение, даже пожертвовав им лично, можно было достигнуть полного слияния Финляндии с Россией.[19] Новый император благоволил Закревскому. 25 декабря 1825 г. ему был пожаловал знак ордена Св. Александра Невского. Затем Высочайшим указом Правительствующему Сенату от 6 декабря 1826 г. Закревский был назначен присутствовать в Сенате. С июня 1826 г. он член Верховного уголовного суда над декабристами, но фактически в его работе не участвовал, хотя и подписал приговор. Считая декабристов государственными преступниками, Закревский, тем не менее, проявлял снисхождение по отношению к тем декабристам, кто первое время отбывал заключение в тюрьмах Финляндии. В то же время, Закревский явно тяготился своими поездками в Финляндию и предпочитал, сколько можно, оставаться в Петербурге. В письме к Киселеву от 27 ноября 1826 г. он пишет Киселеву: «Я еду в Финляндию, государь желает и просит остаться. Я исполняю волю его, и объявил откровенно, что долее сентября я там не останусь. Зимою позволено жить здесь…».[20] Летом 1827 г. с большим неудовольствием Закревский вновь едет обозревать Финляндию.

В 1826 г. на имя императора поступил донос, обвинявший его в политической неблагонадежности. Неизвестный служащий полиции доносил, что, будучи дежурным генералом, Закревский князя П.М. Волконского фамильярно называл «мой брат», а в общении с молодыми офицерами позволял себе сказать «скидайте глупости!» (в отношении шпаг), или спрашивал: «были ли дурачества» (учения). «Сим развратом исполненные выражения, - делал вывод доносчик, - не прекращались и в присутствии Ермолова, в сие время вместе с ним квартированного».[21] Всю вторую половину 20-х гг. Закревский находился под негласным надзором III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.Он, действительно, позволял себе иногда опасные и откровенные суждения даже о царских любимчиках и еще в 1819 г. в письме к гр. П.Д. Киселеву назвал А.А. Аракчеева, «вреднейшим человеком в России».[22]

Буквально сразу же, император обращает внимание и на систему управления Финляндией; манифестом Николая I от 17 марта 1826 г. Комиссия финляндских дел была упразднена (должность статс-секретаря сохранена), а генерал-губернатор и Сенат стали основными звеньями управления. Канцелярия статс-секретаря финляндского была преобразована в Его Императорского Величества Канцелярию финляндских дел, а в делопроизводстве перешли с французского - на русский язык. С 6 сентября 1826 г. возглавлявший ее статс-секретарь стал именоваться министром статс-секретарем. В соответствии с регламентом по правовым вопросам российские власти обращались к статс-секретарю, а по исполнительным – к генерал-губернатору. Финляндия была включена в Петербургский жандармский округ.

Высочайшим рескриптом от 9 июня 1826 г. губернаторам в Финляндии было разрешено своими распоряжениями отстранять от должности провинившихся коронных фохтов, ленсманов и прочих чиновников. Особым циркуляром Закревский потребовал не впускать в Финляндию евреев, которых в 1831 г. во всей Финляндии насчитывалось всего 9 человек.[23] При Закревском получил дальнейшее развитие финский стрелковый батальон, образованный в 1818 г. в Тавастгусе. В 1829 г. он был переименован в Лейб-гвардии Финский егерский батальон. На средства Военного министерства для него были изготовлены пуговицы с двуглавыми орлами, как и у других гвардейских частей. По распоряжению Николая I от 20 декабря 1830 г. батальону был пожалован серебреный орел на штандарт.[24] 19 ноября 1831 г. войска Отдельного Финляндского корпуса были подчинены непосредственно генерал-губернатору. Продолжая выполнять и свои обязанности и по Финляндии, Закревский 19 апреля1828 г. был назначен министром внутренних дел, а через два дня, 21 апреля, - произведен в генералы от инфантерии. Два года спустя; 20 апреля 1830 г. ему были пожалованы алмазные знаки Св. Александра Невского. Пользуясь поддержкой Николая I, Закревский проводил политику централизации и бюрократизации системы управления, ввел строгую дисциплину, стараясь всех держать «в ежовых рукавицах». В августе 1831 г. он представил императору записку «О расположении умов в княжестве Финляндском». В записке, опубликованной в труде М.М. Бородкина, Закревский делал следующие выводы: «В теперешнем путешествии моем из Петербурга в Гельсингфорс и отсюда в Або, Бьернеборг и Тавастгус, я имел случай заметить, что в Княжестве Финляндском тишина и спокойствие вообще сохраняются столько, сколько того всегда желать должно. Если в разговорах и тайной переписке с Швециею изъявляется иногда какое-либо неудовольствие на правительство, то сие происходит как от некоторых неблагонамеренных профессоров и студентов здешнего университета, в чем и статс-секретарь Ребиндер не сомневается, так и от молодых людей среднего класса, напитанных беспокойным духом вольнодумства, разлившемся ныне по всей Европе. Но высший и низший класса финляндского народа искренне преданы правительству, постигая более свои выгоды, каковыми они не могли пользоваться при шведском владении и потому можно сказать, что все здравомыслящие настоящим порядком вещей совершенно довольны».[25] Николай I приказал передать записку А.Х. Бенкендорфу. В ноябре того же года выводы Закревского были подтверждены, совершим поездку по Финляндии Эренстольпом. В связи с поездкой императора в Финляндию в 1830 г. он был возведен в графское Великого княжества Финляндского достоинство. Его Величество, как было сказано в рескрипте, «оказывает сей знак монаршего благоволения тем с большим удовольствием, что оный согласуется с желанием, изъявленным финляндским Сенатом; соединить его Закревского теснейшими узами с согражданами финляндской нации и считать его в числе его сочленов».[26]

4 сентября 1830 г. на Закревского было возложено руководство мерами по ликвидации и локализации холеры на Юге России. В основу своей программы борьбы с холерой Закревский положил создание карантинов, однако эти меры проводились непоследовательно и неумело. Они вызвали большое скопление людей, скота, обозов и привели к еще большему распространению

холеры; в 1831 г. она появилась в Москве и Петербурге. В ряде мест, произошли «холерные» бунты. Обстановка осложнилась с началом польского восстания и Закревский 3 августа 1831 г. он, ссылаясь на здоровье, подал в отставку. Во всеподданнейшей записке от 7 апреля 1829 г. Закревский писал: «Я не искал быть министром»[27] и пытался оправдаться, что неблаговидные о нем толки вызваны с одной стороны непопулярными мерами по предотвращению холеры, а с другой – происками завистливых сановников. Попытки Киселева и Орлова вернуть расположение к Закревскому императора успеха не имели. После переписки, связанной с подбором преемника и новой просьбы Арсения Андреевича об отставке, в рескрипте от 9 октября 1831 г. Николай I написал: «Не могу не согласиться».[28] 19 ноября 1831 г. Закревский формально по собственной просьбе «получил полное увольнение». Пришлось Закревскому почти 17 лет заниматься приведением в порядок имений, доставшихся ему в качестве приданого, и которые, по отзывам современников, стали цветущими.

Мнения современников об Арсении Андреевиче были противоречивы. По характеристике князя П.В. Долгорукова, “Закревский – человек совершенно бездарный и даже тупоумный, чуждый всякой образованности, но довольно хитрый”, “полный тип азиата».[29] В то же время, несколько современников оставили положительные отзывы об этом человеке. Так, служивший при нем А.Ф. Фигнер, пишет: «Хотя мнения о графе различны, но личность его проходит в моих воспоминаниях как светлое явление в моей жизни».[30] Историк М.М. Бородкин пишет: «Высшего образования А.А. Закревский не получил, но обладал здравым практическим умом, большой энергией и сильным характером. Своих целей он достигал всегда прямыми путями и чистыми средствами. Он благороден, скромен и спины своей никогда ни перед кем не гнул».[31] Граф был некрасив, полный и осанистый с характерной позой - рука подпирает левый бок. Лицо графа было гладко выбрито, а нижняя губа выдавалась вперед. В общении с подчиненными он проявлял скорее добродушее и насмешливость, любил над ними подшутить. Однажды дежурный офицер машинально нарисовал характерный профиль графа. Арсений Андреевич случайно увидел, но не обиделся и сказал ласково: «Ничего, ничего, рисуй мои карикатуры».[32] К удивлению офицера, его карьера не прервалась, в следующее дежурство Закревский поинтересовался: «А что запасся карандашами – рисовать мои портреты?».[33] Граф вставал обычно в 5 часов утра, прогуливался по дому в шелковом зеленом халате, затем работал до позднего вечера. Прибывших для доклада офицеров он любил приглашать к обеденному столу, и был хлебосольным хозяином. Его речь отличалась лаконичностью, он больше задавал вопросов, чем говорил сам.

Дочь Закревского – Лидия Арсеньевна в 1847 г. вышла замуж за сына гр. К.В. Нессельроде, Дмитрия Карловича, но брак оказался несчастливым. В то же время, по протекции канцлера Нессельроде и в связи с новой волной революций в Европе 6 мая 1848 г. Закевского, назначили московским военным генерал-губернатором после отставки слабовольного князя А.Г. Щербатова, а 1 ноября того же года – членом Государственного совета. Поскольку он сразу же предпринял

строгие и даже крутые меры, то это не понравилось избалованным москвичам. Своими действиями, граничившими с самодурством, он снискал недобрую память в либеральных кругах, особенно среди подозрительных ему славянофилов. Москве за ним закрепились прозвища «Arsenic I» и «Чурбан-паша». Покровительница А.С. Пушкина, мемуаристка А.О. Россет-Смирнова интригам «Чурбана» приписывала лишение ее мужем Николаем Михайловичем Смирновым должности Калужского губернатора (1845 – 1851 гг.).[34] Светлейший князь А.С. Меншиков много острил насчет строгости Закревского, говоря, что Москва находится теперь в осадном положении. Николай I, узнав об этом, попробовал урезонить князя за его насмешки: «у, можно ли выдумать, что Москва в осадном положении?». «Нет, - Ваше Величество, - отвечал князь. - Я не говорил, что она в *осадном* положении, а только сказал, что в *досадном* положении». – «Ты что не говори, улыбнувшись, отвечал государь, - а надобно согласиться, что Москва наша истинно православная святая». – «И даже, с тех пор, как Закревский ее градоначальник, - сказал Меншиков, - она может назваться и великомученицей».[35] Впоследствии его сослуживец А.В. Фигнер привел горькое признание самого Арсения Андреевича: «Я знаю, любезный Фигнер, что меня обвиняют в суровости и несправедливости по управлению Москвою, но никто не знает инструкции, которую мне дал император Николай, видевший во всем признаки революции. Он снабдил меня бланками, которые я возвратил в целости. Такое было тогда время и воля императора, и суровым быть мне, по виду, было необходимо».[36]

Его деятельность признавалась высшей властью полезной. Он получает все высшие ордена – орден Андрея Первозванного и Св. Владимира 1 степени. Впоследствии Закревский выступал против реформ и освобождения крестьян. 19 апреля 1859 г. он был уволен Александром II от должности московского генерал-губернатора. Непосредственной причиной отставки был скандал, разгоревшийся вокруг дочери А.А. Закревского, которая, не разведясь с мужем, 6 февраля 1853 г. обвенчалась с чиновником особых поручений при Закревском (с июля 1852 г.)– кн. Д.В. Друцким-Соколинским (1833 – 1906 гг.). Именно им был написан впоследствии почти хвалебный биографический очерк об А.А. Закревском. Закревский не только знал о намерениях дочери, но одобрил брак и заставил одного священника под угрозой ссылки в Сибирь, обвенчать их. Он же предоставил молодоженам заграничные паспорта. В декабре 1859 г. Синод признал брак недействительным, и дочь с мужем были вынуждены остаться за границей. После отставки Закревский также оправился за границу и жил в семье дочери. Января 1865 г., простудившись, заболел и умер 11 (23) января 1865 г. Он был похоронен в Италии в семейном склепе в имении Галочето, в 4 верстах от города Прато (Тоскана). Впрочем, слухи о покойном графе еще некоторое время будоражили общество. В печати в 1886 г. появились сообщения, что некий Фролов в 1865 г. заложил в Берлине тело Закревского. Пришлось его зятю кн. Друцкому-Соколинскому опубликовать нечто вроде опровержения и сообщить, что Закревский похоронен вместе с супругой и дочерью в усыпальнице старинной католической церкви в их имении Галочето, освященной

священником церкви русского посольства во Флоренции.[37] После смерти графа его родовое имение было подарено наследниками - женою и дочерью - его племянникам, детям единственного брата Ивана Андреевича Закревского.

В. В. Цоффка

А.С. ПУШКИН И ФИНЛЯНДИЯ

В связи с двухсотлетним юбилеем поэта и трехсотлетием со дня основания Санкт-Петербурга актуальной стала тема «Пушкин и финны». К ней обратились в самом конце XX-го века как финские ученые-русисты, так и российские литературоведы.[38]

Значительную часть своей 37-летней жизни – около двадцати лет! – А.С. Пушкин прожил в Петербурге. Когда будущему поэту было 10 лет, русскими войсками была завоевана Финляндия и указом Александра I от 11(23) декабря 1811 г. присоединена к России в статусе Великого княжества Финляндского. Присоединение целой страны к Российской империи явилось фактом большой политической важности. С тех пор влияние Финляндии на жизнь северной столицы будет ощущаться вплоть до 1917 г. Петербург получит от финнов самобытное название – Pietari, в некоторых своих районах приобретет финские черты, его дома и набережные украсятся финским гранитом. Пушкин в шутку называл Петербург «Чухляндией»[*].

Самоё название города – Санкт-Петербург, данное Петром I, - звучало по-европейски и свидетельствовало о его космополитической природе. Городу, основанному на берегу моря, в устье реки, по мысли Пушкина, суждено было иметь великое будущее. Поэту хотелось верить, что со временем «моря будут соединять земли, которые они разделяют». Эту мысль английского поэта А. Поупа русский поэт передал по-своему: «Все флаги в гости будут к нам, и запируем на просторе».[39] В черновиках та же мысль выражена более прозаично: «И заторгуем на просторе».

Петр I основал столицу в необычном месте:

Он (Евгений – В.Ц.) узнал того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медной головой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался.
(Пушкин «Медный всадник»).

Поэт долго искал слово, чтобы обозначить это место: «у моря», «при море», даже «над морем» и наконец остановился на предлоге «под». «Словарь языка Пушкина» передает одно из значений предлога «под» так: «внизу, у подножья около чего-нибудь возвышающегося непосредственно у края, границы чего-нибудь, в непосредственной близости к чему-нибудь».[40] Этим предлогом поэт хотел подчеркнуть, что город основан на воде, вблизи моря, даже ниже уровня моря.

Водобоязнь Петра в детстве и отрочестве переросла в свою противоположность – в страстную любовь к морю, широкому водному пространству, безмерному разнообразию жизни на воде и на берегу, к стройным кораблям, украшенным парусами, овеваемым воздухом морских сражений и бурь.

---

[*] А Болдино напоминало ему остров, окруженный скалами, т.е. в миниатюре опять-таки Финляндию, в которой он никогда не был (письмо к невесте, Н.Н. Гончаровой, от 11 октября 1830 г. из Болдина).

Акт основания Петербурга породил миф, что новая столица создавалась на пустом, заброшенном месте, не соответствующий исторической действительности. Немалую роль в мифологизации и поэтизации сыграла поэма Пушкина «Медный всадник». Такой взгляд на предысторию Петербурга весьма характерен для поэтического, романтического восприятия города поэтами, писателями и художниками. Ученые отмечали, что таково было и официальное понимание истории Петербурга. Только с течением времени постепенно возникало подлинное, научное понимание истории Петербурга, появившегося на древней Ижорской земле, которая играла значительную роль в жизни древней Руси: Петербург был построен в местах, которые были основательно обжиты.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес …
кругом шумел.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод …
(Пушкин «Медный всадник»)

Петр I стремился положить в основу своей новой столицы природную основу другой страны, без покорения которой Петербург не мог бы состояться. Граф П.А. Шувалов (1777 – 1823), генерал-адъютант Александра I (с 7 мая 1802 г.), на вопрос Наполеона, зачем России Финляндия, отвечал: «Финляндия была необходима России. Это была идея Петра I, который без этого не мог бы установить столицу там, где она стоит»[*,*▸].[41] Как известно, природную основу Финляндии составляют камень (kivi) – гранит (graniitti) и вода (vesi). Именно твердость гранита, по мнению некоторых авторов, повлияла на финский язык, ибо основа речи финнов – каменистая, состоящая из согласных звуков гранитная почва.[42] В русских же словах иностранцам слышался звон меди.

С древнейших времен финны поклонялись камням. Им казалось, что эти огромные замшелые камни, которыми усеяна их страна, упали с неба. Они считали их священными, более того – называли их «вещими».

В черновиках Пушкина к поэмам «Езерский» и «Медный всадник» слово «гранит» – одно из наиболее часто употребляемых: гранит – и украшение города, его цивилизованная оправа, он – и защита города от опасностей, от наводнений.

[▸] Петр I искал на Северо-Западе природную, естественную границу для России, Александр I ее нашел, завоевав всю Финляндию.

[▸*] Ср. с мнением г-жи Ж. де Сталь: «Следовало ли размещать столицу на северной оконечности империи? Этот великий вопрос до сих пор не разрешен; толковать свершения столь грандиозные под силу лишь столетиям». – Жермена де Сталь. Десять лет в изгнании. М., 2003, с. 213.

Петр I как «культурный герой» – демиург, творец, «строитель чудотворный», основал новую столицу, отвечающую идеалам европейского Просвещения, эгоцентрический город, стоящий на краю культурного пространства, на экзистенциальной границе, вопреки всему и всем – стихиям, соседям, неприятелям, традициям собственного народа. Это был вызов всему миру, жест демиурга, стремящегося пересоздать свой народ, и это был жест исключительной силы воли.

Однако город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, по мнению Ю.М. Лотмана, дает двойную возможность своей интерпретации: как победы разума над стихиями и как извращенности естественного порядка, обреченности, гибели.[43]

Ижорская земля (или Ингерманландия, как называли ее шведы), на которой был основан Санкт-Петербург, – это земля и предков Пушкина сразу по двум линиям – отцовской и материнской.[44] В этих местах родилась и няня поэта, знаменитая Арина Родионовна.

Некоторые авторы высказывают предположение, что Арина Родионовна была ижоркой или, по крайней мере, чухонкой.[45] Ижорская земля – это территория, расположенная по берегам Невы и по побережью Финского залива, некогда сплошь заселенная финскими народностями и входившая в состав Вотской или Водской пятины Великого Новгорода. Из четырех ингерманландских племен, а именно: савакотов (Sawakot), эйремейзетов (Auramoiset или Aaramoiset), ингрикотов (Ingrikot), ватьялайзет (Watialaiset – Водь) – последние, по-видимому, были первоначальным населением страны, а карельские ингрикоты, которых просто называли карелами, были первыми из переселившихся сюда народностей.

Слово Ижера (Ижора) встречается в летописи в 1240-41 гг. Этим словом русские обозначали как народность, так и протекающую здесь реку (по-фински Ingerinjoki). Ижорская земля рано вошла в состав Великого Новгорода и быстро заселилась выходцами из русских областей. Здесь находились Ижорский и Спасский погосты Водской пятины.

В Новгородских писцовых книгах встречается погост Никольской Суйдовской, село и деревня Сюида (Суйда), к югу от Гатчины, на левом берегу реки Сюиды, впадающей в Оредеж. Название Сюида (Суйда) носили река, деревня, село, мыза. Оно старинного вотского происхождения и означает «Уздечку». Оредеж - тоже старинное вотское слово, означающее «голову коня». Весьма возможно, что название Суйда было перенесено на эту местность выходцами из другой, давно не существующей Суйды, находившейся на берегу Финского залива (недалеко от Соснового Бора).[46] В книге А.И. Ульяновского «Няня Пушкина» упоминается село Суйда Никольское Неревского конца и сельцо Коприно.[47] Автор книги отмечает, что население Ингерманландии было смешанное: и русское, и финское. Арина (Ирина) родилась 10 апреля 1758 г. в селе Суйде Воскресенское тож, тогда Копорского уезда Петербургской губернии, в вотчине подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Федора Алексеевича графа Апраксина, внучатого племянника знаменитого петровского адмирала Федора Матвеевича Апраксина.

На сайте «Информационного центра финно-угорских народов» при поддержке Информационного агентства «Коминформ» (Россия, Республика Коми) нами была обнаружена рубрика

«А.С. Пушкин и финны». Ниже следовал текст под заглавием «А. С. Пушкин и финны или сказки какого народа слушал юный поэт?», автором которого был Эрюш Вежай.[48] Ссылаясь на книгу Ю. Дружникова «Русские мифы», изданную «Пушкинским фондом», автор находит для себя разгадку финского следа в сказках Пушкина; по мысли Дружникова, няня поэта, Арина Родионовна, по своему происхождению является ижоркой. Дружников уточняет место рождения няни, а именно: деревня Лампово (“lampi” по-фински – пруд, лесное озеро), которая находится в полуверсте от Суйды. Ссылается он при этом на метрическую книгу Воскресенской Суйдинской церкви. До своего замужества Арина Родионовна жила в деревне Лампово, а замуж вышла 2-х лет от роду, в 1781 г, и переехала к мужу в село Кобрино. Однако насколько этот факт достоверен – неизвестно.

По свидетельству Н.И. Грановской,[49] отец Арины Родионовны, Родион Яковлев, мог быть потомком коренных карелов (чуди). Он являлся «приемышем» в семье Петра Полуектова, куда был взят в возрасте девяти лет, мать Арины Родионовны, Лукерья Кирилловна, коренная жительница села Суйда, жила, как отмечает Б.В. Томашевский,[50] среди финнов. По всей видимости, Арина Родионовна имела финское происхождение.

Если предположить, что в те далекие времена деревни состояли из двух концов – русского и карельского (финского) и между взрослым населением не было никаких контактов, то дети этих народов играли вместе. Поэтому Арину Родионовну можно рассматривать как носительницу двух культур – русской и угро-финской в широком смысле слова*. В этом смысле можно считать ее «чухонкой», ижоркой.

Примечателен тот факт, что Пушкин, а вслед за ним и художники, изображают Арину Родионовну курносой, а курносость возможно, является генетической особенностью некоторых финно-угорских народностей. Вспомним портреты «финского царя» Павла I.[51]

Но вернемся к статье Эрюша Вежая. Развивая мысль Дружникова, Эрюш Вежай делает предположение, о том, что сюжеты некоторых сказок заимствованы поэтом у Арины Родионовны, которая сообщила им неповторимое своеобразие.

Действительно, сказки Пушкина совсем не похожи на русские народные сказки, - это сказки новейшего времени, их можно соотнести с безымянными повестями Петровского времени, например, с «Повестью о Василии Кариотском…»: место, на котором развивается действие сказок, – море, что не характерно для русских сказок, в которых подробного описания моря нет. Герои же пушкинских сказок хорошо знают море, морские берега, его обитателей, знают морское дело; для них море – живое существо, наделенное сильными чувствами, воздействующее на развитие событий.

Так за основу «Сказки о царе Салтане» Пушкиным была взята волшебная сказка из народной вепсской традиции «Чудесные дети»*.[52]

* Точка зрения О.И. Коньковой (Музей этнографии и антропологии РАН).

* Вепсы – одна из коренных народностей Северо-Запада. Их предками была народность по имени весь (чудь). По языку они представляют собой прибалтийско-финскую ветвь финно-угорской языковой группы. Они близки карелам, финнам, эстонцам. Сказки вепсов были одним из любимых жанров фольклора, особенно волшебные сказки, которые рассказывали обычно женщины-сказочницы.

Уже в первом большом произведении Пушкина – в поэме «Руслан и Людмила» (1817-1820 гг.) – самый романтический герой – чародей Финн. Рассказ о Финне и Наине (имя, возможно, производное от финского “nainen” – женщина) проходит через все повествование и выполняет важную функцию романтической антитезы в произведении.

По мысли Т.С. Тихменевой, связь финнов с искусством ясновидения и колдовства признавалась всеми народами. Более того, в романтический период истории колдовство приравнивалось к мудрости, знанию тайн жизни.[53] Финны вообще считали мудрость высшим нравственным качеством человека и ставили его гораздо выше мужества и храбрости. Недаром главный герой «Калевалы» Вяйнемейнен не воин, а пророк и поэт.

Русский поэт наделяет Финна такими устойчивыми определениями, как «вещий» – tiettaja, «природный» - umpisuomalainen, «добродетельный» – hyveellinen . Финна можно назвать человеком с финским характером, особым финским нравом (sisu), проявляющимся в достижении поставленной цели – во что бы то ни стало добиться любви Наины.

Известно, что древнейший город Финляндии Або (Турку), по-русски до Петра I «Кабы», до 1819 г. сохранял значение столицы. Славился город и Абоским университетом (с 1640 г.). Примечательно то обстоятельство, что во время войны с Наполеоном в 1812 г. Царскосельский Лицей, в котором учился Пушкин, должен был быть переведен именно в этот город.

Только в 1994 г. стало известно, что поэт плыл с семьей генерала Н.Н. Раевского из Феодосии в Гурзуф не на военном бриге «Мингрелия», а на военном корвете «Або».[54] Корветы имели фрегатскую оснастку – три мачты и прямые паруса. Это были быстроходные судна с одной открытой батареей, имевшие до 20-30 орудий. Капитаном корвета «Або» был тогда капитан-лейтенант И.П. Дмитриев. Именно на палубе корвета «Або» в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. Пушкин начнет писать свое первое «крымское» стихотворение «Погасло дневное светило», в котором сквозным станет мотив обращения к морю и кораблю как символам надежды и душевного обновления.

Об Абоском университете идет речь у Пушкина в статье «О г-же де Сталь и о А. М-ве», опубликованной в журнале «Московский телеграф» в 1825 г. за подписью «Ст. А.» (Старый Арзамасец»).[55] Причиной появления полемической статьи Пушкина была публикация в журнале «Сын отечества» отрывков из книги г-жи де Сталь «Десять лет в изгнании»[56] с замечаниями А.А. Муханова (1800-1834), адъютанта Финляндского генерал-губернатора графа А.А. Закревского. Фрагменты, извлеченные из ее книги, были переведены на русский язык «довольно тяжелою прозою» (Пушкин) и были посвящены описанию Финляндии.

Русский поэт отзывается о французской писательнице тепло, сочувственно и берет ее под защиту от нападок со стороны Муханова. Пушкину больше всего импонирует то обстоятельство, что, по сравнению с другими иностранными писателями, г-жа де Сталь говорит о русских с уважением и скромностью, порицает национальные пороки и болезни осторожно, не выносит сора из избы, не клевещет на русский народ.

В тревожном душевном состоянии переезжала г-жа де Сталь из Петербурга в Швецию через Финляндию осенью 1812 г. И, естественно, не могла ни любоваться, ни наслаждаться красотами северной природы и «картинными» видами Финляндии, которая являла собою для нее лишь «почернелые скалы, дремучие леса и озера», наводившие на иностранную путешественницу уныние, тоску и скуку. Пушкин уведомляет читателя, что «недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии...».

Г-н Муханов, с которым полемизирует поэт, противопоставляет свои впечатления и чувства при изображении Финляндии и красот северной природы и говорит, что так писать о Финляндии, как г-жа де Сталь, не должно и не стоит. Особенно не понравилась Муханову шутка г-жи де Сталь о близости волков и медведей к Абовскому университету. На эту шутку он отвечает шуткой же: «Ужели, - говорит он, - 400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы, В этом случае академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором. Ужели г-жа де Сталь не нашла другого способа отыскивать причин, замедляющих ход просвещения, как перерядившись Дианой, заставить писателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских, по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?..» Муханов нарушал тем самым литературный этикет, принятый в Европе.

Пушкин одергивает Муханова, внушая ему, что перед ним не просто «барыня», а женщина, известная и уважаемая почти всей Европой, и с ней должно говорить и писать языком образованного человека; тон, в котором писал Муханов о г-же де Сталь, казался Пушкину неприличным.

В первой главе «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» Пушкин описал свою поездку с графом Пушкиным и бароном Шернвалем по Военно-Грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис в мае 1829 г.: «Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестию природы… Граф Пушкин и Шернваль[*], смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество реке на Севере гремящей».

В черновиках «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» именно о графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной[*▹] идет речь, когда в Старой Кабарде, на лестнице полуразрушенного минарета, спутники воспроизводят любезные им имена. Имя финской красавицы Эмилии стоит в одном ряду с пушкинским именем: «Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками. Суета сует. Граф Пушкин последовал за мною. Он начертал на кирпиче имя ему любезное, имя своей жены – счастливец – а я своё

Любите самого себя

[▹] Гр. Пушкин – это граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1792-1854), капитан лейб-гвардии Измайловского полка. В мае 1829 г. Александр Сергеевич и граф Владимир Алексеевич неожиданно встретились в Новочеркасске.

Шернваль – это барон Валлен Эмилий Карлович фон Шернваль (1806-1890), брат А.К. Шернваль, Э.К. Мусиной-Пушкиной и Александрины Шернваль, подпоручик Тифлисского пехотного полка, впоследствии статс-секретарь Великого Княжества Финляндского, тайный советник.

[▹*] Барон Эмиль Шернваль-Валлен с 1837 г. был помощником графа Армфельта, министра, статс-секретаря и его преемником в 1876-1881 гг. У него были три красавицы сестры – Аврора, Эмилия и Александрина, которые вместе с братом принадлежали к высшему обществу и привлекали к себе внимание в Петербурге и Хельсинки не только благодаря тому, что были состоятельными землевладелицами, но и личным качествам. Эмилия Карловна вышла замуж за графа В.А. Мусина-Пушкина, который принадлежал к одному из самых знатных и богатых дворянских родов России.

Любезный, милый мой читатель».

(Ср. со стихом из XXII строфы Главы четвертой «Евгения Онегина

Любите самого себя

Достопочтенный мой читатель!

Предмет достойный: ничего,

Любезней, верно, нет его.)

Что касается Александрины Карловны, то она заключила брак с португальским послом графом де Сейсалом, аккредитованным сначала в Петербурге, потом в Париже. И, наконец, самая известная из трех красавиц, Аврора Карловна, была обручена с полковником А.А Мухановым в 1834 г. Но жених ее внезапно скончался в 1834 г. Она вышла замуж за егермейстера двора д.т. советника Павла Демидова, родила сына Павла, будущего князя Сан Донато в Италии. После смерти Демидова в 1846 г. заключила брак с полковником А.Н. Карамзиным, который погибает во время Крымской войны с турками в 1854 г. Поистине Аврора Карловна была «роковой женщиной».

Полковник А.Н. Карамзин принадлежал к тем литературно-салонным кругам, которые были близки ко двору и проявляли живой интерес к Финляндии. В это общество входили и А.С. Пушкин, и В.А. Жуковский, и профессор российской словесности (с 1832 г.) П.А. Плетнев, впоследствии ректор Петербургского университета. Уже после смерти Пушкина, в 1840 г., в связи с торжествами по случаю 200-летия университета, эта группа установила тесные связи с университетскими и литературными деятелями Княжества Финляндского. Жуковский в то время стал почетным финским доктором философии. Именно эта группа послала многообещающего филолога и литератора Я.К. Грота (1812 – 1893) в Финляндию, где для него была открыта профессура.

Как пишет Матти Клинге в своей книге «На чужбине и дома»,[57] в 1830-40 гг. литературная, административно-бюрократическая, военная и придворная жизнь составляла в Петербурге некую цельность, в которой, в общем, просматривалось благожелательное отношение к Финляндии. Надо подчеркнуть, что ранний период правления Николая I был для Финляндии тем временем, когда она нашла свое место в системе Российской империи.

Пушкин никогда не был в Финляндии, не видел водопад Иматру, но его спутники видели его, любовались его видами. «Реке на Севере гремящей…» - цитата из оды Г.Р. Державина «Водопад», изображающей, однако, водопад Кивач на реке Суне. Первоначально в черновиках Пушкина значилось три варианта: «Гр. Пуш<кин> и Ш<ернваль>, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество: 1) «финской» реке; 2) «финдлянке»; 3) «финской наяде над кавказской», т.е. Терек сравнивался с водоскатом Иматрой на реке Вуоксе, но Пушкин решил заменить это уподобление абстрактным образом, взятым из оды Державина, в которой речь идет совсем о другой реке и другом водопаде, что было, на его взгляд, более приемлемым.

Ошибку усугубили составители «Новых материалов к Словарю языка А.С. Пушкина»:[58] «Финляндка (I) (в Сл. I) Перен. о реке…». Но Иматра – это не река, а водопад на реке Вуоксе, а сейчас и название города вблизи этого водопада.

Составители не отметили и орфографическую ошибку во втором варианте – «финдлянка» вместо «финляндка», что, «видимо», было опиской со стороны Пушкина.

Заметим, что в первой половине XIX-го века и в начале XX-го века посещение Финляндии и знаменитого водопада Иматра было чрезвычайно модным явлением. Традицию посещения Иматры заложила в 1772 г. императрица Екатерина II. Кстати, по воспоминаниям ротного командира Баратынского, Н.М. Коншина, в элегии «Водопад» отразились впечатления именно от посещения этого водопада в июле 1820 г. Раньше считалось, что Баратынский описал водопад Хэгфорс, который находился в двух километрах от крепости Кюмень, где пришлось служить Баратынскому, этому «певцу Финляндии» (Пушкин). Элегия Баратынского «Водопад» об Иматре, как указывает Э.Г. Карху, надолго стала объектом восхищения и одним из символов Финляндии в русской поэзии XIX – начала XX вв.

Итак, Иматра – это знаменитый водопад на реке Вуоксе в юго-восточной части Финляндии. Вуокса вытекает из озера Сайма. Название водопада – “Imatra”, “Imatran koski” – восходит к лапландскому названию “Imandra”, к саамскому названию воды, реки, озера.[59]

Водопад – явление звуковое, «шумовое». В XYIII-м веке появилось представление, что речь первых людей имитировала звуки природы. Поэты-романтики пытались, подражая природе, обрести первоязык, и водопад был главным учителем поэзии. Он как бы воплощал в себе новую романтическую теорию речи как места постоянных изменений и трансформации значений. С тех пор поэты стали посещать водопады и говорить: «Я буду учиться поэзии здесь».[60]

Сам Пушкин завещал своим поклонникам прислушиваться к голосу, падающих вод: ему казалось, что почитатели его гения могут услышать его живой голос, «шуму вод подобный»:

…Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный
(Пушкин «Цыганы»)

Финские мотивы проходят через такие произведения Пушкина, как роман «Евгений Онегин»*, поэмы «Медный всадник» и «Езерский», повесть «Гробовщик», стихотворение «Клеветникам России», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…». В незавершенном труде «История Петра I» финская тема станет стержневой, поскольку в ней речь идет о Северной войне России со Швецией (1700 – 1721), для которой Финляндия была житницей и сырьевой базой. Целью Петра I было не присоединение

---

* а) Одним из персонажей романа является Е.А. Баратынский, находившийся в то время в ссылке в Финляндии, к которому Пушкин, сам, будучи в ссылке в Бесарабии, обращается как к поэту-другу. Финляндия и Бесарабия предстают перед читателем как страны изгнания.

б) Примечателен и тот факт, что в финском городе Виипури (Viipuri), у русской дамы Ольги Купрович, находились страницы рукописи Главы шестой романа, имевшие существенное расхождение с каноническим текстом романа. К сожалению, составители и переводчики Комментария к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» не распознали в финском названии города Виппури русского названия города – Выборг (Набоков Владимир. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» СПб., 1998, с. 693).

Финляндии как таковой к России: он считал тогда, что её можно вернуть Швеции, а присоединение Выборгской губернии и Ингерманландии к России, что укрепило бы позицию России на Балтике и обеспечило бы ей выход к морю.

Итак, несмотря на то, что сам Пушкин никогда не был в Финляндии, она явно и незримо присутствует в его значительных произведениях, в поэзии, в его переписке с друзьями, в творческом сознании и осознается в одно и то же время и как экзотическая часть России, и как «заграница» со своеобразной природой, нравами и обычаями её жителей, с самобытной культурой и языком.

Т. П. Тетеревлева

ВАЛЕРИЙ ВИЛЬЯМОВИЧ КАРРИК (1869-1943): ЭМИГРАНТ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В НОРВЕГИЮ

При изучении столь масштабного явления, каким была российская пореволюционная эмиграция, бóльшее внимание традиционно уделяется массовым процессам. Вместе с тем, не только они значимы для понимания особенностей Русского Зарубежья. В настоящее время в связи с постоянным расширением источниковой базы исследований появилась возможность варьировать масштаб изучения, применяя, в частности, метод "социального микроскопа", который позволяет увидеть преломление общих процессов "в определенной точке реальной жизни"[61].

Подобный подход особенно важен для изучения специфики адаптации пореволюционных эмигрантов в различных регионах рассеяния. Его ценность обусловлена, с одной стороны, качественной неоднородностью социо-культурного пространства Русского Зарубежья (существование "центров" эмиграции и "периферийных" колоний), а с другой стороны, признанием индивидуального, личностного характера процессов приспособления к инокультурной среде. В этой связи особый интерес представляет социальный опыт эмигрантов, проживавших в "глухих провинциях"[62] Зарубежной России. Одним из таких изгнанников, чья судьба и типична в плане отражения общей социально-психологической драмы эмиграции, и в то же время уникальна, был петербуржец Валерий Вильямович Каррик.

В.В. Каррик родился 11 ноября 1869 г. в Петербурге в двуязычной семье. Его отец, Виллиам (Вильям Александрович), британский подданный, по профессии художник, — один из первых в России профессиональных фотографов, создатель новых жанров художественной фотографии. Его серии "уличных типов" жителей Петербурга и пригородов, Новгородской губернии, Финляндии получили широкое признание. Мать, Александра Григорьевна Маркелова, журналистка, была известна своими радикальными убеждениями. В.В. Каррик унаследовал от отца художественные способности и вкус, а от матери — приверженность демократическим взглядам и репутацию "убежденного радикала". Так, он находился среди тех, с кем встречался М. Горький во время своего первого приезда из Н. Новгорода в Петербург в 1899 г. В секретном циркуляре Департамента полиции от 18 октября 1909 г. "литератор Валерий Вильяминов Каррик" упоминается как личный знакомый Б.В. Савинкова[63].

Со второй половины 1890-х гг. В. Каррик получил известность как художник и график. В 1905 — 1906 гг. он сотрудничал с сатирическими журналами "Жупел" и "Леший", создав несколько серий карикатур. Затем он стал корреспондентом "Вестника финансов". Каррик получил известность и как писатель, занимавшийся сбором, литературной обработкой и изданием сказок разных народов мира, прежде всего русских народных. С 1909 г. в России стали выходить его "Сказки-картинки" — народные сказки, которые он пересказывал и иллюстрировал. Уже в эмиграции, в последние годы жизни, В.В. Каррик признавался, что именно сбор и сочинение сказок считал своим настоящим призванием.

Каррик с восторгом принял Февральскую революцию 1917 г., считая ее победу торжеством идеалов свободы и справедливости. К приходу же к власти большевиков в октябре 1917 г. Каррик отнесся резко отрицательно, впрочем, как и бóльшая часть либеральной российской интеллигенции. Это неприятие большевиков, их политики террора, жесткой авторитарной власти Каррик сохранял в течение всей жизни[64]. Неудивительно поэтому, что вскоре после октябрьской революции Каррик принял решение покинуть Россию, и уже в декабре 1917 г. он переселился в Норвегию вместе с женой, Ольгой Михайловной.

Так начался новый этап его жизни, в котором ему суждено было стать одной их центральных фигур русской эмиграции в Скандинавии. Ведь во многом именно благодаря В.В. Каррику небольшая колония российских эмигрантов в Норвегии сумела включиться как органичная часть в культурную жизнь русского зарубежья.

При этом следует отметить, что Каррик не являлся “русским беженцем” в строгом смысле слова, поскольку никогда не имел российского подданства — как и у отца, у Каррика было британское гражданство. Валерию Вильямовичу не раз приходилось отвечать на недоуменные вопросы относительно его причастности к России и русской культуре. Вероятно, эти вопросы волновали и самого Каррика. Не случайно в письме к одному из своих друзей он счел нужным подробно объяснить свои взгляды: “Почему я считаю возможным и имею право называть себя русским? Слово “русский” определяет понятие национально-культурного порядка ... Я всю жизнь, кроме последних лет эмиграции, прожил в России, мой родной язык — русский. Все это не только дает мне право считать и называть себя русским, но и лишает меня права присваивать себе наименование, определяющее принадлежность к какой-либо другой национальности ... Я считал себя русским и без формальной пометки в моем паспорте”[65].

В первое время В.В. Каррик с женой проживали в районе Hallingdal, затем в Brandbu. Наконец, они обосновались в небольшом городке Valstad (Вальста) в фюльке Asker, неподалеку от Осло. Друзьям В.В. Каррик писал, обыгрывая название города, что живет теперь в сказочном Китеж-граде[66]. Дело в том, что слово “Hval” в переводе (кит) созвучно названию легендарного древнерусского города, которое, между прочим, намекает на некую ирреальность, “потусторонность” эмигрантской жизни. Кстати, тема Зарубежной России как призрачного “фантастического, тридевятого царства” встречается и у известного эмигрантского писателя Дон Аминадо (А.П. Шполянского). В целом же подобная “символическая русификация” нового места обитания была распространенным явлением, отражая попытки эмигрантов восстановить утраченное пространство родины в хронотопе культуры Русского Зарубежья.

Каррику казалось, что сама атмосфера “сказочного города” подталкивает его к продолжению литературной деятельности. Он начал готовить к изданию сборник сказок с собственными иллюстрациями. Работа над изданием сборника сказок началась, вероятно, в 1921 г. Но Каррик

столкнулся с рядом сложностей, прежде всего финансовых, поскольку ему так и не удалось найти постоянную работу в Норвегии, и жил он на пенсию, присылаемую одной из британских кузин.

Все же через несколько лет сборник удалось издать. Тираж был разослан в разные страны Европы — туда, где оказались разбросаны русские эмигранты. В.В. Каррик получил восторженные отзывы о своей книге, и вскоре к нему начали поступать письма с просьбой выслать экземпляры книжки от представителей эмигрантских учебных заведений. К этому времени в Европе сложилась система русских школ для детей беженцев, целью которых было воспитание детей в традициях русской культуры, сохранение “русской среды”. Безусловно, преподавание родного языка, истории и литературы было важнейшим компонентом такого образования. Одной из проблем, с которой столкнулись русские школы, была нехватка книг, предназначенных для детского чтения. Вот почему появление сказок В. Каррика стало важным событием для русской эмиграции, и в частности, для эмигрантской школы. Каррик получает трогательные письма от русских детей и учителей из Польши, Финляндии, Франции, других стран Европы и мира (даже из Уругвая и Алжира) с благодарностью за “возможность пользоваться русскими сказочками”[67]. Валерий Вильямович отвечал на все письма, в ответ на просьбы бесплатно высылая книги.

Вдохновленный успехом сборника сказок, весной 1932 г. Каррик решил отправиться в “fairy trip” (по его собственному выражению) — поездку с циклом лекций “Жизнь сказки” по странам, где проживало наибольшее число русских эмигрантов. В организации этого путешествия Каррику помогали знакомые из разных европейских стран. В течение 4 месяцев Каррик побывал в разных городах Франции и Великобритании. Он остался чрезвычайно доволен результатами поездки. Талантливый рассказчик, Каррик умел живо и доверительно общаться с аудиторией, и лекции его встречали самый живой интерес у слушателей. Да и сама тематика лекций подкупала своей неангажированностью, возвращала слушателей в сказочный мир безвозвратно утраченного русского детства…

Весной-летом 1933 г. Каррик предпринял еще одну поездку — на этот в Германию и Швейцарию. Третью и последнюю “fairy-trip” Каррик совершил в 1936 г. — по русским колониям Финляндии и стран Балтии.

В эмиграции Каррик продолжил и свою деятельность художника-карикатуриста. В сентябре 1929 г. к нему обратился известный английский историк и политический деятель Б. Пэйрс, который знал В. Каррика еще по Петрограду, и с 1919 г. переписывался с ним. Он договорился с Карриком о публикации его карикатур в своей книге “Russian memoirs”. В итоге были подготовлены 12 карикатур лидеров I и II Дум, а также министров Российской империи. Эти карикатуры Пэйрс назвал “блестящими”[68].

В первые годы своего пребывания за рубежом В.В. Каррик активно включается в общественно-политическую жизнь Русского Зарубежья. В 1918 — 1919 гг. в эмигрантской и норвежской прессе появляется несколько статей В. Каррика о большевиках с резкой критикой антидемократизма и авторитарных начал, на которых строилось новое государство. Вместе с тем, В. Каррик признавал, что

поражение царского режима было закономерным, и не испытывал ностальгии по империи. Более того, Каррик весьма скептически относился к той части эмиграции, которая вынашивала монархически-реставраторские планы. В отстаивании своих принципов Каррик был бескомпромиссен, защищая идеи либеральной демократии как от крайне левых, так и от крайне правых. В эмиграции подобная позиция не раз становилась основанием для разрыва отношений с друзьями и знакомыми.

Первоначально Каррик не хотел ограничиваться в борьбе с большевиками только публицистической деятельностью. В начале 1920-х гг. у него родилась идея агитационно-пропагандистской кампании в Москве, Петрограде и других крупных городах России. Он подготовил текст для нескольких листовок[69], которые предполагалось вкладывать в продовольственные посылки, отправлявшиеся в Россию. Однако вскоре он вынужден был признать утопичность своего замысла. Без широкого круга единомышленников, без организации подобная акция становилась бессмысленной, более того, она подвергала опасности жизни адресатов в России.

Поэтому Каррик основные силы отдает благотворительной помощи интеллигенции, оставшейся в России, прежде всего в Москве и Петрограде. В 1921 — 1923 гг. он стал одним из инициаторов акции “Помощь друзьям”. Идея состояла в том, чтобы максимально дебюрократизировать помощь голодающим русским, и направлять помощь не в “никуда”, а адресно, конкретным людям — знакомым, друзьям, родственникам. Акция должна была проходить в нескольких направлениях: сбор средств для голодающих ученых России; организация денежной и продовольственной помощи интеллигенции Москвы и Петрограда через иностранные представительства; помощь в поиске родственников в России и за рубежом.

Акция нашла горячий отклик. Так, Б. Гофман, руководитель русского балалаечного оркестра в Норвегии, сообщал Каррику 28 мая 1922 г. о том, что 4 мая состоялся концерт в помощь голодающим ученым России[70].

Валерий Вильямович получал немало писем из Москвы и Петрограда с просьбами о помощи. Обращались к нему и эмигранты из разных стран с просьбами разыскать родственников в России и передать им помощь. Квартира Каррика в Вальста стала своего рода штабом по сбору информации и организации помощи русским: он сверял адреса, списывался с дипломатическими миссиями, представителями Нансеновского комитета, Максимом Горьким[71], составлял списки для оказания помощи, налаживал переписку с эмигрантами практически на всех континентах.

Акция “Помощь друзьям” встретила серьезное сопротивление со стороны советских властей. Посылки облагались непомерным налогом, ставились бюрократические препоны к получению финансовой помощи, переписка перлюстрировалась. В конце 1920-х гг. большинство респондетнов Каррика в России были высланы из Москвы и Ленинграда в провинцию, а в начале 1930-х гг. почти все они были репрессированы.

Тем не менее, Каррик и после этой акции не оставил занятий общественно-политической деятельностью. Он пишет статьи в эмигрантские газеты, в том числе крупнейшие: “Руль” (Берлин),

“Возрождение” (Париж). Тематика статей различна: о ситуации в России, о политике большевиков, о жизни эмигрантов в Норвегии. В середине 1930-х гг. центральное место в политической жизни Европы занимает проблема фашистской Германии. Некоторые русские эмигранты увидели в Гитлере прежде всего противника коммунистов и поэтому склонялись к его поддержке. Каррик изначально был лишен таких иллюзий. Он неоднократно отмечал, что не видит разницы между двумя авторитарными режимами. Еще в начале 1930-х гг. он отождествлял Гитлера и Сталина, и повторял, что приход Гитлера к власти в Германии неизбежно приведет к развязыванию новой войны[72].

Вместе с тем, в настроениях В.В. Каррика в конце 1920-х — начале 1930-х гг. происходит определенный перелом. Он начинает с большой осторожностью относится к возможности активного участия эмигрантов в политической жизни. Более того, Каррик резко выступает против политизации жизни рядовых эмигрантов, против политизации эмигрантских организаций. Это наложило отпечаток как на характер его деятельности, так и на отношения с русской колонией в Норвегии.

Так, изначально Каррик активно поддерживал деятельность Русского эмигрантского кружка, созданного 17 декабря 1927 г., целью которого, согласно уставу, провозглашалось “создание аполитичного русского уголка на началах национальных традиций, и улучшения эмигрантского существования кружка в культурном и материальном отношении”[73]. Но практически сразу же после начала деятельности Кружка обнаружились разногласия по поводу возможности участия членов РЭК в политической деятельности. Вскоре “политическая” тенденция победила, и 26 октября 1928 г. на общем собрании был принят новый устав РЭК, в котором одной из целей кружка объявлялось “широкое объединение на началах национальных традиций тех русских эмигрантов, которые считают неприемлемой власть коммунистической партии в России”[74]. В то же время В. Каррик неоднократно отвергал предложения об использовании деятельности Русского Эмигрантского Кружка в Норвегии в целях политической пропаганды. В частности, в ответ на письмо одного из членов РЭКа с предложением следующих тем докладов на заседании: “Успехи строительства русского государства вопреки коммунистической власти”, “Структура будущего российского государства по младороссам” и т. д., он писал: “Темы не вызывают сочувствия ... Наша аудитория, чрезвычайно невинная в понимании вопросов государственно-правового порядка, не имеющая в этой области хотя бы самых элементарных сведений, не должна подвергаться партийно-политическая обработке. Если даже признать, что подобная обработка может иметь смысл, открывающий возможность для политической деятельности, то в тех условиях, в которых находится русская эмиграция, такая обработка бесцельна до нелепости. Единственной ее задачей может быть делание политической карьеры отдельными людьми”[75].

В связи с этим между В. Карриком и руководством РЭК возникли серьезные разногласия. В 1929 г. Каррик отказался занять пост заместителя председателя Кружка, а в 1931 г. вышел из Состава РЭК. Однако это не помешало ему принимать активное участие в работе данного объединения. И после выхода из состава РЭК Валерий Вильямович был основным инициатором

всех мероприятий кружка в сфере культуры. Так, в 1930-е гг. по инициативе В. Каррика кружок начал проводить Русские беседы. С идеей Русских бесед В. Каррик обратился к председателю кружка М.Ф. Престину еще в 1928 г. Как он отмечал в своем письме, на этих беседах "участники… могли бы обмениваться мнениями как по поводу текущих вопросов, так и по поводу вопросов, не относящихся к данному моменту, читать русскую классику"[76]. Тогда же несколькими членами РЭК был подготовлен цикл лекций по русской литературе и истории, а сам Каррик выступил со своей знаменитой лекцией "Жизнь Сказки". С начала тридцатых годов беседы стали регулярными.

В.В. Каррику принадлежала решающая роль в организации и проведении первых дней русской культуры в Норвегии. Он понимал, что в стране, где эмиграция была малочисленной, в День русской культуры особое внимание нужно уделить сообщению о налаживании связей с эмигрантскими колониями в других странах, с тем, чтобы подчеркнуть включенность Норвегии в целостную культурную среду Зарубежной России. Так, в 1930 г. на празднике по инициативе Каррика были торжественно зачитаны приветствия норвежской колонии эмигрантов от эмигрантских объединений Франции, Германии, США, Австралии, Канады, Болгарии, Чехословакии, Финляндии[77]. Кроме того, Каррик осознавал роль этого праздника в распространении идей русской культуры в западных странах. В частности, в речи В.В. Каррика, произнесенной им на Дне Русской культуры 13 июня 1931 г., проводилась идея о возможности обновления "материалистической" культуры Запада духовной русской культурой, чему призваны содействовать и русские эмигранты[78].

Для норвежской эмигрантской диаспоры День русской культуры был одним из тех редких событий, которые позволяли эмигрантам осознать свое культурное единство. В связи с этим значение этого праздника получило такую характеристику в отчете, подготовленном РЭК: "Норвежская столица, по сравнению с другими местами, представляет собой лишь глухую провинцию русской эмиграции, где люди наперечет, где все знают друг друга. Быть может именно поэтому здесь особенно четко сказывается исключительность тех настроений, которые сопутствуют празднованию Дня[79].

В целом В.В. Каррик был известной фигурой в среде русских эмигрантов в Норвегии. И, хотя его отношения с эмигрантами были не лишены противоречий, возникавших как из-за политических разногласий, так и по личным причинам, Каррик все же пользовался любовью и уважением среди русских, проживавших в Норвегии. В числе его наиболее близких друзей была семья Гейнцев — Анатолий, молодой ученый-палеонтолог, преподававший в университете Осло, его норвежская жена и дочь Наташа, ставшая крестницей Валерия Вильямовича.

В.В. Каррик поддерживал контакты и с другими эмигрантами, проживавшими в Осло. Русские, проживавшие в Осло, знали, что 3 раза в неделю в определенные часы Валерия Вильямовича можно найти в Осло, в кафе "Kaffistova" на Rozenkrantzgata, куда он специально приезжал из Вальста для

встреч со знакомыми. Сам Каррик очень трепетно относился к возможности подобного общения. После смерти жены в феврале 1930 г. он все острее чувствовал свое одиночество:

Последние близятся сроки,
Один я в чужой стороне;
Мне близкие люди далеки,
Но дальние — близки мне…

Может быть, именно поэтому он так хорошо понимал настроения других эмигрантов и искренне пытался им помочь. Дружеская переписка с русскими беженцами, разбросанными по всему миру, составляла важную страницу эмигрантской биографии В.В. Каррика. Благодаря акции “Помощь друзьям”, а также дореволюционным дружеским и профессиональным контактам, в эмиграции В.В. Каррик обрел широкий круг респондентов. Он вел переписку с русскими эмигрантами почти из всех европейских стран, а также из стран Северной и Южной Америки, Северной Африки, Дальнего Востока, Австралии, Филиппин. Особое место в переписке Каррика занимают письма выдающихся деятелей русской культуры и общественной жизни. Среди авторов писем, адресованных В. Каррику, можно встретить А. Куприна, С. Рахманинова, И. Шаховского, Ф. Степуна, П. Струве, С. Мельгунова и др.

Доминирующим настроением эмигрантских писем, приходивших на имя Каррика, было чувство одиночества, оторванности не только от родины, но и от других русских за границей. Это ощущение разорванности, “атомарности” существования русских в эмиграции не могли компенсировать ни деятельность крупных общественных эмигрантских организаций, ни центральные периодические издания, такие, как “Руль”, “Возрождение” и др. Не хватало простого человеческого общения, знаний о повседневной жизни друг друга — словом, того, что сближает людей. В.В. Каррик остро почувствовал это и попытался восполнить недостающие связи между эмигрантами. Слово “Связь” стало для Каррика ключевым в восприятии эмигрантского сообщества. Именно связь между эмигрантами, в его представлении, могла помочь эмигрантам не раствориться на чужбине, не утратить русскости. Поэтому В.В. Каррик именно так назвал бюллетень, который решил издавать — “Связь”.

С 1933 по 1936 гг. В.В. Каррик выпустил 15 номеров бюллетеня — это 30 страниц машинописного текста. Материалы для него он черпал из эмигрантских писем и собственных наблюдений. В бюллетене приводились выдержки из писем, пришедших из разных стран, с описанием местных нравов и повседневной жизни эмигрантов, заметки о событиях культурной жизни, краткие справки об эмигрантских колониях, объявления — в общем, информация неформального характера, создававшая иллюзию живого общения. На адрес бюллетеня приходили письма — эмигранты высылали информацию, объявления, просили подписать на бюллетень. И почти никто не догадывался, что редакция этого бюллетеня состояла всего из одного человека — 60-летнего одинокого эмигранта, который сам собирал и редактировал материалы, а затем собственноручно отпечатывал экземпляры бюллетеня на старой пишущей машинке…

Валерий Вильямович Каррик умер в 1943 г., в разгар предвиденной мировой войны. Конечно, его жизненный путь, определявшийся во многом уникальными личностными качествами, яркостью и самобытностью характера, нельзя назвать типичным для эмигрантских колоний северных стран. Вместе с тем, судьба В. Каррика стала своеобразным индивидуальным преломлением и духовных исканий интеллигенции в изгнании, и тех социально-психологических, политических и культурных процессов, которые были характерны для межвоенного Русского Зарубежья.

В. Н. Барышников

К вопросу о различиях в подходе к образованию т.н. «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны»

Во время «зимней войны» 1939-1940 гг. в Финляндии возникла идея начать организационную деятельность, направленную на то, чтобы постараться образовать т.н. «русское правительство». Однако к этой идеи в руководстве Финляндии относились по разному. Более того, взгляды по поводу возможности действий именно в этом направлении менялись на различных этапах войны.

Прежде всего следует отметить, что наиболее решительными сторонниками необходимости образования «русского правительства» были военные. Причем активным приверженцем этой идеи стал, в частности, главнокомандующий финскими вооруженными силами маршал К. Г. Маннергейм. Во многом это было вызвано тем, что он всегда занимал крайне отрицательную позицию в отношении изменений, происходивших в России после 1917 г. Тридцать лет жизни в России и служба в русской армии не могли для Маннергейма пройти бесследно. Как отметил по этому поводу биограф маршала В. Мери, «Маннергейм переживал революцию по другую строну баррикад». В развитии этой мысли подчеркивалось: «Для нее он был смертельным врагом… Он и не пытался понять революцию, как-то исправить сложившееся у него отрицательное представление о ней».[80]

В своих же мемуарах К. Г. Маннергейм отмечал, что в момент революции в 1917 г. его «интересовало, что могли сделать те силы, которые должны были спасти Российское государство». Но он был в данном случае разочарован, поскольку «не было и намека на сопротивление».[81] В целом, очевидно, что начавшуюся советско-финляндскую войну маршал так же мог рассматривать как определенное продолжение того, что не удалось сделать в период революции – постараться свергнуть установившуюся в России советскую власть.

Не удивительно поэтому, что уже в самом начале войны он совершенно определенно предложил «для размышления мысль, что, возможно, могут быть основания образовать где-то вблизи восточной границы ”русское правительство”».[82] Причем его взгляды в данном случае заключались в том, чтобы прежде всего «каким-то образом повлиять на народ России и на посылаемые против Финляндии войска».[83] Иными словами, речь скорее шла о решении задачи, которая предполагала ведение серьезной идеологической борьбы с существующим в СССР строем. Опору же в реализации этой идеи Маннергейм видел главным образом в привлечении эмигрантов, «враждебных советскому правлению», а также и в «других элементов», имея в виду, скорее всего, военнопленных.[84]

Очевидно, было и то, что осуществление подобных целей могло произойти сугубо при условии начала широкого наступления против советской армии и переносе боевых действий на территорию СССР. Однако преход к осуществлению широкомасштабной наступательной операции силами финских

войск в это время был нереален. Подобное могло случится лишь при активном участии в войне против СССР сторан Запада, прежде всего Англии и Франции. Следоватеельно реализация идеи формирования «русского правительства» во многом зависела от дальнейшего хода развития боевых действий и от степени участия в «зимней войне» англо-французской коалиции.

Переговоры же, которые вело тогда финское военное руководство с представителями Англии и Франции, свидетельствовали о серьезных намерениях перейти к наступательным действиям с таким расчетом, чтобы перенести боевые операции в глубь советской территории.[85] Учитывая такой подход финского военного руководства к ведению в последующем боевых действий, понятна была его логика реализации своего замысла. Она выразилась в желании начать разработку не только самих военных операций, но и приступить к конкретному рассмотрению вопроса о заблаговременной организации на финской территории нового «русского правительства».

Но, с другой стороны, весьма важным являлось и то, как к осуществлению этой идеи отнеслось политическое руководство страны. Данный вопрос в какой-то степени мог стать ясным при обсуждении его на заседание Государственного совета. Такое заседание проходило 15 декабря 1939 г. Тогда премьер-министр Р. Рюти сообщил собравшимся о том, что «выдвинута мысль… об образовании Российского альтернативного правительства».[86] При этом он не уточнял, от кого последовало данное предложение. Члены же Государственного совета сами тогда подтвердили, что знают об этой идее.[87] Какого-то определенного, однако, решения по данному вопросу принято не было и это свидетельствовало о двух очевидных вещах. Во-первых, ничего неожиданного для них в информации Р. Рюти не было. В середине декабря 1939 г. мысль о необходимости образования некого альтернативного «российского правительства» получила уже достаточно широкое распространение в правительственных кругах Финляндии. С другой стороны, не все ее тогда одобряли. Это показало обсуждение данной инициативы. Так, в частности, известный и влиятельный политик и государственный деятель Ю. К. Паасикиви сразу же отнесся к этой мысли с большим подозрением.[88] Более того, по наблюдению начальника политического департамента МИД Финляндии некоторые тогда вообще считали подобного рада инициативу «сумасбродной».[89]

Тем не менее именно в министерстве иностранных дел прежде всего размышляли над тем, чтобы тогда приступить к разработке вопроса об образовании «русского правительства». Этим занялся лично руководитель этого ведомства - В. Таннер. Он вовсе не считал идею Маннергейма об образовании «русского правительства» «сумасбродной». Таннер исходил из того, что в мыслях маршала обнаруживалось скорее понимание «крайне сложного положения, в котором находилась страна, чем пригодность самого такого предложения».[90] В этом отношении, судя по имеющимся сведениям, он рассматривал подобную инициативу несколько по иному, чем маршал. Чувствовалось, что Таннер не был сторонником того, чтобы поддерживать в данном случае само русское «белоэмигрантское движение». Для него, как лидера социал-демократической партии, в идее создания такого «правительства» России виделся, скорее, противовес образованному советским руководством

«терийокского правительства» «народной Финляндии». Как он в данном случае подтверждал в своих воспоминаниях, этот «план был предназначен как своего рода ответный удар по правительству Куусинена в Терийоки».[91]

В результате, можно говорить о том, что в это время в финском руководстве сложилось, по крайней мере, несколько различных взглядов по отношению к идее о необходимости образования некого «российского правительства». Существовало, в частности, радикальное крыло, представители которого видели главным образом возможность использовать русских белых эмигрантов, чтобы при поддержке Запада, возобновить в России гражданскую войну и взять в новых условиях реванш за прежнее поражение белых и таким образом добиться в целом «победы над большевизмом». Однако, одновременно с этим существовали еще и те, кто в Финляндии, конечно, не могли разделять взгляды «белого движения», но, поддерживая саму идею образования «русского правительства», рассматривали его лишь как ответный ход в противовес созданию в СССР «правительства» Куусинена. Кроме того, очевидно, что в кругах финского руководства существовали и еще и такие, кторые не заняли определенной позиции в отношении необходимости образования «русского правительства» или вообще рассматривали это отрицательно, хотя понимали, что в безнадежном положении нельзя было бездействовать и поэтому готовы были «принять помощь, хоть от черта».[92]

Естественно, что сторонники образования «русского правительства» пытались как-то координировать в этом направлении свою деятельность. По свидетельству высокопоставленного чиновника МИДа Финляндии А. Пакаслахти, маршал К.Г. Маннергейм звонил тогда из ставки министру иностранных дел, высказывая соображение относительно необходимости создания «у «восточной границы» «русского правительства» из числа эмигрантов. «Немного позднее, - свидетельствоовал Пакаслахти, - один профессор университета посетил меня и, не зная ничего о мысли маршала, пояснил, что можно было бы поставить вопрос о сотрудничестве с Керенским».[93] Об этом также докладывалось Таннеру.

Кандидатура А.Ф. Керенского в данном случае привлекала тем, что этот человек был известен, как решительный сторонник борьбы против советского строя. Более того, у него существовала уверенность, что «в России уже созрели условия» для его свержения. Керенский публично заявлял, что война с Советским Союзом объективно может стать отправной точкой для начала этой борьбы[94] и через своих представителей уже в середине декабря 1939 г. начал согласовывать вопрос о прибытии «в Финляндию радикального русского комитета» во главес ним.[95]

В Финляндии же со своей стороны учитывали еще и то, что создание «русского правительства» могло бы при благоприятных условиях вызвать в России ситуацию, в ходе которой Керенский стал бы «неким объединяющим именем» и одновременно помог бы вцелом «разжечь баталию за Россию».[96] Однако такие представления не совсем отражали истинное отношение к Керенскому в русской эмигрантской среде, поскольку здесь «для одних он слишком прав, для других слишком лев».[97] Более

того, «сама мысль, что представлять собой русское правительство могут люди по выбору» за рубежом вызывала далеко не единую одобрительную реакцию у самих же русских эмигрантов.[98]

Однако сам факт обращения к кандидатуре А.Ф. Керенского воспринимался финским руководством также не без сомнений в целесообразности одобрения ее. Приглашение бывшего главу русского Временного правительства к сотрудничеству с финским руководством демонстрировала бы всему миру, что Финляндия явно намерена оказать поддержку проигранной ранее антибольшивистским движением борьбы в России. А это уже противоречило складывавшемуся представлению о Финляндии как «жертве агрессии». По крайней мере в МИДе с достаточной настороженностью встретили предложение Керенского о сотрудничестве. Это министр иностранных дел впоследствии особо и не скрывал.[99]

Кроме того, по наблюдениям представителей русской эмиграции, в Хельсинки начали опасаться, что попытка создания финским руководством «русского правительства» может еще и осложнить внутриполитическую ситуацию для самой Финляндии. В этом случае, как отмечалось, главным для правительства страны являлось вести «войну национально-оборонительную против русских», а «участие русских, да еще окрашенных в ”белый” цвет, для Финляндии было недопустимо».[100]

В результате в Финляндии стремились найти какую-то иную кандидатуру на руководство «русским правительством», которая не так уж была бы связана с белым движением. В этом смысле весьма предпочтительным выглядел тогда бывший советский лидер Л.Д. Троцкий, находившийся в тот момент в эмиграции в Мексике. К тому же он в вначале войны решительно осуждал руководство СССР, отрыто выступая по радио по поводу начала войны.[101]

Кстати, именно его имя и прозвучало на заседании Государственного совета 15 декабря, когда рассматривалась идея образования «русского правительства». Тогда упомянул о кандидатуре Троцкого сам премьер-министр Р. Рюти.[102] В этой связи, В. Таннер отмечал в своих мемуарах: «Существовало предложение, чтобы мы пригласили Троцкого в Финляндию и предоставили ему небольшую территорию, например, в районе Реболы (Карельская АССР – *В.Б.*), которую передали бы ему для постоянного места нахождения временного правительства России». [103] Очевидно, что для ряда политических и государственных деятелей (особенно представляющих социал-демократов) Троцкой считался более предпочтительной фигурой. Удобным казалось и то, что его уже трудно было как-то связать с белым движением. Но, с другой стороны, он представал как своего рода борец против Куусинена, поскольку прежде, в 20-е гг., между ними была конфликтная ситуация. О. В. Куусинен, будучи деятелем Коминтерна, публично критиковал взгляды Л. Д. Троцкого.

В конечном счете, все это могло в перспективе сыграть свою роль в контексте объединения троцкистов с той борьбой, которая велась в Финляндии против СССР и «терийокского правительства». При том, сторонники в финском руководстве идеи привлечения Троцкого к борьбе против СССР в условиях «зимней войны», стремились лишь односторонне воспользоваться борьбой Троцкого против

Сталина и одновременно, как отмечалось в финской литературе, направить его действия «для ликвидации поддерживающих русскими Отто Вилле Куусинена».[104]

Однако, безусловно, появление в Финляндии идеи образования там «русского правительства» и вера в реальность такой акции могла основываться исключительно на предположении о том, что в СССР уже возникли условия для ликвидации существующего строя. Осуществление этого замысла, естественно, связывалось с предполагавшимся вмешательством в военные действия между СССР и Финляндией других государств. Но на Западе явно не спешили направлять в Финляндию регулярные войска и в результате вопрос о создании «русского правительства» так и осталась в стадии обсуждения и планирования в кругу финского руководства.

К тому же для тех, кто рассматривал создание русского «правительства», как ответный удар по «кабинету» Куусинена уже к началу 1940 г. стало ясно, что это особо теперь и не требуется. В Хельсинки начали понимать, что «правительство» Куусинена играет чисто декларативную роль и не являелось для страны ни существенной внешнеполитической проблемой, ни тем более внутринациональным вопросом. Как отметил историк М. Юлкунен, «довольно скоро прояснилось, что терийокское правительство не станет внутрифинляндской проблемой», ввиду того, что тогда уже «у финнов сложилось понимание, что идет борьба за их национальные права».[105] Следовательно уже отпадала необходимость в каких то особо радикальных действиях с финской стороны. «Русское правительство», как противовес в борьбе с терийокским «правительством», становилось практически не актуальным.

В складывающейся в той обстановке ситуации интерес к созданию «русского правительства» стал ослабевать. Это наиболее заметно было на заседаниях Государственного совета. Здесь во второй половине января 1940 г. идеи такого рода не стремились уже рассматривать. Когда В. Таннер сообщил, что к нему обращается «много эмигрантов как монархистов, так и большевиков» и «все они предлагают свои услуги», то премьер-министр Р. Рюти заметил, что это поддерживать не следует, поскольку «если советская система рухнет, то это не наше дело».[106] Действительно, создавать «русское правительство» в условиях, когда финская армия продолжала вести тяжелые оборонительные бои, а перспективы перенесения боевых действий на советскую территорию в ближайшем будущем не определялись, думать о русском «правительстве» также являлось преждевременным.

Однако утверждать, что в финском руководстве вообще уже отвергли прежнюю идею и ничего не делали с точки зрения необходимости привлечь на свою сторону русскую эмиграцию все же не приходится. То, что работа в этом направлении продолжалась свидетельствует деятельность, которую осуществляло в этом направлении военное руководство страны. К. Г. Маннергейм, судя по всему, не прекратил связей с эмигрантской средой. Свидетельством тому было то, что ее представители впоследствии отмечали, что «наличие во главе финской армии фельдмаршала Маннергейма» обеспечивало тогда «в большей или меньшей степени… помощь нам, как для перенесения этой борьбы

на территорию СССР, так и в отношении помощи материальной, пока мы не стали бы твердой ногой на родной земле».[107]

Показательным являлось более предметное изучение тогда вопроса о необходимости перейти к созданию на финской территории особых русских воинских формирований, которые могли бы затем использоваться на фронте. Данным вопросом занимались тогда и не только военные.

Сама идея создания на территории Финляндии «русской армии» возникла еще в декабре 1939 г. Уже в начале войны в белоэмигрантской прессе появились призывы, чтобы лица, ранее бежавшие из России, участвовали в войне в Финляндии против Советского Союза.[108] Более того, считалось, что возникшая там война открыла возможность для возобновления «нашей борьбы» и явилась, как подчеркивалось «одним из наиболее благоприятных для нас случаев и притом в наиболее выгодных для нас условиях».[109]

Тогда же финское руководство стало получать об этом первые сведения. Так, из финляндского представительства в Таллинне, в МИД было направлено письменное обращение одного из проживающих в Эстонии эмигрантов, входивщих «в руководство русских белых» (финские дипломаты не раскрывали фамилию этого человек). [110] В обращении советовалось: «В первую очередь в Финляндии надо организовать русскую национальную боевую единицу, которая приняла бы участие в боях на фронте». Причем конкретно рекомендовалось далее обратиться для соответствующей помощи к т. н. Русскому общевоинскому союзу, возглавляемомуся бывшим царским генералом А. П. Архангельским, а основу будущей «армии» создать на базе военнопленных, «которые, несомненно, в более или менее крупных массах будут сдаваться в плен или переходить на сторону антисоветских сил».[111]

Несколько позже было подготовлено уже аналогичное обращение непосредственно к Маннергейму. Его лично составил сам Архангельский. В нем выражалось желание белой эмиграции «обсудить вопросы о форме нашего участия» в борьбе против СССР. Причем, как отмечал позже Архангельский, финскому маршалу сообщали, что «наше участие и помощь Финляндии должны были выразится не в виде простой живой силы, а в качестве специалистов разного рода для работы в тылу Красной армии и для поднятия гражданской войны в СССР».[112] Однако тогда финский маршал проявлял определенные колебания и ответил на это обращение тем, что «не видит возможности воспользоваться сделанным ему предложением», хотя при этом и уклончиво намекнул, что «трудно предвидеть, какая возможность для нас может открыться в будущем».[113]

Возможно, данный ответ был связан с тем, что, по мнению Архангельского, «финское правительство, ”ведя борьбу на жизнь и смерть…” /слова Фельдмаршала Маннергейма/ не могло расширить и поставить себе задачей помимо оборонительной и наступательную войну, вызывая гражданскую войну в СССР, как бы это ни было выгодно для Финляндии».[114]

Но к этому следует также добавить, что в Финляндии еще внимательно следили и за тем, как к подобной идее могли отнестись на Западе. А там, русская эмиграция не получала эффективной поддержки в деле создания каких-либо воинских формирований. Как было подмечено в эмигрантской

среде в середине декабря 1939 г. в борьбе «против большевиков» союзники «не хотят пользоваться русским национальным флагом».[115] Более того, по существующему мнению, «чтобы образовался русский отряд, нужно было», как считалось, чтобы в Париже и Лондоне признали «иное русское правительство», которое могло бы «говорить именем России», но, «ничего подобного нет».[116]

Одновременно, пытаясь понять отрицательный ответ Маннергейма на сделанное ему предложение, некоторые бывшие царские дипломаты улавливали здесь и другой международный подтекст этого решения, считая, что за таким также скрывалось «нежелание ссорится с немцами», имея, очевидно, в виду то, что Германия не может желать восстановления «национальной России». [117] Иными словами, монархически настроенные слои белой эмиграции, веря в возрожение прежней сильной России, понимали, что на Западе, также, как и в Финляндии сторонников этого процесса далеко не много.

В целом международный аспект идеи образования русских военнных формирований создавал проблему не только у наиболее решительных сторонников среди белых эмигрантов возобновление проигранной гражданской войны в России, но охлаждало пыл тех в Финляндии, которые были наиболее решительно настроены на поддержку выдвигаемой идеи.

К тому же, сама практическая деятельность, направленная на попытку объединить русскую эмигрантскую среду для создания достаточно боиспособного воинского соединения упиралось еще и в решение ряда практических проблем. Так в частности, для того, чтобы разыскать, а также собрать за рубежом и направить в Финляндию представителей русской эмиграции, способных носить оружие, нужны были значительные денежные средства. Однако таковых не было. Также, как и то, что многие бывшие участники белого движения, уже давно утратили боевые качества и «эту публику пришлось бы учить заново военному делу».[118] Все это делало крайне проблематичной организацию «русской армии».

Более того, в белом движении возникал и иные вопросы: Как в целом рассматривать участие русского воинского формирования в войне на стороне Финляндии? К чему приведет победа, которую Финляндия может добиться с помощью западных союзников? «Будет ли эта война против большевиков или против России»? Имелось ли они ввиду «освободить Россию от большевиков», и только, или же существует цель «поживиться на счет России»? Это были те вопросы, ответ на которые начали тревожить представителей русской эмиграции.[119] Все показывало, что взгляды ее части не во всем совподали с представлениями, утверждающимися в Хельсинки.

К тому же руководство Русского общевоинского союза, которое пыталось наладить контакты с финскими политическими и военными деятелями, само считалось в Финляндии достаточно радикалистским настроенным. Еще до войны это русское военизированное эмигрантское объединение пустило глубокие корни в стране, имея свою сложившуюся организационную сеть и обладая собственными отделениями в Хельсинки, а также в Выборге. Уже тогда в него входила наиболее активная часть бывших русских офицеров, которые решительно выступали против советской власти в России.[120] Это также до некоторой степени могло настораживать Маннергейма.

Тем не менее, несмотря на все эти проблемы, в Финляндии все же решились на создание с помощью эмигрантских кругов особого формирования, призванного превратиться в т.н. «русскую народную армию». Однако это формирование должно было быть образовано преимущественно из советских военнопленных,

В результате в Хельсинки пошли по достаточно оригинальному пути. Согласившись с предлагаемыми услугами представителей Русского общевоинского союза, они всме же в основе будущий «русской армии» видели граждан СССР, оказавшихся тогда в Финляндии в результате начавшихся боевых действий. Более того, к руководству этими «войсками» также, начали пытаться привлечь далеко не только «белых». Явно, ставка была сделана еще и на «советских» эмигрантах, которые покинули СССР уже после окончания гражданской войны в России. Тем самым подобным шагом можно было в меньшей степени давать повод для утверждения, что Финляндия согласившись на создание на своей территории «русской армии», стимулирует тем самым продолжение в России проигранной белым движением гражданской войны. В итоге к работе в данном направлении был привлечен не представитель белого движения, а бывшей секретарь Сталина Б. Г. Бажанов, который выехавший из СССР в конце 1920-х гг.

В сложившейся обстановке руководство Русского общевоинского союза вынужденно было учитывать данные обстоятельства и провести с Бажановым «продолжительный разговор»,[121] после чего они, а также редакция газеты «Возражение» и председатели Высшего монархического союза письменно обратились к Маннергейму. В обращении вновь содержалась просьба поддержать идею организации «русской народной армии», причем маршалу предлогалось поручить ее реализацию непосредственно Б. Г. Бажанову, прося Маннергейма проявить к нему «полнейшее доверие».[122] Объективно, в результате становилось ясно, что, с привлечением Бажанова к реализации задуманного, уже утрачивалась видимость того, что действовали лишь представители «белого» русского движения, что, естественно, должно было больше устроить маршала и финское руководство в целом.

Сама же схема, в представлениях руководства Общевоинского союза, по которой тогда считалось возможным решения задачи создания «русской народной армии» заключалась в трех этапах. Вначале должна была лишь быть налажена среди военнопленных «соответствующая агитация». Затем уже «в случае успеха» этой работы следовало начать создавать небольшие т.н. «русские народные отряды», которых нужно было готовить к партизанским действиям, а также использовать для дальнейшего развертывания пропагандистской работы с целью «привлечения красноармейцев к переходу на нашу сторону для борьбы за свержение советской власти». Лишь только, как это подчеркивалась, на третьем этапе, «при успехе отряды должны были быть развернуты в строевые части ”Русской Народной Армии”».[123]

И вот эта идея и стала активно воплощаться в жизнь. Вопросом переезда Бажанова в Финляндию начали заниматься непосредственно в Хельсинки. 28 декабря 1939 г. в Париж поступило указание от премьер-министра Финляндии Р. Рюти в представительство во Франции с указанием на то, что

Бажанова можно «выгодно использовать».[124] А затем, несколько дней спустя, по линии министерства иностранных дел Финляндии, была передана в Париж секретная телеграмма, в которой сообщалось: «Если нет препятствий, отправляйте Бажанова в путь сразу сюда, к Маннергейму».[125] Иными словами вопросом приезда Бажанова в Финляндию тогда занялись уже отнюдь не военные.

12 января Бажанов прибыл через Швецию в Финляндию и его сразу же переправили в ставку Маннергейма в Миккели. Здесь 15 января состоялась его личная встреча с маршалом. В современной литературе существуют, однако, весьма приблизительные сведения об этой встрече. Так, в частности, исследователь Д. Д. Фролов, без должного критического осмысления воспоминаний Бажанова, ошибочно утверждает, что он вообще прибыл в Финляндию только в феврале 1940 г. Более того, по его мнению, маршал вовсе не был склонен поддержать указанную выше идею, поскольку «скептически отнесся к… затее» образования «русской народной армии».[126]

Тем не менее, имеющийся в наличии фактический материал, все же свидетельствует об обратном: Маннергейм благосклонно отнесся к замыслу организовать «русскую армию».[127] Об этом говорит прежде всего то, что только при позитивном отношении маршала к образованию такого формирования могла действительно начаться работа Бажанова среди советских военнопленных.

Штаб для новой «русской армии» решили разместить в Хельсинки, а русским эмигрантам позволили принять участие не только в проведении в нее вербовки, но также в осуществлении обучения и снаряжения этой «армии». Саму же работу поручили возглавить непосредственно Б. Г. Бажанову.[128] К тому же он имел весьма твердые намерения «идти освобождать Россию… и дойти до Москвы с пятьюдесятью дивизиями».[129] Все это, конечно, при определенных обстоятельствах встречало позитивную реакцию со строны финского руководства в условиях ведения войны с СССР.

Более того, финское военное командование само начало открыто осуществлять вербовку из числа советских военнопленных, которых мыслилось направит в особое русское формирование при финских войсках. 27 января, по указанию генштаба, приступили к выпуску дважды в неделю на русском языке газеты «Друг пленных». Это издание просматривал и Маннергейм.[130] Началась публикация для военнопленных и других газет на русском языке.[131]

Подобные газеты были рассчитаны на идеологическую обработку красноармейцев, которые тогда содержались в специально созданных для них лагерях, а также в т.н. сборных пунктах и даже тюрьмах. Причем число тех, кого попал в плен, оказалось довольно значительным. К концу войны их было свыше 5 тысяч человек.[132]

Однако усилия пропагандистского характера не достигали цели. «Вскоре мы поняли, - отметил А. Пакаслахти, - что советские солдаты имели иммунитет к нашей пропаганде… Маршал был поражен этим новым психологическим складом русских».[133] Сам же Бажанов впоследствии вынужден был признать, что все тогда шло «черепашьим шагом»,[134] хотя причину этого в руководстве Русского общевоинского союза видели главным образом именно в слабой организации печатного слова. Там налаживаемую систему пропаганды для военнопленных считали совершенно не подходящей «ни целям

издания, ни мировоззрению красноармейцев», причем все это было следствием того, по их мнению, что она исходила исключительно от представлений финского руководства.[135] В результате работа, которая продолжалась около двух месяцев, привела к тому, что в рядах «русской народной армии» оказалось лишь несколько сот человек.[136] К тому же для создаваемой «армии» практически не удавалось завербовать надежных командиров. Поэтому, по свидетельству Б. Г. Бажанова, он «решил взять офицеров из белых эмигрантов».[137]

С этой целью по указанию финляндского отдела Российского общевоинского союза в распоряжение Бажанова были приписаны все бывшие кадровые офицеры царского времени, которые тогда проживали в Финляндии. Всех их, имевших офицерские звания, зачислили в финскую армию.[138] Но и это дало мало результатов. К тому же обращало на себя внимание и то, что в Финляндии в армии с крайней нерешительностью пытались использовать русских эмигрантов у себя на службе. Как по этому поводу заметил финский исследователь П. Невалайнен, «в отношении русских эмигрантов в Финляндии были осторожнее, хотя и их брали в состав армейских частей».[139]

Очевидно, что это во многом было связанно с тем, что русское население, которое прживало в Финляндии, находилось в крайне тяжелом положении. Действительно, в условиях, когда бывшие русские генералы и старшие офицеры превращались в этой стране в ночных сторожей, кучеров или рабочих на лесопилках,[140] то от них трудно было ожидать поддержки финляндского правительства. Здесь им явно не доверяли. К тому же в момент начала войны русское население Финляндии подверглось репрессиям. Их представителей начали арестовывать. К началу марта 1940 г. до 40 процентов заключенных, содержащихся в ее тюрьмах, оказались русского происхождения.[141] Более того, перед войной было запрещено ряд русских объединений и обществ, таких как, например, «Общество морских офицеров царского флота».[142] Это тоже не могло не отразится на настроениях в русской среде относительно перспектив поддержки финляндского руководства.

Что же касалось русских эмигрантов, которые проживали в других странах и выражали готовность включиться в создаваемые в Финляндии особые войска, то к этому в кругах финского руководства продолжали проявлять явную настороженость. Ставка, в конечном счете, через МИД сообщила финским представительствам, что не одобряет «включения в финскую армию русских эмигрантов в качестве добровольцев».[143] В результате можно лишь констатировать, что там стали занимать достаточно осмотрительную позицию.

Таким образом формируемые в Финляндии русские «войска» так и не смогли принять участия в боевых действиях. Как идея с созданием «русского правительства», так и отнросительно организации его «армии» оказалось неосуществленной. В целом из имеющего пока в нашем распоряжении комплекса документов видно, что в финском руководстве существовали в принципе различные суждения относительно необходимости образования такого «правительства». При этом сама идея создания «русского правительства» в той или иной форме сохранилась до самого конца войны. Но наиболее радикальные настроения в этом отношении все же прослеживались скорее лишь в ее начале.

Очевидным также было то, что маршал К.Г. Маннергейм оказался одним из наиболее горячих сторонников использования «русского фактора» в борьбе против Советского Союза. Для него это являлось весьма основательным военно-политическим ходом, который при благоприятных условиях мог завершиться серьезными изменениями идеологического характера в соседнем государстве. Однако взгляды Маннергейма при всем при том несколько расходились с другими представителями ведущих государственных деятелей страны. В их среде более умеренные сторонники данной идеи рассматривали инициативу с созданием «русского правительства» всего лишь как своего рода «ответный удар» по «правительству» Куусинена.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

П. А.Кротов

«СОВЕРШЕННЫЙ КАМЕНЬ ВО ОСНОВАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРХА» (ПОЛТАВСКАЯ БИТВА: НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

«Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербурху положен с помощию Божиею»[144], – так оценил Петр I в письме генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину, отправленном в день «преславной виктории» близ Полтавы 27 июня 1709 г., ее значение для судьбы едва родившегося на побережье Балтийского моря российского города. Решающее боевое столкновение ударных сил русской и шведской армий во главе с монархами обеих противоборствующих держав стало поворотным событием Великой Северной войны 1700–1721 гг. Исход битвы – убедительный разгром страшных в своем натиске полков каролинцев 27 июня 1709 г., пленение остатков шведской армии вторжения 30 июня на Днепре и бегство Карла XII с несколькими сотнями соратников в пределы Османской империи – возвестил Европе: Россия, преобразованная в ходе широкомасштабной государственной реформы Петра I, располагает необходимым военно-экономическим потенциалом для того, чтобы нести бремя великодержавия, и отныне будет играть одну из ключевых, структурообразующих ролей в международных отношениях европейских стран.

Как это ни неожиданно на первый взгляд, но углубленное изучение битвы с неизбежностью подводит исследователей к большому числу «белых пятен» по самым существенным вопросам ее истории, выяснение которых способно заметно изменить общую картину. Нельзя не согласиться с мнением современного историка: «Изучение Полтавской «преславной баталии» отнюдь не закончено. Многие ее аспекты требуют более детального, кропотливого исследования с привлечением всех источников, как русских, так и зарубежных»[145].

Едва ли не центральный для изучения хода и исхода битвы, полководческого искусства, военно-экономических потенциалов стран вопрос – определение численности личного состава сошедшихся в решительной схватке русской и шведской армий, соотношение сил, сосредоточенных обеими сторонами под Полтавой, и в том числе выведенных на поле битвы.

Вплоть до конца XX столетия при решении ключевого вопроса о численности русской армии в Полтавской битве историки пользовались методикой расчета, исходившей из штатного состава конных и пехотных полков (вводя поправки на их неполное укомплектование). Безусловное преобладание в отечественной литературе XX столетия получили подсчеты П.П. Карцова, опубликованные еще в 1851 г.[146] Обычно в научных трудах воспроизводится только их итог: 42 000 чел. регулярной пехоты и конницы – при этом ссылки, как правило, даются на более современные публикации. Еще А.К. Пузыревский обратил внимание на неточность исходной базы сведений П.П.

Карцова о численности участвовавших в битве русских войск (58 батальонов пехоты и 17 конных полков), указав, что следует учесть первоначальное сосредоточение в линии баталии 24 конных полков, из которых 6 были отряжены в глубокий тыл неприятеля для обеспечения связи с казацкими полками гетмана И.И. Скоропадского еще до начала движения русских войск с целью атаки главных сил шведов. Опираясь на предположение П.П. Карцова об усредненной укомплектованности конных полков в 800 всадников, а пехотных батальонов в 500 чел., А.К. Пузыревский предложил оценивать численность российских регулярных войск в 47 500 чел.[147] Подчеркивая приблизительность такого рода подсчетов, современный историк К.Ю. Гломозда заключил, что «этот важный аспект Полтавской битвы еще требует доработки в исторической науке»[148].

От оценочного уровня изучения численности русских войск при Полтаве к поиску и введению в научный оборот архивных материалов с точными сведениями о личном составе полков, участвовавших в битве, по сути, первым перешел в напечатанной в 1989 г. статье А.А. Васильев[149]. Новый подход привел к получению принципиально иного итога: совокупная численность российской армии, задействованной в Полтавской битве, доходила до 60 000 чел., причем исследование выявило именно предварительный характер полученного результата, разрозненность наличной источниковой первоосновы расчетов, необходимость продолжения поиска новых данных полкового учета – самого надежного вида документации. Ученый посетовал, что при изучении только использовавшихся историками XVIII–XX вв. материалов о Полтавской битве «точную численность… войск определить невозможно, так как соответствующая ведомость среди архивных документов не обнаружена»[150].

Именно выявление в архиве такого рода ведомости, ее сопоставительный анализ с другими источниками позволяют продвинуться дальше в исследовании этого важнейшего вопроса. Ведомость озаглавлена «Табаля (табель. – *П.К.*) войску русскому»[151]. Она сохранилась среди документов русского посольства в Копенгагене и имеет приписку, объясняющую ее происхождение: «Такова табуля прислана от князь Александра Даниловича (Меншикова. – *П.К.*) 25 марта 1711 в Копенгаген с почты». Ведомость открывается словами: «По Полтавской баталии было». Далее приведена численность регулярных конных и пехотных полков российской армии на день завершения битвы и данные об их составе в 1711 г. («а ныне», «ныне есть», «ныне суть»).

Сопоставление численности полков, указанной в «Табели войску русскому» (будем называть ее для удобства с соблюдением современной орфографии), с известными данными полкового делопроизводства позволяет заключить, что в ней приведен так называемый «списочный» состав полков, включавший пребывавших «в посылках», «в отлучках», находившихся на излечении при полках раненых и больных, но при этом только строевых, не включая вспомогательный и обслуживающий персонал.

Итак, какой же итог дают подсчеты «списочного» строевого личного состава русских войск в кульминационной, второй, фазе битвы, непосредственно на поле перед русским укрепленным лагерем?

Перечень и порядок расположения российских полков указаны на выполненном в Нидерландах Я. Кайзером по заказу правительства Петра I гравированном плане Полтавской баталии в схематическом «Ордере дебаталии войск российских и свейских»[152]. Арифметическое сложение численности всех 19 пехотных полков, составлявших первую и вторую линии российских боевых порядков на полтавском поле (2-я фаза битвы), дает 21 325 чел. К ним следует прибавить 712 павших на протяжении всей битвы пехотинцев – такая общая численность павших названа в «Обстоятельной реляции о главной баталии… учинившейся неподалеку от Полтавы». Общий итог: 22 037 чел. «списочного» личного состава. Если не учитывать числа павших (оно отдельно по всем полкам не известно), то в 4 полках гвардейской бригады (Преображенский, Семеновский гвардейские, Ингерманландский и Астраханский) имелось 8505 чел., 3 полках гренадер – 2126 чел., 11 солдатских полках – 10 694 чел.

Кавалерии перед встречным ударом двух армий на поле у русского ретраншемента, по «Табели войску русскому», было в12 полках правого крыла 9824 всадника (в том числе в 3 полках конных гренадер 2800 бойцов); в 6 драгунских полках левого крыла – 5339 чел. Всего же в 18 конных регулярных полках на час завершения битвы «по спискам» насчитывалось 15 163 всадника; на начало битвы (с учетом потерь павшими, по «Дневнику военных действий Полтавской битвы», 625 кавалеристов) – 15 788 чел. Суммарная же «списочная» численность регулярной пехоты и конницы в двух линиях русского боевого построения на поле битвы, согласно «Табели войску русскому» (включая 1346 павших в битве, согласно «Дневнику»), равнялась 37 834 чел.

Не только «списочный» состав, но численность действительно участвовавших в битве всадников регулярных кавалерийских полков дает возможность установить другой неопубликованный документ из бумаг Походной канцелярии А.Д. Меншикова. Это написанная на одном листе «Ведомость нижеписанных драгунских полков, которые были при Полтаве: сколко ундер-офицеров, капралов и драгун было на баталии и что ис того числа побито и затем ныне при полках»[153]. Ведомость черновая (есть исправления чисел); часть листа оборвана с краев или осыпалась от ветхости. В ней четыре столбца. В первом («Регименты») перечислены 29 задействованных в Полтавской битве регулярных конных полков (включая 3 конно-гренадерских). Во втором столбце («На баталии было, кроме росходу») указана численность бойцов каждого полка, непосредственно сражавшихся во время битвы. Третий столбец («Ис того числа побито») показывает количество павших в баталии по каждому полку, и четвертый («Ныне при полках по спискам») – «списочный» состав полков на время окончания битвы за вычетом убитых.

«Ведомость… драгунских полков» (будем для краткости именовать ее так) не имеет ни даты, ни подписи. Вместе с тем ее характер говорит в пользу того, что подготовлена она была для А.Д.

Меншикова, командовавшего в битве кавалерией, на основе перекличек личного состава полков, поиска тел погибших и сведений из полковых канцелярий во второй половине дня 27 июня. Если спустя несколько часов после завершения битвы А.Д. Меншиков еще только приближенно «его царскому величеству под клятвою доносил, что более пяти- или шестисот упадку в кавалерии нет»[154], то 28 июня 1709 г. генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев огласил точное число погибших в битве: 1346 чел.[155] (625 кавалеристов, 712 пехотинцев и 9 артиллеристов). Число павших кавалеристов в «Ведомости… драгунских полков» (625 чел.) совпадает с одним из слагаемых общей численности потерь, озвученной Б.П. Шереметевым 28 июня. Кажется невероятным, но как в архивном подлиннике «Ведомости» внизу утрачен (оторван) фрагмент с указанием числа погибших в Новотроицком полку и объединенных в драгунский полк Воронежском и Раненбургском «шквандронах», так и на выполненном в первой половине XVIII в. списке «Ведомости» в соответствующем месте, где было повреждение, имеются пробелы, и потери по этим двум полкам (а они действительно были)[156] не вошли в итоговое официальное число погибших, что однозначно свидетельствует: Б.П. Шереметев получил от А.Д. Меншикова 27–28 июня 1709 г. сведения о потерях кавалерии, основывавшиеся именно на том «дефектном» документе, что хранится ныне среди бумаг светлейшего князя в архиве.

Таким образом, «Ведомость… драгунским полкам» представляет собой ценнейший, уникальный в своем роде документ. Согласно ей, как показали подсчеты, на поле перед русским лагерем в 12 конных полках правого крыла реально находились 7709 чел.[157] («ис того числа побито», по «Ведомости», 307 чел.) и 4459 кавалеристов в строю 6 драгунских полков левого крыла (из них 126 павших) – всего 12 168 чел. (из их числа 433 чел., согласно названной «Ведомости», погибли в бою), то есть значительно меньше, чем по «списочной» численности (15 788 чел.).

В ходе битвы по распоряжениям Петра I был предпринят глубокий охват шведской армии с флангов двумя сильными отрядами кавалерии: с правого фланга в обход шведов двинулись 6 драгунских полков генерал-майора Н.Ф. Волконского, с левого фланга к Полтаве – 5 конных полков генерал-поручика И.К. Хейнске. Наименования этих 11 конных полков и численность личного состава, непосредственно участвовавшего в деле, определяются при сопоставлении «Ордера дебаталии» гравюры Я. Кайзера и называвшейся неопубликованной «Ведомости … драгунских полков»: Азовский («на баталии было, кроме росходу», то есть не считая бывших в отлучке, больных и нестроевых, 520 чел.), Воронежский и Раненбургский «шквандроны» (объединены в полк; 503 чел.), Казанский (777 чел.), Каргопольский (710 чел.), Новотроицкий (963 чел.), Рязанский (695 чел.), Санкт-Петербургский (723 чел.), Смоленский (992 чел.), Тверской (667 чел.), Троицкий (771 чел.) и Ямбургский (617 чел.) – всего 7938 чел. Потери погибшими по 10 из 11 названных полков составили, согласно «Ведомости» и полковому архиву Новотроицкого полка, – 206 чел.[158] (по Воронежскому и Раненбургскому «шквандронам» число павших неизвестно: ведомость имеет утрату, оторван фрагмент листка).

Не отмечен в литературе и факт участия в первой и второй линиях правого крыла боевого построения россиян на решающей фазе битвы нерегулярной конницы – «казаков, калмыков и татар» – их наличие на краю правого фланга зафиксировано на созданной вскоре после баталии рукописной карте[159].

Не менее значим для исследования генеральной баталии и вопрос об артиллерии на поле брани 27 июня 1709 г. Выход из печати в 1959 г. трудов Е.Е. Колосова[160] привел к почти полному исчезновению со страниц последующих исторических публикаций существовавших в историографической традиции XVIII – середины XX в. данных о задействованных в битве с русской стороны 69, 70 или 72 орудиях. Историк ввел в оборот надежные сведения, извлеченные из Архива Артиллерийского музея, что в битве при Полтаве россияне обладали не только 32 полевыми орудиями разных калибров и 37 полковыми пушками 3-фунтового калибра (всего 69 пуш.), о чем упоминалось во множестве исторических работ, но, сверх этого, также и 20 артиллерийскими орудиями гвардейской бригады и 13 пушками драгунских полков – всего 102 орудиями[161]. Эти цифры оказались усвоенными отечественной и зарубежной историографией и воспроизводятся во многих трудах как застывшая данность[162].

Ранее, в 2002 г. автором введены в историографию сведения об еще 20 артиллерийских орудиях, находившихся на вооружении российских пехотных полков – участников Полтавской битвы. Это 20 чугунных мортир 6-фунтового калибра, представлявших по конструкции орудия 3-фунтового калибра (76 мм) с приделанными к завершению дульной части стальными цилиндрами 6-фунтового калибра. Такие орудия, изобретенные артиллеристом В.Д. Корчминым, позволяли вести стрельбу как 3-фунтовыми ядрами (либо картечью), так и бросать гранаты 6-фунтового калибра[163]. Более того, в Ингерманландском драгунском полку, находившемся на Полтавском поле на левом крыле боевого построения, выявлены помимо 3 пушек 3-фунтового калибра (они входят в число учтенных выше 13 орудий драгунских полков), по архивной ведомости, 4 мортиры вышеназванного типа с общим боезапасом в 100 «мартирных чиненых ядер»[164].

Е.Е. Колосов упоминал, что драгунские полки имели на вооружении, помимо 13 конных 2- и 3-фунтового калибра орудий на станках[165], также и 3-фунтовые мортиры на вьюках[166], – так называемые «мортиры с седлы и приборы», причем их было «значительное количество»[167], но какое – историк назвать не смог и не включил сведения об этих орудиях в суммарные данные о русской артиллерии в Полтавской битве. Выявленные архивные данные показывают, что начиная с 1705 г. в российской полевой армии имелось всего-навсего одно такое конно-вьючное орудие – «седло драгунское с пахви (пахви – ремень с петлею от седла к хвосту лошади, подхвостник. – *П.К.*), и с подпругами, и стременами, и с перстью (ветошью.– *П.К.*), и с мартиркою чюгунною 3-фунтовую», «седло с мартирком и со всем прибором»[168]. Имеется отрывочное известие, что в сентябре 1708 г. в пехотный полк полковника М.Б. Шереметева (в том же году он стал именоваться Астраханским солдатским[169]) было отпущено, надо полагать, именно это «седло драгунское с станком железным с подпругами,

стременами, с перетки и с пахви и с мартиркою чугунною трехфунтовою»[170]. С определенной долей условности названное конно-вьючное орудие следует включить в суммарный подсчет: Астраханский полк участвовал в битве в составе гвардейской бригады.

Итак, на настоящем этапе исследования общее количество артиллерии русской армии у Полтавы на время битвы следует определить так: не менее 127 орудий. Одновременно очевидна и исследовательская перспектива по этому вопросу – поиск новых сведений о вероятном наличии 6-фунтовых мортир как в гвардейской бригаде, так и драгунских полках.

Многочисленной русской артиллерии в баталии при Полтаве противостояло всего лишь 4 шведских 3-фунтовых пушки, при которых были 4 повозки с боеприпасами и около 30 артиллеристов[171]. Эта традиционная для отечественной и зарубежной историографии точка зрения иногда дополняется спорными утверждениями, что эти орудия были предназначены лишь для подачи сигналов[172], что всех их шведы не смогли провезти за линию редутов и что они были захвачены при разгроме 6 батальонов К.Г. Рооса на первой фазе битвы[173]. Последнему заключению противоречит еще не использованное в ученых трудах известие «сказки» прапорщика Шлиссельбургского полка, стоявшего в самой середине боевой линии русской пехоты на второй фазе битвы, М. Мелентьева от 25 марта 1720 г., что он на генеральной баталии у Полтавы «был впереди перед фрунтом» своего полка и «взял с пушки 3 знамя (знамени. – *П.К.*) шведских»[174].

В трудах Е.Е. Колосова появилось[175] и повторено А.А. Васильевым[176] утверждение, что всего шведы располагали близ Полтавы на день битвы не 35 артиллерийскими орудиями (4 в бою, остальные в обозе), но 41. Природа ошибки Е.Е. Колосова вскрыта в новейшей публикации: историк не учел, что из 41 трофейного шведского орудия 6 были захвачены до битвы, 2 и 3 июня 1709 г., защитниками Полтавской крепости[177].

Удалось коснуться лишь некоторых недостаточно изученных вопросов истории одной из самых знаменитых битв мировой истории, но исследовательская перспектива вычерчивается вполне ясно – введение в научный оборот новых архивных материалов и их скрупулезный анализ.

А. А.Стерликова

ПЕТЕРБУРГ - СТОКГОЛЬМ: ПОИСК МИРА (1716 – НАЧАЛО 1718 гг.)

Тайные переговоры о мире между Россией и Швецией, начавшиеся летом 1716 г., велись по обычаю дипломатии XVIII в. не в Петербурге или Стокгольме, а в европейских столицах (Гааге, Париже, Лондоне). К 1716 г. не только русская сторона желала завершить Северную войну, но и в Швеции постепенно пришли к выводу, что надо заключить мир с кем-нибудь из своих противников. Начавшиеся переговоры волновали многие европейские дворы. Участники антишведской коалиции (Дания, Пруссия и Польша) были обеспокоены слухами и предположениями, особенно усиленно распространяемые английскими и ганноверскими министрами, касающимися намерений русского царя заключить сепаратный мир с Карлом XII в обход своих союзников. Петра I обвиняли не только в том, что он хочет предать интересы членов Северного союза, подписать мир на условиях, выгодных только для России, но так же в желании царя завоевать некоторые северогерманские территории.[178]

В действительности, основной задачей, поставленной Петром I перед русской дипломатией с 1716 г., являлся поиск путей выхода из Северной войны. Для этого было необходимо преодолеть сопротивление своих же союзников и нежелание крупных европейских держав видеть Россию победительницей в войне, и, кроме того, сломить упрямство самого шведского короля. Основным политическим противником Петра I в этом вопросе стала Англия, которая опасалась растущей силы России и не хотела видеть какого-либо соперника на Балтике. Английский король Георг I неоднократно вмешивался в северные дела, предлагая, то военный, торговый и политический союз Петру I, то, пытаясь выступить посредником между воюющими державами. Однако, реальной помощи от Англии Россия так и не получила ни в военном, ни в дипломатическом отношении. Интриги же английских дипломатов против русского царя не прекращались, они то и дело пытались обвинить Петра I в сепаратных переговорах, желании захватить чужие территории, чтобы настроить против России её союзников, особенно Данию и Пруссию. В таких непростых условиях русской дипломатии предстояло отстаивать свои интересы. Для этого Петр I и его министры использовали различные методы: начиная с военного давления на Швецию (попытка союзного десанта в Сконию) и поиска посредника в Европе для урегулирования северных дел и заканчивая тайными переговорами со шведами о мире.

В начале 1716 г. Петр I планировал осуществить вместе с Северными союзниками высадку на шведскую территорию, в Сконию, чтобы таким образом принудить Карла XII подписать мир. Дипломатическая и военная подготовка десанта заняла всю весну и лето 1716 г., но из-за проволочек датской стороны Петр I был вынужден отложить операцию. Это решение русского царя спровоцировало дипломатический кризис осенью 1716 г. Стоит напомнить, что тогда Петра I обвинили в попытке захватить Копенгаген и чуть ли не всю Данию.[179] Некоторые исследователи считают, что разразившийся скандал явился толчком для русско-шведских переговоров о мире.[180]

Возможность начала русско-шведских переговоров о мире появилась уже летом 1716 г., во время второго заграничного путешествия Петра I. Если русский царь уже в 1714 г. думал о завершении войны в ходе военной кампании 1714 г., то Карл XII никак не хотел понять, что война проиграна им окончательно. И только в 1716 г. голштинскому барону Г.Х. Герцу на шведской службе удалось склонить Карла XII начать переговоры с Россией. Г.Х. Герц, конечно же, пытался найти путь выхода из войны с наименьшими потерями для Швеции: уступить Петру I уже завоеванные им земли, чтобы попытаться удержать шведские владения в Германии. Летом 1716 г. Г.Х. Герц вступил в переговоры с петровскими дипломатами, пытаясь выяснить требования русской стороны во время пребывания русского царя в Пирмонте (июнь 1716 г.), однако тогда Петр I не дал ответа, так как возлагал большие надежды на готовящийся союзный десант.[181]

Переговоры между двумя воюющими сторонами продолжились уже осенью 1716 г., когда стало ясно, что десант на шведскую территорию не состоится. Шведский король в октябре прислал полномочия своему министру Г.Х. Герцу трактовать и заключать «все то, что до нашей пользы... касается».[182] Карл XII обещал признать все условия, которые подпишет барон Г.Х.Герц. Последний развернул бурную деятельность в Гааге, пытаясь привлечь к переговорам старинных союзников Швеции - французов. По прибытии в Голландию (в декабре 1716 г.) Петр I не оставил попыток поиска путей выхода из войны. Ходили слухи о намерении Петра I продолжать тайные переговоры о мире со Швецией. Из переписки английских дипломатов осенью 1716 г. можно сделать вывод, что англичане вполне ожидали начала русско-шведских переговоров после размолвки Петра I с союзниками из-за неудавшегося десанта в Сконию. Так же они подозревали, что Россия может заключить договор с Францией.[183]

В самом процессе переговоров между воюющими сторонами немаловажно отметить то, как Петр I и его дипломаты отстаивали право России на обладание отвоеванных у шведов территорий. Условия, на которых русская сторона желала заключить мир, были выдвинуты Петром I ещё в 1714 г. во время Брауншвейгского конгресса. За Россией должны были остаться «в полном самодержавстве области и провинции, завоеванные, которые принадлежали всегда короне великороссийской, и которые корона шведская присвоила к себе неправедно в прошедшем веке против трактату, а именно провинции Ингерманландию и Корелию со всеми городами и крепостями к тому принадлежащими, так же город Нарву, Ревель со всею провинцией Эстляндскою в употребление наследственных его царского величества во время целого века останется, и чтоб в безопасности от нападения шведского город Выборг». Так же в 1714 г. Петр I хотел оставить часть Финляндии «чтоб в заплату великих потерь... уступить с стороны короны швецкой часть Финляндии, даже до города Гелзинфорс». Ригу и Лифляндию Петр I хотел отдать польскому королю «в свидетельство своей к нему имеющейся) дружбы, також де дабы и особливо показать всему свету, что его намерение не есть завоевать многие государства».[184] Эти условия несколько изменились к 1716-1717 гг., неизменным осталось то, что Петр I

всегда оговаривал интересы своих союзников. Поэтому все обвинения в адрес русского царя, связанные с сепаратным договором, несостоятельны.

1717 г. оказался более удачным в международных делах для России. Видимо, причина в том, что русская дипломатия активизировала свои действия, направленные на поиск выхода из войны дипломатическим путем. Петр I не просто продолжал вести переговоры со шведскими представителями, он пытался найти посредника для заключения мира и оказать дипломатическое давление на Карла XII. Для этого он отправился во Францию весной 1717 г., чтобы убедить французское правительство не оказывать больше помощи шведскому королю. Царь надеялся, что Швеция не только лишиться своего единственного союзника (Франция помогала Карлу XII субсидиями), но что Франция станет посредником между Россией и Швецией в переговорах о мире. Русская сторона пыталась использовать для достижения своей цели и тайные дипломатические каналы. Речь идет о связях русской дипломатии с яковитской партией в Англии. Сторонники Якова III Стюарта неоднократно пытались осуществить в Англии переворот и свергнуть представителя ганноверской династии Георга I. Один из таких заговоров был раскрыт в начале 1717 г., причем в нем приняли деятельное участие шведы. Карл XII всячески оказывал содействие представителям партии яковитов. Существует много противоречивых свидетельств, что якобы Петр I не только знал о существовании заговора, но и принял в нем участие. Некоторые отечественные историки полностью отрицают связь русской дипломатии с яковитской интригой.[185] Однако подобное мнение ошибочно, ведь существует немало подтверждений того, что Петр I и его министры не раз встречались с деятелями яковятской партии. Другое дело, что целью русского государя не было свержение Георга I с английского престола, видимо, он хотел через этих представителей попытаться оказать давление на Карла XII, чтобы принудить того к миру. Князь Б.И. Куракин, который всегда был в центре европейской дипломатии, писал в своем «Введении о главах в Гисторию» о «начатии интриг барона Герца в интересе претендента с нашим двором и у нас с претендентом через дохтура Аретина».[186] Существуют свидетельства о встречах Петра I и его помощников с такими видными яковитами, как герцог Мар и граф Ж. Ормонд во время визита царя во Францию. Об этих встречах упоминал как князь Б.И. Куракин, так и сами представители претендента.[187]

Методы, которые использовал Петр I и русская дипломатия, оказались довольно действенными. После подписания Амстердамского договора 4/15 августа 1717 г. между Россией, Пруссией и Францией, Швеция лишилась помощи своего союзника, и Карл XII сразу сделался уступчивее.

После поездки царя во Францию, русско-шведские переговоры продолжились. Одни историки видят причину в согласии Карла XII на русско-шведские переговоры в критическом положении Швеции и в том, что Амстердамский договор поставил Стокгольм перед фактом потери последнего союзника.[188] Другие считают, что Карл XII поддался на авантюру, предложенную Г.Х. Герцем со сменой английской династии, и только поэтому согласился вести переговоры с представителями Петра I.[189] И первая, и вторая точки зрения кажутся справедливыми. Известно, что Карл XII легко увлекался политическими

авантюрами, но нельзя забывать о бедственном положении Швеции в эти годы, страна не могла больше вести войну с царем его союзниками.

В июле 1717 г. началась серия встреч князя Б.И. Куракина со шведскими представителями, о которых условились во время пребывания Петра I в курортном местечке Спа. Туда, по свидетельству князя Куракина, приехали уже упоминавшийся яковит граф Ж. Ормонд и представитель Карла XII генерал С. Понятовский.[190] Именно Б.И. Куракин был отправлен в Голландию вести переговоры со шведами. В конце июля он поставил шведов в известность о согласии Петра I на съезд полномочных представителей с обеих сторон в Финляндии, предложив для того остров Аланд с тем, чтобы съезд назначался в течение ближайших двух или трех месяцев. Но, если в этот срок съезд не состоится, то русский царь «останется при всех обязательствах со своими алиаты и будет себе общей с ними пользы искать».[191] Так же царь желал включения в мир прусского и польского королей.[192] Барону Г.Х. Герцу был даже выдан паспорт для беспрепятственного проезда в Швецию через Ригу, и Ревель.[193] Г.Х. Герц должен был убедить Карла XII начать конгресс с Россией для заключения мира. Князь Б.И. Куракин встретился с Г.Х. Герцем 12 августа в голландской провинции Гельдерн в замке Лоо. На встрече говорилось о созыве мирной конференции, а так же был передан паспорт.[194] В тайных переговорах участвовал и сам Петр I. К примеру, на пути в Берлин в начале сентября 1717 г. царь побывал у ландграфа Гессен-Кассельекого, где встретился с одним из представителей Карла XII генералом К. Ранком и беседовал с ним о мирных переговорах.[195]

Заметим, что русскую сторону трудно упрекнуть в затягивании переговоров, чего не скажешь о шведах. Особое внимание оказали Г.Х. Герцу, который отправился к Карлу XII с предложениями Петра I созвать мирный конгресс в Финляндии. Г.Х.Герцу не только был выдан паспорт для беспрепятственного проезда в Швецию через Ригу и Ревель, но Петр I так же послал письма к комендантам этих городов, в которых просил оказать всякое содействие голштинскому барону. Г.Х. Герца сопровождал в поездке русский представитель - князь Мещерский. Однако барон Г.Х. Герц добрался до Риги лишь во второй половине октября 1717 г. В сентябре он побывал в Пруссии, где планировалась встреча представителей России, Дании и Пруссии с Г.Х-Герцем для обсуждения условий будущего мира.[196] Однако эта встреча не состоялась, и голштинский барон отправился в Швецию. Будучи в Риге, а потом и из Швеции, Герц вел переписку с русским вице-канцлером П.П. Шафировым. Барон сетовал, что задержавшись из-за плохой погоды в дороге, он не смог встретиться в Ревеле, с П.П. Шафировым, а тот уже уехал в Петербург.[197] В своем письме Герц сообщает, что может приехать, куда ему укажут, для переговоров с П.П. Шафировым, явно намекая на Петербург. Таким образом, столь важные для России переговоры о мире, которые до этого велись исключительно за границей, могли продолжиться и в Петербурге, так как Петр I был не против приглашения Герца в новую столицу.[198] Однако этот визит так и не состоялся. И, несмотря на то, что именно Г.Х. Герц уговорил Карла XII начать мирные переговоры с Россией, он все время пытался оказать давление на русских дипломатов и вынудить Петра I отказаться от части завоеванных территорий. Будучи уже на полпути к Швеции, Г.Х.

Герц неожиданно предлагает свои «пропозиции» к миру: русский царь должен возвратить шведскому королю все, отвоеванные у него земли, кроме Санкт-Петербурга. Конечно же, русская сторона ответила, что мир на подобных условиях не может быть заключен.[199]

Переговоры России со Швецией не давали покоя Англии. Английский король Георг I и его министры продолжали усиленно интриговать против Петра I, пытаясь настроить против него союзников. И если датский король нередко верил наветам на Петра I (как в случае с десантом), то прусского короля тогда удалось настроить против своего союзника. К примеру, в декабре 1717 г. граф А. Г. Головкин доносил из Берлина об интригах ганноверского министра Елса, который от имени английского короля убеждал прусского, что якобы Петр I не только намерен оставить всех своих союзников, но так же объединиться с Карлом XII против них.[200] Таким образом, Георг I хотел привлечь прусского короля в союз с Англией и Данией против России. Но прусский король не склонен был доверять сообщениям английских и ганноверских дипломатов.

Но, несмотря на интриги англичан, да и самих шведов, в конце ноября 1717 г. русская сторона получила долгожданное согласие Карла XII начать мирный конгресс. Известие пришло не прямо из Стокгольма в Петербург. В Гааге секретарь шведского посольства Прейс сообщил Б.И. Куракину, что его король желает подписать мир.[201] Сам Петр I получил письмо от Г.Х. Герца из Швеции 29 ноября, в котором сообщалось, что Карл XII согласен на мир с Россией и желает, чтобы полномочные министры с обеих сторон собрались на Аландских островах.[202]

Русско-шведские переговоры о мире начались на Аландском конгрессе 10 мая 1718 Т. Русскую сторону представляли Я.В. Брюс и А.И. Остерман. Успех русской дипломатии был несомненным: переговоры со Швецией переходили в новую фазу: мирный, открытый конгресс вместо тайных переговоров. К тому же на Аланде в переговорный процесс не имели возможность вмешиваться европейские дипломаты. Можно утверждать, что основа Ништадского мира 1721г. была заложена Петром I и русскими дипломатами в 1716-1717 гг.

Р. В. Пересадило

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И РАЗВИТИЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В XIX веке российское правительство поставило задачу заселения и хозяйственно-экономического развития северо-запада империи. Одним из объектом такой заботы стало мурманское побережье Архангельской губернии. В качестве идеальных поселенцев однако были выбраны подданные соседней страны – Шведско-Норвежского королевства.

Привлечение норвежцев дало свои плоды: на пустынных ранее территориях появились постоянные жители. В 1869 г. в министерство государственных имуществ обратился датский генеральный консул в Санкт-Петербурге купец 1-й гильдии Паллизен. Его чрезвычайно заинтересовал опыт Архангельской губернии в деле колонизации. Консул лично побывал на Мурмане, где познакомился со многими норвежцами и поморами. На основании собранных данных Паллизен верно обозначил стратегическую цель освоения – развитие мурманских промыслов (ещё до осознания этого российскими властями). Этому подчинялись две задачи: во-первых, «устроить в более обширных размерах лов трески и др. съедобных рыб» и, во-вторых, «усилить лов акул».[203]

Для достижения поставленной цели Паллизен предложил «устроить постоянную осёдлость в удобных для этого пунктах Мурманского берега», лично предложив Корабельную бухту Рыбачьего полуострова. Уже имея торговые связи в Поморье, датский купец поручил мещанам Колы Суллю (норвежец, один из первых колонистов Мурмана) и Кеми Кононову заказать и оправить на место необходимые материалы. Паллизен предоставил мещанам два своих судна, основав, таким образом, новую колонию. За это меценат получил все льготы мурманских промышленников и переселенцев, причём император особым указом 30 июля 1869 г. освободил почётного гражданина Санкт-Петербурга от обязанности принимать российское подданство (всё-таки он принадлежал к дипломатическому корпусу). Министерство финансов также в виде исключения позволило консулу с навигации 1870 г. доставлять на Мурманский берег до 25 тысяч пудов соли из Англии, пользуясь всеми льготами колонистов. Гражданский губернатор Н.А.Качалов заявил, что «на доставку соли не встречает препятствия», и удовлетворил просьбу промышленника о выделении земельного участка «под устройство завода для выделения трескового жира».[204]

Первую же попытку развития акульего промысла на Мурмане относят к 30-м гг. XIX века. В 1836 г. сумский мещанин Паншин, первым организовавший прямую доставку мурманской трески в Петербург, получил субсидию в несколько тысяч рублей на оборудование для лова акул. Но к несчастью помор погиб во время шторма у берегов Норвегии в первом же плавании.[205] А в 1858 г. опять же сумский мещанин Иван Шадрин обратился к губернатору Н.И.Арандаренко с просьбой нанять в Норвегии специальное судно для ловли акул.[206] Возможно, Паллизен, выбирая себе помощников, знал, что колонист Сулль имел опыт в этом промысле. В 1857 г. на Мурмане побывал профессор Данилевский, который выхлопотал своему бывшему кормщику Суллю денежное пособие, с условием,

чтобы последний обучал акульему лову русских промышленников. А.Жилинский, ссылаясь на В.Ф.Држевецкого, утверждает, что суточный улов норвежцев-колонистов составлял до 400 акул или 800 пудов печени (примерно, 800 рублей по стоимости).[207] Свой улов Сулль успешно сбывал норвежским судам, специально приходящим для этого на Мурман. За свои успехи в этом деле промышленник получил прозвище «акулья смерть». Однако тот же А.Жилинский отмечает, что ни акулий, ни другие прибыльные виды промыслов на Мурмане не получили должной поддержки правительства.

В результате наибольшее распространение они получили в норвежской части полуострова.[208] Морские промыслы на Мурмане получили достаточное развитие задолго до начала заселения. К 40-м годам XIX века в среднем за сезон промышляли от 140 до 250 тысяч пудов трески, от 7 до 23 тысяч - сёмги, от 24 до 29 тысяч - палтуса, от 30 до 35 тысяч - сельдей.[209] Кроме того, вылавливали в немалом количестве сигов, корюхи, камбалы, налимов, щуки, зубатки и других.

Все семейства иностранных колонистов Мурмана (59 мужчин и 46 женщин по переписи 1864 г., произведённой полицейским надзирателем Амоном) занимались промыслами.[210] В этот период лидерство норвежцев начинают вытеснять финны. Шведы оказались в меньшинстве, в дальнейшем они не играли существенной роли в колонизационных процессах.

Российские власти в этот период занимаются в основном обустройством норвежцев, призывая поморов колонистов «ни в чём не притеснять и не обижать, а более покровительствовать... людям иностранным, не знающим обычаев страны и не понимающим русского языка».[211]

Значительный интерес представляют отчёты полицейского надзирателя Амона.[212] Тот заинтересовался мнением в Норвегии о Мурманском российском береге и причинами миграции в Россию: «Норвегия есть государство бедное природой, в особенности вся северная страна..., которая не даёт возможность содержать скот, потому что состоит из нагих скал, покрытых мхом, без пастбищ, сенокосов и лесов». Таким образом, первая причина - ещё большая, чем в России суровость климата. Но плюс ко всему «необыкновенная дороговизна на съестные припасы и топливо, стеснённое положение всякого крестьянина в уделе... малого куска скалистой местности при весьма значительных правительственных налогах разоряет окончательно народ».[213] По мнению Амона, переселение в Россию для северных норвежцев наиболее оптимальный вариант в географическом положении, к тому же не сопряжённый никакими серьёзными расходами. Единственное препятствие это невыгодное мнение о российском правительстве. Как оказалось, в Норвегии всех выезжающих уговаривали переселяться во все другие страны, но только не в соседнюю Россию, потому что «Русское правительство не только не покровительствует трудолюбивых поселян, но даже допускает напротив разорять бедный трудящийся народ».[214]

Амон лично посетил все семейства побережья, оставив свой адрес для обращения со всеми жалобами. Полицейский чиновник отметил весьма неудовлетворительное состояние медицинской помощи на Мурмане, поэтому колониста Иоганна Гейнриха Пибуля с признаками гангрены от отморожения ноги отправил в г. Колу. Но вскоре, оказавшись там, Амон обнаружил больного во

временной больнице, где фельдшер оказался не в состоянии оказать какую-либо помощь.* На это замечание Амона отреагировали. В 1869 г. завели две особые больничные ёлы с ежегодным содержанием на ремонт по 50 рублей и по 400 рублей на наём по 4 гребца и 1-му кормщику с командированием трёх фельдшеров.[215]

Амон выяснил, что происходили столкновения между норвежскими поселенцами и русскими промышленниками. Так как о непорядках на Мурманском берегу узнали в Санкт-Петербурге, то товарищ министра внутренних дел попросил архангельского губернатора в 1864 г. «употребить все зависящие меры к устранению изъяснённых столкновений».[216] Причиной многих беспорядков послужил норвежский ром.

В 80-е годы XVIII века начальство архангельской губернии вело переписку с Коммерц-коллегией о запрещении привоза иностранными кораблями спиртных напитков.[217] В 20-е гг. XIX века упал объём продаж в кемских питейных заведениях. Кемский уездный казначей Дьяконов в секретном докладе вице-губернатору от 27 февраля 1827 г. связал это контрабандной продажей норвежского рома и шведского вина.[218] Вице-губернатор предложил тайно командировать чиновника для особых поручений, «который от Казённой палаты назначен будет под видом для проверки торговли к открытию сих злоупотреблений».[219] Как следует из архивного документа, особенно преуспели в винном промысле купцы Сумского посада.

Однако предпринятые меры оказались неэффективными. Обыскав торговые заведения, чиновники ничего не обнаружили за исключением тетради, куда купцы записывали розничную продажу рома.[220] В ноябре 1856 г. начальник Архангельского таможенного округа уведомил военного губернатора, «что в навигацию... привезён был из Норвегии без всякого со стороны таможенного ведомства надзора на Мурманский берег ром, который норвежцы сбывали... нашим рыбопромышленникам по анкеру за пуд китового жира».[221]

Но в 60-е годы XIX века контрабандой незаконного напитка занимались русские промышленники.[222] В период колонизации торговля ромом резко возросла. Как докладывал пристав 5-го стана Кемского уезда Поникаровский, «ссоры и драки русских с норвежцами происходят более всего в то время, когда две партии народа числом более 300 человек смешиваются в одну, и в особенности, когда на той и другой стороне есть несколько человек, разгорячённых крепкими напитками».[223]

Впрочем ромоторговлей занимались не одни норвежцы, но и русские: «была свобода продавать ром, и все занимались этим... местами занимались и женщины, местами торговали и ромом, и женским телом».[224] Русские купцы воспользовались для этого разрешением создавать торгово-промышленные фактории. О деятельности одного из факториcтов, Савине, докладывал в 1881 г. министру финансов архангельский губернатор М.М. Кониар. Савин, имея две фактории в Лице и Шельпины, развернул широкую торговлю крепкими напитками по всему Мурману, «употребляя при этом возможные комбинации для избежания преследования».[225] Не довольствуясь доходом в 50 тысяч рублей в год от

* Пибуль скончался 20 ноября 1864 года и был похоронен на Кольском кладбище.

продажи рома, Савин фактически монополизировал торговлю солью на полуострове, продавал в Санкт-Петербурге рыбу, закупленную в Норвегии, как продукты российских промыслов. Последнее также являлось нарушением закона, так как российские власти старались не допускать на рынок конкурентов из Норвегии. В 1873 г. уездные исправники дали крайне отрицательный отзыв на предложение шведско-норвежского посланника в Петербурге о ввозе из Норвегии солёной рыбы «Brisling».[226]

Интересно, что в этот же период шла финская колонизация в Финмаркене. Финны, начав переселяться в северную Норвегию ещё с конца XVIII века, занимались на новых местах промыслами и разведением скота. Однако более зажиточные по имущественному положению финские жители стали раздражать местные власти севера Норвегии. В своём донесении российский консул в Гаммерфёсте В.А.Березников рассказывал, что в 80-х гг. XIX века в Альтенском фиорде норвежцы легче изъяснялись по-фински, чем на своём родном наречии.[227] Норвежское правительство «признало вредным образование на окраинах государства, в пограничных областях, иностранных колоний».[228]

Ограничение прав финляндцев выразилось законодательстве, регулирующим отчуждение и куплю-продажу земли. Закон от 22 июня 1863 г. резко ограничил отчуждение государственных земельных участков в Финмаркене. Королевская резолюция 6 мая 1876 г. обязала всех иностранных подданных (в том числе их потомков) не продавать приобретённую землю без предварительного разрешения амтмана. Наконец, закон от 21 апреля 1888 г. запретил иностранцам приобретение и аренду недвижимой собственности в Норвегии.[229] Эти меры полностью прекратили миграционный поток из России. Более того, многие, очутившись на положении безземельных, вернулись на родину. Остальных обвинили в бродяжничестве и выслали обратно в Финляндию.[230] Норвежский язык стал обязательным для изучения в финмаркенских школах для лопарей.[231]

70-е годы XIX столетия являются периодом проверки изначальных задач освоения Кольского полуострова. Надежды на развитие сельского хозяйства оказались иллюзорными. В начале XX века архангельский губернский агроном К.К.Тулубьев писал по поводу колонизации Печорского уезда, что «массовое заселение ... как, экономическое мероприятие государства, мыслимо лишь в исключительной связи с сельскохозяйственным использованием земельного фонда».[232] Использование такого подхода как универсального для всех территорий привели к тому, что меры властей даже мешали успешному освоению Мурмана. Исследование 70-х гг. показало наиболее перспективные направления в занятиях населения: промыслы и связанная с ними рыбообрабатывающая промышленность. И именно благодаря последней поднялся север Норвегии, бурному развитию которого так удивился генеральный консул Мехелин в 50-х гг. XIX века.[233]

До середины 80-х годов разницы между русскими и колонистами-иностранцами не делалось. Как поморы, так и норвежцы имели одинаковые права в льготах, освобождении от рекрутской повинности и т.п. По темпам колонизации западный Мурман опережал восточный.

В 1888 г. губернатор Н.Д.Голицын, опасаясь «чрезмерного наплыва инородческого и иностранного элемента в среде колонистов», предлагал министерству иностранных дел самовольно поселившихся выселить на родину, и впредь Мурман, «как пограничную местность с Норвегией... колонизировать исключительно русским населением».[234] В начале 90-х годов по распоряжению директора департамента таможенных сборов Н.И.Белюстина управляющий архангельской таможней побывал на Мурмане. В своём отчёте управляющий заметил: «По отзывам давно знающих этот край людей, заселение Мурманского берега инородцами не приносит пользы русским интересам... Сплотившись и постепенно обогащаясь, инородцы-колонисты ничего ровно не внесли в дело колонизации Мурмана собственно в тех целях, какие имело русское правительство... отношение их к русским почти неприязненное, русских школ они не хотят заводить..., благодаря их обособленности и отчуждённости от русских, последние ничему от них не научились и не позаимствовали».

Интерес к Мурману определялся ещё и тем, что здесь стала развиваться норвежская рудная промышленность, поэтому в 10-х гг. XX века на полуостров приехали русские инженеры для разведки железной руды.[235] Необходимость колонизации напрямую связывалась с действиями Норвегии: «Если норвежцы усиленно работают над колонизацией пограничной полосы по течению реки Паз, то это нужно делать и нам. Нужно принять самые решительные и энергичные меры к заселению коренным русским элементом пограничной местности по реке Паз, для чего необходимо, произведя предварительно тщательное изучение и обследование, образовать здесь переселенческие участки».[236]

Небезосновательные опасения вызывала падающая конкурентоспособность мурманских промыслов с импортом норвежской рыбы. Таблица показывает количество привозимой в Архангельск рыбы (тыс. пудов):[237]

	С Мурмана	Из Норвегии
1895	800	800
1898	460	980
В среднем в 1899-1907	360	1 380
1908	300	1 440
1909	323	1 772
1910	341	1 536
1911	366	1 656

Множество споров происходило из-за маленькой рыбки песчанки, служившей наживкой. Как докладывал Амон, «между нашими и норвежскими промышленниками, когда песчанка мало бывает улавливается, происходят столкновения и ссоры, доходящие до драки..., ежели случится, что норвежцы одолеют наших, тогда русские на шняках своих отправляются в пределы Норвегии, не глядя ничего, буйствуют там и посягают на чужую собственность».[238] Причём, как выяснилось, русские промышленники, считая российско-норвежской границей Пазреку и Пазрецкую губу (фактическая граница до 1826 г.), а не р. Ворьему, производят лов на чужой территории, «стараются вытеснить оттуда самих норвежцев, похищают принадлежащие норвежцам рыболовные снасти».[239]

В 1847 г. начальства Архангельской и Финмаркенской губерний договорились о прямой переписке по всем случаям конфликтов в районе Пазреки.[240] В 1863 г. на р. Ворьему приехали норвежские чиновники, становой пристав и уездный исправник Вадзенского округа и обнаружили, что их соотечественники полностью вытеснены российскими промышленниками. Представители властей обратились к нарушителям с объяснением, что это норвежская территория, но поморы проигнорировали. Тогда становой пристав приказал покинуть пределы Норвегии. В ответ наши промышленники начали поносить чиновников «самыми скверными ругательными словами». Недружелюбный приём норвежские рыбаки встречали на Рыбачьем полуострове, куда заходили переждать бурю, а заодно и для промыслов. Бывало, что раздражённые поморы отбивали добытую рыбу.[241]

В 1869 г. в министерство иностранных дел обратились жители Кемского уезда братья Воронины предложением запретить норвежцам вообще заниматься промыслами в Белом и Карских морях, а так же около островов Калгуева и Вайгача в Ледовитом океане. МИД ответил, что на законных основаниях можно требовать закрытия только Белого моря.[242] Министерство финансов порекомендовало усилить полицейский контроль. Морское министерство соглашалось охранять воды Белого моря только в случае выделения дополнительных средств на содержание крейсера.[243]

Всё это показывает в какой обстановке происходила колонизация Мурманского побережья. В 1865 г. к генеральному консулу Мехелину обратился вице-консул Сканке, который посетил Мурман. В Вайденской губе Сканке обнаружил умирающих с голоду двух детей. Куда удалился их отец Эрик Иоганн Колияндер, колонист из Норвегии, выяснить не удалось, поэтому вице-консул взял их на собственное попечение. В связи с этим случаем Мехелин выразил сомнение «относительно пользы для России дозволения или поощрения заселения норвежскими колонистами Северо-западного побережья Архангельской губернии. «Осмелюсь заметить, что нашим властям надлежит соблюдать крайнюю осторожность в выборе норвежцев..., ибо допущение всякого встречного может повести к образованию нищенского населения, нравственно более или менее испорченного, которое вскоре сделается бременем для общества и источником забот для нашего правительства» - писал Мехелин в МИД.[244]

Проблемы вызывала сама процедура принятия подданства. Не все норвежцы торопились давать клятву верности. По данным кемского уездного управления в 1866 г. из норвежских поселенцев не приняли присягу 18 человек.[245] В некоторых случаях причиной такой нерасторопности послужила потеря документов, как это случилось с Маурицем Бергстромом, который только в 1868 г., спустя 6 лет после поселения в Уре-губе обратился с просьбой выдать российский паспорт.[246] По донесениям пристава Поникаровского, многие пожелавшие поселиться на российском берегу скрывались от норвежской полиции. Уголовными преступниками оказались колонисты Эллас Корнелиус Гарвик и Ивер Персен Биргит.[247] Принимать присягу по российским законам колонисты имели право на родном норвежском языке.[248] Практически все сохраняли лютеранское вероисповедание. Хотя прецеденты с принятием православия всё же были.[249] В клятве ступавший в подданство обязывался исполнять все

законы, не вступать в иностранную службу, не выезжать без предупреждения за границу, не посылать и не получать «заповедную» корреспонденцию, объявлять заблаговременно обо всём, что может послужить во вред русскому императору, не разглашать государственные секреты.[250] В результате принятых мер к 15 ноября 1871 г. присягу на подданство России приняли 45 норвежских семей.[251]

Полицейский надзиратель Амон выдвинул свой проект обустройства Мурмана. По его мнению, в этом властям необходимо преследовать две стратегические цели:

I «Подорвать торговые интересы нашей соседственной Норвегии в самом основании её».

II «Учредить всей торговли норвежской на нашем Российском берегу сильную конкуренцию и тем уничтожить мысль о контрабанде».[252]

С осуществлением этих целей Амон связывал развитие острова Кильдина. Надзиратель предлагал:

1) заселить жителями остров Кильдин, где основать торговый город;

2) учредить торговую компанию;

3)открыть от компании по всему Кильдину конторы, «чрез посредничество коих имела бы компания прямые торговые сношения с главными вольными городами, а именно с Гамбургом, Любеком, Лондоном и др., где угодно, но только не в соседственной Норвегии, получающей свои товары через десятые руки»;

4) устроить от компании пароход, который доставлял бы всё необходимое в колонии, в том числе и наживку (так это делалось в Норвегии);

5) запретить русским промышленникам вывозить за границу сало, сдавать его компании;

6) устроить не Кильдине таможенную стражу;

7) дать торговому городу льготы по уплате пошлин;

8) организовать на острове торговые лавки и склады для товаров;

9) открыть питейные дома;

10) способствовать китобойным промыслам;

11) поручить компании следить за правильной выделкой трески по примеру Норвегии сушить треску без костей - это повышало ценность рыбы);

12) выдавать беспошлинно лес;

13) кредитовать денежными ссудами лиц, прибывающих из Норвегии со своим скотом, и русских промышленников, «изъявившим желание устроить навсегда при океане русского берега новую жизнь»;

14) назначить доктора, фельдшера и открыть публичную аптеку;

15) устроить на Кильдине больницу;

16) присылать не менее одного раза в год лютеранского пастора, знающего норвежский и финский языки (в 1864 г. норвежское правительство и церковь отказались оформлять религиозные обряды для колонистов Мурмана);

17) назначить на Кильдин полицейского чиновника с вооружённой охраной;

18) производить «окультуривание лопарского народа», не останавливаясь пред насильственными методами. Амон писал по этому поводу: «Через ту же торговлю можно легко образовать здешних лопарских жителей, сильной могущественной рукой в свет круга общественной жизни из стародавнего, почти идолопоклоннического, состояния нрава и обычая».[253]

Гражданский губернатор Архангельска С.П.Гагарин в письме министру государственных имуществ (от 10 мая 1869 г.) настаивал на дальнейшем исследовании Мурмана. Губернатор даже наметил основные направления в изучении колонизации:

1. Исследование местности и наложение её на план с обозначением мест, удобных для поселения, земледелия и скотоводства.
2. Исследование производительности почвы «с целью точнейшего удостоверения, какие именно виде земледельческой промышленности могут быть производимы в той местности».
3. Изучение природных и других естественных условий края.
4. Определение прав колонистов на промыслы.
5. «Упорядочивание» отношений поморов с норвежцами.
6. Изучение поморско – норвежской торговли и возможные правительственные распоряжения по этому вопросу.
7. Изучение экономического быта колонистов.
8. Исследование общественного управления колоний.[254]

Однако министр внутренних дел в записке от 30 июля 1869 г. посчитал организацию экспедиции на Мурманский берег делом несвоевременным.[255] Но в 1870 г. представился случай для участия в экспедиции в.к. Алексея Александровича по Ледовитому океану. Результаты изучения мурманской колонизации заставили архангельское начальство пересмотреть свои взгляды на многие стороны освоения. Поэтому 1870 г. можно считать своеобразным рубежом. Власти получили возможность проверить два своих исходных положения в деле колонизации: 1) основное занятие поселенцев будет земледелие; 2) освоение должно проходить с помощью иностранцев.

С конца 80-х годов промыслы Мурмана начинают перемещаться в восточную часть. Это, несомненно, повлияло на рост численности русского населения. Однако среди промышленников по-прежнему преобладали сезонные рыбаки. К 1891 г. на Мурмане проживало 436 семей. Тогда как только с 9 по18 марта через Разноволоцкую станцию проследовало 1542 человека, в том числе 10 женщин и 220 мальчиков-зуёв.[256] В 1899 г. среди «занятых промыслом лиц» только 590 колонистов, а 3338 человек - «посторонние» (соответственно 18 и 82%).[257] По данным, приводимым В.В.Сусловым, улов

мурманских промышленников во второй половине 80-х гг. XIX века достигал 1 077 000 пудов за сезон.[258] Треть добычи шла в Санкт-Петербург, треть - за границу, остальное - в Архангельск.

Но к этому времени кольским промыслам так и не удалось вытеснить норвежскую рыбу с архангельских рынков (импорт рыбы из Норвегии в 1,5 раза превосходил мурманский улов). Суслов видит причины в плохом организации торговли (архангельская мука стоила дешевле в Норвегии, чем на Мурмане), а также в системе найма покрученников, когда до $^{2}/_{3}$ заработка забирал хозяин.[259] В 1886 г. кольский уездный исправник докладывал губернатору, что «меновая торговля в Норвегии идёт весьма неудовлетворительно»: отсутствовал спрос на доски, мука, купленная в Архангельске по 8 рублей 50 копеек, шла по 7 рублей, из-за больших уловов у норвежских берегов ожидалось понижение цен на мурманскую рыбу.[260]

Вследствие плохих уловов около мурманских берегов поморы шли в Финмаркнен. В 1889 г. российский консул в Гаммерфёсте, докладывая о русско-норвежских столкновениях, предложил провести нумерацию всех промысловых судов двух государств. По указу шведского короля от 8 апреля 1890 г. «кормщик на рыболовной лодке и шкипер судна, которые пожелают производить лов рыбы из какой-либо гавани Финмаркенской губернии, обязаны... объявить чиновнику инспекции о своём приходе, так и о своём имени и месте жительства, а равно и об именах и местах жительства находящихся на их службе лиц».[261] Таким образом, норвежское правительство постепенно ограничивает права русских промышленников у своих берегов.

С середины 1880-х гг. когда российские власти окончательно встали на путь твёрдого вытеснения норвежцев с Мурмана. Краеведы начала века связывают этот кардинальный поворот с назначением на пост губернатора Архангельска Николая Баранова. Хотя свои первые меры новый губернатор направил на охрану наших промыслов (в частности патрулирование канонерской лодки «Бакан»), предпочтение в колонизации уже чётко отдаётся в пользу русских. В отличие от предыдущих периодов теперь такой подход прослеживается и со стороны центральных властей, что в свою очередь связано с общим курсом Александра III, а затем и Николая II на ограничение иностранного влияния в России.

Л. В.Садова

ШВЕДСКО-НОРВЕЖСКИЙ КОНФЛИКТ 1905 Г. В ДОНЕСЕНИЯХ В ПЕТЕРБУРГ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)

7 июня 1905 г. на пленарном заседании стортинга единогласно была принята резолюция о расторжении шведско-норвежской унии. С этого момента на политической карте мира появляется новое независимое государство - Норвегия. Этому событию предшествовала долгая и сложная борьба норвежского народа за свою самостоятельность. В данной работе основное внимание посвящено событиям 1905 г. Тем не менее, необходимо дать общую картину конфликта между Швецией и Норвегией.

Уния, заключенная в 1814 г., на протяжении своего почти столетнего существования переживала ряд кризисов, начиная уже с 20-х гг. XIX в. Наиболее острый конфликт возник в конце века, который и привел к разрыву союза. В 1885 г. риксдаг передал ведение дипломатических дел от короля Швеции и Норвегии министру иностранных дел, ответственному перед шведским парламентом (риксдагом). Тем самым, реформа усиливала позиции Швеции и ставила Норвегию в более зависимое положение. В ответ, норвежская сторона выдвинула требования о передаче консульской службы в полное распоряжение Норвегии и назначении на важнейшие консульские посты исключительно норвежцев.[262] Тесная связь между интересами судоходства и внешней политики в Норвегии предполагала приоритет консульской службы перед дипломатической, чтобы в первую очередь удовлетворять интересы судовладельцев, экспортеров и других представителей промышленности.[263] Для решения спорного вопроса был организован ряд совместных шведско-норвежских комиссий, последняя из которых работала в 1902-1904 гг. Однако расхождения во взгляде на проблему были слишком велики и стороны так и не смогли договориться. В 1905 г., когда стортинг отклонил шведские требования, уния вступила в полосу острого кризиса.

Нельзя не согласиться с точкой зрения российского публициста В. Теплова, который в 1905 г. писал: «…в действительности консульский вопрос скорее был поводом или, во всяком случае, одной из причин того обостренного положения, которое накипало постепенно в течение ряда лет».[264]

Сложная ситуация на Скандинавском полуострове, бесспорно, привлекала внимание великих держав: Англии, Германии, Франции и России. Для Российской Империи решение шведско-норвежского конфликта имело особое значение. На первое место выдвигалась проблема Балтийского моря, в частности вопрос о плавании через датские проливы. Для России было весьма важно, чтобы ее флот мог свободно входить или выходить из Балтийского моря, что продемонстрировала война с Японией. На территории Норвегии, исходя из соображений геополитики, могли быть устроены военно - морские базы: английские или германские. Эти оба варианта также не устраивали Россию. При благоприятном же решении шведско-норвежского конфликта можно было бы заручиться содействием Норвегии для облегчения в будущем переходов русского флота.[265] Конечно, не стоило забывать и о

внешнеторговых интересах двух государств. Вышеперечисленные факторы побуждали пристально следить за развитием событий в Скандинавии не только российских дипломатов, но и военных агентов.

В донесениях военного агента в Копенгагене и Стокгольме полковника Алексеева мы находим подробный анализ развития конфликта, приводятся мнения как норвежской, так и шведской стороны, предоставляется подробный отчет о военных приготовлениях обоих государств. После окончания деятельности совместной шведско-норвежской комиссии 1902-1904 гг., стало очевидно, что возникший кризис разрешить путем переговоров невозможно. В Норвегии полномасштабно развернулась пропаганда за разрыв унии. Так, по мнению многих авторитетных людей, Бьёрнстьерна Бьёрнсона, Фритьофа Нансена и многих других, Норвегия должна действовать самостоятельно и решительно, и «…дать понять этим шведам, что она не допустит далее никаких поползновений к ограничению ее прав…»[266]. Сторонники разрыва считали, что данный момент более всего подходит для активных действий, пока отношения между норвежцами и шведами не стали враждебными и великим державам нет повода для вмешательства. Но разрыв мыслился некоторыми сторонниками его в рамках создания нового « Северного союза» или «оборонительного панскандинавского союза», который объединил бы все три Скандинавских государства. «Унии, основывавшиеся в эпоху господства принципов национальности, находятся ныне в противоречии с иной формой единения союзов, которые только и могут обеспечить самостоятельность и неприкосновенность того или иного государства»[267]. Уже в феврале 1905 г. в политических кругах Норвегии стал обсуждаться вопрос о возможности предложить норвежский престол второму сыну датского наследного принца, принцу Карлу, женатому на дочери английского короля, принцессе Мод[268]. Подобная политическая комбинация еще больше сблизила бы Норвегию с Англией и имела бы свои выгоды для России. Сближение Скандинавских стран с Великобританией, заинтересованной в свободном проходе через Бельты (датские проливы), в определенной степени гарантировало бы благоприятные условия и для Российской Империи. С другой стороны, укрепление позиций Англии в Северной Европе сдерживало бы распространяющееся влияние Германии в регионе, в чем также была заинтересована Россия. Если же произойдет сближение с Германией, тогда «Балтийское море превратится для нас (России- *Л.С.*) во внутреннее озеро»[269]. Тот факт, что « панскандинавский союз» непременно должен будет ориентироваться на одну из великих держав, Англию или Германию, не вызывал сомнения. Отсюда и военное значение решения шведско-норвежского конфликта.

С военной точки зрения, как доносил Алексеев, отделение Норвегии от Швеции приведет к ослаблению вооруженных сил Скандинавии и военные вопросы в обоих государствах усложнятся. Тем самым, работы по укреплению границ, особенно восточных должны будут прекратиться. Как считал военный агент, Россия только от этого выиграет, «так как можно будет на некоторое время отложить назревший вопрос о лучшей обороне прилегающего к Санкт-Петербургу районов…в зависимости от проявляющихся наступательных тенденций Швеции…»[270].

В начале апреля 1905 г. еще существовала видимость мирного разрешения конфликта, несмотря на решительную пропаганду в Норвегии за разрыв унии. Норвежский стортинг соглашался на заключение со Швецией «оборонительного союза», как гаранта совместных действий против нападения на скандинавский полуостров врага, прежде всего России[271]. Более того, умеренные силы Швеции указывали на необходимость сохранения унии в силу существовавшего страха перед возможным нападением России на шведские и норвежские северные территории[272]. Страх перед русской угрозой, пропагандировавшийся в шведской печати, служил фактором давления на общественное мнение Норвегии в качестве дополнительного препятствия возможному отделению. Так, Свен Хедин (Гедин) поместил в «Times» статью, вышедшую затем на шведском и норвежском языках, где доказывал, что Швеции и Норвегии грозит большая опасность со стороны восточной соседки. «По мере неудач России на берегах Тихого океана, опасность русского нашествия в Норланд и Финмаркен возрастает: Россия без открытого моря существовать не может»[273]. Тем самым, автор убеждает норвежцев в необходимости действовать совместно для отражения возможной русской агрессии. По мнению же российского военного агента, именно общая опасность извне может вновь сплотить оба скандинавских народа, несмотря на явные различия в развитии, что «…нам необходимо помнить при всех наших подсчетах и расчетах (Подчеркнуто в подл. – *Л.С.*) »[274].

Тем временем, обстановка продолжала накаляться, и в датских политических кругах начали не безосновательно говорить о возможности вооруженного столкновения Швеции с Норвегией. В донесениях Алексеева за апрель сообщается, что военное министерство Норвегии призвало к оружию пополнения и части запасных, усилило войска на р. Гломмен, приводило в порядок былые запасы и амуницию. Стортинг утвердил заем в 40 млн. крон, из которых 10 млн. отчислил в специальный военный фонд (к которым позже присоединил еще 40 млн.), созданный еще в 1904 г.[275] По поводу займа норвежская пресса писала: «Норвегия…обязана подготовиться ...на тот случай, если бы она подверглась нападению со стороны тех, кто не желает их признавать, и посягает на независимость страны»[276]. Несмотря на решительность норвежцев настаивать на своих требованиях до конца, из сообщений военного агента следует, что шведы происходящему серьезного значения не придавали. Алексеев считал, что война между Норвегией и Швецией вряд ли возможна. В случае начала военных действий, инициатива и полное превосходство в военном отношении полностью принадлежали бы шведской стороне.

3/17 мая 1905 г. стортинг в одностороннем порядке утвердил закон о консульской службе. Принятый закон королем утвержден не был, а последовавшая вслед за этим отставка всего кабинета Миккельсена также была не принята. Оба события вызвали большое раздражение среди норвежцев. В Христиании прошли демонстрации, направленные против шведов и королевского дома. В Швеции же к происходящему отнеслись более-менее спокойно, считая, видимо, что проблему еще возможно разрешить. «Таким образом, - как доносил Алексеев, - остается два исхода: или война, или расторжение

унии»[277]. Для шведов, по мнению военного агента, разрешение конфликта - вопрос правительственный, для норвежцев же – народный, жизненный.

25 мая / 7 июня 1905 г. стортинг от лица народа принял резолюцию о расторжении унии, что мотивировалось неспособностью короля сформировать новое правительство в Норвегии. Вместе с тем правительство Миккельсена обратилось к Оскару II с просьбой разрешить занять одному из шведских принцев норвежский престол. В копенгагенских политических и дворцовых сферах подобная просьба принималась за «золоченую пилюлю»[278]. Король решительно протестовал против односторонних действий норвежцев и созвал чрезвычайную сессию риксдага. Как следует из донесений военного агента, три основных вопроса волновали российскую дипломатию: 1) Будущее норвежского престола или иная форма государственного устройства , 2) Создание «оборонительного союза» между Швецией и Норвегией, что считалось не только возможным, но и необходимым, 3) Создание «панскандинавского союза», к чему стремилась более всего Швеция, в Дании же к подобной мысли относились прохладно.

Интересно сравнить реакцию на факт разрыва унии в шведском и норвежском обществах. В Норвегии отношение к этому событию было вполне спокойным, народ был решительно настроен отстаивать свои права любыми средствами. «…Факт политического разрыва унии не будет подлежать ни малейшему изменению - такова воля норвежского народа»[279]. Реакция же шведского общества была более бурной, особенно консервативной его части. Консервативная партия риксдага обвиняла кабинет в том, что он убедил короля не применять военную силу против норвежского народа, в то время как мощь армии Швеции значительно превосходит силы Норвегии. Однако позиция консерваторов поддерживалась не всеми слоями шведского общества. Социал-демократы и рабочие в ряде телеграмм приветствовали демократический норвежский народ в стремлении к свободе и обещали принять все меры к тому, чтобы помешать войне[280].

Возможна ли была война между двумя Скандинавским государствами? На этот вопрос полковник Алексеев дает отрицательный ответ. В военном отношении Норвегией были приняты все меры для отражения вероятного шведского удара: войска пополнены, флот готов к выходу в море, укрепления и крепости подготовлены к объявлению на осадное положение. Опасаясь блокады трех важнейших портов (Кристиания, Кристиансанд, Берген), в Норвегии была проведена работа к минированию соответствующих фиордов. В Швеции появился слух, что железнодорожные мосты на границе с Норвегией подготовлены к взрыву[281]. Поступали сведения об усилении пограничных войск на обеих сторонах границы. Обе стороны зорко следили друг за другом. Так, из Стокгольма был выслан норвежский консул, так как он был офицером Генерального Штаба, а также находившийся в отпуске норвежский офицер, гостивший у своих родственников в Швеции [282]. Оба они были высланы по обвинению в шпионаже. И Швеция, и Норвегия объясняли свои приготовления маневренными соображениями. Как считал российский военный агент, война между бывшими союзными государствами возможна лишь в случае нападения Швеции на Норвегию.

Однако развязывание военных действий шведами вряд ли возможно в силу неготовности шведской армии к активным наступательным операциям. Так как основная деятельность военного министерства Швеции была направлена на укрепление восточных границ с Россией, западные же оставлены без должного внимания. С другой стороны, война с Норвегией была крайне непопулярна в шведском обществе, а с социалистическим влиянием правительство было вынуждено считаться[283].

Риксдаг потребовал от Норвегии, чтобы решение стортинга было подтверждено всенародным плебисцитом в Норвегии, после чего условия расторжения унии должны были стать предметом особых шведско-норвежских переговоров. В августе 1905 г. проведенный в Норвегии референдум одобрил разрыв унии (голосовало против всего 184 человека).

В сентябре в шведском городе Карлстаде проходили переговоры между представителями двух стран. Особо остро обсуждалось предложение шведов о срытии норвежских укреплений по долине р. Гломмен. Норвежская сторона категорически отказывалась принимать требование Швеции. С военной точки зрения, укрепления имели особое значение для обороны Норвегии, закрывая все подступы к столице, грунтовые дороги, железнодорожные маршруты. В качестве уступки норвежский Генеральный Штаб соглашался на укрепление Нарвика и Офотенского фиорда в интересах общей обороны Скандинавского полуострова, что риксдаг требовал еще в 1904 г.[284] Упорство норвежцев вызвало резкое возмущение в шведской прессе. В газете «Стокгольмс Дагбладет» говорилось: «Швеция без сомнения имеет право с оружием в руках побудить Норвегию исполнить свои обязательства…. Оно (шведское правительство- Л. С.) с большим великодушием признало возможность покончить вопрос мирно, если Норвегия выполнит те требования, которые Швеция имела право предъявлять ей по закону и в целях будущей мирной совместной жизни… Самое благоразумное будет для норвежцев не испытывать дольше терпение шведов.[285]»

26 октября 1905 г. была окончательно подписана Карлстадская конвенция. Норвежцы, не без давления со стороны великих держав, приняли почти все шведские требования, начиная с главного - срыть крепости вдоль шведской границы[286]. Общественное мнение в Норвегии отнеслось к результатам Карлстадских переговоров крайне неблагоприятно. Группировка в стортинге, состоящая в основном из высшего военного офицерства, обвиняла правительство в излишней уступчивости. В качестве главного аргумента высказывалось, что шведы, реорганизовав свою армию, через 10 лет обрушаться на незащищенные норвежские границы. «…Лучше вести войну, чем принять Карлстадские соглашения, так как теперь шансов на успех значительно больше, чем это будет когда либо в будущем»[287]. Защищаясь, премьер-министр Миккельсен и министр иностранных дел Лёвланд, заявляли, что обстановка на переговорах в кокой-то момент была крайне напряженная и во имя мира Норвегия должна была уступить. С другой стороны, норвежской правительство должно было поддержать своим миролюбием и шведских социал-демократов, «открыто восставших против старошведов»[288].

Оценивая в своих донесениях «норвежскую революцию», полковник Алексеев писал, что «ни один политический переворот в мире не начинался при таком спокойном положении страны как

норвежский». Переворот был проведен обдуманно и в удобный для Норвегии момент. Не дожидаясь окончания реформы шведской армии и флота и по мере усиления притязаний шведов на независимость Норвегии, норвежцы решились определить будущее нации. «Еще 2-3 года и, быть может, было бы уже поздно: Швеция станет много сильнее, и успех расторжения унии много сомнительнее»[289]. С военной точки зрения, по мнению военного агента, Норвегия полностью подготовилась к отстаиванию своих требований с оружием в руках.

Г. С. Усыскин

КУОККАЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ И ЕЕ ГЕРОИ (ХРОНИКА СОБЫТИЙ 1907-1909 гг.)

События, которые произошли в мае 1907 г. в маленькой деревне Хаапала (вблизи станции Куоккала), обошли всю петербургскую печать. Каждая газета писала по своему, но все отмечали необычность самого факта. Счто же там случилось?

3 мая 1907 г. полиция арестовала 11 «бомбистов», которые якобы угрожали Российской империи. Кто же были эти люди и как сложилась их судьба? Совсем недавно удалось в этой связи ознакомиться с архивными и другими источниками.

Начало этой истории относится к середине января 1907 г. В эти дни стала создаваться в Петербурге инструкторская школа для овладения рабочими взрывного дела. Инициатором этого выступил молодой человек 22 лет под кличкой «Кибальчич». Его настоящее имя было Александр Чесский. Он еще ранее в 1905 г. в Москве обучал дружинников снаряжать бомбы и сам принимал участие в Московском вооруженном восстании. Был арестован, но бежал из московской тюрьмы.

В апреле 1906 г. был снова задержан полицией, которая узнала, что у него имеется своя химическая лаборатория. Он просидел в подследственной тюрьме 6 месяцев. Жил он тогда по нелегальному паспорту на имя Сорокина Сидора Фаддеича, крестьянина Рязанской губернии.

По предложению руководителя Боевой технической группы при ЦК РСДРП Леонида Борисовича Красина Александру Чесскому было поручено перебазировать школу-лабораторию из Петербурга в Финляндию. Значение инструкторских школ отмечала в своем решении Общегородская конференция боевых организаций Петербурга в мае 1906 г.: «Только на почве планомерного обучения дружинников военному делу может быть начата полная организация дружин, а для этого необходимо в первую очередь осуществить выпуск школой ведущих инструкторов».[1]

Значительная часть занятий, где не требовалось специальной лаборатории и химической подготовки происходила в здании вольной Высшей школы П.Ф.Лесгафта. Там читались лекции по сборке и разборке револьверов, давались инструкции по обращению с огнестрельным оружием. Здесь привлекали новых людей руководители лаборатории Александр Чесский и Альфред Нейман. К сожалению, в школе П.Ф.Лесгафта нельзя было заниматься огнестрельным оружием и слушать лекции по социал-демократической программе. Об этом писала в своей книге Софья Марковна Познер.[2]

Для школы сняли дачу в поселке Куоккала у крестьянина Мутте на имя студента Санкт-Петербургского университета Иосифа Марковского. В марте заехала первая группа слушателей из рабочих Нарвской заставы. Почти сразу в школе начались неприятности. Сначала пролили серную кислоту и из дома повалил едкий дым. На страстной неделе вследствие нечаянного выстрела из маузера рабочий А.Михайлов нечаянным выстрелом тяжело ранил своего товарища Павла. Его отправили в больницу в Выборг, там пришлось ампутировать ногу.

Для лаборатории Центральной инструкторской школы срочно пришлось снять помещение подальше от станции Куоккала, но не слишком далеко. Это был дом в деревне Хаапала. Владение принадлежало крестьянину Пимию, где он жил вместе с матерью и сестрами. Постройки находились в 5 км. От станции Куоккала на пути в село Кивенаппа. Дом стоял у самого берега реки Сестры на высоком косогоре. Рядом находилась мелочная лавка его брата Иосифа Пимия.

Школа продолжала работу, но ее преследовали неприятности. 2 мая 1907 г. четверо слушателей, а именно Кульпе, Андреев, Лодин и Семейт, перешли Сестру, чтобы опробовать оружие. Там натолкнулись на русского стражника-пограничника и в перестрелке убили его. Кроме того, в ряды школы сумел проникнуть провокатор Болеслав Бродский. Только позже удалось выяснить, что он был связан с охранкой.

На следующий день после убийства пограничника, 3 мая 1907 г., дачу Пимия окружили финские стражники и находившихся там 11 слушателей школы арестовали и препроводили в Выборг.

Все петербургские газеты начали публиковать отчеты о судебном процессе в Выборге. Он проходил в выборгском гофгерихте, с 21 июня по 12 ноября 1907 г. Почти все эти месяцы газеты печатали отчеты о процессе. Особенно подробно сообщала о каждом заседании процесса петербургская газета «Право».[3]

Всего прошло семь заседаний.

В начале второго заседания выступивший защитник нашел обвинение в изготовлении взрывчатых веществ и снарядов, предъявленных подсудимым, совершенно недоказанным. Он ходатайствовал об отложении дела. Третье заседание началось с оглашения подсудимым постановления подполковника отдельного корпуса жандармов Николаева от 16 мая, гласящее, что все 11 подсудимых по сведениям, имеющимся в жандармском управлении состояли членами Военной организации при Петербургском комитете Российской социал-демократической рабочей партии. Отмечалось, что все они принадлежат к сообществу, проявившему свою деятельность в России, поставившему своей целью изменение существующего государственного строя в России и имеющему в своем распоряжении взрывчатые вещества. На основании этого все обвиняемые были привлечены к ответственности по 2-й части 102-й статьи уголовного уложения и потому подполковник Николаев вновь выходит через финляндского генерал-губернатора с представлением о выдаче, финляндскими властями всех обвиняемых, русским властям для возбуждения против них судебного преследования в установленном порядке.

К четвертому заседанию поступили документы от московского судебного следователя по особо важным делам, где раскрывалась деятельность Александра Чесского еще в 1906 г. Сообщалось о том. Что он совершил побег из московской тюрьмы, о чем судебный следователь сделал представление суду еще 13 октября 1906 г. Поэтому по окончании суда над ним в Выборге требует передать его в распоряжение русских властей для окончания прерванного следствия и для заключения его под стражу.

Но на вечернем заседании решили отказать, согласно закону, выдачу Чесского Московским судебным властям до окончания суда в гофгерихте.

Пятое заседание началось с чтения документов, полученных от московского градоначальника относительно личности А.Чесского: Александр Федорович Чесский родился в 1885 г. в местечке Рудни Оршанского уезда Могилеской губернии; отец его – надворный советник Федор Павлович и мать Александра Тимофеевна. Учился Чесский до 1906 г. в Московском университете по естественному отделению. В 1906 г. он был арестован после обыска, по подозрению в принадлежности к боевой дружине большевиков Российской социал-демократической партии; обыск был произведен в отсутствии Чесского, причем была обнаружена лаборатория взрывчатых веществ, по поводу чего и было возбуждено следствие.

Чесский впоследствии был задержан на улице и заключен в полицейский арестный дом, откуда пытался совершить побег, который был во время предупрежден. За неимением улик дело, по заключению прокурора московской судебной палаты, было прекращено. Вследствие этого градоначальником было сделано в порядке 34 ст. положения о чрезвычайной охране представление министру внутренних дел о необходимости высылки Чесского в административном порядке, в ответ на которое получил распоряжение министра о высылке Чесского в Туруханский край Енисейской губернии сроком на 5 лет, но высылка эта не была приведена в исполнение, т.к. в то же время от прокурора московской судебной палаты получено уведомление, что Чесский привлечен судебным следователем по особо важным делам к следствию по обвинению его по 2-й ч. 126-й ст. уголовного уложения. Вследствие этого Чесский был переведен в московскую пересыльную тюрьму, откуда, как видно из донесения начальника тюрьмы от 14 сентября 1906 г. он бежал.

Когда председатель суда спросил Чесского, где тот познакомился с бомбами, он ответил так: «С бомбами я впервые познакомился в московской центральной пересыльной тюрьме; там, в ”бутырке” и получил чертежи и снимки, познакомился с теорией, но это было знакомство поверхностное, не подробное. Более подробно с устройством бомб, и в частности папковых, я познакомился в Москве в декабре, во время вооруженного восстания».

Что касается обнаруженной у него при обыске бомбы, Чесский объяснил, что просил ее взять один товарищ перед приближающимися обысками в связи с 1 мая. Он не знал, что в Финляндии нельзя хранить бомбы и динамит.

Обстановка в суде резко изменилась к шестому заседанию. У всех входов выборгского гофгерихта стояли большие наряды полиции. Обвиняемых закованных в ручные кандалы привели через особый вход и сразу изолировали от публики. Были приняты совершенно исключительные меры. Кроме того, потупило в суд извещение, что защитник Я. Моберг отказывается от защиты обвиняемых. Его сменил Селлин.

В чем же была причина таких резких изменений? Оказалось, что еще на пятом заседании суда у одного из обвиняемых полицейский вырвал записку, которую тому передали из публики. Записок было

две. Одну из них, получивший их, успел проглотить. А вторая же попала к судьям. Выяснилось, что товарищи запрашивали о планах тюрьмы и здании гофгерихта. Готовился побег.

Приговор был зачитан 31 декабря 1907 г. (13 января 1908 г. по новому стилю). Весь состав суда и товарищей поразило последнее слово, которое произнес Александр Чесский. «Суд не добыл никаких твердых доказательств, - сказал он, - что мы хотя бы отчасти способствовали успеху русской революции. Основанием к обвинению служит только общая картина наших действий. Но, т.к. по-видимому, господин прокурор является искренним защитником русского самодержавия, я, чтобы доставить ему удовольствие, заявляю, что все найденные документы принадлежат мне, и я действительно принадлежу к одной из революционных партий, которую не назову, я принимал активное участие в русской революции и между прочим был дружинником в декабрьском восстании 1905 г. в Москве. Меня арестовали и я бежал. Понятно, что я всюду вносил некоторый революционный оттенок. Это я принес в лабораторию бомбы и прочее. Но, тем не менее, лаборатория носила вполне мирный характер, а занятия в ней были чисто научными.

Финских властей мы не боялись, но опасались русской полиции. Преследование меня русскими властями вынуждало и лаборатории придать несколько конспиративное устройство: многие носили оружие, устраивали иногда караулы и т.п. Я не считаю гофгерихт компетентным судить меня, а то ему придется судить и целый народ, которого суд совершенно не знает. Вначале я не заявлял о своем активном участии в революции, надеясь на либерализм финских властей и на освобождение легальным путем. Теперь же я настойчиво прошу отправить меня в Россию, господа судьи. Какой оттенок революционной преступности останется у этих людей /жест в сторону товарищей/ - Надеюсь, что после моего признания суду стала ясность непричастности подсудимых к революционной деятельности»[4]

15 июня 1908 г. приговор гофгерихта. Составленный в соответствии с обвинительным актом, был утвержден сенатом Финляндии. Дело А.Чесского было выделено и его препроводили в Петербург. Его посадили в Петропавловскую крепость в камеру № 563, где до него сидел Н. Бауман. Альфреду Нейману присудили 3,5 года заключения в рабочем доме. Троих освободили, остальных на 2 года и 10 дней было решено заключить в том же Рабочем доме.

Не прошло и десяти дней, как Финляндия капитулировала под натиском царской власти. Все не только осужденные, но и оправданные были отправлены в Петербург, где их ждал военно-полевой суд.

Более года длилось в Петербурге жандармское судебное разбирательство. Их обвинили в принадлежности к Боевой организации при Санкт-Петербургском комитете РСДРП, цель которой «путем вооруженного восстания и террористических актов изменить существующий в России образ правления». Все были помещены в одиночки тюрьмы «Кресты».

Подсудимые были приговорены к каторжным работам. А что же Александр Чесский? В Петропавловской крепости он психически заболел. В июле 1909 г. в жандармское управление поступило сообщение, что Александр Чесский скончался. Он прожил всего 24 года.

Но рассказ об Александре Чесском будет неполным, если не вспомнить об одной детали. В выборгской теремной камере он вел своеобразный дневник. Тетрадь в плотном переплете синего цвета со светло коричневым корешком ему передал заместитель директора тюрьмы Герих. На последней чистой странице он указал, что в тетради 58 страниц и поставил свою подпись. На этикетке, наклеенной на обложке, по латыни написано Александр Чесский.

Чем же интересна эта тетрадь? Александр Чесский писал в ней свои стихи о событиях, которым он был свидетель и которые сам пережил. Здесь же черновые записки и письма. Чрезвычайно любопытно письмо Альфреду Нейману, где он подробно объясняет почему его выступление показалось тому как умышленное «оставление Кальнина, в придирчивости к нему».

Заканчиваются записи Александра Чесского коротким эссе, философскими наблюдениями, которые он назвал «О приват-доцентах Триродовых». «Буря часто выбрасывает на морской берег жемчужины, - писал он, - но она же смывает с берегов и гонит в открытое море все легкое, хлипкое и пресмыкающееся. Есть три рода революционеров: солдаты революционной армии – это те, кто подставляет свои груди под вражеские удары и погибают часто незнакомые никому, кроме нескольких близких товарищей: генералы, декретирующие революционные моменты ”из прекрасного далека” и появляющиеся в рядах действующей армии только в исключительных случаях – им принадлежит слава и будущее. Их украшают лавровыми венками: и, наконец, господа революционеры, ни принимающие никакого прямого участия в революции, занятые устройством себе карьер, но претендующие часто на генеральские места и революционные лавры после революции. Это созерцатели, укрыватели, издатели и пр. и пр. По большей части, - это маленькие тщеславные человечки, не находящие удовлетворения в своей начальной карьере и надеющиеся найти его в революции».[5]

Такова одна из страниц истории революционных событий России начала XX века и мужества героев этого времени.

Д. А.Журавлев

ВЛИЯНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В ЛЕНИНГРАДЕ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939- 1940 ГГ.

Причины и природа возникших проблем в социально-экономической сфере Ленинграда в период советско-финляндской войны определялись как внутренними, так и внешними факторами. Первые отражали то положение, которое сложилось в различных сферах города к началу боевых действий, и во многом являлись индикатором тех отношений, которые существовали в нем. Внешние факторы проявились в связи с тем, что Ленинград являлся центром северо-западного региона, а также Ленинградского военного округа, в связи с этим, компенсация разного рода недостатков в период войны в данных регионах возлагалась на Ленинград, что непосредственным образом сказывалось на внутренней обстановке в городе. В первую очередь это относилось к транспортной инфраструктуре, слабое развитие которой в прилегающих к Ленинграду областях, создавало серьезные трудности в процессе снабжения действующей армии и вместе с тем негативным образом влияло на положение в городе, являвшемся также крупным транзитным пунктом. Кроме того, потенциал Ленинграда использовался для компенсации недостатков в других сферах, связанных в той или иной степени с обеспечением жизнедеятельности войск (производство продукции военного назначения; отправка медицинских формирований на фронт; выделение транспорта для нужд армий и т.д.).

Рассмотрим обстановку, сложившуюся в городе с началом советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг., затронув при этом различные сферы жизни города. Несмотря на то, что в фокусе нашего внимания оказались вопросы, связанные с медицинским обеспечением, были исследованы и другие аспекты, связанные с влиянием боевых действий на положение в Ленинграде, для того, чтобы изучить имевшие место явления в едином комплексе.

Изменения в обычном течении городской жизни стали происходить незадолго до начала боевых действий, осенью 1939 г., а именно, в период военных сборов, которые начались в Ленинградском военном округе 7 сентября 1939 г. В городе прошла частичная мобилизация военнообязанных, значительная часть которых, вместе с тем, так и оставалась в своих частях до начала советско-финляндской войны. В Ленинграде в данное время активно проводились мероприятия по развертыванию различных воинских формирований, где военно-медицинская служба принимала действенное участие: начинали свою работу эвакуационные госпитали, организовывались призывные пункты, для обеспечения которых были задействованы местные материальные и людские ресурсы. Уже на данной стадии городское здравоохранение начало испытывать ощутимые проблемы, так как значительная часть врачебного состава, состоявшая на воинском учете, были либо призваны для прохождения службы в войсках, либо привлекались для обеспечения проводимой мобилизации.

С течением времени, по мере того как становилась очевидной несостоятельность попыток решения возникших между СССР и Финляндией противоречий дипломатическим путем, и, соответственно, повышалось внимание к вооруженному разрешению вопроса, Ленинград все более

втягивался в процесс обеспечения войск Красной Армии материально-техническими и людскими ресурсами. С первой половины ноября 1939 г. начинается проведение подготовительных мероприятий, направленных на создание основы для успешной деятельности войск в предстоящей боевой операции. На уровне военно-медицинской службы это было связано с развертыванием как органов управления лечебно-эвакуационным обслуживанием, так и формированием отдельных ее составляющих. Начинают развертываться эвакуационные госпиталя, создается фонд оперативных коек в лечебных учреждениях города. При этом наблюдалась вполне отчетливая тенденция, при которой расширение военного сектора сопровождалось практически сопоставимым сокращением ресурсов в гражданской сфере, что определялось ограниченными возможностями данного сектора.

Многие учреждения и организации были вынуждены перестраивать свою деятельность в соответствии с новыми условиями. Здравоохранение и народное образование в наибольшей степени оказались вовлеченным в процесс организации лечебно-эвакуационного обслуживания Красной Армии. В школьных зданиях в данное время развертывались эвакуационные госпитали, а также проводились работы по приспособлению отведенных помещений. В гражданских лечебных учреждениях также проводились соответствующие мероприятия по созданию резервного коечного фонда для медицинского обеспечения Красной Армии.

Уже в первые дни боевых действий выявились проблемы, существовавшие в городе на предвоенном этапе, но протекавшие в скрытой форме, вследствие целого ряда сдерживающих моментов. В качестве одной из наиболее острых проблем следует назвать дефицит свободных площадей в городе, определявшийся крайне низкими темпами строительства жилого фонда, а также объектов социального назначения. На уровне городского здравоохранения это привело к серьезным затруднениям при размещении в лечебных учреждениях не только раненых и больных военнослужащих, но и самих горожан. Вместе с тем, в качестве сопутствующей проблемы следует отметить и ограниченный фонд материально-технического имущества для обеспечения лечебных мест, что не позволяло в целом говорить о высоком уровне оказываемой медицинской помощи.

Указанное обстоятельство свидетельствует не только об имевших место проблемах в социально-экономическом развитии Ленинграда в конце 1930-х годов, но и о недостаточном внимании к разработке мероприятий подготовительного характера в предвоенный период – низкий уровень мобилизационной и оборонной работы в городе, основная задача которой состояла в подготовке городской инфраструктуры к предстоящим боевым действиям, организации взаимодействия с военными органами.

Как показали первые декабрьские дни 1939 г., Ленинград, занимавший особое географическое и стратегическое положение в северо-западном регионе, оказался в крайне затруднительном положении при обеспечении транспортных перевозок. Особенности рассматриваемого региона, связанные с недостаточным уровнем развития дорожной сети, особенно железнодорожных магистралей, а также расположение линии фронта относительно большей части путей сообщения, привели к тому, что

Ленинград стал крупным транзитным центром, через который шло снабжение действующей армии необходимым материально-техническим имуществом, а также личным составом. В то же время, в обратном направлении следовали военно-санитарные поезда, а также необорудованные для целей медицинской эвакуации пассажирские и пригородные поезда, доставлявшие в город значительную часть пострадавших военнослужащих. При этом в первый период боевых действий, и отчасти во время мартовского наступления Красной Армии 1940 г., крайне остро ощущался недостаток в подвижном составе железнодорожного транспорта, предназначенного для эвакуации военнослужащих в тыл, так как все ресурсы округа, согласно директивным указаниям командования, а также политического руководства страны, были направлены на вывоз раненых и больных из войскового и армейского районов. Таким образом, большая часть военнослужащих, нуждавшихся в медицинской помощи, «оседала» в Ленинграде в ожидании дальнейшей эвакуации в тыл страны. Отрицательным образом повлияло на складывание подобной обстановки такое явление как «пробки» - скапливание транспорта на отдельных участках, мешавшее дальнейшему продвижению транспорта, в отдельных случаях в обоих направлениях. Данное обстоятельство было связано не только с отсутствием необходимой системы регулирования движения, но и дефектами технического обслуживания подвижного состава, а также неудовлетворительным состоянием путей сообщения[290].

Кроме того, формированию необходимых условий работы военно-медицинской службы как на уровне города, так и всего Ленинградского военного округа в целом, препятствовали проблемы организационного характера. До января 1940 г. в системе лечебно-эвакуационного обслуживания Красной Армии не создавались госпитальные базы фронта, вследствие чего основная часть раненых и больных не только из армий, действовавших на Карельском перешейке, но и из северных армий, поступали сразу в Ленинград, который являлся центром фронтового эвакуационного пункта 50. Однако и в самом Ленинграде отмечались трудности организационного плана. В городе существовал единственный госпиталь осуществлявший прием, сортировку и дальнейшую отправку раненых и больных в тыл страны – сортировочный эвакуационный госпиталь (СЭГ) № 1170, располагавшийся на территории Александро-Невской лавры. Вследствие специфики своей работы, госпиталь примыкал к железнодорожным путям, которые были ориентированы в большей степени на проведение эвакуации в тыл страны.

В первый период боевых действий военно-санитарные поезда, двигавшиеся с Карельского перешейка, направлялись по правому берегу Невы через станцию "Дача Долгорукова", пересекали ее по Финляндскому железнодорожному мосту и далее следовали по левому берегу в направлении санитарной рампы СЭГ № 1170, при этом использовались пути соединительной железной дороги. В результате, в один сливались крупные потоки поездов, шедших с Карельского перешейка - Приморской, Парголовской и Токсовской веток[291]. Наибольшие трудности в движении военно-санитарных поездов возникали при прохождении участка соединительной железной дороги и, прежде всего, Финляндского железнодорожного моста, перед которым составы, груженные ранеными и больными вследствие

образовавшихся "пробок", простаивали несколько часов, ожидая очереди пропуска. Это приводило к сбою и нарушению графика в поступлении поездов на рампу СЭГ № 1170. Работа диспетчерской службы в отношении приема и разгрузки военно-санитарных поездов имела в таких условиях большое значение, однако, ее организационная структура только складывалась в рассматриваемое время.

Отдельные позитивные изменения в данной области произошли после открытия второго сортировочного госпиталя (№ 2307) на базе больницы им. Мечникова[292], однако проблемы с прохождением участка соединительной железной дороги по-прежнему ощущались, особенно в период февральского наступления Красной Армии, а также последующей эвакуации военнослужащих в марте 1940 г. в тыловые районы страны.

Разного рода дефекты в организации лечебно-эвакуационного обеспечения Красной Армии, в первую очередь армий, действовавших на Карельском перешейке, становились причиной того, что раненые и больные доставлялись в город автотранспортом непосредственно из войскового района[293]. Только за первые десять дней боевых действий в город было доставлено 1517 человек[294], однако вскоре эти перевозки были прекращены, что следует объяснить существовавшими на транспортных магистралях «пробками», а также неэффективностью в использовании данного транспорта при эвакуации раненых и больных с предшествующих лечебно-эвакуационных этапов в Ленинград.

Подготовка к боевым действиям, а также непосредственное проведение операции было ознаменовано возрастанием эксплуатации транспорта в пределах города. Для нужд Красной Армии был мобилизован не только подвижной состав грузового и легкового транспорта, но и личный состав автопарков и отдельных учреждений. Вследствие этого возник дефицит водительских кадров. С целью заполнения вакантных мест, для работы привлекались лица, не имевшие в целом ряде случаев соответствующей квалификации, а в отдельных случаях и прав. Это приводило к повышению числа дорожно-транспортных происшествий в городе[295]. Новый график движения в городе менял сложившуюся структуру не только вследствие своей интенсивности, но и объемов, а также характера перевозок. Значительная часть автотранспорта, располагавшегося в городе, была мобилизована в период учебных сборов осенью 1939 г., и в более широких масштабах, с началом боевых действий, что определялось нормами существовавшего мобилизационного плана[296]. Вследствие того, что объем транспортных перевозок в различных сферах городского хозяйства, напрямую несвязанных с выполнением оборонных заданий, с началом войны не уменьшился, а парк автомашин был мобилизован для нужд действующей армии, то властями города изыскивались дополнительные возможности, которые позволили бы обеспечить необходимый объем перевозок. Для этих целей активно использовался автотранспорт, который вследствие износа в период эксплуатации, не подлежал мобилизации, что вело к повышению числа несчастных случаев, связанных с технической неисправностью машин.

Кроме того, значительно возросло использование гужевого транспорта для осуществления перевозок в пределах города, в частности, для обеспечения материально-техническим имуществом

развернутых госпиталей. Складывавшаяся к концу 1939 г. структура транспортного движения в Ленинграде уже в малой степени учитывала движение гужевого транспорта как в отношении их размещения на прилегающих к магистралям территориях, так и регулирования их передвижения, что не исключало случаи появления конных повозок в пределах города, особенно на окраинах. Вследствие этого, в период боевых действий отмечались отдельные явления, свидетельствовавшие об отсутствии реальной возможности осуществлять регулирование движения данного вида транспорта, особенно в местах наибольшего скопления транспорта[297].

Значительные коррективы в движение транспорта в городе, а также повседневной жизни Ленинграда в целом, внесло введенное с первых дней боевых действий затемнение[298]. На данный момент мы не располагаем конкретными данными относительно того, каким образом отразилась указанная мера на обстановке в городе, однако на основании схожего материала мы можем сделать отдельные предположения по данному поводу. В Англии в 1939 г. за первый месяц введения затемнения, связанного с началом боевых действий, число смертельных случаев на дорогах возросло до 1100 в месяц, в то время как довоенные показатели составляли 500 – 600 случаев[299]. Можно предположить, на данной стадии, что в Ленинграде также имели место подобные явления, прежде всего в декабре 1939 г., когда в необходимой степени еще не было создано условий для нормального функционирования транспортной сети города.

Подверглись изменениям также маршруты и график движения городских пассажирских маршрутов, что было связано с использованием подвижного состава городского транспорта в целях медицинской эвакуации. По тем данным, которыми мы располагаем, троллейбусы привлекались для указанных целей в крайне ограниченных масштабах, что было связано с их относительно небольшой мобильностью, а также сравнительно малой историей существования в Ленинграде. Автомобильный транспорт эксплуатировался в данных целях более активно, однако здесь сыграло свою роль то обстоятельство, что для перевозки раненых и больных автотранспортом использовался подвижной состав других транспортных предприятий, переоборудованных для этих целей[300], а также, в ограниченных масштабах, машины скорой помощи. Подавляющее число перевозок в данном секторе было осуществлено трамваями, которые были переоборудованы для соответствующих целей еще в предвоенный период. Вместе с тем, исходя из того обстоятельства, что трамвайные ветки оборонного значения были сооружены не ко всем медицинским учреждениям, где планировалось разместить раненых и больных, а также сложностями в организации движения в городе, было принято решение о переоборудовании ряда трамвайных составов и последующей их отправке на городские маршруты[301].

Развертывание эвакуационных госпиталей в Ленинграде и последующее увеличение их числа, вызвало необходимость внесения серьезных коррективов в работу учреждений народного образования, прежде всего средних учебных заведений, в которых и развертывались формируемые госпитали. Вследствие этого учебный процесс претерпевал существенные изменения. В период боевых действий, а также учебных военных сборов производились так называемые «частичные отводы» школьных зданий

для проведения мероприятий оборонного характера. В этих случаях сужались рамки действия нормативов организации учебного процесса, и осуществлялось перераспределение учащихся между школами. Только в Куйбышевском районе на начало апреля 1940 г. 1640 учащихся размещались по школам Дзержинского и Фрунзенского районов[302]. Наравне с этим, существовавшим мобилизационным планом предусматривалась одновременная передача военному ведомству соседних школ в одном районе, что приводило к серьезным осложнениям в работе учреждений народного образования. Большая часть школ переходила на работу в 1,5 – 2 смены[303]. Хаотичность данных мероприятий, включавших в отдельных случаях серьезные нарушения со стороны командования эвакуационного пункта, вызывала недовольство у чиновников наркомата просвещения. Заместитель заведующего Ленгороно по оборонной работе Акимов в январе 1940 г. обратился в Военный отдел Ленсовета с просьбой о пересмотре отдельных нормативов существовавшего мобилизационного плана, вследствие того, что подобная система препятствовала организации нормальной учебной работы в городе и вела к ее ухудшению[304]. Боевые действия тем самым осложнили и без того непростую обстановку в сфере народного образования в Ленинграде, положение которого уже в предвоенный период было крайне трудным, так как существовавший комплекс средних образовательных учреждений не соответствовал потребностям города в условиях изменений демографической обстановки в Ленинграде[305].

Городское здравоохранение в наибольшей степени оказалось затронуто происходившими событиями. В период боевых действий 1939-1940 гг. реализация материальных и людских ресурсов гражданского здравоохранения Ленинграда шла в двух направлениях:

-укомплектование личным составом, а также необходимым медико-техническим имуществом лечебных формирований и учреждений, для отправки в действующую армию;

-оказание медицинской помощи раненым и больным военнослужащим непосредственно в Ленинграде.

Степень мобилизации наличных ресурсов Ленинграда определялась его положением относительно театра военных действий. Освоение запасов санитарного имущества, техники, а также лекарственных препаратов, хранившихся на складах Ленинграда, активнее проходило в городе, а также воинских частях, находившихся в непосредственной близости от Ленинграда, что объяснялось, прежде всего, трудностями с доставкой грузов по транспортным магистралям в пределах северо-западного региона. Медицинский персонал был задействован в более широких территориальных рамках, так как недостаток квалифицированных специалистов ощущался на всех этапах лечебно-эвакуационного обслуживания Красной Армии.

Ленинград являлся крупным медицинским центром, где были сосредоточены не только научно-практические лечебные учреждения, но и учебные заведения, готовившие врачей высокой квалификации, а также средний медицинский персонал. Исходя из столь благоприятной обстановки, командование Ленинградского военного округа признало целесообразным призыв в Красную Армию

вышеуказанных категорий с целью заполнения штатной численности формируемых лечебных учреждений и подразделений военно-медицинской службы. Мобилизация врачебного и среднего медицинского персонала развернулась еще в начале сентября 1939 г.[306], во время проведения военных сборов, вместе с тем, хотя она и значительно ослабила систему Ленгорздравотдела, призыву подлежали только военнообязанные. Гораздо более ощутимой была мобилизация, проведенная уже в период боевых действий, когда в условиях крайне недостаточной кадровой численности, привлекались те категории, которые на военное время были закреплены за гражданскими лечебными учреждениями и могли быть призваны лишь в случае крайней необходимости.

Недостаток в соответствующих кадрах на местах, а также низкий уровень мобилизационной работы в предвоенный период, определили подобную активность в отношении всех медицинских работников, вне зависимости от их профессионального уровня, специализации, а также стажа работы, однако следует отметить, что процент призываемых врачей был выше, чем в других категориях медицинских работников Ленинграда. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в условиях фронтовой полосы заполнение развернутых лечебных учреждений средним медицинским персоналом проходило без особых затруднений, в отношении более квалифицированных кадров ситуация была благополучной только на направлениях, находившихся в зоне крупных городов (Ленинград, Мурманск, Петрозаводск). Отличительной чертой мобилизации, проведенной в период боевых действий, явилось также возрастание численности женщин[307], обусловленное привлечением в широких масштабах врачей и сестер из ленинградских лечебных учреждений.

Мобилизация медицинских работников привела к тому, что уже в декабре 1939 г. стал остро ощущаться дефицит, как специалистов, так и неквалифицированных кадров в лечебных учреждениях Ленинграда, вследствие того, что сверх плана в действующую армию было направлено 1 000 медицинских сестер и 120 хирургов[308]. Кроме того, врачебный состав ленинградских стационаров был привлечен для работы в призывных комиссиях. Мобилизация медицинского персонала проходила довольно часто без ведома Ленгорздравотдела. Городской военкомат, действуя согласно имевшимся предписаниям в отношении формировавшихся медицинских учреждений, призывал в действующую армию работников больниц и поликлиник, предварительно не уведомляя руководство городского здравоохранения. Это не могло не сказаться на уровне медицинской помощи, оказываемой в городе. Осложнилась ситуация с особо дефицитными специальностями (отоларингологами, окулистами, рентгенологами, хирургами). Вызовы к больным выполнялись несвоевременно, с опозданием на день и более, кроме того, часть вызовов обслуживалась средним медицинским персоналом[309]. Недокомплект врачей по квартирной помощи составлял в среднем 50 % в детской и взрослой сети. В Петроградском районе по 34-й поликлинике на 4 марта 1940 г. оставались невыполненными 60 вызовов. Такое же положение складывалась и в Октябрьском районе – недовыполнение вызовов в среднем было от 50 до 60 ежедневно[310].

Обстановка в данной сфере усугублялась еще и тем обстоятельством, что по всей системе городского здравоохранения в предвоенный период имело место несоответствие реальной численности медицинского персонала штатной[311].

В военное время вышеуказанная тенденция могла привести к нарушению нормального функционирования города, вследствие чего со стороны городских властей и командования ЛВО были найдены новые механизмы регулирования численности врачебного персонала, отличительной чертой которых являлось реализация не только наличных людских ресурсов, предусмотренных мобилизационным планом, но и использование труда вольнонаемного медицинского состава, Общества Красного Креста, а также гражданского населения Ленинграда. Однако более широкой стала практика увеличения нагрузки на медицинский персонал лечебных учреждений. Подобного рода явление следует рассматривать как экстенсивный способ решения проблемы, но вместе с тем он являлся наиболее простым в условиях больших нагрузок, требовавших адекватной реакции в короткие сроки, при отсутствии иных, более действенных административных ресурсов.

По мере нарастания активности боевых действий и увеличения числа, раненых и больных, доставленных в город, наравне с количеством лечебных мест в городских медицинских учреждениях, предназначенных для размещения раненых и больных – «оперативных коек», возрастает и численность лечебных учреждений, где они были развернуты. К концу советско-финляндской войны медицинскими учреждениями Ленинграда в оперативное распоряжение НКО было выделено 8270 коек[312], что составляло практически 30 % от общего количества лечебных мест, развернутых в городе. «Оперативные койки» действовали в 20 гражданских медицинских учреждениях Ленинграда – 7 больницах, 12 научно-исследовательских институтах, одном диспансере. В данный процесс были вовлечены не только доминировавшие в целом стационары наркомата здравоохранения, но и других ведомств (Узловая больница, Портовая).

Мероприятия по увеличению числа «оперативных коек» в ленинградских больницах повлекли за собой соответствующее уменьшение лечебных мест для горожан. Данная практика стала реализовываться уже накануне войны – в конце ноября 1939 г. с целью освобождения больничных коек, включенных в мобилизационный план, находившиеся на них пациенты были по медицинским показаниям в отдельных случаях выписаны, либо направлены в другие учреждения гражданского здравоохранения для окончания курса лечения[313]. Как отмечалось в докладной записке заведующего Ленгорздравотдела Л.А. Эмдина председателю Исполкома Ленсовета П. С. Попкову «никаких недоразумений и конфликтов с больными при выделении коек для оперативных целей не было»[314].

В более благополучном состоянии находились закрытые поликлиники и амбулатории, входившие в систему ведомственных заведений. На их базе проходили лечение работники предприятий и организаций, занимавшихся выполнением оборонного задания. Сведений относительно привлечения медицинского персонала этих лечебниц, а также размещения в них раненых и больных военнослужащих нами в архивных материалах не найдено, напротив, в них зафиксирована стабильная

деятельность по оказанию медицинской помощи рабочим коллективам данных предприятий[315]. Следует предположить, что вследствие высокого значения выполняемых заданий, указанные стационары были освобождены от выполнения экстренных мероприятий, вызванных боевыми действиями 1939-1940 гг.

Гражданское здравоохранение Ленинграда в рассматриваемый период характеризовалось двумя разнонаправленными тенденциями, отражая общий фон происходящих событий не только в рамках одного города, но и всей страны. С одной стороны, включение столь мощного образования как Ленгорздравотдел в структуру медицинской службы Ленинграда, позволило организовать действенную систему оказания лечебной помощи раненым и больным военнослужащим, эвакуированным в город, повысить ее уровень. Вместе с тем, наличие целого ряда серьезных проблем в системе городской медицины, не нашедших разрешения в предвоенный период, стали причиной проявления подобного рода негативных явлений в 1939-1940 гг. на различных этапах лечебно-эвакуационного обслуживания Красной Армии. В сочетании с необъективными мобилизационными разработками, а также затруднениями, свойственным любому образованию на стадии становления, это не позволило реализовать в максимально эффективной форме принципы работы, которые соответствовали реальным требованиям обстановки военного времени. С другой стороны, шло параллельное уменьшение объема и уровня медицинских услуг, оказываемых горожанам, в результате чего система городского здравоохранения, предпринимавшая в предыдущие годы определенные шаги к укреплению своего положения и расширению лечебной сети, обнаружила четкие признаки кризиса уже не по отдельным параметрам, а во всей совокупности.

Дефицит материально-технического имущества в сфере лечебно-эвакуационного обеспечения Красной Армии, вызванный низким уровнем предварительной работы по подготовке соответствующих запасов на складах в довоенный период, отразился на торговой сфере города. Из-за отсутствия необходимых препаратов, военные склады осуществляли прямые закупки в городских аптеках[316], тем самым серьезно осложняя обстановку в обеспечении горожан лекарственными средствами. Вместе с тем, кризис снабжения в торговой сети Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939 – 1940 гг., затронул и другие сферы[317]. Все более частыми становились очереди магазинах, которые стали появляться в городе еще в предвоенный период. Попытки разрешения столь сложной социальной проблемы административными мерами не привели к желаемым результатам – несмотря на производимые милицией арестами, очереди продолжали существовать[318], доказывая, что природа этого явления состояла не в плоскости спекуляции, а в обеспечении населения необходимым набором товаров.

Повседневная жизнь горожан также оказалась затронута начавшимися боевыми действиями. Неотъемлемой чертой городской жизни в данной время, как уже отмечалось, стало затемнение. Под влиянием данных специфических условий, изменялась и жизнь в Ленинграде. Следует отметить при этом, что, несмотря на особое внимание, которое отводилось данным мероприятиям, нередкими были

случаи нарушения установленных правил, что было связано со сложностями адаптации населения к новой обстановке, режиму жизнедеятельности в условиях военного времени.

Боевые действия формировали также новый распорядок в культурной сфере города, проведение досуга со стороны жителей. Причем это влияние было довольно разнообразным и зависело от целого ряда факторов. Одну категорию горожан это затронуло в том, что больше времени они проводили на рабочих местах, выполняя возросший объем работ по обеспечению действующей армии. Других – вследствие участия в различных мероприятиях общественного характера, что определялось шефской помощью предприятий и организаций в отношении отдельных воинских подразделений, в том числе госпиталей[319].

Целый ряд объектов культурно-массового назначения использовались для военных нужд, прежде всего при развертывании эвакуационных госпиталей и последующего размещения в них раненых и больных военнослужащих. В Свердловском районе, в рамках постановления СНК СССР от 11 февраля 1940 г. и, последовавшего за ним распоряжения Исполкома Ленсовета, Ленгорздравотделом совместно с органами ВЦСПС во дворце культуры имени Кирова был развернут эвакуационный госпиталь № 1843 на 3000 коек[320]. Кроме того, предусматривалось в случае критического развития событий, развертывание лечебных мест также в городских музеях и клубах[321].

Отмечены здесь лишь отдельные примеры влияния боевых действий 1939 – 1940 гг. на обстановку в городе, однако они дают представление о том насколько велика была роль войны для Ленинграда. Выявленные уже архивные материалы дают основание говорить о том, что поступление раненых и больных в широких масштабах в Ленинград негативным образом сказалось на городской инфраструктуре в целом и на оказании медицинской помощи населению в частности.

Ленинградское здравоохранение, как и вся социально-экономическая структура города в целом, на данном этапе сыграли компенсирующую роль. Данные ресурсы были использованы командованием ЛВО и местным руководством в критической обстановке, обусловленной ходом боевых действий и последующим за ним общим спадом в различных сферах районов, находившихся в непосредственной близости к театру военных действий. В условиях военного времени, гражданский сектор оказался в подчиненном состоянии, что определило его неустойчивое положение, так как наличные ресурсы мобилизовывались не на основании определенных ранее конкретных расчетов, а исходили из реальных потребностей действующей армии. Подобная ситуация была характерна не только для гражданского здравоохранения, но и для всего городского хозяйства, ориентированного на выполнение поставленной перед ним оборонной задачи, экономический фактор при этом игнорировался[322]. Местный потенциал был направлен в данное время на поддержку фронта, финансовые и людские ресурсы, которые должны были сосредотачиваться в городе, перераспределялись для военных целей. Как следствие, усиление военно-медицинской службы Красной Армии шло за счет ослабления гражданского сектора, что привело, среди прочего, к снижению уровня оказываемой в Ленинграде лечебной помощи и определило негативные тенденции в развитии гражданского здравоохранения в последующий период.

Одним из основных векторов развития города в данное время, являлся переход большей части городского хозяйства на выполнение работ по обеспечению жизнедеятельности действующей армии, что определялось существовавшими приоритетами. В то же время, отсутствие серьезного резерва в социальной и экономической сферах, обусловленное трудностями предвоенного развития, не позволили максимально уменьшить степень данного влияния. Складывание подобной негативной обстановки объяснялось в первую очередь характерными чертами городского управления в конце 1930-х годов, когда основное внимание уделялось решению вопросов, определявшихся требованиями конкретного момента, ослабляя тем самым уровень обороноспособности Ленинграда. Вместе с тем, влияние боевых действий 1939 – 1940 гг. на обстановку в городе имело более длительный характер и определило во многом развитие социально-экономической сферы Ленинграда в последующий период, в том числе сказалось на степени его готовности к началу Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

А. В.Репневский

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПОМОРСКОЙ ТОРГОВЛИ И ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ[1]

Популярность понятия “поморская торговля” (по-норвежски “Pomorhandelen”, хотя норвежцы чаще говорили просто о “русской торговле”) настолько велика, что оно стало символом взаимной коммерции России и Норвегии XVIII - начала XX веков. Часто этот термин трактуется неверно. Он подсознательно распространяется на все без исключения каналы и формы торговых связей двух приполярных стран. На самом же деле поморская торговля это практически безденежный торговый обмен (бартер) норвежской рыбы на русский хлеб и некоторые другие товары широкого потребления. Этот действительно заслуживающий внимания региональный феномен, имевший даже общероссийское значение, подробно изучен отечественными, норвежскими и шведскими исследователями[323]. Но вот вопрос о причинах деградации этого типа экономических связей в начале XX века представляется достойным обсуждения.

Модно считать, что вина за ликвидацию поморской торговли всецело лежит на большевиках. Необходимо показать и иные более объективные причины краха торговли этого типа.

Пик развития поморской торговли в её чистом обменном виде пришелся на конец XVIII – первые десятилетия XIX вв. Однако, с конца XIX в. внимательные русские наблюдатели, например, Г.Р.Гебель, М.Пришвин[324] – с тревогой сообщали, как товарообмен с Норвегией перестает быть взаимовыгодным, как уходят вперед в своем развитии норвежские провинции Финмаркен и Трумс. В 1894 г. на русских промыслах случилась настоящая трагедия - погибло сразу 25 поморских судов. Царственный Петербург обеспокоился и сформировал специальный "Комитет помощи поморам" и "Комиссию по научно-промысловым морским исследованиям", которые действовали целое десятилетие.[325] Собранная этими организациями статистика свидетельствует о быстром оскудении мурманских рыбных промыслов и падении русского лова.

Таблица официальных данных о привозе в Архангельск рыбы

(в тысячах пудов)[326]

годы	привоз с российского Мурмана	привоз из Норвегии
1895	800 000	800 000
1898	460 000	980 000
1889 – 1907 (среднее)	360 000	1 380 000
1908	300 000	1 440 000
1909	323 167	1 772 000
1910	340 000	1 526 000

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда и администрации Архангельской области (проект № 02 — 01 — 00560а/С).

В заинтересованных кругах интеллигентного российского, и особенно Архангельского общества на рубеже XIX - XX вв. развернулась целая дискуссия о характере кризиса поморской торговли и путях его преодоления. В ней приняли участие весьма уважаемые печатные издания - журналы «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современный мир», «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», «Материалы к познанию русского рыболовства», «Известия Архангельского отделения императорского судоходства». Вывод об отсталости беломорского торгового флота поддерживали практически все. В целом исследователи констатировали, что поморская торговля с русской стороны с конца XIX в. пребывала в состоянии глубокой стагнации, тогда, как норвежцы осуществляли успешное наступление на российский рыбный рынок. Норвежский рыболовецкий флот обновился технологически, а также по методам и районам лова рыбы и боя морского зверя. Отечественный же поморский баркас мало изменился со времен М.В.Ломоносова.

На смену поморскому бартеру с неизбежностью приходил молодой и жизнеспособный капиталистическо-купеческий способ межгосударственной торговли. Мелкие обменные операции в капиталистическую эпоху становились анахронизмом. Однако русский капитализм развивался относительно медленнее, чем таковой же в северо-норвежских провинциях. Потому Русский Север и проигрывал в темпах экономического развития, а также в рыбодобывающем и коммерческом отношении Северной Норвегии. Буржуазия пробивала себе дорогу на Русском Севере весь XIX век, постепенно вытесняя малотоннажные поморские суда мощными пароходами, а поморские артели – акционерными компаниями, бартер - валютными банковскими операциями. Эти компании разного профиля включали как российских, так и зарубежных промышленников из Норвегии, Британии, Голландии. Назовем, к примеру, созданную перед самой мировой войной фирму «Прютц и К°» или сотрудничавшую с ней «Баке и Виг». Первая мировая война заморозила их деятельность. А Октябрьская революция 1917 г. отняла собственность и капиталы этих частных фирм. Поморская торговля не была восстановлена и в период нахождения у власти белого правительства Северной области (1918 – 1919 гг.).[327] Тогда имели место только незначительные по объёму операции нескольких архангельских купцов[328].

Широко известно, что именно поморы в свое время стали первыми массовыми поставщиками хлебного зерна и муки в Норвегию. Но с конца XIX века и поставка хлеба ускользнула из рук поморов. Это не означало, конечно, что они перестали завозить крупу и муку в заполярные районы Скандинавии. Просто их доля в норвежских закупках этих продуктов резко упала. Подавляющая часть зернового груза большими партиями поставлялась теперь через южно-российские порты: Одессу, Феодосию, Новороссийск, Таганрог. Лишь незначительное количество зерна переправлялось через Архангельск и Балтику (через Ригу и Ревель). В 1905 г., к примеру, соотношение поставок по регионам было таково: из Черного моря в Норвегию зерна прибыло на 28.927.900 крон, из Белого – всего на 1.077.600 крон, а с Балтики и того меньше - на 343.200 крон. Между тем рыбу из Норвегии (на сумму до 5 млн. крон

ежегодно) продолжали завозить почти исключительно через Архангельск и Мурманск. Поэтому при общем положительном для России балансе её торговли с Норвегией, региональный – беломорский баланс оказывался с конца XIX века дефицитным.

Итак, мы видим, что понятие «поморская торговля» следует оценивать в динамике. Значение поморской торговли еще с 60-х гг. XIX в. стало неуклонно падать потому, что прошло ее историческое время. Этот тип торговли нельзя идеализировать. Всеми своими узами он был накрепко связан с феодализмом, относительной автономией и отсталостью периферийных территорий.

Несомненно, что окончательно и быстро погубило этот феномен введение государственной монополии на внешнюю торговлю с первых же месяцев установления советской власти. В этих обстоятельствах попытки норвежских и некоторых советских дипломатов (например, А.М.Коллонтай) реанимировать поморские торговые свободы в 20-е годы XX в. оказались безрезультатными.

Подводя итог, можно сказать, что поморская торговля, как индивидуальный, но массовый «народный бизнес», потерпела крах задолго до революции 1917 г. и прихода большевиков. Она проиграла соревнование капитализму. Однако при капитализме у поморской торговли все же был шанс найти свою малую экономическую нишу, невыгодную для эксплуатации крупным фирмам. Советская же власть ликвидировала остатки обменной торговли, как бы походя и навсегда. Основной удар большевиков, как и по всей стране, пришелся на севере по крупным и жизнеспособным промышленникам и торговцам – представителям капиталистического способа производства.

Как это не парадоксально, но кризисные условия конца XX века, в которых очутилась Россия, возродили интерес к принципам поморской торговли. Подобный ей безденежный обмен товарами получил в 90-е годы прошедшего века широкое распространение в нашей стране и носил название «бартер». Но в международных отношениях он серьезно укрепиться не мог и к началу XXI века «сошел на нет».

Сегодня мы вновь видим возрождение частной и государственной форм торговых сделок. Но объем их пока невелик, хотя он и значительнее, чем был в 80-е годы прошлого века. В начале же XX века Императорская Россия и в период первой пятилетки СССР числили Норвегию в пятерке-десятке своих главных экономических партнеров. А ныне в первые годы третьего тысячелетия Норвегия во внешней торговле Российской Федерации со странами Европы входит лишь в третью десятку, а во внешней торговле Норвегии Россия находится примерно на 15 месте. (На долю России приходится только 1% норвежского товарооборота с зарубежными странами, российский экспорт составляет 1,8%, импорт из Российской Федерации – 1%).[329]

Большая часть товарообмена с королевством приходится на русский Север и, потому, для северян Норвегия куда более значимый партнер, чем в среднем для всего российского бизнеса. Для Мурманской области Норвегия – самый главный торговый партнер. На Севере и Северо-западе России активизировалось всестороннее сотрудничество. Это проявилось в открытии в Киркенесе российского Генконсульства, а в Мурманске – норвежского. (Надо бы открыть таковое и в Архангельске. Ведь у нас

оно уже существовало с 1815 г. по 1939 г.). В Мурманске и Санкт-Петербурге открыты представительства Экспортного совета Норвегии. Ряд норвежских фирм и, по инициативе Норвегии, Фонд Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) открыли свои конторы в Архангельске, Мурманске и Петрозаводске. Добавим, что вовсе неслучайно появились прямые регулярные рейсы из Тромсё и Киркенеса в Мурманск и Архангельск, завершается строительство нового помещения российской таможни на общей сухопутной границе.

В Норвегии имеется устойчивый спрос на российский алюминий, поставляемый через Лондонскую биржу металлов. Крупнейший норвежский концерн «Ношк Гидро» считает, что его предприятиям технологически наилучшим образом подходит апатитовый концентрат с Кольского полуострова и покупает акции соответствующих предприятий. Этому же концерну принадлежат и некоторые лесопильные заводы Мурмана.

Отдельные Северо-норвежские рыбоперерабатывающие фабрики на 60 - 70% зависят от поставок сырья российскими рыбаками. Со второй половины 90-х гг. XX века взаимная торговля наших стран приобретала все большую «рыбную направленность». К 1997 г. она составляла уже 1/3 всего товарооборота по стоимости. По данным сайта NORGE.RU, за последние десятилетие прошлого века импорт Норвегией российской трески и пикши вырос в 15 раз, тогда как закупки Россией норвежской сельди и макрели увеличились в 10 раз. Причины такого обмена просты: норвежцам не хватает квот на треску, пользующуюся у них высоким спросом, а России – квот на более дешевые виды рыб.

В районе Киркенеса до 150 фирм Норвегии ориентированы на российский рынок. В свою очередь в России оперируют свыше 120 российско-норвежских смешанных предприятий.

В Северодвинске норвежцы завязаны на конверсионные проекты в сфере судостроения и оборудования для освоения морского шельфа. Заполярные соседи России проявляют все больший интерес к перспективам разработки Штокмановского газового месторождения в Ледовитом океане и Ненецком автономном округе.

В Карелии планируется при содействии норвежского бизнеса строительство гидроэлектростанций с последующим экспортом электроэнергии в Норвегию.

Норвежский концерн «Квернер» практически купил (имеет 75% акций) Выборгского судостроительного завода и монтирует на нем пусковую установку на платформе для запуска с моря спутников «Си Лонч».

Это только малая часть большого номенклатурного перечня взаимных интересов двух стран, развивающихся в рамках Баренцева Евро-Арктического Региона (БЕАР), отметившего в 2002 г. десятилетие своего рождения.

Именно в контексте такой деловой активности, мы и можем говорить, о том, что лучшие традиции старой доброй поморской торговли ныне возрождаются. России только не следует забывать об обеспечении собственных экономических и политических интересов при обустройстве новых партнерских отношений со своими скандинавскими соседями. Следует помнить, что поморская

торговля к началу XX века зачахла не в последнюю очередь по причине того, что перестала быть взаимовыгодной.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

А.Юнтунен

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ – ОБЪЕКТ ОБЩИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Со времён легендарного основания Российского государства Балтийское море служило для него важнейшим средством сообщения с западными странами. Варяги, достигнув на парусных кораблях устья Невы, проложили свой путь вплоть до Византии через территории, населяемые финно-угорскими и славянскими племенами. Вдоль берегов рек они основали колонии, которые поддерживали связи как с севером – Балтийским морем, так и с югом – Византией.

Положение России на Балтийском море ослабло в средние века после раскола церкви на две части – западную и восточную. После того как православный Киев превратился в центр государства, для Руси отношения с Византией стали важнее связей с северными странами, непосредственные контакты с которыми поддерживало Новгородское княжество. Подобно России сильный экономический и политический подъём под управлением римской католической церкви происходил в регионе Балтийского моря.

После того как Россия в XIII веке попала под власть монголо-татар, Новгородское княжество ослабло, и Россия была вытеснена с Балтийского моря. Упадок мореходства и территорий, примыкающих к Балтийскому морю, сыграл решающую роль для дальнейшего развития России. Россия, основанная мореплавателями-варягами, превратилась в континентальную страну, подчинённую монголо-татарам.

Лишь в XVI веке Россия во главе с Москвой окрепла настолько, что она снова стала искать выход к морю. Разлад государств, управляемых рыцарскими орденами, Иван IV пытался использовать для упрочения в Прибалтике. Но для того чтобы утвердиться на морском побережье, у России не было в достаточном количестве сил, к тому же первоочередным делом Москва считала разгром монголо-татарских ханств. Благодаря инициативе англичан важнейшим выходом к морю и путём на Запад в ту пору стал порт Архангельск.

С точки зрения центральных земель России северный маршрут был длинным и трудным, поэтому, когда Пётр I начал активно претворять план выхода в Балтийское море, северный путь отошёл на второй план.

Царя Петра I привлекали связи с западными странами и мореходство. Территориям внутри материка он придавал меньшее значение, поэтому перенёс столицу на берег Финского залива. Имеется утверждение, что он хотел превратить всю страну в морскую державу, но строительство «Голландии» в самом дальнем уголке Финского залива успехом не увенчалось. В России успешно шло строительство

кораблей, обучение моряков, но создание культуры морской торговли не удавалось. В стране не было в достаточном количестве купцов и мореплавателей, хотя архангельским купцам было приказано переселиться в новую столицу. Торговля с другими странами и торговое судоходство на протяжении столетий оставались в руках иностранцев и балтийских стран.

Новая столица имела геополитическое значение. Вместе с Санкт-Петербургом центр государства также сместился на запад, а Россия стала одной из балтийских государств. Данный статус России ещё более упрочился, когда Прибалтика и южное побережье Балтийского моря вплоть до Восточной Пруссии оказались в её составе. Страна приобрела множество новых подданных, являющихся носителями западноевропейской культуры. При обновлении правительства российские цари в большом количестве принимали на службу представителей балтийского дворянства и интеллигенции, получивших образование в западных странах.

Бывшее могущественное государство на Балтийском море, Швеция, смотрела неодобрительно на новую ситуацию. Хотя в 1700–1721 гг. в Северной войне она потеряла много территорий, почти в течение столетия ещё мечтала вернуть прежнее своё положение в регионе Балтийского моря. Но сил у Швеции явно не хватало, и когда во время лихолетия в 1742–1743 гг. снова потерпела поражение, она изменила стратегию: осознавая мощь России, перешла в оборону.

Стратегическое значение в Финляндии имели не внутренние лесные районы, а Финский залив. России не нужны были финские леса и болота, т.к. у неё у самой этого было достаточно. Для России было важно море, по которому можно было плавать на кораблях, и морское побережье, откуда открывалась возможность вести наблюдение за передвижением по морю. Учитывая эти обстоятельства, Швеция на побережье Финского залива начала возводить укрепления, венцом которых была крепость Свеаборг (Шведская крепость) – сеть укреплённых островов на подходе к Хельсинки, которую иногда ещё называют Северным Гибралтаром. Хотя Хельсинки основали уже в 1550 г., на протяжении следующих двухсот лет он оставался маленьким городом. Укрепление островов, расположенных вокруг города, началось в 1748 г. В течение нескольких десятелетий Свеаборг являлся важнейшим объектом строительных работ Шведского государства. Прибывшие туда офицеры, чиновники, солдаты и строители изменили жизнь тихого маленького города. Можно даже утверждать, что изменение геополитического положения на Балтийском море повлекло за собой рост Хельсинки. Подходя к данному вопросу чисто стратегически, можно сказать, что за своё развитие Хельсинки может благодарить Петра I, который прочно обосновался на Балтийском море. Свеаборг строили для предстоящих сражений Швеции с Россией, но русские понимали, что у владельца крепости имелась и иная возможность - контроль за передвижением по Финскому заливу.

В «финляндской войне» 1808-1809 гг., проходившей в период военных действий армии Наполеона, русским благодаря умелой политике удалось взять крепость в свои руки целой и полностью оборудованной. Перейдя в их распоряжение, Свеаборг стал важной военной базой, которая насчитывала тысячи офицеров и солдат. Учитывая возможности этого обороннго комплекса, русские захотели

перенести в Хельсинки административный центр Финляндии, размещавшийся в Турку. Финские исследователи обычно считают причиной переноса столицы желание императора отдалить Финляндию от Швеции. Соглашаясь с данным утверждением, всё же следует отметить, что другой веской причиной для переноса столицы было существование крепости Свеаборг.

Новое геополитическое положение всё более увеличивало роль Хельсинки. Русские сделали Свеаборг военной базой для обороны Петербурга. Продолжая строительство, они обеспечивали работой тысячи финнов. Во время Крымской войны крепость и Хельсинки сыграли важную роль в защите С-Петербурга. После войны, завершившейся для России поражением, русские обновили оборонительные сооружения и увеличили число военных. В период автономии Финляндии, благодаря поддержке Россией Свеаборга, Хельсинки стал административным и культурным центром, который в архитектурном плане напоминал своего брата С-Петербург.

Образование Германской империи в 1871 г. снова изменило геополитическую ситуацию Балтийского моря. Опасаясь возможного нападения крепнущей Германии, Россия модернизировала оборонную систему на Балтийском море. В ту пору были воздвигнуты новые оборонительные сооружения в Свеаборге и на близлежащих островах. Принятые меры окзались эффективными: во время Первой мировой войны Германия не посмела совершать нападения в регионе Балийскго моря. Лишь развал обороны, который произошёл вместе с революцией, открыл для немцев возможность завладеть Прибалтикой и высадиться на финской земле. Геополитические перемены уже в ту пору сделали своё дело. Напуганная изменившейся геополитической ситуацией и подпитываемая усиливающимися славянофильскими настроениями, Россия стала оказывать давление на своих подданых, проживающих у Балтийского моря, в силу чего побуждала преданных ей финнов к отделению от метрополии.

Произошедшая в 1917 г. Октябрьская революция привела Петербург к снижению его значения. Столица переместилась в Москву, а руководимое большевиками государство обособилось от остального мира. Советский Союз также потерял практически всё побережье Балтийского моря, которое сузилось до небольшого участка у Финского залива. Прекращение отношений с Петербургом отрицательно отразилось на Хельсинки, но вместе с получением независимости странами Балтии открылась возможность для связей в южном направлении. Город не нуждался больше в Свеаборгской крепости, багодаря которой начался его расцвет. С развитием военной техники крепость к тому же потеряла свою былую роль. В свзязи с обретением Финляндией независимости она была переименована в Суоменлинна (Финская крепость).

Победа во Второй мировой войне нисколько не улучшила положение Ленинграда (Петербурга), т.к. судоходство стало осуществляться через порты Советского Союза в Прибалтийских странах. Для укрепления своей безопасности СССР усилил флот на Балтике и построил военные базы вдоль побережья Балтийского моря. В использовании крепости Суоменлинна не было больше смысла, чтобы иметь возможность контроля за столицей Финляндии и предвижением по Финскому заливу, в условиях,

когда Советский Союз вынудил Финляндию передать в аренду для военно-морской базы полуостров Порккала-Удд, расположенный к западу от Хельсинки. Но вскоре, уже в 1955 г. СССР решил вернуть арендуемую территорию, поскольку развитие военной техники сделали военную базу Порккала ненужным, а, уступив территорию обратно Финляндии, Советский Союз мог выглядить великодушным и дружественным соседом. Отношения же между обеими странами, как и у Хельсинки с Ленинградом (Петербургом) осуществлялись на довольно формальном и литургическом уровне. При этом, ни о каком особом тесном общении не могло быть и речи. В целом существовала настороженность в силу принадлежности к разным идеологическим системам, у которых рубежи своих геополитических пространств проходили по границе между Финляндией и Советским Союзом.

После распада СССР и Варшавского договора всё изменилось. Россия лишилась зоны безопасности, которая была создана Советским Союзом после завершения Второй мировой войны. В территориальном отношении Россия оказалась практически в том же состоянии, которое было после революции. Но сейчас её территория вокруг Финского залива немного больше, потому что ей принадлежит ещё часть Карелии, захваченной у Финляндии во время зимней войны в 1939 г. Кроме того, в её состав входит территория Калининградской области на южном побережье Балтийского моря. Всё же нынешняя Россия отличается от прежней в том отношении, что она в отличие от СССР не старается обособиться от остального мира.

Россия стремится к открытому сотрудничеству с другими государствами Балтийского региона. Балтийское море снова стало открытой магистралью для судов. Для Петербурга и близлежайшей территории данная ситуция предоставляет новые возможности, которые в целом активно используются. Судоходные связи, осуществлявшееся после войны через территорию прибалтийских республик, снова возвращаются в Петербург. Строительство новых портов, таких как Приморск и Уура, свидетельствует о проявлении стремления к торговой активности. В Финляндии начали опасаться загрязнения окружающей среды, вызванного оживлением судоходства. В связи с этим было сделано заявление о том, что использование Россией финских портов было бы в экологическом плане безопаснее. Но вспомним геополитическую реальность. Финляндия является маленькой страной, несмотря на то, что она член Европейского Союза. России же свойствена великодержавная традиция, и всё, что важно для государства, она старается не упускать из своих рук.

Россия находится на пути возвращения в круг цивилизованных европейских государств, от которых некогда её изолировали коммунисты. Несмотря на все беды, революции и войны, Петербург остался наиболее европейским городом, потому что он расположен на берегу Балтийского моря. Такое геополитическое положение города коммунисты пытаются всячески сузить и по-прежнему остаются верными своей «евразийской» линии. К счастью, в городе имеется сильная ориентированная на Запад интеллигенция, которая сейчас в лице Владимира Путина находится во главе государства.

В.С. Копельманн, Е.Ю. Кобчиков

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ОСТРОВА КОТЛИН

Остров Котлин, где сегодня расположился город Кронштадт, известен географам и историкам с XIII века. В 1323 – 1617 гг. остров являлся пограничным урочищем России со Швецией, в 1617 г. по Столбовскому мирному договору отошёл к Швеции, а в 1703 г. в ходе Северной войны вновь стал российской территорией.

В популярном среди кронштадтцев в 1970 - 1980-х гг. очерке по истории города - книге Г. Ф. Петрова “Кронштадт”, выдержавшей два (в 1971 г. и в 1985 г.) издания происхождение названия острова Котлин описывается так: “Рычерт, Риссерт, Реттусари, Кеттусари – под разными именами упоминался остров Котлин в истории. Откуда произошло его нынешнее, закрепившееся навсегда название, доподлинно неизвестно. Ведь родилось оно в незапамятные времена – это подтверждают старинные карты. Существует и легенда, объясняющая название острова. Когда к его берегу впервые подошла яхта Петра I в сопровождении галиота, солдаты шведского сторожевого отряда, завидев русские корабли, бросились в лодки и скрылись. Бегство их было столь поспешным, говорит легенда, что на неприятельском привале остался гореть костёр, на котором в котле варилась еда. Первый историк Балтийского флота Н. А. Бестужев, изложивший это предание, отнёсся к нему с доверием. “По сему происшествию, - писал он, - остров назван Котлиным”.[330]

Легенда, естественно, не говорит как было на самом деле. Многие историки склонны считать, что “какой-то” котелок всё-таки был, а остальное: шведский отряд и варившаяся в котелке пища – это красивая и просто запоминающаяся легенда, выдумка.

В некоторых современных исследованиях и публикациях указывается, что название Котлин могло произойти от слова “котловина” - обозначения Невской губы, которую закрывает остров. В ряде старых русских источников, действительно, встречается упоминание об “острове Котельный”, “острове Котельничий” и др. Впрочем, это только наводит на мысль о не устоявшемся в русском языке названии острова и о другом его происхождении. Кроме того, данная ситуация, в некоторой степени, подтверждает традиционное стремление различных народов найти созвучие иностранной и собственной речи, и объяснить происхождение того или иного слова особенностями родного языка. Красноречивым подтверждением такого подхода, например, является обозначение на старых шведских картах маяка Толбухин в 3 милях к северо-западу от Котлина, как “Туллбокен” *(“Tullboken”)* – “Таможенный навигационный знак”. Или – совсем “свежая” точка зрения некоторых исследователей, объясняющих происхождение названия острова Котлин от эстонского написания названия города Кронштадт – Кроонлинн *(Kroonlinn)*.

В “Историческом очерке и описании Кронштадта” Н.Н. Дорогова, изданном в Санкт-Петербурге в 1908 г., как сборник кратких сведений по Морскому ведомству, указывается, что нынешний остров Котлин назывался «по – фински Ретусари, у иностранцев “Ричардом”».[331]

Очевидно, что название “Ретусари” – это трансформированное “Реттусаари”, которое наши предки и наши современники переводили как “крысиный остров”. Это сложное слово, состоящее из двух корней: “ретту” и “саари”. В отношении второго корня сомнений не возникает: слово “саари” (или в русском произношении “сари”) – это *saari,* которое встречается и у финнов и у ижорцев, и переводится, как “остров”. Однако ни в финском языке (а это слово финское!), ни у ижорцев нет слова “рету” (или “ретту”). Нет такого слова и в языке народов, населяющих ближайшие берега Балтийского моря: эстонцев и шведов.

Название “Крысиный остров” звучало бы и по-фински и на ингерманладском наречии одинаково, как “Роттасаари” *(“Rottasaari”)*. При этом очень похоже звучит другое финское название острова, о котором, например, в своей книге упоминал Г. Ф. Петров и др. – “Кеттусари”. “Кеттусаари” *(“Kettusaari”)* – по-фински “Лисий остров”. И, действительно, лисы на острове (не в пример крысам) водились всегда. На большую достоверность именно такого названия, как нам кажется, указывает близость мыса Лисий Нос (восточнее Котлина) и само изначальное очертание острова, напоминающее силуэт бегущей к устью Невы лисицы.

Название Кеттусаари могло попасть и попало на карты других стран, где и началась его трансформация. Так, на старых немецких картах встречается название “Кетлинг инсел” *(“Ketling insel”)* - дословно “Остров Кетлинг”.

В договоре о торговле 1270 г., заключенном Ярославом Мудрым с немецкими купцами, встречается упоминание об острове Кетлинген *(“Ketlingen”)*. Таким образом, на слух (например в ряде европейских языков последняя буква в слове “g” – при чтении не произносится) и на бумаге и происходило постепенное изменение названия: Kettusaari - Ketling inseln - Ketlingen - Ketling - Ketlin - Котлин.

В то же самое время по вине шведского агента в Москве, дипломата и историка П. Петрея (1570 – 1622) – автора “Истории о великом княжестве Московском” (1615 г.), при наборе готического шрифта произошла элементарная опечатка и замена буквы “К” на букву “R”, Кеттусаари – на Реттусаари. А дальше произошла всё та же трансформация: Kettusaari - Rettusaari и т.д. В итоге, даже в отечественных документах и шканечных (вахтенных) журналах 1705 г. встречается название Рычарт и др. производные.[332]

Название острова - Ретусари - встречается на карте немецкого графика Маттея Мериона, изданной в 1652 г. по данным А. Бура и В. Бло, на карте самого голландского картографа Виллема Янсена Бло, изданной в 1662 г. и др.

РУССКИЙ	Ижорский	Финский	Эстонский	Шведский	НЕМЕЦКИЙ
Остров	Saari	**Saari**	Saar	Ö	Insel
Лисица	Rebo	**Kettu**	Rebane	Räv	Fuchs
Крыса	Rotta	Rotta	Rebane	Rát	Ratte

Д.А. Бажанов

МАТРОСЫ И БЕРЕГ: I-Я БРИГАДА ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ (1914-1917 гг.)

В период первой мировой войны одним из существенных факторов, влияющих на настроение в вооружённых силах, являлась возможность отдыха в тылу. Фронт с его жёсткими ограничениями, противоречиями в организации повседневной жизни (тяжёлые наступательные или оборонительные бои, сменяемые периодами позиционной войны) утомлял людей и физически, и психологически. Поэтому отвод частей в тыл мог восприниматься почти как праздник.

Совсем иначе обстояло дело на кораблях военного флота. В условиях конфликтов корабли находились в непосредственном контакте с неприятелем весьма непродолжительное время. Зато часто им приходилось выходить на коммуникации, где бой становился возможным, но необязательным. Одновременно корабли значительный срок проводили на базах. При таких условиях сами понятия «фронт», «боевые действия» становятся более размытыми, нечёткими. С войной у моряков начинает ассоциироваться судно, на котором они служала. Именно там вся жизнь подчиняется неумолимой логике, направленной на достижение успеха в бою. Выходом из этого «фронтового» быта служит возможность сойти на берег.

Положение находившейся в то время в Финляндии I-й бригады линейных кораблей Балтийского флота отличалось тем, что она мало участвовала в боевых действиях, а потому была более привязанна к своей базе – Гельсингфорсу. Возможностей же сойти на берег у ее матросов было не так много. В будние дни зимой увольнение на берег происходило обычно после обеда. Часть команды убывала с 13.30 до половины восьмого вечера. Остальные получали послеобеденный чай и с 14 часов снова начинали выполнение судовых работ.[333] Перед ужином с линейных кораблей отправлялись те матросы, которые должны были вернуться до половины двенадцатого ночи того же дня или к 8 ч. утра дня следующего. Вообще, полагалось увольнять в день не более трети команды, при этом никто из несущих вахту в этот или следующий день уволенным на берег быть не мог.[334] Летом, в период боевой кампании, возможностей съехать было ещё меньше, поскольку корабли находились в учебных и боевых плаваниях, на них проводились ремонтные работы, погрузки топлива и боеприпасов. Увольняли на берег раз в 7-10 дней.[335]

В выходные дни первая партия матросов отпускалась на берег перед обедом. Была и ещё одна возможность покинуть свой корабль до срока. Членов лыжной и хоккейной команд часто отпускали для тренировки почти на весь день. Пищевое довольствие они могли получить на камбузе в виде сухого пайка.[336] Команды лыжников (по 10 человек от каждого дредноута) были созданы зимой 1914-1915 гг. Тренироваться, правда, матросы могли лишь по воскресеньям, поскольку для поездок приходилось уезжать уже за город, на что требовалось много времени.[337] Вторая партия желающих увольнялась с 14

ч. Необходимо отметить, что в выходной день разрешалось отпускать на берег до 40% всего экипажа.[338] Тем же, кто остался, предлагались традиционные занятия: библиотека, кружки.

По воскресеньям матрос мог быть уволен до половины восьмого вечера (такие увольнялись с 13 часов), до 10 часов вечера, чего не делалось в обычные дни, до половины двенадцатого и, наконец, до утра следующего дня.[339] Так, к примеру, на линейном корабле «Петропавловск» 26 февраля 1917 г. до половины восьмого было уволено 98 человек, а позднее (то есть до 22, до 23 часов 30 мин. и до утра) – ещё 157 человек. Опоздание на корабль сурово каралось. Наказание прямо зависело от времени года, когда оно было совершено. Летом, т.е. во время «активной» кампании провинившийся ставился под ружьё. В зимнее время, когда гавани Гельсингфорса сковывались льдом, и возможность попасть в город возрастала, без берега можно было остаться на всю зиму.[340] Так берег играл важную поощрительную и дисциплинирующую роль для матросов дредноутов.

Раз в неделю (обычно по средам) команда того или иного линейного корабля 1-й бригады выводилась на «прогулку в город». На самом же деле, это была никакая не прогулка, а настоящий парад команды, проходившей через весь город. Такая «прогулка» была своего рода поощрением за хорошую работу. Само собой разумеется, что такого рода поощрение весьма стимулировало команды.[341]

Таким образом, Гельсингфорс для экипажей кораблей являлся самым желанным местом. Матрос «Гангута» Д.И. Иванов так вспоминал об этом: «…Никак не могли дождаться обеда, ведь после обеда команду отпускали до 7 вечера на прогулку». Получив долгожданный отпуск, матросы направлялись в город. «В направлении к Свеаборгу и Гельсингфорсу от каждого корабля утоптаны дорожки. По ним спешат матросы – радостные, весёлые… Каждому хочется побыстрее пройти ледяное поле, побывать в городе, посмотреть, как там живут люди…».[342] Добравшись до берега, уволенные попадали в порт. Там находилось место встречи со знакомыми и друзьями, а также своего рода информационный пункт, где происходил обмен всевозможными новостями. «На берегу возле портовых сооружений, - свидетельствует Д.И. Иванов, - можно было наблюдать интересную картину: матросы обнимались, хлопали по плечам, до боли сжимали друг другу руки…, завязывались оживлённые разговоры…».[343] В порту матросы и офицеры могли отдать вещи в стирку – там размещались прачечные, обслуживавшие нужды флота. Одна из наиболее крупных находилась возле Северной гавани, на Северной набережной, 4. Её хозяйкой являлась жена матроса I статьи линейного корабля «Полтава» Ф. Кушина.[344]

Выйдя из порта, матросы расходились по знакомым им в городе местам. Чаще всего матросов с кораблей, стоящих в Гельсингфорсе можно было видеть в парке развлечений, называвшемся Брунс-парк. Расположенный в юго-восточной части города, он имел неоспоримое преимущество: в 10-15 мин. ходьбы находился порт. А, значит, опоздать из увольнения было затруднительно. Спектр предлагавшихся развлечений был широк: от посиделок в увеселительных заведениях, вроде известных «Карпат», до знакомств с девицами лёгкого поведения.[345]

Конечно, встречались моряки и на главной улице Гельсингфорса – Эспланадной, или, в просторечии, Эспланаде. Более всего их внимание привлекали кухмистерские – небольшие кафе, где можно было перекусить, поговорить со знакомыми, выпить крепкого финского пива – кале. Там, где «было полным-полно народа, в финский говор вплетались русские слова», матросы отдыхали от однообразия служебных будней.[346] Одной из самых популярных была кухмистерская возле Исторического музея. Но, чтобы добраться до неё, нужно было ехать на трамвае через всю Эспланаду. В противном случае времени на дорогу уходило слишком много.[347]

Городской кинематограф наоборот, популярностью не пользовался. Это объяснялось, очевидно, двумя обстоятельствами. Во-первых, большим количеством офицеров, ходивших туда. Возможно, что такой вид развлечений в городе выглядел слишком «господским». К тому же, существовала вероятность наткнуться на офицеров своего корабля, что лишний раз напоминало о службе. Во-вторых, на линкорах 1-й бригады с зимы 1915 г. оборудовались собственные кинозалы. Там показывались военные хроники и развлекательные фильмы.

Нельзя сказать, что флотское командование ничего не сделало для организации отдыха нижних чинов на берегу. По праздникам у матросов была возможность посмотреть спектакль в театре. Специально для этой цели закупалось до 150 билетов, которыми премировались наиболее отличившиеся.[348] Так, весной 1915 г. перед первым выходом в море матросы с дредноутов смотрели в Александровском театре спектакль «Петербургские трущобы».[349] Впрочем, надо сказать, что походы в театр не пользовались особой популярностью, что объясняется, скорее всего, тем, что уровень начитанности большинства матросов не соответствовал уровню показываемого на театральной сцене. Однако всё же внимание командования более сосредотачивалось на организации досуга на самих кораблях, или около них. Лишь в последних числах января 1917 г. командующим флотом вице-адмиралом А.И. Непениным был одобрен проект инженер-механика «Полтавы» старшего лейтенанта И.М. Волхонского по созданию так называемого «Морского дома». Он должен был являться «центром всякого рода деятельности, имеющей задачу предоставить командам культурный отдых от тесной корабельной жизни». На эти цели был даже выделен кредит в 30 тысяч финских марок, отведён участок земли в предместье Гельсингфорса Тёёле.[350] Начавшаяся революция помешала реализации этих планов. Поэтому матросы вынуждены были искать себе развлечения сами.

К некоторым в Гельсингфорс приезжали семьи. В подобных случаях им либо приходилось снимать комнату в городе, либо они могли рассчитывать на получение квартиры. Последнее, впрочем, было прерогативой унтер-офицеров и старослужащих. Так, в январе 1917 г. в новом доме при Свеаборгском порту квартиры получили: боцман «Петропавловска» Ф. Гадалов, унтер-офицеры «Полтавы» и «Гангута» И. Усков и Н. Тындриков, санитарный кондуктор «Севастополя» П. Баранов.[351] Тесные отношения завязывались у экипажей с местными жителями. При побеге в ночь с 22 на 23 января 1917 г. двух матросов с «Полтавы» были допрошены Ю.В. Туфельская, работавшая прачкой, и А. Флитстрем, служанка доктора Ф.В. Литониуса. К последней «часто приходили матросы». От неё,

вероятно, они и получили адрес, где предполагали переждать некоторое время, а затем через Гельсингфорс ехать в Петроград. 27 января матросы были задержаны.[352]

Иногда берег для экипажей служил возможностью дополнительного источника дохода, причём часто незаконного. За январь 1917 г. подобных проступков было совершено два. Боцманмат «Севастополя» фельдфебель Тарасевич пытался провезти 300 пачек папирос, купленных на базарах Гельсингфорса, в Кронштадт.[353] А дежуривший по камбузу унтер-офицер Ф. Таначёв украл 27 футов сахара, чтобы продать его в городе.[354] На этом фоне повышались расходы матросов на питание, доставляемое извне, с берега, что, скорее всего, и служило одной из главных причин увеличения числа рапортов на имя командиров линейных кораблей о выплате дополнительных пособий самим матросам или их семьям.

Таким образом, Гельсингфорс в годы войны являлся существенным фактором, дававшим рядовому составу линейных кораблей I-й бригады определённую психологическую разрядку от служебно-боевых будней. Росту его привлекательности способствовала его слабая доступность для матросов и непохожесть на обычные русские города. Гельсингфорс часто становился единственным источником информации о происходящем вокруг, что играло более негативную, чем позитивную роль. Свой досуг экипажи организовывали в основном сами. Круг развлечений определялся доступностью, как в материальном, так и в географическом плане, а также наличием их на кораблях. Поэтому, на наш взгляд игнорировался кинематограф, а предпочтение отдавалось кухмистерским и парку развлечений. Командование осознало всю важность организации досуга на берегу слишком поздно, что способствовало повышению роли города как криминального фактора для военных моряков. С другой стороны, возможность съезда на берег дисциплинировала матросов и поощряла их за хорошую службу.

Но наступили революционные события 1917 г. В ходе их тогда в Петрограде увольнение матросов на берег было воспрещёно. Но в марте это уже вышло из-под контроля командного состава.

Что же происходило тогда в Гельсингфорсе среди моряков 1-й бригады линейных кораблей? Там в ночь с 3 на 4 марта также наблюдались выступления, которые проходили бескровно, хотя участвовавшие в волнениях мартросы сумели в тот момент изьять оружие у офицеров. Причем те, кто попытался оказать сопротивление мотросам, арестовывался. Исключением в этом ходе развития событий оставался лишь линкор «Гангут».

4 марта в Гельсингфорсе состоялся грандиозный митинг на Привокзальной площади. Большая часть экипажей дредноутов приняла в нём участие. Во избежание эксцессов командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин издал приказ, разрешавший неограниченный сход на берег. Более того, офицерам также рекомендовалось принять в нём участие.[355] 16 марта значительная часть экипажей «Петропавловска», «Севастополя», «Полтавы» и «Гангута» находилась на митинге, устроенном в честь приезда министра юстиции А.Ф. Керенского.[356]

17 марта до трети экипажей 1-й бригады было уволено на берег для участи в похоронах «жертв революции», которые продолжались до обеда.[357] 4 апреля в городе состоялся парад, посвящённый

месяцу со дня свержения монархии. С каждого корабля в нем приняло участие по 125 матросов при 3 офицерах. Все желающие, за исключением вахтенных, в этот день списывались на берег.[358] 18 июня, в день начала наступления на юго-западном фронте, в Гельсингфорсе прошла общегородская демонстрация протеста. Приняли активное участие в ней и экипажи дредноутов. Число увольнявшихся на берег в это день составило порядка 25% от команды с каждого корабля. Это являлось двукратным превышением нормы.[359]

21 июня, проходил новый общегородской митинг. И снова, как прежде, на кораблях бригады осталось порядка 75 % от общей численности экипажа.[360]

16 августа в Гельсингфорсе состоялся митинг протеста против решений Государственного Совещания. Вечером на всех линейных кораблях 1-й бригады прошли общие собрания команд, присоединившиеся к резолюциям митинга.[361]

Таким образом, крупные митинги, проводившиеся в городе, давали возможность экипажам линейных кораблей бригады сходить на берег дополнительно. А корабельное начальство было вынуждено санкционировать невозможные в дореволюционное время нарушения повседневной жизни. Тем самым, дискредитировался статус офицеров, т. к. нижние чины усматривали в этом подчинение требованиям «своих» организаций.

Важным фактором, сделавшим более доступным посещение Гельсингфорса, стало функционирование выборных организаций всех уровней. Судовые комитеты могли отправить с поручением в город любого матроса в любое время. Матросы-депутаты присутствовали на заседаниях Гельсингфорсского Совета. 30 апреля начал работу Центральный Комитет Балтийского флота, куда также входили матросы бригады. Члены экипажей принимали участие и в съездах различных союзов (съезды моряков Балтийского флота, Крестьянского союза, различных национальных землячеств и др.). Только число делегатов выборных организаций на каждом дредноуте составляло 26-28 человек (2,33%). Это превышало даже количество увольняемых каждый месяц матросов для участия в полевых работах. Летом масштабы съезда возросли настолько, что в радиограмме, отправленной 25 июля 1917 г. в штаб флота, начальник бригады отметил: «Замечается общее небрежное отношение к обязанностям службы и падение интенсивности занятий и работ в связи с постоянными митингами во время работ и занятий и неограниченного схода на берег».[362] Так, уход в увальнение в город стал фактором, способствовавшим снижению боеспособности дредноутов.

В течение первых революционных месяцев экипажи судов, находившився в Гельсингфорсской базе, играли значительную роль в охране правопорядка. Ежедневно с каждого корабля в город высылался патруль в «обход» из 3 матросов и 1 унтер-офицера. Дежурные корабли каждого соединения высылали по 2 патруля.[363] Они должны были следить за порядком на улицах, в порту. Им разрешалось задерживать нарушителей и доставлять их в секцию Охраны народной свободы Гельсингфорсского Совета. Летом качество дежурств на берегу снизилось. 9 июня из штаба флота пришёл циркуляр о плохом дежурстве на берегу патрулей с линкоров бригады. 15 июня матросские делегаты с «Гангута»

оставили на две недели без увольнений дежуривших в Гельсингфорсе, так как они «позволили себе заходить в кофейни, не спросясь у своего начальника».[364]

Обстановка в Гельсингфорсе летом 1917 г. заметно ухудшилась в смысле общественного порядка. Во второй половины июля резко увеличилось число пьяных в городе. Поэтому Исполнительный Комитет Совета опубликовал тогда в своих «Известиях…» предупреждение, что впредь лица в нетрезвом состоянии должны задерживаться патрулями и доставляться в секцию Охраны народной свободы с публикацией их имен. Комитеты дредноутов тоже начали борьбу с этим. 9 августа решением судовых делегатов «Петропавловска» кочегар И. Микрюков за пьянство и утерю на берегу документов - членского билета Матросского клуба и билета РСДРП(б) на 3 дня был заключен в корабельный карцер.[365] 19 августа члены комитета «Севастополя» постановили вынести матросу А. Морозову «за опоздание на корабль и продажу в нетрезвом виде подметок» порицание перед командой и решили «оставить на 10 дней без берега». Такие же наказания ожидали задержанных 22 августа матросов с «Полтавы» Г. Савельева и с «Гангута» А. Звербуля.[366] За период с 1 сентября по 20 октября наказывался ряд матросов с кораблей «Петропавловск», «Севастопол» и «Полтава». Все они лишались съезда на берег на 1-2 месяца и должны были выплотить денежным штрафам.[367]

В августе комитетам пришлось рассматривать и несколько дел о воровстве в городе, чего до этого не наблюдалось ни разу. Проблемой стало и появление заболеваний среди матросов венерическими болезнями. Если за три летних месяца был выявлен единственный случай заболевания сифилисом, то за сентябрь-октябрь только на одном «Севастополе» имело место 6 таких случаев. Когда же в конце августа в Гельсингфорс обнаружились больные тифом, то комитеты линейных кораблей приняли решение составить воззвание к командам, избегать употребление «свежей зелени на берегу».[368]

С целью организации досуга экипажей на берегу Гельсингфорсским Советом была проведена в жизнь идея о создании Матросского клуба. 17 марта такой клуб начал функционировать в Мариинском дворце. В клубе читались лекции, как культурно-просветительские, так и научные. Ставились там и театральные спектакли, а с конца мая начал выходить иллюстрированный журнал «Моряк». Популярным считалось среди экипажей театральное отделение клуба, возглавлявшееся с августа матросом I статьи с линейного корабля «Гангут» Д. Хлыстовым.[369]

Таким образом, после февраля 1917 г. роль Гельсингфорса как места отдыха экипажей от службы стала негативной. Длительное нахождение кораблей на базе в условиях развивающегося революционного процесса постепенно привело к значительному снижению их боеспособности.

Новые революционные выборные учреждения, ставшие постепенно хозяевами повседневной жизни экипажей, столкнулись с той же проблемой организации досуга, что и командный состав флота до революции. Меры, направленные на то, чтобы решить ее (создание Матросского клуба) оказались недостаточными. Новая власть стала очень зависимой от тех, кем она должна была управлять. Многие нижние чины, чувствуя это, понимали свои новые права как вседозволенность. Наблюдалось небрежное отношение к служебным обязанностям, рост криминала во время увольнения в город.

При таких условиях и возросшей доступности быть в Гельсингфорсе корабельная служба теряла свою прежнюю значимость. Усиливалось нежелание матросов придерживатьсч рамок «фронтового» быта и, тем более, воевать.

М. А.Партала

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЗАХОРОНЕНИЯХ ГЕРМАНСКИХ МОРЯКОВ НА БАЛТИКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА)

Первая половина XX столетия в истории Балтийского региона прошла в большой степени под знаком германо-российского противостояния, дважды за столь малый отрезок времени бросавшего обе страны в пламя мировых войн. В последние годы, как с германской, так и с российской стороны предпринимаются различные шаги по поиску путей к взаимному примирению. Одним из направлений этой деятельности является сотрудничество в сфере реализации межправительственных соглашений о воинских захоронениях, участниками которых являются Германия, Россия, Финляндия, Эстония и другие страны Балтийского региона. В качестве примера такого сотрудничества можно привести открытие в 1996 г. в Кронштадте военно-морского мемориала, посвященного морякам советского сторожевого катера МО-105 и германской подводной лодки U-250, погибшим в водах Финского залива в июле 1944 г. Надпись на мемориале, сделанная на двух языках, гласит: «Примиренные смертью взывают к миру».

Следует, однако, признать, что тема 2-й мировой войны будет еще долго оставаться болевой точкой в российско-германских отношениях, и в российском общественном мнении подобные шаги встречают весьма неоднозначную оценку. Характер войны, которая была развязана в 1941 г. фашистской Германией против СССР, и методы ее ведения германскими вооруженными силами, делают даже спустя шесть десятилетий весьма затруднительным поиск точек соприкосновения.

Вместе с тем, обширное поле для сотрудничества в указанной области предоставляет, по нашему мнению, тема 1-й мировой войны. События 1939-1945 гг. как бы заслонили собой данную тему в истории российско-германских отношений, отодвинули ее на второй план. Однако архивы двух стран хранят немало документов тех лет, представляющих обоюдный интерес, и способных дать новый импульс двухстороннему сотрудничеству.

Особую ценность, на наш взгляд, представляют документы, содержащие любые сведения о фактах обнаружения и захоронения моряков, погибших в ходе боевых действий на море. Морская война отличается тем, что для ее жертв в большинстве случаев само море становится огромной братской могилой. И потому во все времена особый резонанс в общественном мнении получали те редкие случаи, когда море, что называется, «отдавало» свои жертвы, позволяя предать их земле.

В фондах РГА ВМФ, посвященных 1-ой мировой войне, автором были выявлены и исследованы документы, содержащие сведения о 16 эпизодах с обнаружением русскими военными чинами или гражданским населением тел германских военных моряков, погибших в Балтийском море в период с 1914 по 1916 гг. В совокупности в них идет речь более чем о двух десятках военнослужащих германского императорского флота. Наибольшее число эпизодов приходится на 1914 г., когда было обнаружено около 20 погибших; в 1915 г. – 1 и в 1916 г. – 5. В пяти случаях известны имена

военнослужащих (по клейму на форменном платье), в восьми случаях – личные номера (по металлическому жетону или клейму на форменном платье), в остальных случаях – информация о личности погибших отсутствует. В 13 эпизодах документы содержат информацию о захоронении военнослужащих, при этом места трех захоронений (одно захоронение - групповое) могут быть установлены достаточно точно; одно из них (на о. Утэ) сохранилось до настоящего времени.

Наиболее крупное захоронение относится к самому началу войны: оно сделано в августе 1914 г. на о. Оденсхольм в устье Финского залива (ныне - территория Эстонии). Захоронение произведено личным составом поста Службы связи Балтийского флота, располагавшегося на острове. Все германские моряки похоронены как члены экипажа легкого крейсера «Магдебург» (SMS «Magdeburg»), потерпевшего навигационную аварию на прибрежном рифе в ночь на 13 августа 1914 г. и захваченного утром того же дня в ходе короткого боя русскими кораблями. Обстоятельства этого дела, сыгравшего важную роль в истории 1-ой мировой войны на море, достаточно подробно освещены в зарубежной и отечественной литературе.[370] Как известно, большая часть экипажа «Магдебурга» была спасена миноносцем V-26, и, тем не менее, потери крейсера в личном составе оказались значительными. По официальным данным, опубликованным в германских газетах в 1914г., они составили: убитыми 13 человек, ранеными 17 и пропавшими без вести 75. В книге Рудольфа Фирле «Война на Балтийском море»,[371] изданной в Германии в 1922 г., были уточнены общие потери крейсера «Магдебург» и миноносца V-26: 17 убитых, 17 раненых и 75 пропавших без вести. Эти цифры воспроизводятся обычно и в отечественных работах по военно-морской истории.

Вместе с тем, исследованные автором документы РГА ВМФ позволяют по-новому подойти к их оценке. Учитывая, что русскими моряками были взяты в плен 60 человек:[372] 57 - с крейсера «Магдебург» и 3 – с миноносца V-26, фактически пропавшими без вести в составе экипажей обоих кораблей из объявленных 75 человек можно числить только 15. Как следует из документов Службы связи Балтийского флота, в период с 17 по 29 августа у северной оконечности о. Оденсхольм было обнаружено 11 тел погибших германских моряков, выброшенных морем на берег (сведения о них приведены в таблице 1).[373]

Таблица 1.

	Дата обнаружения	Сведения о личности	Источник сведений	Дополнительные сведения
	17 августа	Личный номер 7144	Номер указан на рабочем платье	По рабочему платью сделано предположение о принадлежности к машинной команде
	18 августа	неизвестный		По форме одежды – нижний чин
	19 августа	А. Баус	Метка на нательной рубахе	Предположительно - офицер или кондуктор (Deckoffiziere)
	22 августа	Хюттер	Метка на фланелевой рубахе	
	22 августа	Каттвикель	Метка на фланелевой рубахе	
	22 августа	неизвестный		Без одежды
	22 августа	неизвестный		Без одежды

	23 августа	неизвестный		Без одежды. Имел золотое кольцо на правой руке
	29 августа	Личный номер 377	Имел при себе жетон	
0	29 августа	Хильцер	Метка на фланелевой рубахе	
1	29 августа	неизвестный		Без одежды

К сожалению, попытки автора уточнить личности германских моряков, используя трофейные документы крейсера «Магдебург», хранящиеся в РГА ВМФ, не увенчались успехом. Следует, однако, отметить, что книга корабельных расписаний («Schiffsrollenbuh»),[374] попавшая в руки русского командования при захвате крейсера, откорректирована по состоянию на начало 1914 г. и не содержит сведений по личному составу, прибывшему на корабль при мобилизации флота. Нельзя также исключать возможность того, что некоторые из погибших военнослужащих могли принадлежать к экипажу миноносца V-26.

Как следует из записей в вахтенном журнале наблюдательного поста «Оденсхольм», все германские моряки были похоронены в одном месте в северо-западной части острова по южную сторону от маяка.[375] По имеющейся у автора информации, это захоронение существовало на о. Оденсхольм вплоть до 1941 г., однако в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) оно было утрачено.

Документы штаба командующего Балтийским флотом содержат сведения еще о трех германских моряках с крейсера «Магдебург», тела которых были отнесены морем к эстляндскому берегу, где они и были обнаружены: по сообщению начальника Гапсальского уезда двое матросов имели №209 и № 257.[376] Сведения о месте их захоронения выявить пока не удалось.

С высокой вероятностью можно предполагать, что к крейсеру «Магдебург» имеет отношение и еще одно захоронение - уже на северном берегу Финского залива. 19 сентября в Снаппертунанских шхерах было обнаружено тело германского матроса, которого, как указано в сообщении из канцелярии Финлядского генерал-губернатора, похоронили на местном кладбище.[377] Поскольку за прошедший месяц германский флот не имел новых потерь в северо-восточной Балтике, то, учитывая сильнейший шторм, разыгравшийся в этих водах 16 и 17 сентября, такое предположение представляется вполне обоснованным.

Таким образом, в исследованных документах содержатся сведения о 15 погибших германских моряках, один из которых - вероятно, а 14 – достоверно, могут быть отнесены к личному составу крейсера «Магдебург» и миноносца V-26. Однако следует отметить, что это далеко не все потери в экипажах указанных кораблей, нашедшие отражение и зафиксированные в русских документах. 16 августа утром к крейсеру «Магдебург» подошел пароход «Силач», начавший водолазный осмотр места аварии. Вечером этого же дня работы были прекращены, и «Силач» ушел в Балтийский порт. Причиной стала неожиданная находка водолазов, которую сразу поспешили доставить в штаб флота в г. Ревель. В служебном дневнике 2-го (радиотелеграфного) флагманского минного офицера штаба командующего

Балтийским флотом старшего лейтенанта И.И. Ренгартена, курировавшего в штабе вопросы разведки, имеется следующая запись: «17.08. Воскресенье. … Вчера водолазы наши искали у борта «Магдебурга»; нашли утопленника - немецкого сигнального кондуктора, который крепко зажал в руках сигнальную книгу… Это был подвиг со стороны немца: не расстался с вверенным ему секретным документом…» И здесь же, чуть ниже: «Со дна подняли десяток утопленников».[378] Какая-либо дополнительная информация об этих погибших германских моряках отсутствует, и в этом направлении предстоит еще сложный архивный поиск. Но то, что речь в данном случае идет не об одном погибшем, подтверждает запись в историческом журнале командующего Балтийским флотом, где адмирал Н.О. Эссен, касаясь этого эпизода, также указал: «…нашли несколько трупов».[379]

С учетом этого обстоятельства, а также изложенных выше фактов можно сделать вывод, что официальные данные германской стороны о потерях в составе экипажей крейсера «Магдебург» и миноносца V-26, объявленные в ходе войны и приведенные в послевоенных работах германских историков, являются по меньшей мере не окончательными, и требуют дальнейшего уточнения с использованием документов германских и российских архивов.

Возвращаясь к обозначенной в начале статьи теме примирения, хотелось бы привлечь внимание германских и российских исследователей и официальных лиц к захоронению на о. Утэ, где в годы 1-ой мировой войны располагалась русская военно-морская база (ныне – это территория Финляндии). Как следует из документов, 3 декабря 1916 г. на о. Утэ был выброшен морем погибший германский матрос. Русские моряки переодели его и похоронили здесь же, на острове. Наличие на форменном платье тесемки с надписью Бухвальд (Buchwald) позволило установить фамилию погибшего матроса, под которой он и был похоронен. Кроме того, в одежде погибшего были обнаружены два металлических жетона с № 240 и № 856; номер 856 был также указан на форменном платье.[380] Судебно-медицинский осмотр тела погибшего, произведенный русским военным врачом 4 декабря, перед захоронением, показал, что погибший матрос находился в воде не менее 20-25 суток.[381] Это обстоятельство, в совокупности с анализом потерь корабельного состава германского флота, позволяет сделать предположение о принадлежности данного матроса к экипажу одного из эскадренных миноносцев 10-й флотилии, погибших на русском минном заграждении в устье Финского залива в ночь с 27 на 28 октября. (Хотя, окончательное слово здесь, конечно, за немецкими архивами). Данный случай, однако, примечателен тем, что на острове есть еще одно воинское захоронение - русское. Здесь похоронен один из моряков поста Службы связи Балтийского флота - моторист 1-й статьи М.А. Поляков, погибший в бою 28 июля 1915 г. при обстреле острова германским линейным крейсером «Фон дер Танн».[382] Благодаря уважительному отношению местного населения острова, оба захоронения сохранились до наших дней, «пережив» мировые войны, революции и другие политические катаклизмы. По сути, на о. Утэ все эти годы существовал символический неофициальный мемориал, увековечивший память военных моряков России и Германии, погибших в противостоянии 1-ой мировой войны. Сохранение его, безусловно, должно стать заботой не только финской стороны. Но и военных ведомст России и

Германии деятельность в этом направлении может, на наш взгляд, дать еще одну точку для сотрудничества военно-морских флотов России, Германии и Финляндии, способствующего укреплению взаимопонимания и мира в Балтийском регионе.

В.И.Фокин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ГИДРОГРАФИИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В ЛЕНИНГРАДЕ (30-Е ГГ. XX В.)

В годы активного индустриального строительства в нашей стране в связи с хозяйственным освоением огромных территорий широкое развитие получили геологические и географические исследования. Широкий отклик у международной научной общественности получили исследования отечественных географов. В то время географические экспедиции сохраняли для общественности романтическую окраску, а их открытия оттенок сенсации для прессы.

Исследования гидрологии Балтийского моря имели многоплановое значение. Во-первых, значительно возрастала роль торгового судоходства на Балтике. Строительство гигантов советской индустрии потребовало крупных закупок машин и оборудования для новых заводов. Поставки осуществлялись из многих стран Европы и Северной Америки. Завоз приобретенного оборудования осуществлялся в основном через Ленинградский торговый порт, грузооборот которого на рубеже 20 – 30-х гг. возрос в несколько раз. Строительство Беломорского, Волгодонского каналов, канала имени Москвы и реконструкция Волго-Балтийской транспортной артерии соединили морские коммуникации с внутренними водными путями европейской части СССР. Судоходство на Балтике приобрело исключительно важное значение для экономического развития страны.

Во-вторых, торгово-экономические связи индустриально развитых стран с СССР приобрели для стран Северной Америки, Европы, в том числе Северной Европы, особо важное значение в это время в связи с возможностью преодолеть последствия мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. СССР в условиях экономического спада на Западе представлял собой чрезвычайно выгодный рынок сбыта для машиностроительных отраслей западных стран. Морские торговые коммуникации на Балтике позволяли сохранить портовое хозяйство, обеспечить занятость значительной части населения государств региона. Социально-экономический аспект сотрудничества с СССР привлекал повышенное внимание к проблемам организации морских коммуникаций на Балтике.

В-третьих, нельзя не учитывать, что исследование гидрологии Балтийского моря имело исключительно важное значение для военных целей. Применение минного оружия, развитие военного подводного флота, все это уже в период подготовки к Первой мировой войне вызвало усиленное изучение гидрологии Финского залива. Блестящие исследования в акватории залива были тогда проведены А.В. Колчаком, командовавшим тогда минной флотилией Российского балтийского флота. Военные усилия также стимулировали гидрологические исследования на новом этапе военно-технического перевооружения флотов Балтийских стран. Косвенно советская сторона преследовала и политические цели. Стремление представить достижения отечественной гидрологии в 20 – 30-е гг. было продиктовано попыткой утвердить приоритет советской науки в данной области.

Наконец, в 20-е гг. значительно развитие получили методы гидрологических и гидрографических исследований и значительно расширена приборно-инструментальная оснащенность гидрологических

экспедиций. Наука сделала значительный шаг вперед, что требовало обновления эмпирических знаний на основе конкретных исследований, координации экспедиционной работы и сравнение полученных результатов в ходе национальных гидрологических работ. Международное научное сотрудничество в бассейне Балтийского моря явилось составной частью международных работ, активизировавшегося тогда в Арктическом и Тихоокеанском бассейнах. Оно явилось ярким примером интернационализации науки тех лет.

Отечественная наука в тридцатые годы занимала одно из ведущих мест в мировой науке. Эта тенденция проявилась и в области географических и гидрологических исследований. Всемирное внимание привлекло участие советских ученых в спасательных работах экспедиции Нобиле на ледоколе «Красин» в 1928 г. Весь мир был взволнован мужеством членов экспедиции О.Ю. Шмидта на пароходе «Челюскин» и широкомасштабной операцией по их спасению, в которой приняли участие не только советские летчики, но и авиаторы с Аляски. Наконец, организация дрейфующей станции «СССР-1» в 1937 г. все это создало нашей стране славу крупнейшей арктической державы.

Укреплению авторитета советских географов способствовало их участие в международном сотрудничестве. В 1933 г. в рамках проведения Международного полярного года (1932-1933 гг.) была осуществлена программа исследований, включавшая наблюдения атмосферного электричества и радиоактивности, океанографические, метеорологические, аэрологические работы, горные исследования. Научные работы были проведены на прибрежных станциях и в 15 морских экспедициях. Впервые ледокол «Сибиряков» за одну навигацию прошел Северный морской путь. Правда, из-за мирового экономического кризиса часть плана, которую должны были осуществить западные страны, не была выполнена.[383] С 1933 г. Ледниковая комиссия Географического общества СССР включается в работу Международной ледниковой комиссии, объединявшей исследователей Арктики и Антарктики.[384] Более того, СССР становится одним из крупных международных научных центров в этой области. После закрытия в Германии (из-за недостатка средств) международного журнала «Арктика» с августа 1933 г. издание было возобновлено Арктическим институтом в Ленинграде на русском, английском и немецком языках.[385]

В 30-е годы в Ленинграде проводились международные встречи географов: 4-я Балтийская гидрологическая конференция в сентябре1933 г. и Балтийская геодезическая конференция в1934 г. В гидрологической конференции приняли участие 400 ученых из Германии, Швеции, Дании, Польши, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и г. Данцига. Форум ученых прибалтийских стран способствовал обмену опытом и выявлению научных достижений, унификации исследований по изучению гидрологического режима Балтийского моря. Было представлено 114 докладов и 9 генеральных сообщений по отраслям гидрологии. Участники конференции отметили значительный прогресс в изучении Балтийского моря, признав исключительно важный вклад в развитие гидрологии отечественных ученых.[386]

Признание роли отечественной географической науки как ведущей мировой школы проявилось на Международном географическом конгрессе 1934 г. в Варшаве. В президиум конгресса были избраны О.Ю.Шмидт, Ю.М. Шокальский и другие советские географы. Исключительной популярностью пользовалась советская экспозиция на проходившей параллельно с конгрессом Международной картографической выставке.[387]

Международное сотрудничество в области гидрологии и гидрографии Балтийского моря в 30-е гг. XX в. способствовало развитию географических исследований, вносило существенный вклад в изучение водных пространств мирового океана и обеспечивало развитие мировых экономических отношений, помогало становлению как ведущей индустриальной державы мира.

П.В.Петров

ОПЕРАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ НА КРАСНОЗНАМЕННОМ БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ В 1940 ГОДУ

В последнее время тема оперативного планирования в СССР накануне Великой Отечественной войны стала привлекать пристальное внимание российских историков. К сожалению, помимо большого количества интересных публикаций, все чаще начали появляться и откровенные спекуляции на эту тему.

Следует обратить внимание на некоторые работы кандидата филологических наук Б. В. Соколова, где содержится одно любопытное высказывание, мимо которого очень трудно пройти. Стремясь любой ценой отыскать хоть какие-то косвенные признаки подготовки Советского Союза к войне с Германией еще в начале 1940 г., Соколов приводит следующий аргумент. Некритично воспринимая мемуары бывшего командующего КБФ адмирала В. Ф. Трибуца, автор пишет, что еще в феврале 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отдал специальную директиву. В ней указывалось на возможность одновременного выступления против СССР коалиции, возглавляемой Германией в составе Италии, Венгрии, Финляндии[388]. Из чего Соколов делает вывод о систематической подготовке СССР к войне с Германией. При этом, чтобы еще больше запутать читателей, Соколов заявляет, что, якобы, «предвоенные оперативные планы флотов и флотилий после войны были уничтожены»[389]. Несерьезность подобных заявлений настолько очевидна, что требует с нашей стороны аргументированного ответа.

На основе материалов оперативного планирования Краснознаменного Балтийского флота, а также директив наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, хранящихся в фондах Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ) следует проследить весь процесс составления оперативного плана КБФ в 1940 г. и ответить на вопрос насколько в данном случае соответствуют истине утверждения В. Ф. Трибуца на которые делается ссылка.

Еще в ходе советско-финляндской войны 1939–1940 гг., помимо уже имевшегося оперативного плана КБФ, составленного в ноябре 1939 г.[390], командование ВМФ СССР предприняло меры по разработке дополнительной оперативной документации. В частности, нарком ВМФ СССР флагман флота 2 ранга Н. Г. Кузнецов 18 января 1940 г. в своей директиве № 15705сс/ов

потребовал от Военного совета Краснознаменного Балтийского флота не только продолжать выполнение прежних, но и подготовиться к решению новых задач (относительно подготовка к проведению десантной операции силами отдельной специальной стрелковой бригады КБФ по требованию армии; о содействии флангу армии при его продвижении в шхерах, путем организации специальной шхерной флотилии; о набеговых операциях на порты Финляндии и постановка минных заграждений у баз противника и пр.)[391]. В развитие этих указаний, 14 февраля нарком ВМФ послал Военному совету свою очередную директиву № 16062сс/ов. В ней нарком, «в целях обеспечения своевременной готовности КБФ к проведению десантных операций с началом весенней навигации», Кузнецов приказал сформировать организацию, задачей которой будет являться «выполнение расчетов по операциям, подготовка средств»[392].

По мере продолжения боевых действий советско-финляндской войны, для Советского Союза возникла реальная угроза получить, вместо войны с одной лишь Финляндией, войну с целой коалицией европейских государств – с участием Англии, Франции и Швеции. Особую тревогу у советского военно-морского руководства зимой 1940 г. вызывала позиция Швеции, где выражались весьма благожелательное отношение к подвергшемуся агрессии дружественному соседу. Конечно же, объявлять войну Советскому Союзу и вступать в нее на стороне Финляндии шведское правительство не собиралось, но накаленная обстановка в стране побуждала советское руководство принять предупредительные меры. Поэтому, чтобы «возможное выступление Швеции против Советского Союза не стало для нас неожиданностью», нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов 22 февраля 1940 г. в своей директиве № 16183сс/ов потребовал от Военного совета КБФ «теперь же приступить к разработке оперативного плана действий против Швеции»[393].

Кузнецов приказал прудусмотреть наличие следующих возможных операций направленных против Швеции: 1) осуществление ударов ВВС по базам шведского флота с целью его ослабления, разрушения базовых сооружений и затруднения базирования; 2) установление блокады шведского и финского побережий силами подводного флота с целью прекращения перевозок морем, ведения разведки и уничтожения кораблей шведского флота; 3) проведение набеговых операций на базы Швеции в Балтике с целью

нанесения ударов по кораблям, базовым сооружениям и постановки мин на подходах к базам; 4) постановку активных минных заграждений легкими силами флота в Норчепинге и у южного входа в Зунд и у Фарезунда, авиацией – в Кальмарзунде и Стокгольмских шхерах, а подлодками – у выхода из шведских шхер в северной части Аландского моря; 5) нанесение авиационных ударов по шлюзовым узлам Гетской водной системы; 6) постановку оборонительного минного заграждения у входа в Финский залив[394]. При разработке плана командованию КБФ требовалось учесть и разработать совместный удар флота и авиации по кораблям противника при попытке их прорыва в Финский залив. В связи с этим, было приказано предусмотреть и разработать мероприятия по усилению обороны советских военно-морских баз в Прибалтике[395]. Но, как известно, Швеция так и не рискнула принять непосредственное участие в советско-финляндской войне, в силу чего отпала и необходимость в реализации указанных планов.

Но с окончанием боевых действий между СССР и Финляндией 13 марта 1940 г. возможность возникновения войны с англо-французской коалицией все еще сохранялась. Многие отечественные и иностранные исследователи единодушны в том, что военная подготовка Англии и Франции к нападению на СССР во второй половине марта – начале апреля 1940 г. не только не прекратилась, но, наоборот, достигла своего апогея[396]. Учитывая угрожающе складывавшуюся ситуацию, советское военно-политическое руководство не исключало возможности участия в агрессии также и стран Скандинавии. В связи с этим, 4 апреля 1940 г. нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов в своей директиве № 16476 сс/ов поставил в известность Военный совет КБФ о том, что «Англия в стремлении восстановить утерянные исходные рубежи для наступления на СССР с севера, пытается создать “Военно-Оборонительный союз” стран Скандинавии и Финляндии, направленный против Советского Союза и гарантирующий не только проход вооруженных сил Антанты через Скандинавские страны к нашим границам, но и использование военных ресурсов Швеции, Норвегии и Финляндии»[397]. Далее нарком ВМФ пришел к выводу, что «на данном этапе противником на Балтийском море может явиться шведско-финская коалиция, усиленная экономически и поддержанная флотами и армиями не Балтийских стран».

Также Кузнецов допускал «возможность вооруженного выступления враждебно настроенных против СССР элементов Эстонии и Латвии»[398].

В данной ситуации от Краснознаменного Балтийского флота требовалось создать прочную оборону побережья и баз, опираясь на которую, следовало подготовить силы и средства для осуществления господства в северной части Балтийского моря. С этой целью, надводные, подводные и военно-воздушные силы флота должны были «бить противника по частям, ослаблять его нарушением подвоза морем действиями на коммуникациях и по базам», попутно обороняя морской фланг собственной армии[399]. Для достижения этого, перед Балтийским флотом были поставлены следующие боевые задачи: 1) создание прочной обороны баз флота с воздуха, суши и моря; 2) осуществление противодесантной обороны островов Эзель, Даго во взаимодействии с частями Красной Армии; 3) устройство прочной обороны Финского и Рижского заливов во взаимодействии всех сил флота; 4) нарушение коммуникаций и базирования противника в Западной Балтике; 5) подготовка сил и средств к захвату рубежа в Аландском архипелаге[400]. Предшествующие директивы №№ 15705, 16062 и 16183 сс/ов были отменены наркомом ВМФ Кузнецовым ввиду изменившейся ситуации. Новый оперативный план следовало представить к 15 мая 1940 г.[401].

Неожиданно быстрый разгром Германией Франции летом 1940 г. поставил высшее командование РККА и ВМФ перед трудным выбором. Еще не дождавшись окончательной развязки событий в Западной Европе, но, уже догадываясь об их вероятном конечном результате, военное руководство СССР решило пересмотреть концептуальные основы дальнейшего планирования возможных боевых операций. 2 июня 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направил Военному совету КБФ директиву № 16801сс/ов, в которой сообщал, что «быстрое изменение обстановки на Западе затрудняет возможность определить состав и силы вероятного противника на КБФ в случае войны с СССР»[402]. Самой примечательной чертой этой директивы было то, что Кузнецов не назвал напрямую основного противника Советского Союза на данном этапе, а ограничился лишь одними предположениями. Так, нарком ВМФ советовал при подготовке к возможному ведению войны «исходить из наиболее сложного варианта и особенностей Балтийского театра» и давал некоторые вводные для составления оперативного плана. В частности, он не

исключил, что противник может располагать флотом, численно превосходящим КБФ, который непременно «надо ожидать из южной части Балтийского моря»[403]. Далее, Кузнецов считал, что вероятный противник вполне может не только использовать военно-морские базы, аэродромы и коммуникации Швеции, но и втянуть в боевые действия шведские ВМС[404]. Но командованию КБФ надо было уже самому пытаться определить своего вероятного противника. В зависимости от поведения «мощного противника», предполагались к тому же «выступления Финляндии и враждебных СССР элементов в Латвии, Литве и Эстонии»[405].

Основной же задачей Краснознаменного Балтийского флота на новом этапе являлось по определению нарком ВМФ создание такой прочной системы защиты устья Финского залива, побережья и баз, опираясь на которую, следовало «подготовить силы и средства для осуществления господства в северной части Балтийского моря: путем активных действий надводных, подводных и воздушных сил, с целью разрушения баз, кораблей противника, бить его по частям, ослабляя его нарушением подвоза морем, действиями на коммуникациях и по базам, и оборонять морской фланг нашей армии, способствуя его продвижению»[406]. Для обеспечения создания этой системы обороны Балтийскому флоту надлежало решить следующие боевые задачи: 1) при любых обстоятельствах не допустить прорыва флота противника в Финский залив; 2) во взаимодействии с Красной Армией не допустить захвата побережья, в том числе островов Эзель и Даго и полуострова Ханко; 3) нарушить коммуникации и базирование противника в западной Балтике и Ботнике, путем действий надводных и воздушных сил; 4) захватить и создать рубеж в Аландском архипелаге; 5) содействовать приморскому флангу Красной Армии при продвижении его по побережью[407]. Разработку оперативного плана Военному совету КБФ следовало закончить и доложить 15 июня 1940 г. При этом, прежние директивы (№№ 16183 и 16476сс/ов) по оперативному планированию были отменены.

В указанный срок[408] Военный совет КБФ представил наркому ВМФ на утверждение «Общий план действий Краснознаменного Балтийского флота»[409]. Повторяя уже известный тезис о том, что «военно-политическая и стратегическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в Европе» имеет «тенденции к существенному изменению и в дальнейшем», командование

КБФ, тем не менее, сделало для себя вывод, что вероятным противником на Балтийском море «будет Германия».[410] Причем, по мнению командования КБФ, Германия останится противником для Советского Союза в любой ситуации: и в случае ее победы над Англией, и в случае компромиссного мира с ней и даже «в случае ее поражения в войне с Англией, последняя может использовать Германию против СССР»[411]. При всем этом существенная роль отводилась, как и прежде, коалиции Финляндии и Швеции. Считалось, что эти страны скрытно или явно будут поддерживать основного противника Советского Союза «с полным использованием им всех имеемых возможностей», а наиболее вероятным сценарием начала войны могут стать «первоначальные действия Швеции и Финляндии против СССР по указанию Германии».

В случае войны с Германией, против КБФ на Балтике предполагались действия как всего германского военно-морского флота, такт и с участием кораблей Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии. Имелось в виду действия и даже части флотов Англии и Франции[412]. В данной оценке, вероятно, проявилось всегда существовавшее опасение советского руководства относительно возможного объединения сил всех капиталистических стран Запада против СССР. В этом просматривался довольно упрощенный, максималистский подход при определении своих вероятных противников, совершенно не учитывавший сложных взаимоотношений между странами Запада. Как это ни странно, но даже из предполагаемого наихудшего варианта делался довольно оптимистичный вывод. Считалось, что противник будет превосходить КБФ лишь численно, при общем «равенстве в технике (?! – *Авт.*)»[413].

В результате командованием Балтийского флота был разработан требовавшийся план боевых действий. Опираясь на уже известную директиву № 16801 сс/ов, оно продублировало все поставленные наркомом ВМФ боевые задачи[414]. Далее командующий флотом В. Ф. Трибуц изложил свое решение по плану, которое сводилось, в первую очередь, к созданию минно-артиллерийских позиций в р-нах Финского залива (Ханко–Оденсхольм), Рижского залива (Ирбенский пролив) и районе Либавской военно-морской базы. В дальнейшем флоту надлежало провести силами подлодок и ВВС операции по нарушению коммуникаций противника в западной части Балтийского моря с целью уничтожения его транспортов в базах и в море,

захватить острова Аландского архипелага и создать на них базу для собственных легких сил флота и ВВС, уничтожить силами морской и армейской авиации боевое ядро флота противника[415].

Помимо самого оперативного плана, 5 июля 1940 г. начальник штаба КБФ контр-адмирал Ю. А. Пантелеев отправил на имя наркома ВМФ свои «Соображения о вероятных боевых действиях на Балтике»[416]. Данные соображения были не просто дополнением к оперативному плану, а и своего рода подробным обоснованием плана. Особенностью предложений Пантелеева было то, что он предлагал «немедленно в этом же году получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе», причем, любыми средствами, «вплоть до войны». Сделать это срочно надо было потому считал он, что «иначе потом все эти возможности используют немцы и создадут этим для нас большие трудности, потребуют больших жертв»[417]. Из ракого «решительного замысла» видно, что возможность повторной войны с Финляндией в 1940 г. им не исключалась.

Кроме Пантелеева, в августе 1940 г. свои соображения о возможных операциях представили начальнику Главного морского штаба ВМФ адмиралу Л. М. Галлеру командующий эскадрой КБФ контр-адмирал Н. Н. Несвицкий и командир Балтийской военно-морской базы КБФ контр-адмирал С. Г. Кучеров[418]. По содержанию, эти докладные записки во многом совпадали с положениями записки Ю. А. Пантелеева, отличаясь от нее лишь некоторыми деталями. Например, командующий эскадрой Несвицкий предлагал «в целях обеспечения как баз, так и коммуникаций, питающих их, – решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР и сделать Балтийское море внутренним морем»[419]. Как мы видим, это пожелание Н. Н. Несвицкого носило еще более радикальный характер, чем намерение Ю. А. Пантелеева. Что же касается мнения С. Г. Кучерова, то он, в отличие в Пантелеева, сильно сомневался в одновременном выступлении против СССР Англии вместе с Германией, считая это маловероятным, «по крайней мере в ближайшее время»[420]. Наконец, в сентябре 1940 г. Военный совет Краснознаменного Балтийского флота утвердил планы самостоятельных операций флота, проведение которых требовалось планом. Среди них стоит указать «План подводной войны на Балтийском театре»[421], «План операции по захвату Оландских островов»[422], «План активных заградительных операций

легкими силами ВВС у военно-морских баз и на коммуникациях противника»[423], «План минных постановок КБФ»[424].

Рассматривая оперативный план КБФ и соображения начальника штаба Пантелеева, бросается в глаза невероятная самоуверенность некоторых представителей советского морского командования. Вряд ли стоило планировать операции флота в южной Балтике, не обеспечив при этом даже своего тыла – коммуникаций в Финском заливе, которые, по признанию Пантелеева, на всем своем протяжении находились под возможными ударами противника. Кроме того, будучи перегруженным большим количеством наступательных задач, оперативный план вступал в сильное противоречие с реальным количественным и качественным составом КБФ на тот момент. Одним из самых существенных недостатков плана была заложенная в него порочная идея неподвижных приморских флангов армии. По мнению командования ВМФ, даже для располагавшейся вблизи границы военно-морской базы Лиепая не было ровным счетом никакой угрозы. Подобное легкомыслие впоследствии дорого обошлось Балтийскому флоту.

Итак, оперативному плану КБФ была присуща явная недооценка сил и возможностей противника и, соответственно, переоценка своих сил, а также постановка собственным вооруженным силам совершенно нереальных боевых задач. Здесь приходится констатировать, что главные уроки советско-финляндской войны так и не были учтены командованием ВМФ, несмотря на многочисленные директивы наркома ВМФ, совещания Главного военного совета ВМФ и Военного совета КБФ. В данном случае стоит задаться одним лишь вопросом. Ведь если зимой 1939–40 гг. не удалось уничтожить куда более слабый, притом единственный, флот Финляндии, то откуда теперь у штаба КБФ взялась такая уверенность, что удастся уничтожить несравненно более мощный объединенный военно-морской флот коалиции или хотя бы существенно помешать его действиям?

Скорее всего в сложившейся ситуации оперативный план следовало ориентировать на выполнение одних лишь оборонительных задач. Это скорее соответствовало силам КБФ. Но командованию флотом, очевидно, было невыгодно признавать собственную слабость и ограничиваться лишь оборонительными задачами. В результате, возникало резкое расхождение между желаемым и действительным, что в последующем не могло не привести

к отрицательным результатам. Забегая вперед, приходится констатировать, что в условиях реальных боевых действий на Балтике в 1941 г. КБФ оказался даже не силах удержать господство в Финском заливе. Более того, Балтийский флот не смог надежно прикрыть свою основную коммуникацию Таллин–Кронштадт[425], чем и объяснялись значительные потери во время печально известного «таллинского перехода».

Подводя итоги вышесказанному, приходится неизбежно возвращаться к вопросу, поставленному в начале статьи. Представляется, что вышеупомянутое заявление Трибуца является недостоверным и неубедительным. В данном случае, достаточно задуматься над одним-единственным вопросом. Как можно в условиях еще незавершенной войны с Финляндией, при реальной угрозе вступления в нее двух крупнейших европейских держав (Англии и Франции), всерьез думать еще и одновременно о конфликте с только что заключившей с СССР договор о ненападении Германией? Это противоречит не только логике и здравому смыслу, но и реальной политической обстановке того времени. Вполне возможно, что адмирал Трибуц мог просто перепутать мифическую директиву 1940 г. со вполне реальной директивой наркома ВМФ от 26 февраля 1941 г., где перед флотами были поставлены основные задачи на случай войны[426]. Таким образом, бывший командующий КБФ В. Ф. Трибуц мог случайно перенести оценку обстановки начала 1941 г. на целый год назад. Более того, подробно изучив приказы и директивы наркомата ВМФ за февраль–март 1940 г., приходится заключить: никаких директив наркома ВМФ о подготовке к войне с Германией тогда не выходило и в принципе выйти не могло появиться. Тем самым опровергается легковесные утверждения Б. В. Соколова: никто никогда не уничтожал и не собирался уничтожать предвоенные оперативные планы флотов и флотилий. Они в полном комплекте сохранились до наших дней в фондах РГА ВМФ, причем зачастую в нескольких вариантах.

Ю. Г.Андрющенко

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-ЛАТВИЙСКИХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ

Нельзя сказать, что на сегодняшний день российско-латвийские отношения являются примером хорошего добрососедства. По мнению российской стороны «серьезный ущерб им в свое время нанесли известные решения Риги в вопросах, затрагивающих интересы России и ее соотечественников в этой стране».[427] Что касается латвийской стороны, то с момента приобретения независимости в 1991 г., ее внешняя политика была в целом направлена на сближение с Западом политически, экономически и в культурном плане.

Россия, конечно, исходит из того, что отношения с Латвией должны развиваться в русле сотрудничества и их прогресс окажет положительное воздействие на общественно-политическое и экономическое развитие обеих стран, ситуацию в Балтийском регионе, общеевропейские процессы. Однако хотя отношения России и Латвии в Балтийском регионе являются, пожалуй, самыми трудными не только в силу исторических причин, но и из-за наличия вопроса с положением русскоязычного населения в Латвии, что отмечается в концепции внешней политики России. «Россия выступает за то, чтобы повернуть эти отношения в русло добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Непременным условием этого является уважение …российских интересов, в том числе в стержневом вопросе о соблюдении прав русскоязычного населения».[428] Таким образом, стратегической целью России в отношении с Латвией является нормализация отношений и их развитие во всех сферах.

Для Латвии сейчас важно создать нормальные экономические отношения с Россией. Характерно, что латвийско-российские экономические отношения в постсоветское время проявляются в преодолении прежней экономической зависимости Латвии. Хотя на государственном уровне со стороны Латвии следуют такие заявления, как, например, сделанное весной 2002 г. министром экономики А.Калвитисом о его уверенности, что латвийско-российские экономические отношения улучшатся уже в ближайшем будущем, особенно после подписания соглашений по ликвидации двойного налогообложения, защите инвестиций.[429] Это заявление уместно сопоставить с высказыванием Э.Репше, нынешнего премьер-министра, сделанное им осенью 2001 г., когда он находился на посту президента Банка Латвии. Э.Репше считает, что Россия необязательно нужна Латвии, поскольку теперь она по объему торговли является одним из самых незначительных ее партнеров, и Латвия способна выдержать любую экономическую блокаду с российской стороны.[430]

Прошедшие осенью 2002 г. парламентские слушания относительно развития торгово-экономического сотрудничества России со странами Балтии показали, что для нее страны Балтии, в том числе и Латвии остаются зоной особых интересов. Россия намерена при этом увязывать торгово-экономические отношения с Латвией с положением русскоязычного населения. Изменение ситуации с правами национальных меньшинств увязывается с экономическими рычагами воздействия. Важнейшими направлениями сотрудничества в экономической сфере остается транзит российских

товаров в Европу через прибалтийские порты. Россия также стремится к широкому инвестиционному сотрудничеству и производственной кооперации в экономических взаимоотношениях. Немаловажное значение имеет приграничное сотрудничество.[431]

Скорее именно региональное сотрудничество и сотрудничество между городами может способствовать улучшению двусторонних отношений в целом. Вопросам же региональной кооперации уделяется достаточное внимание как со стороны России, так и со стороны Латвии. Региональные связи становятся все более весомым компонентом двусторонних отношений России с зарубежными странами.

Латвия в рамках региональной кооперации старается усилить сотрудничество с Калининградской областью, что считает существенным для поддержания развития в целом в регионе Балтийского моря. В марте 2002 г. на 11-й сессии министров государств Балтийского моря министр иностранных дел Латвии И.Берзиньш сделал особое ударение на развитие проектов приграничного сотрудничества, выразил интерес Латвии к развитию сотрудничества с Калининградской областью, чему несомненно послужит и открытие Латвийского консульства в Калининграде.

Возможностью доказать на практике желание к развитию приграничного сотрудничества явилось создание в 1997 г. Совета по сотрудничеству приграничных регионов России, Латвии и Эстонии. В рамках этой кооперации важно сотрудничество в области экономики, особенно в сфере малого и среднего бизнеса. Это приграничное сотрудничество служит интересам местных властей, предпринимателей и жителей приграничных территорий, так способствует улучшению отношений между странами в целом.

21-22 февраля 2002 г. в г. Кривске Псковской области проводилась международная конференция «Приграничное сотрудничество России, Латвии и Эстонии», которая была организована Советом Европы совместно с местной администрацией и МИД Российской Федерации. Эта конференция собрала глав местных администраций приграничных регионов России, Латвии и Эстонии и представителей других государственных институтов, а также европейских экспертов. Во время конференции проходила дискуссия по вопросам юридического, экономического и практического аспектов сотрудничества приграничных территорий Латвии и Эстонии с Псковской областью. Касались также того, кокое воздействие в будущем может иметь расширение ЕС на развитие сотрудничества.

По поводу развития сотрудничества между городами, характерны отношения двух столиц - Москвы и Риги. В этом всецело проявилась заслуга российской стороны. Основой для налаживания здесь дружеских связей стало подписание 31 августа 2001 г. меморандума о развитии сотрудничества между Москвой и Ригой. В середине декабря 2001 г. мэром Москвы Ю. Лужковым и мэром Риги Г. Боярсом было подписано соглашение о кооперации между столицами России и Латвии. Подписанный же 22 марта 2002 г. в этой связи двухсторонний протокол предусматривает сотрудничество в нескольких секторах.

Указанная акция явилась выражением желания способствовать развитию и укреплению российско-латвийских отношений с акцентом на укрепление партнерских отношений между обеими

столицами. Москва и Рига выразили при этом свое желание развивать отношения между государственными институтами обоих городов, практиковать проведение совместных научныых семинаров и других встреч, организовывать обмен опытом в подготовке муниципальных законов и постановлений, модернизация системы местных самоуправлений, сотрудничество в решении экономических и бюджетных вопросов. Приоритетным для обеих сторон стало расширение контактов в образовании, науке, защите окружающей среды, спорте, туризме.

Сотрудничество предусмотрело обмен выставками и ярмарками, поддержку развития торговой сети. Намечалось делиться опытом в предпринимательстве и частной инициативе, приватизации собственности, проведении антимонопольной и налоговой политики, по проблемам социально-правовой защиты и занятости населения.

Культурный обмен предусмотрел открытие в Москве бывшего культурно-информационного центра, который призван служить улучшению взаимопонимания между столицами. Проект финансируется московской стороной. На его осуществление выделено 4,2 млн. долларов из бюджета города, хотя вначале предусматривалось финансирование за счет инвестиций. В дальнейшем центр будет окупать себя сам, поскольку правительство Москвы не ставит задачи извлекать из проекта экономические выгоды. В здании центра «Москва» помимо библиотек и кружков детской самодеятельности будет кино-концертный зал, центр русской культуры и искусства, бюро по развитию туризма, помещения для офисов фирм малого бизнеса. Планируется также предоставление юридических услуг и, возможно, медицинских.

В интересах дальнейшего развитие отношения Москвы с Латвией в марте 2003 г. мэр Москвы Ю.Лужков встречался с главами семи крупнейших городов Латвии. На встрече обсуждались 16 проектов для совместной реализации. При этом главный упор стал делаеться на экономических аспектах. Мэр Риги Г. Боярс поддержал планы покупки Москвой акций терминалов в Рижском свободном порту и создание совместного предприятия для транзита продовольственных и промышленных грузов. Рассматривалось также несколько крупных проектов в транспортной сфере, таких как создание совместной авиакомпании и предприятия по автобусным перевозкам по маршруту Москва – Рига.

Москва заявила о намерении принять участие в развитии инфраструктуры Риги: одно из муниципальных предприятий готово участвовать в конкурсе на возведение моста через Даугаву. В свою очередь, Елгава подготовила предложения по интересующим Москву вопросам о мощностях завода РАФ. В Юрмале Москва имеет намерение приобрести недвижимость. У Московских административно-территориальных образований подписано два документа - договор о сотрудничестве Юрмалы с Юго-Западным округом и протокол о намерениях между Лиепаей и Западным округом. Но самым крупным проектом в сотрудничестве между столицами остается строительство московского культурно-делового центра в Риге.

Сотрудничество Санкт-Петербурга и Риги документально было оформлено раньше, в 1997 г., но не получило такого развития, как московско-рижское. В 1997 г. был подписан протокол о сотрудничестве между Рижским городским Советом и Администрацией Санкт-Петербурга в области экономики, науки, технологии, социальной жизни и культуры. Санкт-Петербург и Рига пришли к соглашению сотрудничать в сфере муниципального транспорта и ремонта дорог, коммунальных служб и инженерного обеспечения, городского планирования и туризма.

Следовательно, российско-латвийское сотрудничество и связи между отдельными городами отразили уже возможность улучшения взаимоотношений двух стран, хотя, конечно, остались нерешенной проблема с положением русскоязычного населения в Латвии. Что же касается стран Северной Европы, то при наличии особого внимания на развитие сотрудничества с соседними территориями, в которые входят и Северо-Запад России и Латвия, улучшение отношений между Россией и Латвией, несомненно, будет способствовать как упрочению связей в регионе, усилению регионального эконмического сотрудничества, так и ускорению интеграционных процессов, и упрочению связей в регионе.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

В. Н. Седых

СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Связи северо-запада России и региона Санкт-Петербурга как его составной части со странами Северной Европы многогранны. В исторический период их объединяют периоды войн и союзнических отношений, экономические, политические и культурные связи и многое другое. Попытаемся на некоторых конкретных примерах, основанных на археологических и нумизматических данных, показать уровень и разнообразие связей северо-запада России со странами Северной Европы в раннегосударственный период.

Связи населения стран Северной Европы со своими восточными соседями отмечаются исследователями, начиная с эпохи бронзы. Не прерывались они и в последующие периоды. Так, уже в первой половине VIII века фиксируются сакрально-культурные связи двух субконтинентов, простирающиеся от Приуралья на востоке до Швеции на западе. В частности, на этом пространстве зафиксированы находки поясов так называемого «неволинского типа», характерного для погребений Прикамья конца VII – первой половины VIII (Южная Финляндия, Эстония, Центральная Швеция). Но особенно отчетливо эти связи проявились в конце I – начале II тыс. н.э. Практически все пункты, отражающие русско-скандинавские контакты раннего периода, сосредоточены в интересующем нас регионе. Материалы этого времени происходят из Ладоги, Рюрикова городища, Гнездова, Сарского городища, Тимерева и некоторых других. По территории северо-западной России, а в то время — Верхней или Северной Руси — проходили трассы важнейших евразийских магистральных торговых путей раннего средневековья — Волжско-Балтийского и Днепровского. Именно Волга стала той магистралью, по которой на Русь, в страны Балтики и Северной Европы поступало монетное серебро – главный предмет восточного импорта в Восточную Европу, лишенную собственных рудных запасов. К рубежу VIII — IX вв. арабское серебро из государств Средней Азии и Переднего Востока через Северный Кавказ, Хазарию и Булгар по Волге стало активно поступать в пределы Северной Руси.

Функционирование Великого Волжского пути, по мнению исследователей, явилось, наряду с расселением восточных славян в лесной зоне Восточной Европы, одним из основных факторов, способствовавших образованию Древнерусского государства.[1]

В районе Ладоги система восточноевропейских речных магистралей смыкалась с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII — VIII вв., здесь же пересекались оба упомянутых торговых пути Древней Руси — это и определило особую роль Ладоги в первые века русской истории. Возникший в середине VIII века полиэтничный торгово-ремесленный поселок Ладога стал «воротами», через которые проходило движение арабского серебра в Балтийский регион.[2] О роли, которую играло поселение в низовьях Волхова в европейской торговле серебром, говорит тот факт, что

после пожара, происшедшего около 860 г. и зафиксированного на стыке горизонтов Е2-Е1 Ладоги, одновременно, примерно на десятилетие, прерывается поступление серебра в Швецию и на о. Готланд.[3] Во второй половине IX века число находок восточных монет на о. Готланд и в Швеции возросло в 8 раз по сравнению с предшествующим периодом (800-849 гг.), что свидетельствует об установлении прочных торгово-экономических связей между Северной Русью и Скандинавией.[4] Без сомнения, основная часть монетного серебра прошла через Ладогу — крупнейший транзитно-экспортный центр Восточной Европы того времени. При этом необходимо отметить определенные черты сходства в экономическом развитии Скандинавских стран и Руси, в их денежном обращении. Это, прежде всего, отсутствие собственных источников серебра, основные разновидности иностранных монет, использовавшихся в обращении, близкие метрологические системы и т.п. Состав находок куфических монет в кладах Швеции и Восточной Европы, в первую очередь Северной Руси, свидетельствует не только о сходстве в составе Д.о., но и о существовании тесных русско-скандинавских связей.[5] Практически одновременно Древняя Русь и страны Северной Европы начали чеканить собственную монету.

Становление торговых связей со странами Востока началось в 70-80-е гг. VIII в. и определялось потребностью населения Восточной и Северной Европы в серебряной монете и серебряном сырье для ремесленной деятельности. Первые клады восточных монет появляются практически одновременно на территории Северной Руси и Северной Европы. В районе Старой Ладоги находится одно из трех скоплений ранних монетных кладов — четыре клада VIII-IX вв. Древнейший клад Восточной Европы, обнаруженный в Ладоге, датируется 786 г. и отражает начало регулярного притока куфических монет на континент. Практически одновременно, в 783 г., в Северной Европе «оседает» первый клад восточных монет (Хаммарс, о. Готланд). В древнейшем ярусе построек горизонта Е3 Ладоги найден и самый ранний дирхам чеканки 699/700 г., который фиксирует время поступления арабского серебра в пределы Северной Руси — 50-60-е гг. VIII века.[6] Всего в Ладоге зафиксировано 11 находок ранних умайядских и аббасидских монет 738-788 гг. чеканки.

Уже в первый период обращения дирхамов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных преимущественно на территории будущей Новгородской земли, т.е. на территории северо-запада России, значительно превышает число кладов в Скандинавии (всего 3), что свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхемов в этот период.[7]

«Восточноевропейские вики» — открытые торгово-ремесленные поселения, такие как Ладога в низовьях Волхова, Рюриково Городище под Новгородом, Гнездово близ Смоленска, Тимерево под Ярославлем и др., составляли единую систему торговых центров и международных путей и входили в особое североевропейское полиэтничное культурно-экономическое сообщество, объединявшее в VIII-XI вв. страны Балтийского моря.[8] В рамках данной Балтийской цивилизации раннего средневековья налаживается устойчивый товарообмен, основанный на единой системе средств денежного обращения

— на раннем этапе — стеклянные бусы, затем — арабские серебряные монеты, позднее — немецкие и английские серебряные монеты. Анализ структуры и материалов протогородских центров Древней Руси, перечисленных выше, показал продуктивность предложенной на сопоставлении Гнездова и Бирки модели «восточноевропейского вика» — аналога западноевропейской «вик-структуре».[9] Процесс градообразования в Древней Руси стадиально и исторически был связан с североевропейским, скандинавским.[10] В «виках» начинается на Севере проповедь христианства, присутствуют христианские общины. Первым археологическим свидетельством проникновения христианства в район Ладоги является находка фризского кувшина типа «Татингер» с изображением креста в погребении скандинавского могильника в урочище Плакун, расположенного на правом берегу Волхова, напротив Староладожской крепости. Ближайшие аналогии таким кувшинам известны в некрополе шведского города викингов — Бирке. Их находки связывают с деятельностью первых христианских миссионеров в Северной Европе.

Предгородские и раннегородские центры играли основную роль в распространении среди местного населения предметов восточного импорта, прежде всего монетного. Нумизматический материал, полученный в результате раскопок памятников эпохи раннего средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного серебра на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. Для русского денежного обращения характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей — источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена. Попадая компактными массами на торгово-ремесленные и военно-административные поселения, монеты затем перемещались на отдаленные рынки в результате местного или территориального обмена — путем постепенного перехода от одного местного рынка к другому. Памятниками таких интенсивных и многоступенчатых торговых операций являются клады длительного накопления, в том числе денежно-вещевые. В эти операции было втянуто разноязыкое население территорий, по которым пролегали торговые пути. Результатом таких торговых операций было распределение в памятниках различных видов артефактов, связанных с торговлей или функционированием торгово-ремесленных поселений с полиэтничным населением.

Вклад скандинавов в формирование материальной и духовной культуры Северной и шире — Древней Руси — общепризнан. В литературе достаточно обоснованно разработана периодизация этапов развития русско-скандинавских отношений,[11] начиная с первых контактов в середине VIII в., фиксируемых в материалах Ладоги, до XIII столетия, характеризующегося внешнеполитическими столкновениями феодальных государств. Ранние контакты происходили, прежде всего, в дружинной среде и засвидетельствованы погребальными памятниками Ладоги, Гнездова, Тимерева и Киева. Археологические материалы фиксируют скандинавов и их семьи в числе постоянных жителей торгово-ремесленных и военно-административных центров Руси. Происходивший в них торговый и торгово-ремесленный обмен включал в себя различные виды продукции: керамику, ремесленный инструментарий, украшения, оружие и пр. Обмен на этом уровне начинается уже в середине VIII в.

(Ладога), достигая максимума к середине X века. При этом различаются уровни трансляции культурных достижений, имевшие конечной целью взаимовлияния и взаимообогащения культур Древней Руси и ее непосредственных соседей — стран Прибалтики и Скандинавии. Необходимо отметить, что большинство технико-технологических заимствований, фиксирующихся на торгово-ремесленных поселениях и в древнерусских городах, было следствием непосредственного общения русских ремесленников и купцов с живыми носителями иных культурных традиций. Результатом таких контактов являются известные уже в значительном числе находки «вещей-гибридов», представляющих собой орнаментально и конструктивно сплав мотивов и элементов Севера, Запада и Востока. На всех перечисленных выше крупных поселениях найдены клады арабского серебра и другой восточный импорт, предметы общебалтийского круга древностей и скандинавского происхождения. На многих из них скандинавы были в числе постоянных обитателей, на которых были возложены обязанности по обеспечению нормального функционирования определенных участков Балтийско-Волжского пути. В свою очередь, сами поселения возникали у наиболее сложных, ключевых участков водного пути (пороги, волоки, места раздвоения рек на рукава и т.п.), чтобы обеспечить их безопасность и контроль над ними. Появившись в Ладоге в середине VIII в., т.е. с самого начала становления торговых путей в Северной Руси, скандинавы на протяжении почти трех столетий принимали активное участие в международной торговле, поставив целью продвижение и закрепление вдоль основных водных артерий, которые вели к источникам серебра и местным пушным рынкам. Постепенно скандинавы проникли вглубь территории Руси вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие зафиксировано уже для начала IX в.

Факты постоянного присутствия скандинавов среди населения Древней Руси подтверждается антропологическими данными.[12] На территории Земляного городища Старой Ладоги исследован грунтовый могильник XI-XII вв., принадлежавший обособленной в этническом и социальном отношении группе населения. Он содержал погребения в строгом соответствии с христианским обрядом, без вещей. Регулярная планировка могильника, погребения молодых рослых мужчин, мальчиков-подростков и отсутствие женских захоронений на раннем этапе функционирования могильника свидетельствуют о том, что некрополь был основан как кладбище для погибших воинов-дружинников, и лишь позже превратился в место упокоения постоянно живущих в Ладоге скандинавов. Существовал могильник до 1153 г., когда был заложен главный храм Ладоги — собор Святого Климента. Еще одна серия мужских черепов скандинавского облика происходит из курганного могильника второй половины XII – первой половины XIII в. Куреваниха-2 в бассейне р. Мологи, где ранее были исследованы курганные древности со скандинавскими вещевыми комплексами конца X-XI в.

Одной из интереснейших категорий находок, отражающих *повседневную*, *бытовую* сторону жизни выходцев из Скандинавии, является посуда. В настоящее время среди разнообразной посуды комплексов, определяемых как скандинавские, к последним однозначно могут быть отнесены глиняные

сосуды определенной формы и сосуды из жировика. Находки фрагментов *сосудов из стеатита (жировика)*, происходящие из материалов Гнездова, Старой Ладоги и Киева, является своеобразным «норвежским вкладом» в формирование набора посуды Руси эпохи викингов.

Отличительной особенностью выявленных на древнерусских материалах скандинавских керамических сосудов является загнутый внутрь округлый венчик. Эти сосуды соответствуют группе керамики местного производства (einheimische Keramik), найденной на территории Швеции (тип AIV).[13] Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 г.[14] Этим же временем датируются эти сосуды на Руси. Кроме Швеции, аналогичные сосуды происходят из курганов на Аландских островах,[15] поселений Дании, Германии и др.[16]

Впервые сосуды этого облика были обнаружены при исследовании Тимеревского поселения под Ярославлем**.** В настоящее время такие сосуды выявлены в материалах ярославских могильников (Тимеревский, Михайловский, Петровский) и других памятников Древней Руси. Из погребальных комплексов необходимо назвать оятские курганы юго-восточного Приладожья — комплекс кургана № 4 у д. Гайгово, датирующийся X — началом XI в., могильника Плакун в Старой Ладоге, курган № 77 Лесной группы (раскопки Д.А.Авдусина) Гнездовского археологического комплекса. Из поселений, где встречена такая посуда, кроме упомянутого Тимерёва, следует назвать Ладогу, где эта керамика представлена единичными экземплярами в древнейших слоях Земляного городища — в горизонтах Е3-1 (1-я треть IX в.) и Е1 (2-я пол. IX в. — 1-я четверть X в.) и в слоях 1-й половины и 3-й четверти X в. в раскопе на Варяжской улице, Сарское и Рюриково городища.[17] Сосуды рассматриваемой формы в целом немногочисленны в керамических комплексах памятников Древней Руси. Встречены они, как было показано выше, в торгово-ремесленных, военно-административных центрах и в древнейших городах Руси, причем датируются они в основном X столетием, то есть периодом, когда скандинавы стали проживать в означенных центрах постоянно, т.е. семьями. Таким образом, к числу важных показателей теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей следует отнести и такой элемент скандинавской женской субкультуры как керамика.

Увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX-X вв. засвидетельствованы письменными источниками — русские летописи, сообщения восточных авторов (Ахмед Ибн-Фадлан, ал-Балхи и др.) и скандинавские саги, а также археологическими и нумизматическими данными. Археологические исследования последних десятилетий обогатили отечественную науку рядом новых категорий источников — берестяные грамоты, клинковая эпиграфика, ведущим специалистом по которой является А.Н.Кирпичников, а также новая категория, имеющая археолого-нумизматическое происхождение — граффити на монетах, преимущественно на куфических. Впервые в значительном числе они были зафиксированы на монетах крупнейшего клада IX столетия для всей Северной и Восточной Европы — Тимеревского под Ярославлем. Эта находка послужила толчком для активизации изучения монетного материала в стране. В настоящее время граффити на монетах происходят из погребений VIII-XI вв., в том числе из погребений X в. Гнездовского и Киевского некрополей, а также

из материалов крупнейших археологических комплексов (Новгород, Гнездово, Тимерево) и кладов арабского серебра IX-XI вв. Результатом изучения отечественных граффити на монетах стала монография, подготовленная в содружестве нумизматом И.Г.Добровольским, археологом И.В.Дубовым и рунологом Ю.К.Кузьменко в 1991 г.[18]

На Западе, в скандинавских странах изучением монет с граффити успешно занималась шведский нумизмат Улла Линдер Велин, которая составила сводку граффити на основе кладов континентальной Швеции, Готланда и частично Финляндии. Оставляя в стороне причины появления и назначение граффити, отметим, что все граффити на восточных монетах делятся на рунические и изображения предметов вооружения, соответствующие ранней и поздней стадиям периода нанесения граффити на монеты.

Следует отметить, что основные типы выявленных граффити на восточных монетах представлены в материалах Древней Руси, преимущественно из района Балтийско-Волжского пути, и Скандинавии, являясь общим достоянием североевропейской культуры и показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей эпохи раннего средневековья. Однако на Руси мы не знаем ни одного достоверного изображения молота Тора — символа скандинавского языческого бога. В Скандинавии же подавляющее большинство граффити на восточных монетах связаны с культом Тора — либо это изображения молотов Тора, либо заклинания и посвящения этому богу. Но в целом скандинавский массив источников более однообразен, нежели древнерусский.

Если граффити в виде восточных и рунических надписей, некоторые предметные изображения известны не только в наших материалах, но и скандинавских, то знаки Рюриковичей, прорисованные на куфических монетах, характерны только для территории Древней Руси.

Наибольшее количество монет с граффити (20) происходит из Петергофского клада, обнаруженного летом 1941 г. Младшая монета клада датируется 804/805 г. Клад запечатлел весь спектр связей этого региона, на монетах клада «расписались» все известные участники внешних связей Древней Руси — варяги и хазары, взимавшие дани со славян и финно-угров, византийцы и арабы — активные и ведущие торговые партнеры русов и славян IX-X вв.[19] Среди граффити — единственная известная надпись на греческом языке – библейско-христианское имя «*Захариас*» (*Захария*), скандинавские руны, в том числе скандинавские рунические надписи — имя *Убби* и прилагательное «*полновесный, ценный*», тюркские (хазарские) руны и, наконец, собственно арабские надписи (помимо надписей монетного чекана), в том числе надпись «*хвала Аллаху!*». Кроме Петергофского, в акватории Финского залива известен еще один клад, относящийся к первому периоду обращения дирхамов (до 833 г.) — клад из Галерной гавани Васильевского острова, обнаруженный в конце XVIII века. Оба «петербургских» клада выделяются своим «приморским» положением среди остальных кладов этого периода, сосредоточенных вдоль больших и малых речных путей Восточной Европы.

В целом, эти находки характерны для огромной территории Северной Европы. Граффити на монетах — явление интернациональное, значение их многообразно, и надо ожидать пополнения этой новой категории источников в будущем.

С открытием нового вида источников — граффити на монетах — получило дополнительное обоснование высказанное мною в 1994 г. предположение об использовании монет в качестве религиозных символов. Речь идет о монетах, которые использовались в качестве ***христианских символов***, а их появление было связано с проникновением христианства в древнерусское общество.[20]

К этой группе монет отнесены, в первую очередь, *кресты, вырезанные из дирхамов и западноевропейских денариев*, которые суммарно датируются концом X - XI в. Это самые ранние находки крестов, вырезанных из монет, известные на территории Древней Руси. Богатый и разнообразный инвентарь погребений с христианскими древностями свидетельствует о распространении новой религии, прежде всего, среди представителей высших слоев общества Древней Руси, в которых был значителен скандинавский элемент.

В числе *первых предметов христианского культа* были и *византийские монеты,* центральным изображением которых является крест. Это предположение подтверждается материалами раскопок могильника эпохи викингов Маску-Хумиккала в Финляндии, где в мужских и женских погребениях встречены подвески, состоящие только из одной монеты, которая в пяти случаях из девяти является милиарисием императора Василия II (976-1025 гг.) или его подражанием.[21] По мнению финского нумизмата Туукка Тальвио, популярность византийских монет-подвесок — это следствие их религиозной символики.

Среди граффити на восточных монетах зафиксированы *изображения в виде крестов*. Прежде всего, необходимо назвать находку дирхама в срубном детском погребении в усадьбе Десятинной церкви Киева. Монета имеет два круглых отверстия для ношения, на ее поверхности процарапан крест с тремя перекладинами. Уже в 1910 г. один из участников раскопок С.П. Вельмин предположил, что этот дирхам носился как иконка. Это мнение было поддержано Б.В. Фармаковским. В качестве христианского символа рассматривается эта монета и современными исследователями, нумизматами и историками.[22]

Наше предположение подтверждается многочисленными материалами кладов, в составе которых зафиксированы изображения крестов. Монеты, на которых два одинаковых креста нанесены на обеих сторонах, известны из памятников за пределами Древней Руси, в частности, из материковой Швеции и с о. Готланд (№№ 257 и 425).[23] Следует отметить также изображения так называемых "*полных крестов*" — греческих, латинских, парадных — на монетах из Скандинавии (№№ 401, 240, 354, 379, 361). Одна из находок с о. Готланд (№ 361) представляет собой монету-привеску из милиарисия чеканки 945-959 гг., на которой изображен десятиконечный ("голгофский") крест. Изображение мальтийского креста размером во весь дирхам известно на одной из монет Клейменовского клада. Как справедливо отмечают исследователи, изображение креста становится в X веке одним из ведущих типов граффити на монетах.

В технике граффити выполнены и *монограммы "Иисус Христос"*, выявленные на двух монетах из собрания Государственного Эрмитажа (№№ 151 и 111?).

Наконец, из собрания бывшего Азиатского музея происходит монета, на лицевой стороне которой процарапана надпись, как бы повторяющая арабскую круговую легенду. В переводе с древнегрузинского она означает "*христианство*". Аналогичная по смыслу надпись, дословно означающая "*благочестивая христианская легенда*", нанесенная на куфическую монету, известна из Скандинавии.

Появление таких надписей на мусульманских монетах, очевидно, свидетельствует о возрастающем влиянии христианства в среде населения Северной и Восточной Европы.

Таким образом, очевидно, что рассмотренные выше вырезанные из монет кресты, византийские, западноевропейские, возможно, древнерусские монеты с изображением креста и/или христианских правителей, превращенные в привески, монеты с граффити, на которых зафиксированы изображения различных видов крестов, монограммы "Иисус Христос", равно как и христианские надписи-граффити, являются ценнейшими источниками по истории христианизации Древней Руси и сопредельных государств Северной Европы. Этот процесс на ранних этапах затронул, прежде всего, представителей высших ступеней социальной лестницы древнерусского государства, среди которых был значителен скандинавский этнический компонент — вспомним летописную фразу: "мнози бо беша варязи христиане" — что нашло свое отражение в погребениях дружинных кругов X-XI вв.

В заключение еще один сюжет, связанный с ранней русской историей и рассматриваемыми нами археолого-нумизматическими данными. Согласно письменным источникам, подтвержденным и дополненным данными археологии, после непродолжительного периода, сопровождавшегося выплатой дани заморским варягам, конфедерацией северных племен был приглашен на княжение Рюрик. По сведениям древнейших авторитетных и не редактированных списков летописей, «сел» Рюрик в Ладоге, которая, очевидно, уже была столицей некоего раннегосударственного образования в северной части Восточной Европы в предшествующий период и где находилась резиденция «хакана» народа «рос» франкских Бертинских анналов. Призванный князь укрепляет Ладогу, затем, вскоре, переносит столицу зарождающегося государства к истокам Волхова, на Городище. Одновременно ведётся борьба за обладание торговыми путями, строительство крупных военно-торговых поселений. При этом, очевидно, была разрушена установившаяся в предшествующий период система даней и торговли. Все эти события и деяния сопровождались дестабилизацией обстановки в государстве, которая нашла, как представляется, своё отражение в нумизматическом материале. На территории Восточной Европы известно значительное число кладов восточных монет — дирхамов, которые являются, по мнению исследователей, достаточно чуткими показателями интенсивности, направлений и уровня связей Руси с внешним миром.

Монетные клады — памятники, отражающие состав денежного обращения, направление экономических, политических, культурных связей определенной страны в определенный период, являются своеобразными регуляторами нормального функционирования товарного рынка, где монетная масса — количество монет (денег) — зависит от двух основных составляющих рынка: от общей суммы цен обращающихся товаров (суммы товарных цен) и от интенсивности торговых операций, т.е. скорости обращения денег.[24] Возникновение синхронных или близких по времени «резервных фондов», переход обращающейся монеты в неподвижное сокровище можно объяснить, при наличии иных причин, двумя основными — сильные общественные потрясения (войны, междоусобицы, народные восстания, вражеские нашествия), имевшие следствием этих потрясений захирение экономической жизни государства (уменьшение количества товаров, замедление скорости их обращения, упадок деятельности рынка и потребности его в деньгах) и, напротив, оживление деятельности рынка, развитие товарно-денежных отношений.

Значительное внимание проблеме восточноевропейских кладов восточных монет уделено в исследованиях Т.С.Нунана.[25] Ссылаясь на опубликованные Т.Нунаном данные, А.Н.Кирпичников в ряде статей характеризует период 860-880-х гг. как время роста торговой активности и расширения международной торговли.[26] Приведенные сопоставления, по мнению автора, говорят о неуклонном росте монетных поступлений на территорию Восточной Европы в период, совпадающий с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика, свидетельством чего являются многочисленные клады арабских монет этого периода. Действительно, в период 860-879 гг. количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех

дирхамов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899 гг. Однако анализ композиций кладов этого периода показывает, что многие из дирхамов, импортированных в Восточную Европу *до времени правления Рюрика*, ещё долго оставались в обращении. Так, в кладах этого периода почти все эти старшие дирхамы были импортированы в Восточную Европу *до эпохи Рюрика*.[27] Сравнение состава восточноевропейских кладов этого периода с составом кладов с Ближнего Востока с убедительностью показывает, что они различны. Так, известный клад 878/79 гг. из Сузы (Иран) содержал в своем составе 90 % дирхамов, отчеканенных в 860-870-х гг. То есть, в 860-870-е гг. на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхамов. Таким образом, большинство старых дирхамов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда *до 860 г.*, в период *предшествующих интенсивных русско-исламских торговых связей.*

Как считает В.Н.Рябцевич, «…упадок экономики на определенной территории может иметь своим выражением резкое увеличение числа монетных захоронений только в том случае, если территория эта *обладала ранее* достаточно развитыми товарно-денежными отношениями» [разрядка наша — В.С.].[28] Именно эти, скопившиеся ранее сокровища, в период экономического упадка помещались в землю «до лучших времен».

Очевидно, что накопленные в Восточной Европе в предшествующий призванию Рюрика период богатства в виде серебряных дирхамов и привлекали викингов в русские земли. Основной целью проникавших вглубь восточноевропейской территории групп викингов было подчинение местного населения, обложение его регулярной данью, контроль над участками Великого Волжского пути — основной магистрали поступления восточного серебра, т.е. борьба за доминирующее положение в русско-исламской торговле. Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы стали попадать в землю. Клады этого периода зафиксированы на основной государственной территории того времени, в столицах — Новгород (864 г.), два клада Рюрикова городища 860-х гг., Ладога (см. ниже), на путях, контролировавшихся, очевидно, сторонниками Рюрика (Панкино, 863 г., Иловец, 864 г., Потерпильцы, 866 г., Москва, 866 г., Супруты, 866 г., торопецкая округа – 867 г., Шумилово, 871 г., Кузнецкое, 870-е гг., и др.), в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период (три тимерёвских клада 860-х гг.). Кроме того, учитывая существовавшую в Восточной Европе традицию помещения серебра в землю с целью сбережения сокровищ, можно предположить, что в число кладов, отражающих следствие этих бурных событий, должны быть включены сбережения, не востребованные, не изъятые из-за тревожной обстановки, но спрятанные в землю до ее наступления, т.е. в период, предшествующий событиям 860-х гг. К таким кладам, очевидно, примыкают клады, обнаруженные на Западной Двине – Даугаве, датируемые по младшей монете временем до призвания Рюрика — Ахремцы, 852 г., Гробин, 853 г., Соболево, 857 г. — и эпохой Рюрика — Лучёсы, 862 г., Витебская губ., 866 г., Лифляндская губ. 872 г.[29] Как и «среднеокский» сгусток кладов (Растовец, 864 г., Борки, 867 и 869 гг., Мишнево, 869 г., Гручино, 860-е гг., Острогов, 870 г., Хитровка, 873 г., Железницы, 878 г.), клады по этой водной магистрали —

Западная Двина – Даугава — обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства.

Упомянутый выше ладожский клад дирхамов с младшей монетой 847 г., исходя из стратиграфического анализа, был спрятан, по данным О.И.Давидан, очевидно, не ранее чем с уровня горизонта Е-1, т.е. начиная с 870-х гг.[30]

Вспышкой военных действий, «…которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого невостребования кладов» объясняют В.А.Булкин и Д.А.Мачинский появление двух «сгустков» кладов (волго-балтского и среднеокского) в период 862-878 гг.[31] Неспокойное время отразилось, очевидно, и в другом виде памятников — в погребальных древностях.

Таким образом, очевидно, правы те исследователи,[32] которые считают начальный период становления древнерусского государства — эпоху Рюрика — временем обращения огромного количества дирхамов, поступивших в пределы Восточной Европы до 860 г., скромного уровня коммерческих отношений с Востоком и интенсивных столкновений в землях, включаемых в состав молодого государственного образования.

В. Е.Возгрин

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА В «ИСТОРИИ ПЕТРА» Ф.И.СОЙМОНОВА

В Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, Санкт-Петербург с конца XIX в. хранилась неопубликованная рукопись петровского морского капитана и гидрографа, затем сенатора Федора Ивановича Соймонова «История государя императора Петра Великого». В настоящее время книга, состоящая из шести частей (около 25 а.л.) подготовлена мной к изданию.

Этот впервые вводимый в научный оборот источник был создан в 1760-х гг. свидетелем и участником великих событий в истории России начала XVIII в. Он позволяет глубоко погрузиться в историю Северной войны, а значит и стран Скандинавии. В рукописи содержатся совершенно неизвестные науке, детальные сведения об эпохе, что было замечено уже в конце XIX в., в «Отчете Императорской Публичной библиотеки» за 1896 г. Но ценность книги этим далеко не ограничивается.

Дело еще в том, что издание полного текста памятника и впятеро превосходящих его по объему Комментария и Примечаний предоставит читателю редкую возможность: расширить знания не только о России и русских людях той эпохи, но и о современном Петру зарубежье. То есть, об иностранных друзьях и врагах царя, о ситуации в европейских странах, вовлеченных в орбиту интересов России, о некоторых особенностях ведения войны, неизвестных отечественной историографии (или ею замолчанных) и многом другом. Справочный аппаратом способен оказать помощь в решении не только этой, но и некоторых иных, более общих задач. Расширенное, по сравнению с традиционным, использование зарубежного «информационного банка», заметно раздвигает возможности исследователя, углубляет наши познания об исторических личностях и понимание сути происходивших событий. В этом смысле публикация станет предшественницей фундаментального справочника *Who was who в эпоху Петра I*, необходимость которого для изучения эпохи на новом, современном уровне давно стала очевидной.

В истории Северной войны осталось немало неясностей. И если они до сих пор не устранены отечественной наукой, то связано это, конечно, не с новизной проблемы. Дело прежде всего в том, что мы, современные петроведы, плохо знаем *тех, с кем* воевали петровские командиры. Конечно, нам известна предвоенная ситуацией в России – но не в Швеции. Нам почти ничего неизвестно о состоянии фортификационных сооружений ее крепостей и городов, их оборонном вооружении и составе гарнизонов. Мы ничего не слышали о теоретической подготовке, боевом опыте и нравственной стойкости командиров и личного состава противника. Белым пятном остается вообще духовный мир шведа, финна или прибалта той судьбоносной эпохи – солдата или жителя оккупированной территории. Совершенно не исследованы эпидемии той поры, а это бедствие получило огромное стратегическое значение в самый разгар Северной войны. Точно так же не разработана проблема эффективности применения не вполне традиционных, нравственно

сомнительных форм ведения войны. Я имею в виду тактику «выжженной земли» и практику массового угона в рабство или физической ликвидации мирного населения. А также иных карательно-устрашающих методов, широко применявшихся Петром I на чужой территории.

Устранение таких лакун открывает для нас новые перспективы. Впервые появляется возможность раскрыть причины поражений не только русской армии (тут секретов почти не осталось), но и шведских корпусов. Поясню свою мысль. Справедливо считается, что в ту пору шведский солдат был одним из лучших в Европе, это касалось и физической, и профессиональной его подготовки. А шведская кавалерия, этот ударный род войск тогдашней армии, была признанно лучшей на материке, а возможно и в мире. Шведская тактика конной атаки плотно сомкнутыми эскадронами не имела аналога. Каролинскую технику боя невозможно было заимствовать, так как выучка конников и выездка лошадей были уникальны. Таких частей, таких солдат не было даже у Мальборо, величайшего мастера своего дела в Европе.

Но эти бесподобные солдаты отступали, когда в командирах у них оказывались офицеры, готовые ради клочка земли предать короля (Г.О.Дуглас), откровенные бездари вроде Г.Любекера, или попросту физически и духовно деградировавшие старцы как А.Кронйорт. Или же когда король, увлеченный иными задачами на европейском театре, обрекал их на поражение превосходящими силами русской армии. Ситуация со шведскими крепостями было не менее сложной. Одним из крупнейших европейских фортификаторов и военных архитекторов той эпохи был блестяще образованный шведский офицер Эрик Дальберг, самый талантливый из последователей великого Вобана. Лет за 20 до начала Северной войны Э.Дальберг взялся за давно назревшую задачу модернизации старых королевских твердынь на востоке. И нет вины фортификатора в том, что затеянное им дело стало одной из причин гибели Швеции как великой державы. Генерал-губернатор сам подготовил проекты, он разрушил старые стены и башни, но не смог выбить в Стокгольме средств, достаточных для возведения новых.

В результате к началу Северной войны восточные границы страны оказались кое-где обнаженными. К примеру, Нарва, некогда могучая, фактически неприступная крепость была вынуждена защищать свои наполовину демонтированные стены деревянными кольями и палисадами, наспех возведенными в предместном пространстве. Эти жалкие рогатки были сожжены при первом штурме, а второго крепость не выдержала, – чего и следовало ожидать. Еще одной, не менее важной причиной ее падения стало прекращение снабжения из эстляндского хинтерланда, что было вызвано петровской тактикой «выжженной земли».

Историческая проблема допустимости применения этой тактики – не просто сложна. Она, как многие из исторических проблем, многопланова. Причем ни один из этих планов-аспектов (военно-стратегический, политический, социальный, этнопсихологический, нравственный и т.д.) не разработан ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Само по себе существование такой лакуны вызывает удивление. Ведь тактика выжженной земли сыграла огромную роль на театре Северной

войны и в международных отношениях военного, а затем и мирного периода. Впервые ее применили на территории Лифляндии, причем на протяжении нескольких лет. Вторая кампания такого рода была проведена в оккупированных петровскими полками Польше и Украине, третья в шведских провинциях Уппланд и Ёстерьётланд. Сегодня подобные мероприятия назвали бы акцией геноцида, – ведь огненное «очищение» не только лишало население крова и средств к существованию, обрекало его на скорую, неизбежную смерть. Акции против населения обладали и таким признаком геноцида как тотальность – даже оставшиеся в живых прибалты и инкери, финны и шведы тут же сгонялись в гурты, а затем отправлялись на невольничьи рынки Москвы, Кафы и Стамбула.

Конечно, рассмотреть историю *таких* репрессий и не выразить при этом своего отношения к их верховному вдохновителю и организатору, было сложно уже для Ф.И.Соймонова, человека эпохи Просвещения. Не говоря уж о нас, носителях, как принято считать, более гуманного мировоззрения. С другой стороны, существует реальная опасность впасть при этом в грех антиисторизма – нельзя ведь оценивать действия исторических личностей с современной точки зрения, которой, естественно, присущи совершенно иные нравственные критерии. В этой ситуации вспоминаются слова Юрия Трифонова, заметившего о своих героях (и антигероях), что они плыли «в лаве своего времени». То есть, геноцид, практиковавшийся Петром, возможно, заслуживает если не оправдания, то понимания его как чего-то обычного в Европе XVIII века.

Но в том-то и дело, что поведенческих аналогий среди тогдашних правителей мы не находим. Можно ли представить себе того же Карла XII, выжигающего королевские города Швеции или Лифляндии, или даже незначительные крестьянские селения собственной страны или взрывающего замки своих баронов? Могла бы его сестра и преемница на троне Ульрика-Элеонора, хотя бы *позволить* (своим отказом от унизительных переговоров на Аландах) русским и дальше громить Уппланд, махнув рукой на тамошних крестьян ради более высоких, более свойственных королеве мыслей о собственном достоинстве? Нет, конечно, чего не было – того не было.

Ф.И.Соймонов не только заставляет задуматься над этой бесспорно волновавшей его проблемой (обращает на себя внимание сама тональность его описаний кровавых подробностей упомянутых репрессий). Он, кажется, делает намек на источник великодержавного хамства. По Юрию Лотману эта черта характера – не просто выброс архаичных эмоций, но социально-психологическая болезнь, иммунитет к которой гарантирует лишь интеллигентность. А Петр, при всех его бесспорно незаурядных качествах, интеллигентом не был. И неслучайно Ф.И.Соймонов обращает на эту проблему особое внимание, объясняя ее известными недостатками в воспитании будущего царя, характеризуя довольно примитивное кремлевское и не только кремлевское окружение подраставшего царевича (малочисленные исключения лишь оттеняют справедливость сказанного), а также травм, нанесенных детской психике мятежами стрельцов.

В условиях Лифляндского театра (послеполтавского периода) предыдущая проблема была органически связана с трагической темой эпидемий XVIII в. Именно здесь сложилось парадоксальная ситуация – чума разила свои жертвы не подряд, а выборочно. Причем выбор был *военно-политическим!* Здесь нет никакого парадокса: эпидемия разгоралась не в поле, где маршировали или стояли биваками российские полки, а лишь в прибалтийских городах, за высокими стенами. Сюда стекались крестьяне, бежавшие после выжигания сотен и тысяч мыз; мещане мелких городков; рыбаки из прибрежных деревень. В обстановке скученности, антисанитарии, нехватки хлеба и даже воды (русские могли перерезать, как в Ревеле, единственную водную артерию города), болезни настигали осажденных со скоростью взрыва, помогая Петру в его войне.

Предусмотреть эту двойную напасть (блокаду и мор) и убежать от нее мало кому удалось. Накануне войны, в атмосфере мирных и даже дружественных отношений между Россией и Швецией никто не мог и предположить, что в безмятежно-пасторальной Прибалтике возможны ужасы тактики выжженной земли, голода и эпидемии в запертых городах, массовых насилий и казней, возрождения средневековой работорговли и так далее. Таким образом, военно-историческое значение эпидемии вполне прозрачно. И, повторяю, непонятно, отчего оно ускользает от внимания историков, когда его сознавали даже петровские солдаты, говорившие пленным шведам: «Не мы взяли ваши крепости, а чума».

Ф.И.Соймонов подробно излагает эти сюжеты, приводит массу фактов и событий из жизни *отдельных личностей* (в Комментарии и Примечаниях мы существенно дополняем его коллекцию биографий современников). В итоге публикация даёт нам возможность вдохнуть не только дым пожаров великой войны, но и тонкий аромат городской культуры Северной Европы той эпохи. Вообще в процессе работы над книгой выяснилось, что сюжетно памятник выходит далеко за границы обозначенной в его титуле темы – «История Петра Великого». Еще одно редкое его качество – удавшаяся попытка автора отразить историю эпохи объективно и уравновешенно. И третье – он раскрыл новую для российской исторической науки тему. Все эти качества книги позволяют отнести Ф.И.Соймонова к бесспорным новаторам в своей научной области. Для подтверждения сказанного бросим беглый взгляд на состояние исторической науки во второй половине XVIII в., на то, какие сочинения, посвященные петровской эпохе, уже были созданы.

Известно, что *новейшей истории* России, а также ее ближайших соседей, в ту пору у нас попросту не было. Конечно, имелось несколько трудов такого рода, но их лишь крайне условно можно назвать историческими. Скорее они относились к жанру политической пропаганды, как, к примеру, заказное «Рассуждение…». П.П.Шафирова. Более того, до Ф.И.Соймонова никто даже и не брался за создание такой истории. Этому факту есть объяснение одного из виднейших историков XVIII в., В.Н.Татищева. Он заметил, что изложению истории, хронологически вплоть до времени ее написания, мешает «не только многотрудное продолжение всякому к сочинению удобное, а наипаче, что в настоясчей истории явятся многих знатных родов великие пороки, которые если писать, то их

самих или их наследников подвигнут на злобу, а обойти оныя – погубить истину и ясность истории или вину ту на судивших обратить, еже бы было с совестью не согласно. Того ради оное оставляю иным для сочинения».[432] То есть, существовали препятствия не профессионального, а личностного и политического плана, жестко ограничивавшие тематику исследований.

Эта проблема стала непреодолимой преградой и перед М.М.Щербаковым, Н.М.Карамзиным, а также другими, менее знаменитыми русскими историками. В специальном исследовании указывается, что хронологически такой запретной зоной для них оказалась вся новая и новейшая история страны: «Уже после времени Ивана Грозного начинается своего рода закрытый рубеж».[433]

Я говорил об историках-профессионалах, но ведь были и дилетанты, и специалисты-гуманитарии других профессий (литераторы, проповедники и др.), которым задача создания петровской истории тоже была бы по плечу, но которые оказались не менее беспомощными. По их поводу приведу вывод старого российского ученого, возможно резкий, но в целом верный: «Писатели усиливались вознести до облаков Петра, чтобы возвыситься самим; поэтому выдумывали всевозможные тирании и смуты, чтобы показать во всем блеске его величие, как он прошел сквозь огонь и воду и уничтожил все злые замыслы. Они верили всякому рассказу и анекдоту».[434] Подтверждением сказанному может служить признание одного такого историка, П.Н.Крекшина: «Аз, раб того благочестивого Императора… милость его на себе имех… того ради по долгу рабства и любви должен блаженные дела его прославлять, а не образом истории писать дерзко».[435]

Как верно замечено советским историком Е.Шмурло, и во времена Елизаветы Петровны истории Петра все еще не было. «Да и какой ждать *истории* там, где людьми руководило, главным образом, желание *прославить* великого мужа, *преклониться* перед ним?». Известное «Похвальное слово» М.В.Ломоносова в характеристике не нуждается. Таким же дифирамбическим настроением пронизаны книги авторов, бравшихся за историю Петра и при преемниках его дочери-царицы. Едва только дело касалось оценки Петра, все они (в том числе и Николай Новиков – центральная фигура нашего Просвещения) ступали след в след за Прокоповичем и Ломоносовым. Для подтверждения этого удивительного вывода не стоит тревожить тени, называя поименно всех, кто отдал должное панегирическому течению в истории русской мысли и изящной словесности, тем более, что это уже сделано Н.Рязановским.[436]

Первое критическое замечание в адрес Петра мы встречаем лишь в 1789 г., после смерти Ф.И.Соймонова, в одном из писем С.Р.Воронцова. Да и то по одному-единственному, узкому поводу: стратегии царя в Прутском походе. А уж открытая, объективно-критическая оценка *всей* деятельности Преобразователя обнаруживается еще позже – лишь у проницательной и беспощадной Е.В.Дашковой. Но и эти смелые, новаторские выступления были плодом умозрительных построений (что отнюдь не принижает их значения), а не результатом систематического научного исследования источников.

Итак, на русских «Историях» XVIII в. невозможно было строить историю *нового* уровня. То есть, свободную от старых огрехов и отвечающую каждым своим положением не столько старомосковским требованиям, сколько духу новой, свободной («буржуазной») Европы, нравственным нормам именно *ее Нового времени*, ее интеллектуальному уровню. Российская традиция панегириков могла существовать еще очень долго – просто по инерции. Ф.И.Соймонов сломал эту традицию, обогнав «время по старому стилю», создав книгу новой эпохи, а для своих современников – книгу из будущего. Но российская косная инерция пережила его. Даже теперь, в наше время, значение книги Ф.И.Соймонова не укладывается в головах лучших его биографов. Они *по инерции* относят его к кругу коленопреклоненных российских авторов, не сумевших выпрямиться и после смерти Петра. Для них соймоновская «История» - всего лишь «своеобразный панегирик Петру, составленный на склоне лет его подвижником…».[437]

Дело здесь не только в том, что Ф.И.Соймонов по своему реалистическому складу ума абсолютно не годился *в панегиристы*. Он оценивал личность государя весьма трезво, не избегая и прямой оценки наиболее тяжких политических и иных ошибок и просчётов императора. В том числе и тех, относительно которых более поздние поколения российских историков, вплоть до С.М.Соловьева, хранили мертвое молчание. Приведем лишь три примера такого рода.

Во-первых, Ф.И.Соймонов подробно рассматривает последствия петровской санкции на разорение Польши (1707 г.). Во-вторых, это принятое Петром в 1711 г. (вопреки рекомендации опытных генералов) решение о передислокации полевой армии из благополучных Ясс к оголоженным Пруту и Днестру. В-третьих, это «страшные убивства и кровопролития» (ч. 5; л. 30 об.), а также другие репрессии, совершавшиеся русской армией по отношению к мирному населению Лифляндии и Швеции, Украины и Польши на протяжении 1700 – 1721 гг.

Первая ошибка царя (вкупе с его откровенными планами посадить на польский трон А.Д.Меншикова) имела разрушительные военно-политические последствия, сохранившие актуальность вплоть до конца войны. Вторая – закончилась окружением российской армии турецко-крымскотатарскими войсками и позором Прутского мира. Третья на несколько веков окружила Россию стойкой атмосферой страха, постоянного ожидания новых массовых расправ над невинными, вечной настороженности, подсознательной опасливости по отношению даже к весьма далеким потомкам железных солдат Б.Шереметьева, П.Ласси, Ф.Апраксина.

В этой связи отметим, что Ф.И.Соймонову была чужда практика многих современных историков, списывающих грехи прошлого на иные нравы иных эпох. Война, в которой он участвовал, оказалась чудовищно грязной. И военные преступления, свидетелем которых он был в молодости, не утратили для него негативного значения и на закате жизни, когда он доверил свои мысли бумаге. Тем более, что его мнение о данном предмете совпадали с оценками людей, которых он не мог не уважать. Например, Досифея Нотару, трезвого до циничности политика в облачении патриарха Иерусалимского. Святой отец не считал себя вправе скрывать эти мнения, к примеру,

сурово отчитывая царя за вывоз рабов на продажу. Он настойчиво советовал раз и навсегда пресечь эту позорную торговлю: «Шведы, хотя и еретики, но когда попадают в плен, то мало-помалу переходят в православие. А вот русские торговцы везут военных и мирных полоняников в землю турецкую. Это и перед Богом грех, и перед всем светом великое бесчестие, – не из какого-то иного государства привозят в Турцию продавать христиан, но из святой Руси, о чем и говорить-то непристойно».[438]

И эта тема, волновавшая Ф.И.Соймонова, также совершенно запущена в отечественной историографии. Возьмем пример из самых известных: Марту Скавронскую (будущую Екатерину I) до сих пор не признают *рабыней*, в которую свободная женщина превратилась в тот же день, как в ее дом ворвались русские солдаты. Ее традиционно именуют *пленницей.* Этот, второй термин, безусловно, звучит приличней первого, хоть и теряет в точности. Марта не относилась к военнопленным, захваченным с оружием в руках. Это такой же миф, как явление латвийских «снайперов в белых колготках» на чеченском фронте, а точнее, в воспаленных умах российских авторов уже нашего, XXI века. Марта, в самом деле, попала в рабство, у нее не было даже тех мизерных прав, что полагались пленным шведским солдатам и офицерам. И грозил ей не Тобольск, куда их ссылали всего лишь до окончания войны, а грязный невольничий рынок, откуда возврата не было, – ее спасла лишь неслыханная удача. Согласимся, что какая-то разница между пленными и «пленницей» просматривается.

Нужно подчеркнуть сложность обстановки, в которой Ф.И.Соймонов обращался к *столь* рискованным темам. Для него, человека XVIII столетия, демонстрация непредвзятости была делом крайне необычным. Напомню, что речь идет не о каком-то европейце, пользовавшемся свободой интеллектуальной деятельности, а об авторе *российском*, к тому же пишущем не о заурядных персонажах, а о самом *Петре*. Что же породило такую ошеломительную объективность, что вдохнуло в Ф.И.Соймонова мужество и сделало его выдающимся историком России? Ответить на такой закономерный и важный не только для нашего заседания вопрос нелегко. Здесь необходимо отдельное, серьезное аналитическое исследование, не входящее в планы докладчика.

Впрочем, назрела одна гипотеза, пока рабочая, но и в качестве таковой, возможно, интересная для будущих исследователей. Попробуем выстроить ответ на заданный вопрос, опираясь лишь на важнейшие черты характера Ф.И.Соймонова, сложившиеся благодаря особому воспитанию и необычной судьбе его в молодые годы.

В знаменитой московской Математико-навигацкой школе его учили жить и действовать в духе дисциплины и точности. Морского устава, правда, тогда ещё не было, но учеников постоянно и упорно наставляли в том, что писать любые замеры, погодные данные, а паче всего – судовой журнал следует с *неукоснительной* точностью. Каждое занесенное в него слово, должно было содержать в себе правду, и ничего кроме правды. Отсюда – трепетное отношение выпускников школы к бумаге,

становящейся под их пером безусловно надежным (нелживым) документом. То есть, годным для использования в самых ответственных целях без сомнений в его достоверности как источника.

Дальнейшая морская служба и последовавшие за ней занятия гидрографией только усилили, сделали доминирующими эти требования цеховой этики: следовать уставу и другим профессиональным регламентам, не делая себе никаких послаблений, не допуская искажений в записи наблюдений и ведению журнала, подчиняясь единственно принципу объективности. Соблюдение этих ясных и недвусмысленных правил не могло не стать *второй натурой* человека, следовавшего им изо дня в день на протяжении многих десятилетий. И, конечно, не видевшего причин отказаться от своих жизненных принципов на закате земной жизни, который он встретил за письменным столом историка.

Еще одна особенность биографии Ф.И.Соймонова (не менее резко отличавшая его от других отечественных историков) – это длительное пребывание за рубежом, к тому же в молодые годы, когда новые впечатления впитываются особенно жадно, оставляя глубокие следы в духовном и нравственном мире человека. Там он не мог не слышать открыто звучавших мнений о своем народе и его царе, столь непохожем на европейских монархов. А характеристики, которыми иностранцы наделяли Петра, далеко не всегда походили на комплименты. В Северных Нидерландах никак не мог завоевать успех тезис «великие цели требуют великих жертв» (так Вольтер оправдывал огромные человеческие потери петровской России). В Европе ему противостояли прямо противоположные идеи великого гуманиста и антимонархиста Б.Спинозы, для которого высшей ценностью был не интерес государства, а человеческая жизнь.

Естественно, эти мысли были наиболее популярны среди свободных граждан республики Нидерландов, из чьей массы и вышел Б.Спиноза. И понятно, *как* голландцы воспринимали странные известия о том, что русский монарх собственноручно рубит подданным головы, проводит дни и ночи в пыточных избах, поощряет работорговлю и прочее. Что же касается позднейшей, уже европейской политики Петра (в частности, карательных акций на польских территориях), то она никак не могла изменить сложившейся репутации царя. В том числе и среди жителей портовых городов, с которыми были неизбежны контакты Ф.И.Соймонова, долгое время находившегося там на морской практике.

Мы не знаем, как отвечал юный Ф.И.Соймонов на неизбежные вопросы его голландских знакомцев о непонятной для них личности царя. Впрочем, это не имеет значения (скорее всего, он не разделял мнение большинства голландцев о его господине). Но такие беседы не могли не заронить в восприимчивую душу молодого человека зерно, по крайней мере, сомнения в безусловной правоте царя. А отсюда – один шаг до критического отношения к некоторым петровским акциям. Во всяком случае, как видно из подробнейшей соймоновской биографии,[439] среди российских своих современников он был одним из немногих, кто никогда не грешил низкопоклонством.

И напротив, все самые известные создатели культа Петра росли и учились *безвыездно* в России, в атмосфере слепого поклонения перед царем, а в подавляющей своей части им не довелось

побывать за рубежом и позже, в зрелом возрасте. Отнюдь не по своей вине они получили однобокое, уродливое воспитание, не дававшее возможности следовать нравственному принципу Св.Августина («Выслушай и другую сторону»), – вспомним хотя бы совсем недавнюю ситуацию, когда железный занавес мешал нам «слышать» мир и тем уродовал нацию. Эта духовная герметичность и без того не слишком открытой русской православной культуры – еще одно объяснение искажению исторической истины в сочинениях современников Ф.И.Соймонова.

Не обладая нравственным иммунитетом бывшего моряка и путешественника, получавшего «прививки» в Голландии и других странах, они не могли устоять перед мирскими соблазнами. Совершенствуя и облагораживая своим авторитетом и талантом уже сложившийся культ мертвого вождя, историки раболепствовали ничуть не менее тех, более простых своих соотечественников, кто поклонялся иным кумирам: живому деспоту, золотому тельцу, модным пророкам, идолу национального эгоцентризма и т.д. и т.п. Ведь всё это проявления одного порока – тщеславия. Оттого эти незаурядные личности терпели фиаско не только в качестве ученых, но и христиан. Они погрязли в смертном грехе, нарушив сразу две заповеди Господни: одни буквально приравняли человека Петра к Богу, другие – сотворили себе кумира, близкого к языческим.

Александр Сумароков ставил Петра рядом с Иисусом,[440] что можно бы простить человеку мирскому, но вторил-то он *епископу* Гавриилу![441] Столь же упоенно возводили покойника в сонм бессмертных богов поэты Михаил Ломоносов,[442] Михаил Херасков[443] и Гавриил Державин,[444] – это если называть только самых известных авторов, полноправных властителей дум. На *таком* фоне подчеркнуто последовательная объективность Ф.И.Соймонова могла выглядеть попросту шокирующей. Поэтому я позволю себе ниже высказать некоторые догадки по поводу того, *отчего* «История Петра Великого» *так и не была опубликована* ни при жизни автора, ни после его смерти.

Это было удивительно, если вспомнить о настоящем информационном (книжном) голоде в этой области исторического знания. Да и к моменту завершения соймоновского труда российские историки по-прежнему не собирались нарушать свое полувековое замалчивание петровской темы (первый учебник новой истории был напечатан лишь при Павле). Таким образом, рукопись Ф.И.Соймонова представляла собой остро необходимый, бесспорно актуальный для общества проект. И то, что он не был осуществлен ни при Екатерине II, ни позже – факт странный, который невозможно объяснить, не коснувшись обстановки, в которой очутился на старости лет Ф.И.Соймонов.

Дело в том, что именно в годы, когда завершался труд Ф.И.Соймонова, в российской печати началась кампания, направленная против Крымского ханства, ставшего очередной целью многовековой российской экспансии. Между тем, отсутствовала прежняя причина, способная оправдать захват суверенного государства прямо на глазах просвещенной Европы, – ханы уже лет полтораста не ходили в походы на Москву. И поиск выхода из такой ситуации причинял Екатерина II немалую головную боль. Ничем не мотивированный, «крутой» перекрой политической карты

материка был бы расценен европейским сообществом как крайне опасный: в XVIII веке аннексия, скажем, маленькой Дании любой из крупных держав уже стала невозможной и недопустимой. Причина была проста: такой *прецедент* мог бы повлечь непредсказуемые опасности и для других европейских стран. Да и вообще обоснованный casus belli являлся никем еще не отмененной, вполне действенной международно-правовой категорией. Каждое ее нарушение, как правило, тут же использовалось политическими противниками проштрафившейся страны. Более того, игнорирование этой правовой реалии могло привести к тем или иным коллективным военно-политическим санкциям по отношению к нарушителю. И Россия, как любая другая страна, не могла этого не опасаться.

Понятно, что такое отсутствие *политической* причины вторжения отнюдь не влекло за собой отказа России от плана вторжения. Просто нужно было работать в другом направлении, искать такой повод в иных плоскостях. И он был отыскан. Им могло стать обвинение намеченной жертвы если не в политической, то в *нравственной агрессии*. То есть, нужно было представить российскую военную акцию как попытку пресечь губительное для русского народа, разлагающе аморальное влияние крымского соседа. Звучит такой casus belli, конечно, фантастически. Впрочем, не более, чем современные рассуждения насчет роста политического влияния радикально-исламских сект, угрозы тотального мусульманского террора и пр. Ведь и в XVIII в. Европа мыслила в узких рамках стереотипных представлений о враждебном исламском мире. И их уже вполне можно было эксплуатировать. Именно поэтому политическая элита Петербурга не без оснований надеялась на успех своей пропагандистской антиисламской (антитатарской) акции. То есть, на признание в Европе самого существования ханства совершенно нестерпимым для русских его соседей.

Никому не доверяя исполнения столь непростой задачи, Екатерина сама взялась за перо, и в январе 1769 г. в журнале «Всякая всячина» появились ее заметки под псевдонимом Евдокима Примечаева. Проницательный «Примечаев» открыл, где именно находится источник самых общеизвестных, всем надоевших нравственных недугов русского народа. А именно, таких как «злословие, мотовство, недержание слова, зависть, корыстолюбие». Оказалось, это – результат пагубного влияния крымских татар, народа безнравственного и в своих грехах закоренелого. Поэтому реально пресечь это воздействие на расстоянии можно было единственным, радикальным методом – ликвидацией источника зла, то есть Крымского ханства.

К чести зарождавшейся русской интеллигенции нужно сказать, что заметки-письма «Евдокима», истинное имя которого ни для кого не было тайной, вызвали нормальную, то есть критическую реакцию. А.П.Сумароков показал в специальной журнальной статье, что крымские татары – люди «не только благородные, но и остатки нижайших их отраслей (т.е. даже не дворяне – *В.В.*) суть люди добрые; а народы их (имеются в виду различные племена коренного народа Крыма – *В.В.*) в добродетели всегда были отличны; и тако нравы их не могли нас никаким заразить худом».[445] Еще один корреспондент, некто Стоиков, поддержал А.П.Сумарокова: «…мне сие (т.е.

екатерининское – *В.В.*) доказательство невероятным кажется потому, что сколько у нас есть выезжих князей и знатей Татарских, кои здесь в великое произошли достоинство! Они их получили не по худым природным им обычаям и нравам, но по благородным и добрым».[446] Печатались и другие отклики аналогичного смысла и критической направленности.

Итак, за доводом последовали контрдоводы, и установилось некое равновесие; журнальный диспут оканчивался вничью. Правда, еще не сказал своего слова Ф.И.Соймонов. Дело в том, что этому «птенцу гнезда Петрова» были органично чужды расовые предрассудки, как, кстати, и его государю. Петр не только не презирал военного противника, но и относился к нему с искренним уважением. Шведы для него были «учителями», а Карла XII он и во время войны именовал «братом». Ф.И.Соймонов же в своей книге не менее объективно оценивал лидеров другой враждебной стороны – крымского хана и султана, крымский и турецкий народы. И вот теперь, через полвека, оказалось, что ситуация с традиционной российской терпимостью «вдруг» сменилась на прямо противоположную.

Речь, конечно, не о великорусской массе, а пока лишь о Екатерине II. Именно она, более иных царей страдая комплексом неполноценности, оказалась способной *впервые* вложить в руки русского народа преступное оружие, прививая обществу откровенно расистские воззрения. Понятно, что на невысоком, кухонно-бытовом уровне: пустившись (с ее-то образованием) в этнокультурную теорию, она рисковала стать посмешищем для ученого мира. То есть, она не делала даже попыток «научно» обосновать свои конструкции. Тем не менее, сладкий яд чувства собственного превосходства (главный соблазн национализма) был впитан современниками Екатерины не только безропотно, но и с неким удовольствием. Если в 1769 г. против клеветы на народ Крыма еще выступило 2-3 человека, то начиная с 1770-х таких проколов не наблюдалось.[*]

А теперь представим себе, как в такой ситуации выглядела готовая к изданию рукопись Ф.И.Соймонова о петровской, можно сказать *вчерашней* истории России, до краев наполненной страданиями беззащитных жертв, насилием и кровью? Кроме того, книга не просто напомнила бы, но и усугубила недавний позорный провал царицы попытки оклеветать жителей Крыма. Ведь рукопись содержала не измышленные, но обоснованные примерами, куда более научные зарисовки из истории и этнопсихологии крымских татар. Здесь же едва ли не впервые в отечественной историографии излагались фундированные, безупречно объективные оценки нравственного облика народа, как небо от земли, отличавшиеся от екатерининских.

То есть, как с научной точки зрения, так и с читательской, спор двух взаимоисключающих мнений *не мог бы идти на равных*. И день издания новой книги стал бы последним днем и без того пошатнувшейся «крымской» идеологической конструкции императрицы. Выход был один –

[*] Если, конечно, не считать «сумасшедшего» П.Я.Чаадаева (См: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. Т.I, Ь., 1991. С. 490. П. 179, 180; С. 510. П. 222). А через несколько десятилетий зерна, брошенные Екатериной в хорошо унавоженную почву, дали всходы в научном мире. В Московском университете начал читать свои скандально известные лекции профессор С.В.Ешевский, которого принято считать первым отечественным расистом (Русская расовая теори до 1917 г. М., 2002. С. 12). На наш взгляд – незаслуженно, на эти лавры с большим правом может претендовать Екатерина II.

запретить такое издание, опасное как для личного авторитета Екатерины, так и для государственного имиджа России, да еще и в предвоенной ситуации.

Скорее всего, такое решение и было вынесено. Конечно, было бы заманчивым найти его след в отечественных архивах. Но особых иллюзий здесь строить не стоит. Дело в том, что Екатерина, исполнявшая в тогдашней России роль цензора, выносила свои запретительные вердикты в устной форме.[447] Причина этой практики проста – просвещенная монархиня не желала оставлять документальных следов своей откровенно удушающей культурной политики, весьма странной по европейским меркам. Именно так матушка-царица и *могла* поступить с книгой Ф.И.Соймонова. Иные, неофициальные (дневниковые, мемуарные) свидетельства о таких запретах сохранились, но их крайне мало, – отказ в публикации был событием проходным, обыденным, никого не поражавшим и даже не удивлявшим. Монаршая цензура и позже встречала в России понимание публики, когда дело касалось слишком независимых и объективных авторов. Как бы то ни было, книга не могла появиться в печатном виде, она и не появилась…

В заключение я хотел бы отметить, что все вышесказанное вовсе не означает попытки идеализировать Ф.И.Соймонова как историка, фанатично стремившегося выявить *всю правду* о Северной войне и высказать ее, рискуя собственным положением, а то и свободой. Что касается личности автора «Истории Петра», то он на протяжении всей своей жизни оставался вполне земным, практичным человеком, отнюдь не принадлежа к числу героев-страстотерпцев. Конечно, он был первым, кто создал историю России новейшего времени, и это деяние стало подвигом научным и гражданским. Но предаться столь опасному занятию, как изложение истории Петра, его побудило отнюдь не стремление свершить подвиг, не жажда славы. Это было целенаправленное и прагматичное намерение старого служаки дать в руки молодежи столь необходимое для ее воспитания пособие, а также ознакомить с реальной историей эпохи и читающую публику в целом (это известно из переписки автора с проф. Г.Миллером). Наконец, некоторые фрагменты рукописи наводят на мысль о стремлении Ф.И.Соймонова свершить публичное покаяние, сняв, таким образом, со старческих плеч нелегкий нравственный груз активного участника той страшной войны. Желание сколь понятное, столь же редкое в России XVIII в., да и XXI-го тоже…

В этой связи затрону проблему «ангажированности» автора рукописи. Если он и был пристрастен, то не к Петру Великому, а ко всей петровской *эпохе*. После ее блистательного завершения протекло почти полвека, пришло уже третье из новых поколений. Старый моряк пристально вглядывался в свою юность, в лица и деяния своих современников, из которых именно ему было суждено умирать последним. Наш великий поэт с пронзительным сочувствием отразил трагический образ такого безымянного ветерана, намного пережившего свое время:

Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,

Закрыв глаза дрожащею рукой…

А.С.Пушкин. *19 октября*

«Гость и лишний, и чужой», мог ли Ф.И.Соймонов удержаться от сравнений двух эпох? Конечно, нет. Со страниц его труда веет почти физически ощущаемой тоской старого, духовно одинокого человека, пришедшего из времени, способного порождать героев, великих в своей цельности, и события незабываемого значения. Однако именно годы даровали старику способность спокойного созерцания былых свершений, взвешенной оценки их творцов и участников – что он и вершил без гнева и упрека. Его ослабевшие глаза умели ясно различать то, что для других оставалось невидимым: он зрел неповторимую эпоху, слышал давно умолкшие голоса. Словно памятники ей стояли плечом к плечу его герои. Это были настоящие титаны, достойные друг друга, невзирая на все их чисто человеческие различия: А.Д.Меншиков и Б.П.Шереметев, Карл XII и К.Г.Реншёльд, Девлет-Гирей II и Ф.Орлик. Высился среди них и Петр I – но в облике отнюдь не бога, а земного человека, сумевшего, при всех своих слабостях и заблуждениях, сделать больше любого из современников Федора Ивановича Соймонова.

Нетужилов К. Е.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ

В.Г.Бурков

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ «НЕЗАВИСИМОЙ КАРЕЛИИ»

История создания государственных символов «независимой» Карелии связана с событиями гражданской войны на северо-западной территории России.

В конце марта 1918 г. отряд белофиннов под командованием полковника Мальма занял Ухту и Вокнаволок, где была установлена власть местного самоуправления, находившегося под влиянием панфинских организаций и командования оккупационных войск. Одна из таких организаций – Карельское просветительское общество решило провести в Ухте (ныне поселок Калевала) 29 июня, в Петров день, праздник сородичей. 21 июня 1918 г. праздничная комиссия утвердила флаг «независимой» Карелии, созданный по эскизам художника Йоонаса Хейска. Он представлял собой синее прямоугольное полотнище с семью серебряными пятиконечными звездами в крыже в виде ковша созвездия Большой Медведицы, символизирующей древний карельский народ, стремящийся к независимости.[448] Тогда же, в 1918г., появился и первоначальный вариант герба «независимой Карелии» в виде геральдического щита с изображением стоящего на задних лапах черного разъяренного медведя и держащего в передних лапах особого вида серебряный национальный карельский резак (весури). Над медведем давалось изображение ковша созвездия Большой Медведицы.

Через год, 21 июля 1919 г., в селе Ухта было создано Временное правительство Беломорской (Архангельской) Карелии («Ухтинское правительство» во главе с С.А. Тихоновым),[449] первоначально хотевшее включить Северную Карелию в состав Финляндии (соответствующий запрос финляндскому правительству был сделан 14 ноября 1919 г.), но затем вставшее на путь создания самостоятельного Карельского государства. Оно приняло постановление о выходе из состава России, выводе советских войск с карельской территории, об обращении к иностранным государствам с просьбой о дипломатическом признании. По его инициативе 21 марта 1920 г. был созван в Ухте съезд представителей северных карельских волостей, сформировавший новый состав правительства, получившего название – Временное правительство Карелии.

29 марта на заседании съезда были утверждены флаг и герб «независимой» Карелии, существовавшие еще в 1918 г. Однако, в начале мая 1920 г., после официального признания Финляндией Временного правительства Карелии, было решено через своего представителя в Хельсинки Ииво Ринне обратиться к известному финскому художнику Аксели Галлен-Каллела с просьбой доработать рисунок герба и флага «независимой» Карелии. Сохранилось письмо А.Галлен-Каллела, датируемое 25 маем 1920 г. и адресованное И. Ринне[450] следующего содержания: «Представителю Временного правительства Карелии в Финляндии господину Ииво Ринне. Хельсинки. Мои предложения для национального флага и эмблемы (герба – прим.В.Б.) Карельской общины теперь готовы и для меня большая честь выслать их для Вас в этой почте в различных свертках (отмеченные в книгах). Вместо созвездия Отава (Большая Медведица – прим.В.Б.) я поместил в эмблему и государственный флаг

серебристые столбы, образующие радугу северного сияния; серебряных столбов 53 по числу имеющихся в Карелии общин. Если это число окажется неверным, делу можно легко помочь, уменьшив или увеличив их. И еще потому, что у многих негритянских государств есть звезды и созвездия в их флагах и гербах. Я старался этого избегнуть, а с точки зрения украшения радуга северного сияния намного интереснее, в геральдике еще не использована и северному обществу и стране наиболее естественна. Значение «столба» тоже своевременно. Чтобы изображение медведя (по геральдическому положению направо развернутое, если животное снимается сбоку) не было очень похожим на герб Сатакунты (юго-западная часть Финляндия – прим.В.Б.), я расположил кроме того разбитые цепи у его лап. Так как цвет медведя черный (природный цвет не применим), я развил во флаге черный цвет. И потому еще, что объединение зеленого и красного цвета во флаге образует из-за оберрации слишком плохое и неприятное сочетание. Черный цвет позволит избежать этого. Сочетание же зеленого, черного и красного цветов финским народам очень близко. Действительно, таким образом, флаг выглядит несколько сумрачным, но ведь гражданский флаг и не может быть какой-то игрушкой, поэтому серьезность в этом уместна, особенно коль это касается уважаемого народа Карелии. Форму я совместил с флагом Финляндии по понятным причинам. И все же есть причина перед окончательным принятием решения о флаге, сделать пробный флаг, достаточно большой, чтобы воздействие его проявилось, и только после необходимых поправок утвердить. В этом случае был бы благодарен за получение пробного флага здесь у меня, чтобы я смог дать свое заключение о деле. С любопытством остаюсь ждать Вашего доброжелательного ответа с отношением к моему предложению Временного правительства Карелии. С большим уважением Аксели Галлен-Каллела. Добавление. Так как для собственного собрания хотел бы сохранить первоначальный вариант, прошу дать в Хельсенки профессиональным копировщикам задание сделать с них точные копии, которые остались бы собственностью правительства. Был бы также благодарен, если бы уважаемое правительство захотело в моих первоначальных эскизах отметить свое согласие или напоминание по изменениям с официальными подписями и печатями. Тот же».[451]

Итак, герб «независимой» Карелии представлял собой пересеченный щит с красно-зеленым полем, на котором был изображен разъяренный черный медведь, стоящий на задних лапах и держащий в передних лапах серебряный весури. Над медведем в красном верхнем поле было дано стилизованное серебряное изображение 53 столбов северного сияния. На нижнем зеленом поле под задними лапами медведя находились разорванные серебряные оковы, символизирующие независимость Карелии. Над гербовым щитом давалось изображение старинного карельского капюшона. В скандинавском стиле был выдержан флаг «независимой» Карелии – зеленое полотнище с черным прямым крестом, окантованным красной каймой. Зеленый цвет означал леса и природу Карелии, черный – землю и тяжелый труд карел в условиях Севера, а красный – цвет крови и радости. Черный, стоящий на задних лапах , медведь, напоминал о почитании карелами с древнейших времен этого зверя как царя лесов, а весури – символизировал хозяйственную деятельность карел. Флаг «Ухтинского правительства» существовал в

трех вариантах: гражданский – зеленое полотнище с черным прямым крестом с красной каймой, государственный – тот же гражданский флаг, но имеющий в красном крыже изображение 53 серебряных столбов северного сияния, и военный флаг,имеющий в верхнем и нижнем квадратах у древка гражданского флага изображение герба.

Временное правительство Карелии ввело еще один атрибут государственной власти – государственную печать. На ней были изображены буквы «VRT» («Временное правительство Двинской Карелии») и старинный финский символ «руки Калевалы» (т.е. две руки, соединенные вместе).

18 мая 1920 г. Ухта была без боя взята Красной Армией и Временное правительство Карелии бежало в Вокнаволок, а затем в Финляндию. 10 декабря 1920 г. оно, наряду с Олонецким правительством, [452] а также представителями Ребольской и Поросозерской волостей, вошло в состав, созданного в г. Выборге «Карельского объединенного правительства» во главе с П. Кеттиненом. Через год, 28 декабря 1921 г. это правительство учредило специальную награду для отличившихся участников борьбы за независимость Карелии – Крест Свободы.[453] В основу его рисунка, выполненного А.Галлен-Каллела и утвержденного 31 марта 1922 г., были положены гербовое изображение медведя и цветовая гамма государственного флага. В это же время вышли в свет почтовые марки с изображением герба «независимой» Карелии.

После прекращения в 1923 г. деятельности Карельского объединенного правительства государственные символы «независимой» Карелии продолжали действовать на территории Финляндии. В 20-30-е гг. XX в. их использовали представители националистических организаций (например, Академическим Карельским обществом, Комитетом Карельского национального союза Восточной Карелии и др.). В октябре 1933 г. они организовали Лигу участников военных действий в Карелии в 1918-1922 гг. Эта Лига 27 февраля 1938 г. учредила специальный памятный Военный крест для награждения ветеранов – участников тех событий.[454] По своему внешнему виду Военный крест был схож с карельским Крестом Свободы 1921-1922 гг. Первые награждения памятным Военным крестом состоялось 25 марта 1938 г. во время открытия мемориальной доски Лиги участников военных действий в Карелии в 1918-1922 гг. На следующий день эту награду получил тогдашний президент Финляндии К.Каллио, а через несколько дней – маршал К.Г.Маннергейм. 7 октября 1938 г. президент Финляндии издал Указ о праве ношения памятного Военного креста на военной форме одежды.

В период советско-финляндской войны 1939-1940 гг. и особенно во время финской оккупации карельской территории в 1941-1944 гг. государственные герб и флаг «независимой» Карелии действовали наряду с финскими государственными символами. В этот период были выпущены новые почтовые марки с изображением герба «независимой» Карелии.

Сейчас гражданский флаг «Ухтинского правительства» используется как этнический флаг карельцев. По его образцу в 1992 г. художником В.Ф. Добрыниным был сделан рисунок вепского флага: зеленое полотнище с голубым крестом, окантованный желтой каймой. Древний же символ Карелии –

стоящий на задних лапах черный медведь стал с 28 сентября 1993 г. центральной фигурой государственного герба Республики Карелия в составе Российской Федерации.

Т.А.Шрадер

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ГАЗЕТЫ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ АРКТИКИ В 1928 г.
(по материалам Полярной комиссии)

В Петербурге, в фонде Библиотеки Академии наук с 1936 г. хранится уникальная библиотека. Это - библиотека Полярной комиссии. На рубеже Х1Х-ХХвв, после завершения Русско-шведской экспедиции по измерению дуги меридиана на Шпицбергене и Русской полярной экспедиции под руководством барона Толя, 1 декабря 1914 г. в Малом зале Академии наук состоялось первое организационное собрание Постоянной Полярной комиссии. На тот момент возглавил эту комиссию Президент Академии наук Великий князь Константин Константинович. В ее состав входило 25 выдающихся российских учёных: академики В.И.Вернадский, А.П.Карпинский, директора академических институтов - И.П.Бородин, Б.Б.Голицын, О.А.Баклунд, полярные исследователи - П.В.Виттенбург, Н.А.Книпович, А.В.Колчак, Л.Л.Брейтфус и другие. Основной задачей её было координировать научную и практическую деятельность в изучении арктических и антарктических районов. Ядро библиотеки Полярной комиссии составило собрание книг, сохранившихся на шхуне «Заря», купленной в Норвегии для Русской полярной экспедиции. С 1914 г. библиотека планомерно пополнялась литературой исключительно на полярную тематику и к 1936 г., когда Полярная комиссия вместе с другими научными комиссиями Академии наук СССР прекратила свою деятельность она имела почти 4000 экземпляров книг. В советский период Полярная комиссия плодотворно работала до 1936 г. под руководством Предизидента Академии наук СССР А.П.Карпинского и в ее состав входили крупнейшие учёные – полярные исследователи СССР.

Среди самых разнообразных материалов о полярных районах в библиотеке можно выделить печатные материалы о спасении итальянской экспедиции на дирижабле «Италия» и Втором международном Конгрессе Международного Общества Аэроарктики в 1928 г. Эти печатные материалы представляют собой вырезки из Ленинградских газет, преимущественно «Красной газеты» (вечернее издание), собранные и наклеенные в большом альбоме Д.Рудневым (данные о нём не представлены). Все газетные вырезки отражают трагические события в Арктике мая-октября 1928 г.- катастрофы и спасении дирижабля «Италия» под управлением Умберто Нобиле, поиски в ледяных полях вылетевшего на помощь ему Руала Амундсена, а также проходившего в этот период в Ленинграде указанного выше Конгресса (18-23 июня 1928 г.), активное участие в котором принимал председатель Международного общества Аэроарктика, известный полярный исследователь Фритьоф Нансен. В газетных вырезках практически день за днем печатались сводки указанных событий, новости о которых поступали со Шпицбергена (Кингсбей), Берлина, Стокгольма и наибольшее количество информации шло из Осло.

Кроме того, в Библиотеке Полярной комиссии хранятся книги, написанные и опубликованные сразу после указанных выше событий учёными-полярниками П.В.Виттенбургом, Р.А.Самойловичем, А.Лавровым и М.С.Морис-Меликовым.[455]

Члены Полярной комиссии внимательно следили за событиями в Арктике и 3 июня 1928 г. обратились в Комитет помощи экспедиции Нобиле направлять им все материалы о спасении экспедиции. На адрес Полярной комиссии (Университетская набережная 5) поступали все копии радиограмм и телеграмм направляемых в Комитет. Таким образом была собрана подборка всех кратких сообщений об эпопее в Арктике, которая хранится в настоящее время в фондах Петербургского филиала Архива Российской Академии наук.[456] Сведения о событиях, представленны в радиограммах, практически совпадают с газетной информацией, но они более лаконичны.

Газетные вырезки из ленинградских газет расположены в хронологическом порядке, начиная с 3 мая 1928 г., а именно с сообщения, полученного из Кингсбея (Шпицберген) о прибытии туда транспортного итальянского судна «Читта ди Милано». Знакомясь с содержанием известий, поступавших в газеты, складывается довольно подробная картина событий, разворачивавшихся на Шпицбергене. Мы узнаём, что 6 мая в 20.30 дирижабль «Италия» вылетел из норвежского северного города Вадсё на Шпицберген, 8 мая на дирижабле производили ряд ремонтных работ 12 мая дирижабль вернулся в Кингсбей из-за тумана, 16 мая итальянская экспедиция вылетела к Северному полюсу и так далее, вплоть до катастрофы дирижабля в ночь с 24 на 25 мая 1928 г. Довольно подробно в газетах освещены события, связанные с участием СССР в спасении Руала Амундсена и поиска его самолета (аэроплана), на котором знаменитый норвежец отправился с целью обнаружения в ледяных просторах Умберто Нобиле и его команды. На протяжении июня в газетах сообщалось о результатах поисков как экспедиции Умберто Нобиле, так и Руала Амундесена, в которых принимало участие большое количество стран.

Но в задачу данной публикации не входит подробное описание событий, касающихся экспедиции на дирижабле «Италия» и её поисков. Для автора представляется важным отразить взаимодействие русских и норвежских полярных исследователей, а также отношение норвежской стороны к участию советских людей в спасении участников итальянской экспедиции.

В период активных поисков уцелевших после катастрофы участников экспедиции и вылетевшего на их спасение Р.Амундсена 18 июня 1928 г. торжественно в Большом конференц-зале Академии наук СССР в Ленинграде открылся Второй Международный Конгресс, посвящённый исследованию Арктики с помощью дирижаблей (Аэро-Арктический Конгресс). В работе конгресса принимало участие 22 учёных и путешественников из СССР, Норвегии, Германии, Польши, Италии, Финляндии, Дании. Возглавлял работу Конгресса Председатель Международного общества «Аэро-Арктика» норвежский учёный-полярник Фритьоф Нансен. Можно сказать, что Ленинград становился в то время одним из центров исследования Арктики, и не случайно ленинградская «Красная газета» подробно описывала деятельность этого Конгресса. 18 июня в ней была опубликована статья о Фр.

Нансена, 19 июня газета поместила план этого учёного об осуществлении перелёта на дирижабле LZ-127 из Мурм анска до Аляски. Кроме того, в программу Конгресса входили по его окончании выезд всех участников в Мурманск для установки места причальной мачты дирижабля LZ-127. Во время открытия этого съезда учёных Фритьоф Нансен сказал, что Конгресс открыл новую эру в истории Арктики и что на этом съезде решено разработать практические программы освоения Севера. Он говорил и о судьбе У.Нобиле, упомянув, что для всех полярников эта катастрофа - урок и предостережение. В той же газете (20 июня 1928 г.) сообщалось об организации Всесоюзным обществом культурных связей и ОСО - авиахима во дворце Урицкого «грандиозного митинга для популяризации идеи трансарктических перелётов» и о том, что Фр.Нансен выступил на нём с докладом «Задачи полярных исследований», учёный-геолог профессор П.В.Виттенбург с докладом «Загадка Полюса». В свою очередь профессор Воробьёв рассказал о помощи, оказанной У.Нобиле. В «Красной газете» 21 июня был опубликован подробный рассказ о банкете в честь участников Конгресса, крупнейших советских деятелей науки. Фритьоф Нансен в приветственной речи выразил благодарность за оказанный приём и, в частности, сказал: «Здесь, в северной столице СССР я хочу поднять бокал за процветание народов Советского Союза, которые мне так близки». В ответных речах советских учёных - старейшего сотрудника Эрмитажа В.Ф.Левинсон-Лессинга, известного геолога П.В.Виттенбурга и других звучали слова уважения в адрес норвежского учёного, благодарность за оказываемую им помощь стране и о необходимости интернациональной научной работы для исследования Арктики. В следующем выпуске от 22 июня та же газета публиковала сообщение о рабочем заседании Конгресса, на котором выступили с докладами зарубежные учёные. Доклад советского учёного профессора Визе был зачитан, так как он участвовал в это время в поисках экспедиции У.Нобиле. В газете от 25 июня было опубликовано, что, как и было запланировано, участники Конгресса выехали в Мурманск за исключением Фр.Нансена, который по причине болезни супруги должен был срочно вернуться в Осло.

Знакомясь с опубликованным в ленинградских газетах материалом можно сделать вывод , что в научном плане в конце 1920-х гг. контакты советских и зарубежных учёных при освоении Арктики были достаточно плодотворными и деятельность Фр.Нансена в использовании воздушных средств передвижения для изучения ледовых просторов была одобрена советскими и зарубежными специалистами. Правда, уже имевшийся опыт полётов не всегда был успешныи. Так в 1898 г. погибла экспедиция шведа Августа Андрэ, пытавшегося использовать воздушный шар для полёта над Арктикой. Перелёт Р.Амундсена в 1926 г. на дирижабле «Норге» из Кингсбея до Аляски совместно с итальянцем У.Нобиле и норвежцем Рийсер-Ларсеном был удачным. Но вот случилась в 1928 г. катастрофа на дирижабле «Италия»…

Весь мир с тревогой следил за событиями в северных широтах. Советское правительство оперативно отреагировало на сообщение о катастрофе. Был создан Комитет по спасению итальянской команды и помощь оказывалась на государственном уровне. В состав Комитета входили и члены

Полярной комиссии при Академии наук СССР. На Север, к месту предполагаемого крушения дирижабля, были направлены два корабля ледового класса - «Красин» и «Малыгин». На борту этих судов находились самолёты, которыми на «Красине» управлял лётчик Чухновский, на «Малыгине»- лётчик Бабушкин. Корабль «Малыгин» осуществлял поиск итальянской экспедиции во льдах восточного побережья Шпицбергена, ледокол «Красин» помимо поисковых операций в водах Шпицбергена заходил в норвежские порты. Эти события широко освещались в ленинградских газетах.

По сведениям «Красной газеты» от 22 июня «Красин» зашёл в Берген для загрузки углём. Представители советского посольства во главе с А.М.Коллонтай прибыли для встречи с командой ледокола. Принимали на борту и друга Руала Амундсена майора Мейстерлина, председателя норвежского Аэроклуба. По просьбе А.М.Коллонтай норвежский геолог А.Хуль был принят на борт корабля для проведения ряда научных работ.

24 июня в газете было опубликовано обращение норвежского правительства в Советский Комитет помощи У.Нобилю оказать содействие в поиске самолёта Амундсена кораблями «Красин» и «Малыгин». Советская сторона приняла просьбу с пониманием и ледоколы приступили к выполнению и этой операции.

Заметим, что в спасательных операциях экспедиции У.Нобиле принимало участие 16 кораблей и 21 самолёт из различных стран Но ни на одном из зарубежных кораблей не проводились метеорологические наблюдения Только советские метеорологи на ледоколах осуществляли анализ метеорологической обстановки в северных широтах и метеосводки передавали в Ленинград, в Главную Геофизическую обсерваторию, в также в Берген и Тромсё, а оттуда по сигналу «всем,всем,всем…» шла информация о погодных условиях, что было чрезвычайно важно для всех находящихся во льдах Арктики.[457]

11 июля в «Красной газете» опубликована была важная новость о том, что шведский лётчик Лундборг обнаружил лагерь потерпевших аварию итальянцев, среди которых был также У.Нобиле, и спас их, а 12 июля сообщалось о спасении «Красиным» двух человек из группы погибшего шведского участника экспедиции Мальмгрена и группы итальянца Вильери, заместителя У. Нобиле.

14 июля в «Красной газете» излагалась беседа норвежского премьер-министра Мовинкеля, перепечатанная из газеты «Дагблад». Премьер министр, согласно информации ленинградской газеты, сказал: «С чувством невыразимого восхищения мы наблюдали работу экспедиций помощи разных стран. Со вздохом облегчения и благодарности узнали об удачных результатах спасательных работ шведов, и особенно русских и их ледокола ”Красин”». И далее в ленинградской газете писали, что если германская пресса сдержано писала о подвиге «Красина», то норвежцы отметили блестящую работу «Красина» и его руководителей и восхищались мужеством Чухновского.

17 июля газета отметила, что норвежское правительство поздравило полпреда СССР и Советское правительство по случаю успеха советской экспедиции.

20 июля читатели газеты узнали, что «Красин» передал спасённых итальянцев на судно «Читта ди Милано» и отправился на розыски Р.Амундсена, но получив повреждение во льдах вынужден был стать на ремонт в норвежском городе Ставангер. 11 августа в 8 часов утра рабочие Ставангера встретили ледокол пением Интернационала, город был украшен флагами. В Ставангер прибыли А.М.Коллонтай и сотрудники посольства. Норвежцы пригласили всю команду на банкет. Но так как на «Красине» не оказалось предусмотрено подобное мероприятие, у команды не было соответствующей одежды. И тогда владельцы конфекциона открыли свои магазины в воскресный день, чтобы приодеть команду «»Красина». Банкет состоялся в парке, толпы норвежцев приветствовали русских, за этот день парк посетило до 1200 человек. В Народном Доме состоялся приём. А на футбольном поле встретились команды русских и норвежцев. Руководитель экспедиции на «Красине» Р.Л.Самойлович телеграфировал в Комитет помощи дирижаблю «Италия», что 12 августа ледокол посетило около 6000 норвежцев, прибывших со всех концов Норвегии.[458]

В другой ленинградской газете - «Ленинградская правда» от 1 августа отмечалось еще одно событие. В ней было опубликовано, что советское военное судно «Аврора» прошло Каттегат и личный состав его работает без перебоя. Далее описывался визит крейсера «Аврора» в Осло. В 11 часов 45 минут на рейд Осло прибыл советский крейсер «Аврора». Он обменялся салютом с крепостью Акерхус. Секретарь советского посольства поднялся на борт корабля и приветствовал командира крейсера Ралле и комиссара Волкова. Нанесли визит на крейсер министр обороны Норвегии, комендант крепости Акерехус и морские власти страны. Вечером на крейсер прибыла полпред СССР в Норвегии А.М. Коллонтай. В приветственном выступлении она сказала: «Героизм команды «Красина» произвёл огромное впечатление в Скандинавской прессе, общественность и учёные воздают должное организованности нашей работе, оправдавшей предвидение советской науки. «Красин» и «Аврора» послужат сближению СССР с народами Запада». Согласно информации «Ленинградской правды» огромные толпы народа на берегу и в шлюпках приветствовали крейсер «Аврора». Вся норвежская пресса отметила прибытие этого корабля.

Но вернёмся в Арктику. После ремонта «Красин» пошёл на поиски аэроплана «Латам», на котором Р.Амундсен со своим другом Дитрихсеном и французским лётчиком Гильбо вылетели из Тромсё по направлению к Медвежьему острову на поиски У.Нобиле. Но радиосвязь прервалась и только 2 сентября в «Красной газете» сообщили, что найден один поплавок аэроплана «Латам». Надежды найти Р.Амундсена рухнули.

29 сентября «Красная газета» подробно описала торжественную встречу советских героев Арктики, прибывших в Ленинград к набережной Васильевского острова. Толпы ленинградцев ликовали, встречая своих героев. Через несколько дней (3 октября) в той же газете была опубликована беседа журналиста с консулом Норвегии Платоу, который сказал следующее: «С восхищением следило всё население нашей страны за походом советского ледокола, пересекшем ледяные поля Баренцева моря, ранее недоступные кораблям. И советские моряки на ”Красине” выполнили всё, что могли в

человеческих силах и им обеспечена вечная признательность всех норвежцев. Вместе со всем цивилизованным миром Норвегия приветствует команду»Красина» и радуется её благополучному возвращению»

Итак, альбом с вырезками из ленинградских газет, хранящийся в библиотеке Полярной комиссии в фондах Библиотеки Академии наук, дал возможность познакомиться с некоторыми деталями событий, за которыми следил весь мир и которые описаны во многих книгах, написанных как участниками этой эпопеи, так и писателями. Небольшие газетные вырезки из ленинградских газет не только день за днем информировали читателей о событиях в Арктике летом 1928 г., но и отразили умение норвежцев по достоинству оценить подвиг русских полярников.

Н. И.Барышников

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА В КОНЦЕПЦИЯХ ФИНСКИХ ИСТОРИКОВ

В подходе к освещению блокады Ленинграда в 1941-1944 гг. финские историки не однородны. Тем не менее прослеживается определенная общность их в подходе к трактовкам ряда важных событий, связанных с участием в ней Финляндии. При этом проявляется заметное раздражение по отношению к тем исследователям в стране и за рубежом, которые позволяют высказывать суждения, не соответствующие взглядам, которые стали уже по существу официальными в финской историографии. В феврале 20003 г. автор одной из статей Петти Нисканен метко заметил, что для тех историков в Финляндии, которые не хотят воспринимать новые изыскания относительно явлений, касавшихся блокады Ленинграда, «время остановилось» на тех утверждениях, которые берут начало с подцензурного периода войны. Показательно, пишет он, что «в Финляндии пугаются всего нового в исследовании истории военного времени и боятся, что это может внести боль в душу финнов».[459]

Из числа концептуальных утверждений, содержащихся в финской историографии, относящейся к периоду блокады Ленинграда, есть необходимость остановиться на следующих:

- Блокады Ленинграда не было бы, если бы не было «зимней войны».
- Финляндия не вела наступления на Ленинград, а ее участие в войне было обособленным от Германии и имело оборонительный характер.
- Маннергейм стал «спасителем Ленинграда», когда финская армия перешла к позиционной войне.
- Финское руководство занимало безучастную позицию по отношению к поставленной Гитлером задаче уничтожить Ленинград.
- В ходе блокады Ленинграда с финской стороны не проявлялось стремления ужесточить осаду города, и не было попыток со стороны бомбардировочной авиации проникнуть в его воздушное пространство.

Поскольку приведенные утверждения, появившиеся в литературе и периодической печати, не получают опровержения на научной и документальной основе, есть необходимость рассмотреть их.

Итак, коснемся первого из названных тезисов. Уважаемый финский коллега профессор Мауно Ёкипии в ответ на опубликованную мною статью в газете «Кескисуомалайнен» относительно блокады Ленинграда и причастности к ней Финляндии,[460] высказался следующим образом. Если бы не было в 1939-1949 гг. «зимней войны», то, по всей вероятности, «в ходе немецкого наступления осенью 1941 г. на Ленинград в тылу его находилась бы нейтральная Финляндия и мирная граница по Раяйоки (финское название реки Сестры – Н.Б.). Гражданское население смогло бы на паспортной основе проследовать через нейтральную Финляндию в Восточную Карелию».[461]

Такое фантастическое предположение, конечно, не имеет ничего общего с историей, которая обычно исследуется не на домыслах о возможном развитии событий, а, исходя из реально

произошедшего. Разве имелись к тому же гарантии, что Финляндия не могла послужить Гитлеру трамплином для агрессии против СССР? Ведь известно как германские войска внезапно захватили в 1940 г. две североевропейские страны – Данию и Норвегию, после чего намеривались предпринять такую же акцию против Швеции. Что могло помешать Германии сделать то же самое с Финляндией, если бы она пожелала остаться нейтральной?

Тезис же о том, что Финляндия якобы не вела в 1941 г. наступления на Ленинград, а действовала обособленно от Германии, весьма усиленно распространяется уже много лет в финской историографии и даже внедряется в нашей стране путем переводной литературы. Показателем того является изданная в 1998 г. в Москве в переводе с финского языка книга О. Юссила, С. Хентиля, и Ю. Невакиви «Политическая история Финляндии». Там Финляндия именуется лишь «соратницей» Гитлера по войне, при этом «не хотевшей иметь дело с Петербургом».[462]

В данном случае предается забвению тот факт, что наступление финской армии на ленинградском направлении было заранее спланировано генеральными штабами Германии и Финляндии, причем пунктуально выполнялось затем в ходе боевых действий. Такой подход оказался в явном противоречии с выводами, которые сделал упоминавшийся уже М.Ёкипии в содержательном своем исследовании о подготовке Финляндии к войне 1941-1944 гг.[463]

Как отмечено ранее, К.Г. Маннергейм изображается чуть ли не «спасителем Ленинграда». Даже весьма объективный финский военный историк, автор книги «Битва за Ленинград и Финляндия» Хельге Сеппяля, склонен считать, что именно таким представляется осенью 1941 г. маршал Маннергейм. В другой своей книге «Финляндия как агрессор 1941 г.» он, показывая совместное осуществление германо-финляндских оперативных планов, предусматривавших захват Ленинграда, делает явно противоречивое логике своего изложения представление о Маннергейме. Х. Сеппяля пишет, что «Маннергейм заслужил, возможно, прямо таки награду за спасение Ленинграда», поскольку «отказался от дальнейшего наступления на Ленинград во избежание напрасного кровопролития…».[464]

Ранее уже представлялось возможным особо анализировать как произошло, что финские войска не смогли осенью 1941 г. продвигаться на ленинградском направлении, а поведение финского главнокомандующего характеризовалось отнюдь не как «спасителя Ленинграда».[465] Здесь же важно подчеркнуть, что финскому руководству с самого момента вступления Финляндии в войну летом 1941 г. было известно о намерении Гитлера уничтожить Ленинград. Об этом свидетельствует информация, поступившая в Хельсинки 25 июня из Берлина от посланника Т.М. Кивимяки.[466] В финской историографии обычно умалчивается об этом. Лишь в весьма интересной и содержательной работе профессора Охто Маннинена «Контуры великой Финляндии» упоминается о сути этой телеграммы Кивимяки.[467]

Как же политическое и военное руководство Финляндии относилось к такому чудовищному намерению – стереть Ленинград с лица земли? Отнюдь не отрицательно. Хотя об этом в финской историографии стараются не говорить. Между тем факты свидетельствуют о такой позиции. Прежде

всего это видно по ряду высказываний президента Р.Рюти, опубликованным письмам председателя внешнеполитической комиссии парламента профессора В. Войонмаа и по известным замыслам военного руководства установить будущую т.н. «стратегическую границу» Финляндии непосредственно по реке Неве. В сентябре 1941 г. Р.Рюти в беседе с германским посланником в Хельсинки В. Блюхером подтвердил это соображение, сказав, что, «Северная Ингерманландия до Невы должна быть присоединена к Финляндии».[468] Вполне понятно, что Ленинград в силу этого не должен уже существовать.

Теперь относительно свидетельства В. Войонмаа, сделанного в начале сентября 1941 г. Оно воспроизводит позицию лидера Социал-демократической партии и члена правительства В.Таннера, а также председателя парламента В. Хаккила по поводу того, что «Питер будет стерт с лица земли». Войонмаа писал так: «Об этом мне всерьез говорил, в частности, Таннер, а Хаккила даже в восторге от такой перспективы…».[469]

Некоторые считали, что Финляндия уже в начале осени 1941 г. должна была официально заявить Германии о своей заинтересованности в уничтожении Ленинграда. В доверительном письме Т.М. Кивимяки министру иностранных дел Р.Виттингу 26 сентября 1941 г. настаивалось на необходимости» добиваться официально от Германии, чтобы Петербург полностью и окончательно уничтожить».[470] Виттинг переправил это письмо президенту Рюти и оно храниться теперь в его персональном фонде Национального архива Финляндии.

Известно, что в Финляндии шла интенсивная подготовка общественного мнения к мысли о необходимости уничтожения Ленинграда. Об этом открыто писали отдельные газеты. В частности, «Илкка» 28 октября 1941 г. на первой полосе поместила призыв крупным шрифтом: «Петербург и Москву полностью уничтожить».

Можно ли представить, что финское руководство не замечало всего этого? Тем более кажется странным стремление уйти от раскрытия в данном случае в финской историографии проявление вандалистской тенденции в отношении Ленинграда.

Концептуальный характер стало носить и внедрение в историю тезиса будто бы не проявлялось в поведении финского военного командования стремления предпринять действия, которые бы ужесточали положение блокированного Ленинграда. В работах финских историков избегается раскрывать смысл предпринимавшейся в конце октября 1942 г. десантной операции из района Сортавала с целью захвата острова Сухо, который играл важную роль на Ладожском озере в прикрытии Дороги жизни, связывавшей Ленинград со всей страной .

Получило также распространение в финской исторической литературе, а вслед за этим и в российской периодической печати утверждения о том, что со стороны Финляндии не проникала в зону Ленинграда бомбардировочная авиация. Не будем подробно останавливаться на опровержении этого. Уже в самом начале Великой Отечественной войны предпринимались попытки использования немецкой авиацией финских аэродромов для проникновения в воздушное пространство Ленинграда. Советским

самолетам потребовалось нанести тогда массированный удар по ряду аэродромов, чтобы надолго воспрепятствовать повторению подобных попыток. Но за несколько месяцев до выхода Финляндии из войны, 4 апреля 1944 г., 35 финских бомбардировщиков проникли в зону Ленинграда и были рассеяны на подступах к нему средствами противовоздушной обороны города.

Таковы конкретные факты минувшего прошлого, о которых возникает необходимость вести речь, когда появляются и имеют тенденцию утвердиться концепции, противоречащие правде истории. Творческое взаимодействие российских и финских историков не должно омрачаться критическим подходом в процессе исследования сложных периодов в отношениях между обеими странами.

Е.В.Костригина

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ КАРЕЛИИ В РАБОТАХ ФИНСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ (ИССЛЕДОВАНИЯ 1998 – 2003 гг.)

Историческая демография является одним из наиболее динамично развивающихся направлений в современной отечественной историографии. В 1997 - 2002 гг. на кафедре источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета была развернута работа по изучению демографических процессов в Олонецкой губернии в XIX - начале XX вв.

Расположенная на окраине Российской империи, Олонецкая губерния является весьма любопытным объектом исследования. Сложный этнический состав населения (карелы, русские, финны проживали в губернии) дает возможность проследить особенности демографического поведения в "русском " и "карельском" уездах.

Своеобразным ускорителем историко-демографических исследований стали труды зарубежных ученых, широко применяющих современные демографические методы (работы Steven L.Hoch (США), Pim Kooij, Geurt Collenteur, Aukje Mennens-van Zeijst, Richard Paping, Marlou Schrover (Нидерланды)).[471]

В ходе работы были сформированы рабочие группы из преподавателей, аспирантов и студентов кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета. Поисковая работа была проведена в Российском Государственном историческом архиве (РГИА), Центральном Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб), Национальном архиве Республики Карелия (НАРК),Государственном архиве Вологодской области (ГАВО).

Выяснилось, что найти приходы, для которых информация сохранилась без значительных пропусков на протяжении всего XIX века, достаточно трудно.[472] Наиболее перспективными для исследования оказались хорошо сохранившиеся фонды НАРК, где хорошо представлены документы текущего церковного учета населения XIX- начала XX вв. [473]

Университетскими исследователями была изучена демографическая информация, содержащаяся в Отчетах Олонецкого губернатора, подготовительных документах к ним, было обращено внимание на архивные и опубликованные материалы официальной статистики.

В результате нескольких архивных экспедиций в Карелию были обработаны метрические книги ряда приходов Олонецкой губернии. Это производилась с использованием стандартных статистических функций, включенных в электронную таблицу Microsoft Excel. В ходе исследования применялись традиционные методы демографии и статистики. Так, была сделана попытка расчета стандартных демографических показателей (коэффициентов) брачности и рождаемости, прироста населения, смертности. Интересные наблюдения были сделаны Смирновой С.С., касающиеся распространения эпидемических заболеваний на территории Олонецкой губернии.

Особое внимание было уделено источниковедческим проблемам, связанным с анализом текущей церковной статистики населения. Одной из особенностей русских метрик первой половине XIX в. следует считать то, что практически не фиксировалась смертность младенцев в возрасте до одной недели. При анализе показателей смертности М.А.Маркова получила информацию, которая показала, что в это время перинатальная смертность в метриках фактически не фиксировалась.[474]

Ореховым С.С. сделаны первые шаги в изучении миграционных процессов. Широко применялись методы группировки (по хронологическим периодам, территориям, социальному статусу, возрасту). Особое внимание уделялось применению выборочного метода, что было вызвано наличием обширных лакун в отечественных источниках, а также работе в условиях искусственной типической выборки, охватывавшей ряд приходов и уездов.

Большое внимание было уделено когортному анализу, который оказался весьма трудоемкой исследовательской стратегией. В силу этого он был применен к одному Туксинскому приходу Олонецкого уезда.

Особое внимание исследователей привлекли Олонецкий и Пудожский уезды. В то время как в Олонецком уезде преобладало карельское население (примерно 70% жителей составляли карелы), в Пудожском уезде они практически отсутствовали (99% населения были русскими). Таким образом, сравнение ситуации в двух уездах Олонецкой губернии с различным этническим составом населения и с различной социальной структурой, представлялось крайне интересным.[475]

В рамках проекта исследователи приняли участие в ряде конференций и рабочих семинаров по проблемам исторической демографии, проведенных в это время в Гронингене (Нидерланды), Айова-Сити (США), Тамбове, Ростове, Москве, Санкт - Петербурге, что позволило сравнить используемую методику и полученные результаты.

* * *

Карелия является уникальной территорией, поскольку в связи со сложной этнической структурой ее населения к демографическим аспектам проявляют постоянный интерес как российские, так и финские исследователи.

В последние годы одной из важнейших форм совместной деятельности являются встречи, на которых обсуждаются проблемы приграничных территорий (в последние годы совместные исследования проводились по теме: "Восточная Финляндия и Олонецкая Карелия").

Осенью 2003 г. в университете Йоэнсуу при финансовой поддержке Финской Академии наук, Финской государственной школы изучения истории, Исследовательского фонда и кафедры истории университета Joensuu, а также Фонда поощрения культуры Карелии проходил международный семинар "Население Карелии и карельская семья"

Встреча явилась продолжением давней традиции, берущей свое начало с 1970-х годов, когда зародились устойчивые связи между кафедрой истории университета Йоэнсуу, кафедрой истории Петрозаводского государственного университета и Карельским отделением Академии наук.

В семинаре приняли участие и представители кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского Государственного Университета.

Тезисы докладов были опубликованы в сборнике «Население Карелии и карельская семья».[476] Самое пристальное внимание со стороны участников семинара привлекли сюжеты, связанные с изучением истории семьи в прошлом. Так, использованию этнографических материалов в исследованиях истории семьи был посвящен доклад Kaija Heikkinen (Карельский исследовательский центр, университет Йоэнсуу). Автор затрагивает вопросы различия в русских и финских этнографических исследованиях. Финские ученые, в первую очередь, обращали внимание на этнические особенности, стараясь найти родственные черты в культуре карел. Гораздо меньше их внимание привлекали социальные и экономические стороны жизни карельского населения, поскольку финны видели в них преимущественно отражение русского влияния.

Автор отметил, что русских исследователей конца XIX - начала XX вв., наоборот, больше интересовали социальные и экономические стороны жизни карельского населения.

Работа Kari–Matti Piilahti (университет Хельсинки) «Котловые сообщества», хозяйственно – экологические условия и сеть социальных связей в сельском обществе в 1630 - 1750» посвящена трем важным элементам в сфере исследования истории семьи : экономико-географическим условиям , “котловым сообществам” и социальным связям сельского населения. Автор отмечает, что последний аспект практически совсем не изучался в финской исторической науке, и при изучении социальных связей он руководствовался зарубежными исследованиями в этой области (труды B.Hanssen**,** Charles Wetherell, Andreis Plakans и др.).

Объектом изучения финского ученого стало население области Valkeala, которая располагалась в северной части долины Kymenlaakso и относилась к «карельским» районам. По мнению исследователя, эта территория представляет особый интерес в экономическом, географическом и культурных отношениях, так как располагалась в приграничной зоне.

Подробная картина развития социальных отношений воссоздается на примере пяти временных интервалов (1631-1645, 1665-1674, 1695-1704, 1722-1726, 1737-1741 гг.). Автор прослеживает историю развития двадцати сообществ, выбранных из различных хозяйственных зон.

В докладе Jukka Partanen (университет Йоэнсуу, Финляндия) «Типы дворовых хозяйств в сельской местности Карельского перешейка в XVIII - XIX вв.» детально прослеживается временная динамика образования новых и разрушения старых дворовых хозяйств. При этом Partanen дворовые хозяйства Карельского перешейка сравнивает с аналогичными, расположенными в Тверской губернии

Отмечая схожесть ситуации, сложившейся в хозяйствах Тверской губернии и Карельского перешейка, автор делает вывод, что объяснение этому следует искать не в хозяйственно – экономической, а в законодательной сфере.

Выступление Elina Waris (хельсинкский университет) «Семьи жителей лесных и полевых земель. Исследование структуры семьи и организации труда в районах Финской Карелии и Эстонии» было посвящено сравнительному изучению семей южной Эстонии и карельской Финляндии в XVIII – XIX вв. Waris отметила, что хорошо известные в европейской историографии демографические методы. Анализируя принципы организации хозяйственных работ в карельской семье, E.Waris подчеркивает, что карельское семейное объединение представляло собой весьма своеобразное явление, сохранявшееся вплоть до второй мировой войны

В центре внимания выступления Matti Pöllä "Крестьянская семья в Беломорской Карелии в XVII - XIX веках" находились четыре карельские волости (Оуланка, Висатайпале, Вуоккиниеми и Ругозеро). Основными источниками, использованными в работе финского ученого, стали переписные и писцовые книги, ревизские сказки, исповедные книги и метрики, хозяйственные описания волостей, решения волостных судов. Автор приходит к выводу, что отобранные для изучения территории могут служить основой для обобщающего исследования, поскольку, хотя и имеют свои особенности, в целом хорошо отражают основные тенденции.

Одной из центральных задач стало подробное описание форм семей, бытовавших в северной и средней частях современной Республики Карелия с XVII по начало XX в. Моделировались свойственные беломорским карелам процессы создания новых домохозяйств и функционирования семей, обеспечивавшие их жизнеспособность в течение длительного времени. В работе используются микроструктурный подход, методы количественного анализа, применяются понятия и термины, предложенные учеными "Кэмбриджской" группы по изучению истории населения. В то же время автор заметно модифицировал разработанную Peter Laslett типологию домохозяйств.

Выступление Tapio Hämynen (университет г. Йоэнсуу) "Жениться - беда, не жениться- другая… Брачные контакты восточных финнов и олонецких карел в 1734- 1918 годах" было посвящено изучению брачных связей между жителями Восточной Финляндии и Олонецкой Карелии за период 1735 - 1918 гг.

Автор подчеркнул уникальность приграничной территории, где население было в большинстве своем православным и говорило на карельском языке. Была детально изучена брачная миграцию и получен ряд важных показателей, свидетельствующих об интенсивности брачных контактов восточных финнов и олонецких карел. Исследование показало, что фактической границы между Олонецкой и Приграничной Карелией так и не возникло. Прочные демографические и хозяйственные связи между этими регионами прервались лишь после закрытия границы в 1918 г.

Доклад И. А. Черняковой (Петрозаводский государственный университет) "Брачное поведение в Олонецкой, Беломорской и Тверской Карелии в XVII - XIX веках" был посвящен изучению четырех

карельских приходов : церкви Николая Чудотворца в селе Ялгуба, Рождества Богородицы в с. Реболы, Ильи Пророка в с. Панозеро и Воскресения Христова в с. Пятницком.

Охарактеризовав приходы с точки зрения социальной организации и населенности территории, автор для каждого из них привела данные о количестве вступивших в брак мужчин и женщин в возрастных группах до 30 лет. Чернякова отметила, что различия в брачном поведении были связаны с традициями, хранимыми в крестьянских сообществах, но в то же время нередко могут быть объяснены только внешними воздействиями.

Доклад Юрия Шикалова (университет Йоэнсуу) «Браки «законные» и «незаконные» был посвящен формам заключения брачных союзов в Беломорской Карелии во второй половине XIX - начале XX вв.».

Широкое распространение внебрачных союзов в среде беломорских карел давно обратило на себя внимание исследователей. Фольклористы и этнографы причины распространения невенчанных браков искали в обычаях народа, в то время как церковь обвиняла старообрядцев в распространении этой «ереси». Карелы не видели ничего предосудительного в таких парах, проживавших совместно по «обычному праву», считая как сами пары, так и их детей вполне законными. Метрические книги конца XIX – начала XX в. зафиксировали, что почти каждый десятый родившийся ребенок появился на свет «незаконно».

Однако, автор считает, что было бы неверным оценивать характер брачных союзов лишь по записям в церковных книгах, подчеркивая, что при оценке некоторых статистических данных, касающихся брачного поведения беломорских карел, следует делать весьма аккуратные выводы.

В целом, семинар показал, что в последнее время особое внимание стали уделять методам исследования (как традиционным, так и вновь создаваемым). Так, в ряде выступлений прозвучала мысль, что методы, предложенные членами «Кембриджской» группы, либо не работают на финском и карельском материале, либо требуют модификации.

В большинстве докладов и сообщений центр тяжести традиционно находился в сфере этнографических исследований, анализа ситуации на микроуровне, в отдельных приходах. Сбалансированное применение последних, в совокупности с методами математического анализа и компьютерных технологий, открывает новые перспективы исследования. Во многих выступлениях подчеркивалась важность подобных встреч, и высказывались пожелания о продолжении их в будущем.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

М.Энгман

ФИННЫ И ШВЕДЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

На протяжение двух столетий Петербург был местом назначения потока переселенцев из Финляндии и Швеции. Когда говорим о финнах и шведах в Петербурге, следует быть довольно чёткими в определении. До 1809 г. прочие финны, так же как и жители Выборгской губернии были подданными шведского короля, значит в данной связи – шведами.

После 1809 г. ситуация, однако, изменилась. В Великом княжестве после того, как Выборгская губерния в 1812 г. была присоединена к Финляндии, имелись две языковые группы, финноязычные составляли порядка 85% и шведоязычные порядка 15%. Большая часть петербургских финнов и шведов вышла из этих двух групп.

Социальные группы, в том числе этнические, можно разграничить разными способами. Можно воспользоваться формальными критериями. Один из них это национальность, т.е. страна, к которой принадлежат люди, выраженная в том, какой они имеют паспорт и где они призываются для отбывания воинской повинности. Второй критерий – это язык, обозначенный, например, в списках населения при его переписи. Третьим критерием может быть место рождения, о чём также можно узнать при переписи населения.

Вторая возможность, это воспользоваться субъективными критериями, такими, как сравнение. Эти критерии сложнее определить и обнаружить исторические источники. Однако, мы можем использовать различные индикаторы, такие, например, как участие в голосовании, принадлежность к объединениям и тому подобное. Можем также использовать, в частности, письма и выяснить, как на людях отразилось прошлое, к какой группе они сами себя относят.

Если мы начнём с формальных критериев, приняв во внимание количество уроженцев Финляндии, то есть часть людей, которые пользуются паспортами, выданными паспортным столом Финляндии (у финнов было собственное паспортное законодательство и отдельное учреждение, которое занималось выдачей паспортов и их обслуживанием). По истечении времени, такое учреждение преобразовалось в консульство Финляндии, которое занималось делами финнов, причём не только паспортами, но и решением вопросов о бедных, военской обязанности и так далее.

По сравнению этими цифрами, количество подданных Швеции было скромным. В XIX-м веке их насчитывалось порядка тысячи (в 1843 г. - 918, в 1869 г. - 1269, в 1910 г. - 944).

Если мы рассмотрим второй формальный критерий: язык - указанный при переписи населения, то получим следующую картину: в Петербурге проживало значительно больше финноязычных, чем шведоязычных.

Однако, нам следует рассмотреть эти цифры поподробней, выясняя кем же в действительности были эти люди. Нужно чётко отделять один критерий от другого. Если проверим, на каком же языке говорили урождённые финны, то перепись населения 1869 г. представит интересную картину. Выясняется, что финские подданные говорили на разных языках, большинство говорило по-фински, но значительная часть – по-шведски. Интересно, что многие заявили в качестве своего языка русский или немецкий. В Финляндии имелись незначительные русскоговорящие и немецкоговорящие меньшинства, особенно в городах (в частности, в Выборге) и часть, указанных в переписи, были, таким образом, из их числа либо немецкоговорящие выборжане, либо русскоговорящие жители Хельсинки.

Скорее всего, эти цифры также отчасти отражают ассимиляцию. Часть прибывших из Финляндии переселенцев в Петербурге изучила другие языки, став даже применять их в качестве своего основного языка. В первом паспортном списке паспортного стола Финляндии, составленном в 1819 г., прослеживается, что ремесленники нередко помимо своего родного языка владели также немецким, а прислуга – зачастую пользовалась русским языком, который им нужен был в работе.

Кроме того, цифры в какой-то мере могут отображать проходившую ассимиляцию. Заметим при этом, что мы говорим о людях, никто из которых не учился в школе. Можно лишь догадываться, как они говорили на этих языках. В одном описании указывается, что с финской прислугой приходилось общаться, не владея русским языком. Тогда нужны были финский, эстонский, русский и немецкий словари, а грамматика не требовалась. Из этого небольшого замечания можем сделать вывод, что финны и шведы говорили на языковой смеси, включавшей в себя слова и выражения из языков, лиц их окружавших. В то время эта часть населения не обладала никаким определенным литературным языком – применение его имело чисто функциональное значение. На протяжение XIX-го века в газетах можно найти много жалоб на языковую смесь – финны, обучавшиеся в школах, выражали сожаление о том, что говор их соотечественников производит впечатление тарабарщины.

Участие в различных обществах – церковных общинах и объединениях – это один из способов выражения своей религиозной принадлежности. Показательны такие сведения о местах рождения шведских и финских членов церковного прихода. В самые первые годы существования Петербурга в нём был основан шведско-финский приход, который разделился по языковому признаку на основании того, на каком языке велась служба. В обоих приходах служба велась и на других языках. В XVIII веке многие переселенцы из Швеции примкнули к шведской общине, однако, после 1809 г. произошли перемены. В XIX веке язык и, в какой-то степени, социальное положение определяли принадежность к тому или иному приходу. Среди лютеранских церковных общин была своеобразная иерархия, наверху которой были немцы, затем следовал шведский приход, финский и эстонский.

Рассматриваемые сведения сведения объединяют таким образом субъективный критерий – то есть принадлежность к приходу - и объективный критерий – то есть – место рождения. Показательно, что в обоих приходах уроженцы Финляндии преобладали. Среди родившихся в Петербурге многие

были детьми уроженцев Финляндии, таким образом, эта часть прихожан, которая имела связи с Финляндией, была ещё многочисленней.

Можно допустить, что настоятель шведского прихода Эрик Густаф Эхстрём был прав, когда в 1828 г. утверждал, что оба прихода являлись «национальными приходами Финляндии» и, что оба они принадлежат церковной истории Финляндии. Позже, даже в исследованиях, была предпринята попытка соединить шведский приход со шведским государством, с которым, однако, приход мало что связывало. В большей своей части прихожане шведского прихода были родом из Финляндии, так же, как и его священники. Когда в XIX-м веке церковные приходы избрали себе так называемых почётных патронов, то патроном как шведского, так финского был статст-секретарь Великого княжества Финляндии или его помощник, но никак не посол государства Швеции.

В начале XX-го века возникли разногласия между шведскими подданными и шведоговорящими. Шведские подданные пытались получить большее право голоса в своём приходе. Когда был выбран новым патроном шведской церковной общины статс-секретарь Финляндии Август Лангхофф, ещё раз было подтверждено, что на этой почётной должности никогда не был посол Швеции, и, следовательно, шведские подданные, которые составляли всего 9% членов общины, не могут требовать преимуществ.

Как было сказано вначале, в XVIII-м веке почти все финны были шведами, а уже в XIX-м веке почти все шведы, то есть шведоязычные, были финнами, то есть подданными Великого княжества.

В Петербурге было два финских – «финляндских» прихода, но они в некоторой степени отличались друг от друга. В финскую церковную общину входило определённое количество финнов-ингерманландцев, которые являлись финноязычными подданными России.

В Петербурге можно было заметить определённые различия. Рассматривая сведения о профессиональных группах в соответствие с переписью населения 1897 г. Цифры показывают, что в обоих приходах была какая-то часть служащих и офицеров. Их было больше в шведском приходе, но в обеих этих группах таковых имелось меньше, чем в среднем среди жителей города. В обоих приходах большинство мужчин представляло собой ремесленников или заводских рабочих. В шведском приходе было несколько больше инженеров и техников, но в обоих приходах большинство составляли все же ремесленники и рабочие. Среди финноязычных имелось много занятых в торговле и транспорте, преимущественно работников финляндской железной дороги и ингерманланских извозчиков.

Среди работавших женщин 62 % составляла прислуга: кухарки, горничные, батрачки и прочие, причем 62 % в шведском приходе таковых было 42 %. Финны (в том числе и шведоязычные) являлись работающей частью населения. Часть из них представляли зажиточные ремесленники, но в большинстве своем это были подмастерья, рабочие и батраки. Были также и опустившиеся на дно финны (нищие, шабашники, проститутки). Вообще же в городе количество финнов проживало настолько много, что они представляли все социальные слои.

Следует оставить в стороне сведения об офицерах, так как они служили в Петербурге в течение краткого времени. Среди же финнов имелось несколько известных предпринимателей. Многие

ювелиры владели мастерскими, представляющими собой крупное производство, Таким был, в частности, мастер Карл Тегельстен во второй половине XIX-го века. Другие выступали поставщиками для царского двора. Значительная часть ювелиров знаменитой мастерской Фаберже были финны.

Юхан Парвиайнен в начале XX-го века владел большим литейным производством, которое выпускало оружие и какое-то время сотрудничало с международным концерном «Крезо».

Для петербуржцев, пожалуй, самой известной компанией являлось предприятие «Финские пароходы». Его деятельность началась, когда бывший офицер и многопрофильный предприниматель Фридольф Рафаэль фон Хаартман в 1873 г. начал осуществлять перевозки по Неве на двух небольших пароходах. Хартман сообразил, что такой вид транспорта найдёт применение в Петербурге, поскольку мостов тогда существовало немного, а другие виды транспорта были довольно незначительными. Первый пароход был построен в Выборге и получил оптимистичное название «Первый». Он начал курсировать в мае 1873 г. от причала на Неве у Финляндского вокзала до Васильевского острова. Уже в следующем году фон Хаартман перевёз на своих судах свыше 60 000 пассажиров и заказал постройку новых пароходов. На основе накопленного капитала он в 1877 г., создал акционерное общество, которое было зарегистрировано в Финляндии. После того, как через два года акционерный капитал еще более вырос, фирма начала пароходные перевозки в Петергоф. Вначале акции длительное время находились единалично в руках фон Хаартмана и его родственников, но в XX-м веке большую часть их владельцев составили петербуржцы.

Акционерное общество быстро расширялось. В конце XIX-го века его пароходы ходили по Неве и каналам, а также в Петергоф и в течение нескольких лет они возили своих пассажиров также к островам в устье Невы. У акционерного общества была собственная механическая мастерская, где занимались ремонтом пароходов, а также постройкой небольших судов. После десяти лет деятельности у акционерного общества в 1883 г. было 33 парохода и порядка 500 работников. В 1898 г. количество судов выросло до 80. В 1880-х и 1890-х гг. акционерная пароходная компания перевозила в год около 10 миллионов пассажиров.

Самым большим конкурентом компании были конки. Компания могла конкурировать с ними, однако, с появлением трамваев положение значительно изменилось и перед началом Первой мировой войны количество пассажиров пароходной компании сократилось до 3-4 миллионов.

Фирма была ещё «на плаву» порядка сорока лет. Причем Хаартман был финским шведоязычным патриотом, поэтому на его судах все команды отдавались на шведском языке, но на это часто жаловались уже финноговорящие жители Петербурга. Однако, никакого языкового скандала в компании все же не возникло, поскольку речная полиция просто приказала в управлении пароходами в столице государства использовать русский язык в качестве командного.

Пароходная компания Хаартмана была на редкость заметной финской компанией, хотя это вряд ли замечали обычные жители города. Финны были частью многонационального населения большого

города. Обычные люди оставались анонимными, даже и для последующих исследователей истории.

В заключение следует коснуться вопроса идентификации финнов. Сложно сделать обобщение, поскольку группа в 20 000 финнов включала в себя людей разных сословий и классов. Они говорили на различных языках, часть из них родилась и выросла в Петербурге, другие, наоборот, находились в городе небольшой отрезок времени. Вопрос усложняется ещё и тем, что в различных источниках представлены противоречивые сведения.

В одном отношение вопрос понятен и однозначно объясним: финляндское подданство привязывало петербургских финнов к Великому княжеству Финляндии. Те узы, которые в современном обществе связывают гражданина со страной, связывали их с Финляндией, а не с Россией. У них было собственное паспортное законодательство, юридическая база, которая подходила очень близко к отдельному виду гражданства. Они платили налоги в Финляндии, несли там воинскую повинность, обладали так же и правом голосования в Финляндии. Туда же их отправляли, если они нарушали какие-то указания или попадали в приют для бедных. В этой связи их идентификация была связана с Великим княжеством Финляндским, оно было, по крайней мере, с юридической точки зрения, их родиной.

В Петербурге финны, однако, не жили обособленной жизнью. Наоборот, если рассматривать места их повседневного пребывания, то, несомнено, они были интегрированной нацией. Они жили в разных концах города, что было естественным, поскольку ремесленники и прислуга подолгу находилась непосредственно у хозяев или поблизости от них, а промышленные рабочие - рядом с местом работы. Были два района наиболее концентрированного проживания финнов: заселение ремесленников поблизости от финской церкви, а заводских рабочих и в особенности работников железной дороги – неподалёку от Финляндского вокзала. Железнодорожники жили в каменных домах, принадлежащих Великому княжеству и, естественно, близко общались между собой. Их дети ходили в специальную школу. Однако, эти места отнюдь не являлись «финскими гетто», а наоборот, в повседневной жизни у финнов было много связей с другими жителями города.

То же самое можно сказать, проследив статистику межнациональных браков. В финской церковно-приходской общине почти четверть, а до начала Первой мировой войны почти треть браков заключалась с православным в большинстве случаев с русскими. Это показывает, что финны ни в коей мере не жили обособленно от других.

При рассмотрении общественной жизни финнов обращало на себя внимание следующее. У них существовало множество различных обществ: основанный в 1867 г. кружок ремесленников, созданное в 1883 г. благотворительное общество, возникшее в 1885 г. Общество трезвости, хоровые объединения, спортивное общество и другие. Программа этих обществ зачастую имела финляндскую ориентацию, влияние на их работу оказывалось из Финляндии и программа составлялась на финском языке. Общества были немногочисленные по составу, но на проводимые ими мероприятия приходили многие.

Картина идентификации петербургских финнов несколько противоречивая. С одной стороны, они были подданными Финляндии и различным образом связанными с Финляндией, что и подтверждают многочисленные общества, действовавшие в Петербурге. Общества, в свою очередь, подразделялись на финно- и шведоязычные, поскольку для каждого языка были свои объединения и свои школы. С другой стороны, на рабочих местах, на улице и в повседневной жизни финны были петербуржцами среди петербуржцев.

Надо полагать, однако, что противоречий как таковых не было, ни между первоисточниками, ни в действительности. У человека не может быть какой-то одной идентификации, а как показывает социологическое исследование, у человека одновременно несколько идентификаций, а каждая из них подразумевает несколько слоёв. Идентификация это не предмет, а целая сеть социальных связей. До тех пор, пока различные идентификации не вступают в открытые противоречия друг с другом – что может происходить в политических или прочих кризисных ситуациях – человек обладает различными идентификациями и подчёркивает их самым разнообразным образом в различной связи.

Петербуржские финские вечера зачастую заканчивались пением или музыкальным исполнением как «Царского гимна», так финского - «Наша страна». И это не вызывало удивления. Большую часть того отрезка времени, когда Финляндия принадлежала российскому государству: петербуржские финны были одновременно финляндскими подданными, финно-шведоязычными царскими подданными и петербуржцами. Лишь в начале XX-го века в условиях политического кризиса в России, когда возникла необходимость выбирать между разными идентификациями, многие жители Петрограда из числа финно-шведоязычного населения выбрали Финляндию.

К. Каллейнен

ВЗГЛЯД ВЫСШЕГО ЧИНОВНИЧЕСТВА ФИНЛЯНДИИ НА РОССИЮ, НА РУССКИХ И НА ПОЛОЖЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX В.*

«Я всегда думал и до сих пор думаю, что счастье моей Родины - принадлежать России, и я борюсь сейчас и до конца жизни буду бороться против такой более или менее скрытой деятельности, которая направлена на то, чтобы подорвать доверие и лояльность общественного мнения к России». Это слова сказанные бароном, заместителем председателя Финляндского имераторского Сената, председателем хозяйственного отдела Сената Ларса Габриэлем фон Хаартманом в середине 50-х гг. XIX века, в то время, когда еще шла Крымская война и ее исход, т. е. поражение России, был еще неизвестен. Фон Хаартман заверял (и не он один), что счастье Финляндии и безопасность ее будущего заключаются в том, чтобы принадлежать великой и могучей Российской империи.

Традиционно период автономии Финляндии (1809-1917 гг.) во многом рассматривается, исходя из проблематики независимости Финляндии, когда почти весь XIX век представляется периодом движения фенноманов и стремления Финляндии к обретению большей независимости. На данную ситуацию со своей стороны оказывали влияние годы русификации конца века, которые традиционно называют также периодом гнета. Но если забыть о традиционных финских идеях независимости, то каким представится патриотизм финского чиновничества первой половины XIX века, который был связан для него с проблемой языка и гражданства?

Когда российская армия ранней весной 1808 г. вошла в Финляндию, и Финляндия перешла к России, сердца студента Або-академии Ларса Габриэля фон Хаартмана и его товарищей по учебе принадлежали шведскому правителю. Многие тогда считали, что лишились родины. Еще в 1810 г. фон Хаартман придерживался того мнения, что его родной страной является Финляндия, но родины у него уже не было, и он думал, что никогда и не будет. Некоторые из самых высокопоставленных чиновников, например, епископ Якоб Тенгстрём, очень быстро стали считать Финляндию своей родиной, но это чувство пришло к фон Хаартману не скоро. Возможно, в конце концов, именно то, что фон Хаартман, не считая нескольких промежуточных лет, начиная с 1809 г. до второй половины 20-х гг. XIX века находился на службе в Петербурге, в Комитете по делам Финляндии, привело к тому, что со временем он стал считать Финляндию своей родиной.

В целом, в Финляндии прошло не так уж много лет, прежде чем привязанность к бывшей родине - Швеции и недоверие к России как бы поменялись местами.

Еще в 1816 г. фон Хаартман и его коллеги в Петербургском Комитете по делам Финляндии стали отрицательно и недоверчиво относиться к Швеции. Фон Хаартман даже как-то констатировал, что чем меньше финские студенты ездят в Швецию, тем лучше, т. к. образ мышления шведов ему больше не нравился. Хотя в первые годы присоединения Финляндии к России оппозиционный дух проявлялся

* Перевод с финского языка к.филол.н., С. Г. Халипова (РХГИ).

особенно в Турку, уступившем свое столичное положение Хельсинки, большая часть финнов быстро стала верноподданной российского императора.

После того как Финляндия стала частью России, сохранение и обеспечение порядка и спокойствия обрели первостепенное значение, а в этом административный аппарат играл выдающуюся роль. В той обстановке никоим образом не было предопределено, что у Финляндии появится свой, отдельный от России, административный аппарат. Да финны и не пытались сразу после присоединения к России получить его. С чего бы они могли получить его? Ведь, будучи частью Швеции, Финляндия не имела собственной центральной администрации, а страной управляли из Стокгольма. На самом деле было случайностью, что у Финляндии все же появился свой центральный административный аппарат, Правительственный Совет, который в 1816 г. получил наименование Императорского Финляндского Сената, а также свой представительский орган в Петербурге - Комитет по делам Финляндии.

Возможен был и другой вариант. В первые годы завоевания (1808-1809 гг.) сохранялись планы некоторых финнов, с осуществлением которых финская администрация оказалась бы неразрывно связанной с российской или был бы основан смешанный, состоящий из финнов и русских, Совет по управлению Финляндией. В результате разных случайностей этим планам оказалось не суждено сбыться, а образовали Правительственный Совет. В Петербурге почти так же случайно был создан Густавом Маурицем Армфельтом Комитет по делам Финляндии, явившийся представительским ведомством Финляндских дел, который позднее стал Государственным секретариатом Финляндии.

Г. М. Армфельт, впавший в немилость у шведского короля, стал летом 1810 г. «прощупывать почву» в России и с этой целью много ездил по Финляндии. Он тогда убедился в том, что положение Финляндии могло бы намного ухудшиться после правления Александра I. В результате таких представлений Армфельт стал сторонником создания в Петербурге финского представительского управления, т. к. его создание давало, по его словам, «какую-то надежду, что страна спасется от варварского лесного пожара, уничтожающего все на своем пути». Завоевав расположение императора Александра I, он отбросил свои прежние намерения, и представительское ведомство постановили создать по плану Армфельта. Так у Великого Княжества в Петербурге появилось финское представительское ведомство, а не смешанный русско-финский комитет по управлению делами Финляндии у подножия императорского трона.

Несмотря на то, что Г. М. Армфельт хотел, чтобы делами Финляндии занимался свой, состоящий из финнов, представительский орган, он считал существенно важным, чтобы финны как можно больше сближались с Россией и изучали русский язык. Его программа заключалась в слиянии интересов России и Финляндии, т. к., по его словам, «здравый смысл политика и все мыслимые преимущества одинаково направлены на это». А ведь такого рода преимущества финны получили: должности и денежные подарки, награждались они также рыцарскими орденами и медалями. Так, например, сословное дворянство не без удовольствия сменило Швецию, проигравшую войну, на большую и могучую Россию, управляемую благородным императором Александром I.

Ощущение принадлежности к великой и могучей империи особенно усилилось после 1812 г., когда войскам Наполеона пришлось отступить из России. Это даже заставило обычно сдержанного финляндского статс-секретаря Роберта Хенрика Ребиндера заявить, имея в виду Россию, что «нужно признать, что это великая нация и такой же трогательный, как и редкий пример того, что в стране может быть такой благородный и совершенный правитель и такой верный и преданный народ».

Высшее чиновничество стало весьма быстро считать, что все более тесная связь Финляндии с Россией идет на пользу Финляндии и придает ей силу. Армфельт считал, что Финляндия в силу своего геополитического положения может образовать защитный барьер на российской границе и тем самым окажет пользу империи. Однако он не желал и не рекомендовал слияния учреждений, считая, что «они не имеют в России почвы и столь малоценны, что каприз любого чиновника или протеже может их уничтожить».

Более тесное объединение с Россией также предусматривало инициировать овладение русским языком, ожидая, что русский со временем станет официальным языком в Финляндии. Г. М. Армфельт считал, что распространение знания русского среди финских чиновников - это одна из важнейших предпосылок сохранения Финляндии и констатировал, что «молодежь обязательно должна выучить этот язык, чтобы она могла контролировать успех Финляндии и помогать ему». Без владеющих русским языком чиновников забота об интересах Финляндии была бы затруднительна, несмотря на то, что всю первую половину XIX века французский был распространен как придворный язык.

Той же точки зрения позднее придерживался сын Г. М. Армфельта, статс-секретарь Великого княжества Финляндии Александр Армфельт, по мнению которого финнам следовало еще больше знакомиться с русскими и сближаться с ними. В одной из составленных им в начале 40-х гг. XIX века памятных записок Александр Армфельт писал: «Какие цели должно иметь нынешнее правительство (т. е. Финляндский Сенат) в отношении политического управления страной? Я знаю только одну: как можно больше сближать (ассимилировать) ее с великой империей, часть которой она составляет. Наши отношения с Россией таковы, что для хорошего руководства страной (т. е. Финляндией) следует в совершенстве знать обе страны, а этим до сих пор пренебрегали». Итак, изучение русского языка, и по его мнению, следовало активизировать, и он также был готов к таким мерам, которые обеспечили бы становление официальным языком Финляндии - русского.

Профессор Й. Р. Даниельсон-Калмари, отстаивавший в так называемые годы гнета в конце XIX столетия финскую автономию, не мог понять тенденцию в начала века направлять молодых финнов на учебу в Россию для изучения русского языка, а также с целью знакомиться с российскими обычаями и условиями жизни. По его мнению «никакая страна не может в перспективе защищать свои права и национальную сущность путем направления своей молодежи в услужение другого народа. Ущерб от этого рано или поздно станет больше, чем приносимая этим польза. А что касается пожелания Армельта использовать русский язык в качестве официального у нас в стране, то это будет понятно, лишь если помнить о том, что еще не вставал вопрос о повышении родного языка до такого уровня».

В 40-х гг. XX века статс-секретаря Александра Армфельта не понимали: написавший его биографию Ханс Хирн констатировал, что никто не сомневался в патриотизме Армфельта, но то, что он обожал императора и проявлял к нему лояльность, привело к тому, что этот патриотизм приобретал очень своеобразные и не всегда ясные для потомков формы.

Понятно, что Даниельсон-Калмари и Хирн писали так с точки зрения событий периода гнета и Второй мировой войны. Однако сейчас можно задать вопрос: не было ли логично думать в первой половине XIX века, что русский язык может стать официальным вместо шведского в обстановке, когда Финляндия перешла под власть России, а финский язык был еще не развит?

С другой стороны, и Даниельсон-Калмари, и более поздние исследователи забывают, что язык не имел в первой половине XIX века такого значения, какое он преобрел позднее. Язык, прежде всего, являлся средством общения, способом выражения мыслей. В определенной связи Л. Г. фон Хаартман в 1814 г. констатировал, что все языки одинаково хороши в среде людей, стремящихся к взаимопониманию. В молодые годы в Петербурге сам Хаартман усердно изучал русский язык, потому что считал его необходимым для своей работы и стал одним из тех немногих финских чиновников, которые в период с 1840 г. по 1850 г. могли говорить и писать по-русски. Как правило, среди финского чиновничества при служебной переписке было принято использовать французский язык, а русским писать на русском или на французском языках. Часто бывало и так, что двое шведскоязычных людей писали друг другу служебные письма по-французски. Родной шведский язык известным образом, казалось, был «частным» языком, применяемым в обычной жизни и при переписке между родственниками, хотя встречается и французский.

Таким образом, национальность и язык не были связаны друг с другом. В Выборге президент городского кассационного суда шурин Л. Г. фон Хаартмана Карл Густав Маннергейм констатировал в определенной связи в первой половине 40-х гг. XIX века, что тот очень хороший финн, хотя и не говорит по-фински.

Маннергейм, соприкасавшийся в Выборге с представителями финского крестьянства, проявлял более положительное отношение, чем его коллеги, к использованию финского языка и к фенномании. На основании своего опыта жизни в Выборге Маннергейм, вероятнее всего, убедился в том, что вести дела во многих случаях легче, если власти знают финский язык. Свидетельством тому является то, что Маннергейм положительно повлиял на учреждение профессуры финского языка в Гельсингфорсском Александровском университете весной 1850 г. Правда, и Маннергейм не одобрял стремления превратить финский язык в язык науки, когда в этом фенноманы, по его мнению, перебарщивали. Вместе с тем, в отличие от большинства своих коллег, Маннергейм не думал, что Финляндия преодалеет изолированность, если выходцы из высшего класса станут получать образование на русском языке. Он к тому же писал одному из коллег, что «воздух Востока чище, чем воздух Запада, и поэтому он предпочтительнее».

С предложением Маннергейма учредить профессуру финского языка связана также инициатива, согласно которой власти обязаны принимать финскоязычные прошения, и считал, что судам и должностным лицам следует прилагать переводы на финский язык к решениям, выносимым ими по делам простых людей. Согласно этому предложению были запрошены заключения различных инстанций, но окончательным результатом было то, что руководимый фон Хаартманом Сенат, придерживавшийся более консервативной точки зрения, чем многие полученные им заключения, не поддержал указанное пожелание, а предпочел оставить все так, как было. Маннергейм был раздосадован и писал, что из сделанного на благо страны получилась лишь «ridiculus mus» («смехотворная мышь»).

По мнению Л. Г. фон Хаартмана, отрицательно относившегося к фенноманам и к финскому языку в 40-е гг XIX века, единственной хорошей стороной движения фенномании было то, что она ослабляла отношения со Швецией: в этом отношении, по его словам, «итог данного явления на нашем государственном небосводе был положительным». Отрицательное отношение Л. Г. фон Хаартмана к Й. В. Снелльману и к фенноманам связано с политическим радикализмом, который им тогда приписывали. Он был готов принять исследование финского языка и занятие им как явление и критиковал, например, работу Х. Г. Портана и Элиаса Лённрута. Однако после них наступило «время драчунов, которые меньше занимались продвижением наук, но зато были преисполнены ненавистью и искали популярности у народа». Фенномания, по мнению Л. Г. Хаартмана, вызывала раскол и безответственность: «это национальное безумие оказало пагубное влияние на умонастроение молодежи; даже если оно до сих пор не заразило подавляющее большинство народа, то заставляет говорить даже самых робких, а также мешает нравственному и государственному развитию». Итак, Л. Г. фон Хаартман считал руководимых Снелльманом фенноманов людьми, от которых исходит опасность. Кажется очевидным, что Л. Г. фон Хаартман, заявлявший в этой же связи, что он сторонник того, чтобы сделать русский язык официальным языком Финляндии, воспринимал деятельность фенноманов как угрозу осуществлению данной цели путем натравливания народа на русских и на русский язык.

Таким образом, Л. Г. фон Хаартман, получивший в начале столетия в Петербурге чиновничье образование, продолжал и в 50-е гг. XIX века придерживаться того мнения, что правительство должно стараться заменить шведский язык русским как главным языком администрации или, по его словам, правительство должно требовать административного влияния для того языка, на который правительство делает основную ставку». Как говорилось выше, для Л. Г. фон Хаартмана язык имел ценность только как средство общения и с ним не связывались эмоции. То, что он не ценил финский язык, было связано именно с неразвитостью языка: он не думал, что финский язык может развиться до уровня, например, русского или шведского языков.

Такую позицию не следует связывать с отношением к Финляндии или к финнам, т. к. фон Хаартман чувствовал, что он финн, несмотря ни на что, и в своей собственной работе он, по его мнению, отстаивал и продвигал интересы Великого княжества Финляндского всю свою жизнь. В этой

работе следовало учитывать интересы России и стремиться сопрягать их с политико-экономическими интересами Финляндии. По убеждению фон Хаартмана, Финляндия была и всегда будет частью великой российской империи как отдельная хозяйственная единица.

Данную хозяйственную единицу вообще и автономию финской таможни в частности он отстаивал всю свою жизнь, т. к. это ведь и было результатом его собственной работы начиная с 30-х гг. XIX века, когда экономику Финляндии стали отделять от торговли со Швецией.

Каким же, по мнению Хаартмана, было будущее Финляндии? Четче всего представление фон Хаартмана о будущем Финляндии и ее положении в Российской империи просматривается в памятных записках, составленных после Крымской войны в 1856 г., а также в споре о том, в какую сторону нужно направить железную дорогу. По принципиальным соображениям фон Хаартман был не против железной дороги, а, по его мнению, запланированное направление дороги, т. е. из Хельсинки на Хямеенлинну было неправильным: он хотел бы строить дорогу из Петербурга в Турку, а не из Хельсинки в Хямеенлинну, т. к. «это запланированное направление идет на север и, проходя через центр страны, щекочет фенноманские и националистические надежды, зато предлагаемое мною направление сближает нас с империей, объединяет нас с ней».

В более официальной памятной записке в адрес статс-секретаря Александра Армфельта фон Хаартман писал, что не может на основании имеющихся у него данных видеть, как начинающаяся в Хельсинки железная дорога сможет когда-либо получить хозяйственное значение, т. к. Хельсинки никогда не был значительным экспортным портом, и экспортный порт мог из него получиться только ценой очень больших усилий. Идея фон Хаартмана сначала заключалась в объединении озер Саймаа и Пяйянне с морем каналами, и после этого в постройке железных дорог для связи с нужными местами. Политическое обоснование предложенного им направления железной дороги заключалось в том, что «образование, цивилизация и гуманность победят, когда мы станем подлинным центром территориальной деятельности великой империи», т. е. Российской империи.

Статс-секретарь Армфельт, так же как и его помощник Эмиль Шернвалль-Валлеен, были в вопросе о железной дороге на стороне фон Хаартмана и призывали отстаивавшего железную дорогу в центре страны Снелльмана не касаться данного вопроса в печати. Снелльман охарактеризовал предлагаемые фон Хаартманом взгляды как вредную болтовню. Но, несмотря на это, дорога из Хельсинки в Хямеенлинну, предложенная генерал-губернатором Ф. В. Р. Бергом и Сенатом, получила одобрение монарха.

Направление железной дороги было связано со взглядами фон Хаартмана и Армфельта на будущее Финляндии, которое на высшем административном уровне и на уровне транспортных связей было связано с Россией, в связи с чем нам пришлось бы развивать свое особое устройство общества и свое материальное благосостояние. Итак, нельзя было портить это великое будущее тем, что «мы грезами и фантазиями мешаем работающим вообще и молодежи в частности», как выразился Хаартман.

Во время Крымской войны фон Хаартман планировал строительство каботажного флота и продолжал думать об этом и после войны, констатируя, что посредством каботажного флота можно было бы отражать идущие с Запада либеральные и демократические течения. Тем самым Финляндия стала бы для России надежной и эффективной военно-морской базой. Послушаем наконец еще, каким был анализ фон Хаартмана положения Финляндии в начале 1859 г.: «Финляндия быстро становится хаотической. Поскольку бывает лишь настоящая анархия, когда маленькая страна, в которой менее 2 миллионов душ, разделена или, вернее, раздроблена на четыре направленные в разные стороны партии: первая - старошведская, немногочисленна; вторая, скандинавская - результат последней войны. Она, по-моему, не имеет значения, пока ее не преследуют. Третья - политическая группировка, которую обсуждать труднее всего. Это фенноманы – националисты-мечтатели-сепаратисты. Четвертая партия, ратующая за союз с империей, уменьшается с каждым годом.

Барон Л. Г. фон Хаартман умер в декабре 1859 г. и таким образом, возможно, к своему счастью, не успел увидеть, как «фенноманы - националисты - мечтатели-сепаратисты» выросли в крупнейшую по числу сторонников партию и одержали победу в соперничестве за душу нации.

В.И. Мусаев

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ (НАЧАЛО XX В.)

Финляндию в 1905–1907 гг. называли «красным тылом революции». Такая характеристика вполне справедлива: действительно, не только в годы первой русской революции, но и на протяжении всего периода конца XIX – начала XX вв. территория Великого княжества Финляндского служила базой для русских революционных групп социал-демократического и (в меньшей степени) народнического направления. Здесь революционеры скрывались от преследований на территории коронной России, здесь же они проводили свои совещания и конференции, издавали нелегальную литературу, хранили оружие и занимались другими видами деятельности в относительной безопасности, чувствуя себя гораздо более вольготно, чем в собственно России. Активность русских революционеров в Финляндии развивалась зачастую при явном попустительстве местных властей: должностные лица Великого княжества не только сквозь пальцы смотрели на их действия, но подчас даже оказывали им содействие, скрывая от русских полицейских и жандармских властей информацию о нахождении и деятельности революционеров на финской территории или предупреждая последних о грозившей им опасности.

Такое парадоксальное на первый взгляд положение было связано с усилением недовольства политикой имперского правительства и ростом сепаратистских настроений в Финляндии. Финляндские власти ревниво относились к попыткам русской полиции пресекать активность революционных групп на территории Великого княжества, усматривая в этом вмешательство в пределы своей компетенции. Финские же оппозиционные организации различной направленности – от Красной Гвардии до националистической «Партии активного сопротивления» – непосредственно сотрудничали с русскими революционерами. Последние, выступая против царского режима, оказывались естественными, хотя и временными, союзниками сторонников финляндской независимости: срабатывал принцип «враг моего врага – мой друг».

Первые русские революционные группы возникали на территории Финляндии еще в последней четверти XIX в. Так, в сентябре 1882 г. финская пресса сообщала о том, что в Гельсингфорсе (Хельсинки) и Свеаборге раскрыто отделение «существующего в России преступного общества», членами которого были русские офицеры, гражданские чиновники и учителя русской Александровской гимназии. При этом, как отмечала газета «Ууси Суометар», «прокурор финляндского сената сделал заявление относительно порядка, в котором были произведены эти аресты» в связи с тем, что «и русские подданные, исключая военнослужащих, находятся под покровительством законов Великого Княжества; в данном случае аресты были произведены не финскими властями»[477]. В дальнейшем активность русских революционеров на территории Финляндии усиливалась параллельно с развитием деятельности собственно финских оппозиционных групп. А. Мустонен, бывший член одной из подпольных финских революционных организаций, которая занималась «экспроприацией» денежных

средств на нужды революции, отмечал, что «члены тайных революционных организаций... действуют совместно с русскими революционерами в пользу русской и финляндской революций», и указывал на различные формы этого сотрудничества: помощь финских революционеров при вооружении русских революционеров, агитация в среде войск и непосредственное вручение денежных сумм русским революционерам[478].

В то же время, тайное общество правого толка «Война», образованное на основе «Партии активного сопротивления», также было готово сотрудничать с русскими оппозиционными организациями: согласно докладу министра внутренних П. А. Столыпина от 2 июня 1906 г., центральный комитет общества разослал циркуляр, в котором население Финляндии призывалось готовиться к вооруженной борьбе против царского правительства и в котором, в частности, финнам «рекомендовалось всячески поддерживать русских революционеров в борьбе их с правительством», «дабы по возможности ослабить Россию»[479]. Имелись и конкретные примеры связей «Воймы» с русскими противниками царского режима. Финляндский генерал-губернатор в конце августа (начале сентября н. ст.) 1908 г. сообщал статс-секретарю Великого княжества Финляндского о том, что действовавшие в Выборгской губернии отделения «Воймы» сотрудничали с русскими революционными кружками, а член общества Ойконен, имевший широкие связи по стране и за рубежом, получал контрабандное оружие, которое передавал приезжавшим на Иматру русским революционерам через содержателя местной гостиницы У. Сирениуса, члена организации «Карьялан кансан махти»[480].

Единение финской и российской оппозиции было продемонстрировано во время массовой демонстрации и митинга в Гельсингфорсе 21 мая (3 июня) 1906 г., организованных Красной Гвардией и социал-демократическими группами. В демонстрации участвовали представители русских, эстонских и латышских социал-демократов. В числе выступавших на митинге были двое русских ораторов, представившихся депутатами Государственной Думы. Они обратились к собравшимся с посланием от Думы следующего содержания: «Между Государственной Думой и Государственным Советом идет страшный разлад и потому, как полагают, Дума будет скоро распущена. Затем вспыхнет всеобщая революция, во время которой Финляндия должна организовать весь народ и помочь русским революционерам свергнуть царя с престола»[481]. Министерство внутренних дел располагало агентурными данными о том, что некоторые члены Думы предполагали, в случае если Дума будет распущена или депутаты разъедутся на летние каникулы, отправиться в Финляндию и здесь продолжать заседания[482]. Как известно, именно так и произошло: 9 июля, после роспуска Первой Думы, многие ее депутаты отправились в Выборг. Всю ночь в выборгской гостинице «Бельведер» продолжалось заседание, и на следующий день было принято знаменитое «Выборгское воззвание»[483].

После подавления первой русской революции ее участники, разыскиваемые полицией, нередко находили убежище на финской территории. Эсеровская боевая организация, которой руководил небезызвестный Е. Ф. Азеф, имела в Финляндии одну из своих баз. Сам Азеф, как и связанный с боевой организацией Б. В. Савинков, неоднократно бывали в Финляндии. В частности, Савинков и Азеф

некоторое время гостили у известного финского художника Ээро Ярнефельта[484]. Неподалеку от Иматры скрывалась террористическая группа Зильберберга, имевшая целью убийство Столыпина[485]. Летом 1905 г. в Финляндию, спасаясь от преследований, приезжал Л. Д. Троцкий[486]. О пребывании В. И. Ленина в Финляндии, о ленинских местах на Карельском перешейке известно достаточно хорошо[487]. В 1906–1907 гг. штабом большевиков и местом основного пребывания В. И. Ленина была дача «Ваза» в поселке Куоккала. В поселке и его окрестностях, а также в Терийоки, скрывались и другие революционеры. В нескольких километрах от Куоккала, на хуторе Хаапала, весной 1907 г. была основана большевистская лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ, которая, однако, была вскоре раскрыта, 11 человек оказались под арестом[488]. Помимо Куоккалы, Ленин неоднократно бывал также в Терийоки, Выборге, Гельсингфорсе и Тампере (Таммерфорсе), где, как известно, в декабре 1905 г. состоялась первая социал-демократическая партийная конференция, на которой В.И. Ленин впервые встретился с И. В. Сталиным. В Финляндии действовал комитет помощи политическим беженцам, который снабжал скрывавшихся здесь революционеров деньгами. Собранные денежные средства секретарь комитета В. М. Смирнов передавал Л. Б. Красину, жившему в Куоккала[489].

Среди финских городов особое место в истории российского революционного движения, наряду с Выборгом и Тампере, занимал поселок Терийоки (Териоки) на Карельском перешейке, который после 1905 г. был опорной базой революционеров в Финляндии. Здесь с конца лета 1907 г. располагалась конспиративная дача ЦК РСДРП. В 1906–1907 гг. здесь же проводились конференции Петербургской организации партии[490]. Кроме того, Терийоки в 1905–1907 гг. был известен как место проведения оппозиционных митингов, на которые приезжали многие петербуржцы. Один из таких митингов, состоявшийся в июне 1907 г., описан в донесении МВД: «4 сего июня в общественном саду у станции Териоки по Финляндской железной дороге состоялся митинг, устроенный по инициативе членов "трудовой группы", представителей партий социалистов-революционеров, социал-демократов русских и финляндских и финляндской красной гвардии. После обоюдных приветствий толпа, выстроившись у вокзала и подняв красные флаги с разными революционными надписями на русском и финском языках, двинулась к общественному саду с пением "Марсельезы", "Варшавянки" и других революционных песен, а проходя мимо финского рабочего дома, остановилась на несколько минут и спела "Интернационал". <…> Все речи отличались крайне революционным содержанием и почти каждый из ораторов заканчивал свою речь призывом к активной борьбе с правительством, после чего присутствующие аплодировали и кричали: "да здравствует вооруженное восстание"»[491].

Финская территория служила не только убежищем для русских революционеров, но и транзитной базой для переправки в Россию революционной литературы, а также и местом издания таковой. В 1901 г. была налажена транспортировка газеты «Искра» из Стокгольма в Петербург через Финляндию. Железнодорожные станции и поселки Карельского перешейка служили перевалочными базами, местами временного хранения литературы. Оттуда нелегальные издания переправлялись в российскую столицу либо через Белоостров, либо через Кирьясало, где находилось имение, сын

владелицы которой, Н. Е. Буренин, был участником подпольной революционной работы[492]. Любопытно, что большевистской контрабанде деятельную помощь оказывал тогдашний помощник гельсингфорсского полицмейстера Бруно Яландер, который позднее, в независимой Финляндии, занимал посты губернатора лена Уусимаа и затем министра обороны страны[493]. Помимо литературы, на территории Финляндии хранились и затем переправлялись в Россию оружие и взрывчатые вещества; известны перевалочные базы оружия в Выборге и Терийоки. В августе–сентябре 1906 г. в Выборге началось издание большевистских газет «Пролетарий» и «Вперед», которые затем также транспортировались в Россию. Департамент полиции располагал сведениями о том, что русское революционное издание печатается в типографии финской газеты «Тюэ», для чего специально были приглашены русские наборщики и приобретен запас русского шрифта (речь шла о газете «Пролетарий»), однако на просьбу департамента принять меры, обращенную к статс-секретарю Великого княжества Финляндского А. Ф. Лангофу, последний дал характерный ответ: «Выборгский губернатор, с которым я входил по настоящему делу в сношение, сообщает, что хотя местной полицией было произведено тщательное по делу расследование, но никаких обстоятельств, подтверждающих сведения о печатании в упомянутой типографии революционных изданий, установлено не было»[494]. Весьма показательна и история с тайной типографией, обнаруженной в феврале 1907 г. в Гельсингфорсе на квартире инженера В. С. Аланне, в которой печатались подпольная газета «Вестник казармы» и разного рода листовки. Аланне, получив повестку в суд, скрылся из города, а задержанному наборщику, эстонскому уроженцу В. Г. Арману, ратгаузский суд вынес оправдательный приговор. Финляндский генерал губернатор назвал действия суда «неизвинительной снисходительностью к политическим преступникам»[495]. Позднее, в годы, предшествовавшие революции 1917 г., большевики основали в Гельсингфорсе собственную типографию, печатали здесь и затем перевозили в Петроград еще одну газету – «Волна»[496].

Активность русских антиправительственных организаций на территории Финляндии и попустительство по отношению к ним со стороны местных должностных лиц вызывали объяснимое беспокойство имперских властей. Председатель российского правительства и глава МВД П. А. Столыпин 5 (18) декабря 1907 г. обратился с письмом к А. Ф. Лангофу, в котором он с тревогой отмечал: «Поступающие уже с 1905 г. в Министерство Внутренних Дел сведения свидетельствуют о том, что территория Великого Княжества Финляндского и в особенности Выборгская и Нюландская губернии сделались постоянным убежищем русских революционеров, которые не только занимаются систематически пропагандой среди местных войск, но сформировали там прочные организации для руководства агитацией и подготовки террористических актов в Империи»[497]. По данным МВД, только за 1907 г. в Терийоки, Куоккала и Тампере было проведено около 15 заседаний и конференций русских социал-демократических и эсеровских организаций. В Финляндии были «организованы и подготовлены до мельчайших подробностей» террористические акты, включая убийство главного военного прокурора генерал-адъютанта Павлова и покушение на военного министра. Петербургская полиция установила

«существование в м. Келломяки целого бюро террористов, подготовлявших убийства… и имевших карточки лиц, принявших на себя совершение политических убийств»[498]. «В то же время, – продолжал Столыпин, – розыскные чиновники, пытаясь продолжать наблюдение за преступниками в пределах Великого Княжества, оказываются в исключительно неблагоприятной обстановке, не только не получая поддержки от местной власти, но встречая от некоторых ее представителей, а затем и от населения, явно враждебное отношение, доходившее уже во многих случаях до открытого преследования. Благодаря этому, имперское правительство может ныне, на основании непреложных данных тяжелого опыта, констатировать, что во всех случаях, когда русские революционеры пожелают переехать в Финляндию, они делаются недосягаемыми в значительно большей мере, нежели при выезде их в одно из иностранных государств, власти коих проявляют гораздо более существенное содействие упорной борьбе русского правительства с революционных движением, нежели органы финляндской администрации»[499]. Когда в ноябре 1910 г. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского под председательством Столыпина поставило вопрос о присоединении части территории Выборгской губернии к России, в числе обстоятельств, диктовавших необходимость переноса границы, назывались потребности борьбы с революционными элементами, «могущими ныне находить себе… безопасное убежище в нескольких десятках верст от С. Петербурга»[500]. Разработанный специальной комиссией законопроект о передаче в состав коронной России финляндских приходов Кивеннапа (Кивиннеб) и Уусикиркко (Новая Кирха) не был, однако, претворен в жизнь.

Под нажимом центра финляндские власти были вынуждены отказаться от прежнего либерализма по отношению к противникам царского режима и продемонстрировать несколько большую активность при их преследовании. А. Ф. Лангоф, реагируя на письмо Столыпина, наметил ряд мер, которые должны были повысить эффективность работы органов охраны правопорядка на территории Великого княжества. Предполагалось «воспретить впредь до времени русским созывать и устраивать совещания, съезды и др. собрания в Финляндии без разрешения Генерал–Губернатора; вменить в обязанность финляндским властям немедленно принимать меры к удалению из края русских уроженцев, получивших право на пребывание в Финляндии, если от имперских властей поступит сообщение, что эти лица лишаются сказанного права; преобразовать или усилить полицию в Финляндии в такой мере, чтобы она могла с большей быстротой и большим успехом разыскивать русских политических преступников, укрывающихся в Финляндии, иметь за ними неослабное наблюдение, производить обыски и задерживать их»[501]. В начале 1908 г. в Финляндии были «предупреждены или закрыты восемь устроенных разными русскими революционными организациями собраний»[502]. Сообщалось также о произведенных арестах, конфискациях партий нелегальной литературы, обнаружении складов оружия и боеприпасов. Однако и теперь вплоть до 1917 г. территория Финляндии оставалась для русских революционеров более безопасным местом по сравнению с собственно российскими областями, хотя им и пришлось глубже уйти в подполье. Хорошо известно, что В. И. Ленин благополучно скрывался в

Финляндии перед тем, как отправиться в Петроград для руководства вооруженным восстанием в октябре 1917 г.

П.Невалайнен

ФИННЫ В ПЕТЕРОГРАДЕ-ЛЕНИНГРАДЕ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

В перид самодержавия Петербург был важнейшим местом жительства финнов на территории России. До первой мировой войны их в городе постоянно проживало свыше 17 000 человек. Кроме того, многие находились в городе временно. После революции в России финская диаспора в Петрограде распалась и значительно сократилась по сравнению с предыдущим временем.

После Великой Октябрьской революции из России за границу направился громадный поток переселенцев. По разным причинам родину покинули свыше двух миллионов человек. Из Советской России выехало по меньшей мере четверть миллиона иностранцев. Среди них были и граждане Финляндии. Их переезд на родину начался практически в том же революционном 1917 г. Массовый характер он приобрёл с конца весны 1918 г. Заметим при этом, что в конце весны 1918 г. в Советской России находилось порядка 10000-13000 финских красных эмигрантов. Здесь они нашли прибежище в ходе ведущейся в тот момент войны в Финляндии.

Среди первых финнов, которые выехали из Петрограда и из других регионов России в Финляндию, было много представителей буржуазии, интеллигенции, чиновников и офицеров. От советской системы они бежали, в основном, по политическим причинам, хотя беспрепятственно уезжать из страны запрещалось, поскольку граница была закрыта. Лишь часть финнов законно перебралась на родину. Многие покинули Россию тайно или проложив дорогу при помощи денег.

Вопрос о праве граждан Финляндии на переселение и освобождение арестованных впервые рассматривался осенью 1918 г., но ни какого соглашения, однако, не было достигнуто. Возвращение финнов на родину превратился в многоэтапный и растянувшийся на годы процесс. Исключительное напряжение в отношениях между Финляндией и Советской Россией серьёзно отразилось в трудностях возврата финнов на родину.

Вопрос о переселении финских граждан также обсуждался в 1920 г. на мирных переговорах между Финляндией и Советской Россией в 1920 г. Конечным результатом был договор, на основании которого весной 1921 г. стало возможным учредить в Петерограде отдел Московского посольства для осуществления эвакуации финнов.

1921 г. был значимым для переселения на родину. В организованной финляндским государством массовой эвакуации из Петерограда вернулось всего порядка 5400 граждан Финляндии.

С лета 1923 г. граждане Финляндии уезжали из Советского Союза обычным путём возвращенцев, хотя и порознь. Трудности существования, а временами и просто голод толкали людей обратно в Финляндию. Переселение оставалось ощутимым до 1924 г. Затем оно ослабло, поскольку условия жизни в Советском Союзе приняли более спокойный характер.

Можно подсчитать, что за 1918-1928 гг. законным или незаконным путём около 20 000 финнов выехало на родину. Жизнь значительной части людей полностью перевернулась. Граждане Финляндии, проживавшие в Петербурге до революции, в основной своей массе переселились в Финляндию или умерли. В 1926 г. в Ленинграде проживало 3900 граждан Финляндии и свыше 2800 ингерманландцев, всего 6700 человек.

Во времена царизма финское население Петербурга вело оживлённую культурную деятельность. Здесь имелись различные финские общества, были школы, где преподование велось на финском языке, издавались финские газеты. Но уже в 1918 г. после Октябрьской революции все они в прежнем виде прекратили своё существование. Во время советской власти в городе велась деятельность на финском языке, однако, в других рамках.

Центром финской культуры и пропагандистской работы как в Ленинграде, так и за его пределами (у т.н. ингерманланцев) был финский Дом просвещения на Фонтанке, финансировавшийся государством. В Доме просвещения действовали различные кружки (хоровой, музыкальный, радиолюбителей, спортивный и гимнастический, а также политический). Заметной его деятельностью были праздники и массовые мероприятия, которые проводились в большом количестве. Кроме того, еженедельно проводились вечера и танцы.

В Ленинграде функционировал также Государственный финский театр. Он давал спектакли как в Доме просвещения, так и в сельской местности. Ленинград был также центорм печатной деятельности на финском языке. В 1918 г. появилась газета «Вапаус» («Свобода»), начали издаваться на финском языке и другие газеты. Кроме того, в Петрограде-Ленинграде было образовано издательство, которое стало выпускать литературу на финском языке.

До революции в Петербурге существовали школы, где преподование велось на финском языке. В советское время также существовала возможность расширить образование финскоязычного населения. В Ленинграде, помимо начальных финских школ работала финская средняя школа, которая в начале 1930-х гг. стала десятилеткой. Также обучение на финском языке проводилось еще в трёх заводских школах. Имелась возможность кроме того получить на финском языке педагогическое образование. На рабфаке Ленинградского государственного университета был создан факультет финского языка. Политическое образование на финском языке университетского объема давала партийная школа. Вмечсте с тем в Интернациональной военной школе готовили финских красных офицеров. Таким образом, до начала 1930-х гг. Ленинград являлся в Советском Союзе центром по получению на финском языке среднего и высшего образования.

Такое развитие, однако, закончилось в мрачные 1937-1938 гг. Тогда в Ленинграде все институты и всякая деятельность на финском языке прекратили своё существование. В те годы прекратила свою деятельность и община церкви св. Марии, а сам церковь была закрыта. «Большие чистки» привели к массовому уничтожению ленинградских финнов.

По данным 1939 г. в Ленинграде, однако, тогда ещё проживало более 7900 финнов. Объяснялось это тем, что в 1930-х гг. во время принудительной коллективизации сельского хозяйства финны-инкерманландцы в большем количестве переезжали в город.

Во время Второй мировой войны в Ленинграде фактически полностью исчезла финская диаспора. В начале весны 1942 г. оставшихся порядка 30 000 финнов на территории блокадного Ленинграда и вблизи Петергофа почти всех вывезли в Сибирь, поскольку их рассматривали как враждебно настроенную национальность.

Возвращение финнов в Ленинград в какой-то степени стало возможно лишь с 1954 г. В 1959 г. количество проживающих в Ленинграде финнов составило до 3200, а в 1989 г. – около 5500 человек. В основном это были финны-ингерманландцы. Никакой деятельности на финском языке уже не велось и присутствие финнов было незаметным.

Определённые изменения, однако, произошли в начале 1990-х гг., когда в изменившихся условиях финны-ингерманландцы определили свое местожительство в Петербурге и стали устанавливать свои финские корни. В настоящее время в Петербурге опять действует финская община, а в четырёх школах можно изучать финский язык в качестве иностранного. Присутствие финнов опять стало заметным в Петербурге, хотя многие из них переехали в Финляндию или ожидают своей очереди на переселение туда.

Поселение финнов существовало ещё в то время, когда город был основан. Существует оно и теперь, 300 лет спустя. Различные бури выпали на долю испытаний петербургских финнов, в той же степени, что и на долю города.

Петербург не всегда был лёгким городом для проживания финнов

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Б.С. Жаров

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И ИСЛАНДИЯ

Исландия – страна в Атлантике, наименее населенная и наиболее отдаленная от Санкт-Петербурга из всех скандинавских стран. Несмотря на малонаселенность и отдаленность, к этой стране в нашем городе существует устойчивый и длительный интерес. В связи с особенностями исторического развития в Исландии возникла совершенно уникальная культура. Хорошо известны «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда», родовые саги, королевские саги, поэзия скальдов, исландские баллады. Замечательные памятники древнеисландской письменности позволяют бросить свет на ранние этапы истории и культуры не только Скандинавии, но и всей Европы. Давний интерес в Петербурге к культуре этой страны проявился впервые в XVIII в. и не ослабевает до наших дней.

В апреле 2002 г. государственный визит в Россию нанес Президент Исландии Олавюр Рагнар Гримссон. Во время пребывания в Петербурге он посетил Санкт-Петербургский государственный университет. В Петровском зале знаменитого здания Двенадцати коллегий в торжественной обстановке Президент вручил «Орден Сокола», высший орден Исландии, профессору Валерию Павловичу Беркову за большой вклад в дело изучения исландского языка, исландской культуры, а также в дело ознакомления с ними российской общественности.

На приеме автор этих строк также выступил перед Президентом Исландии с кратким рассказом об истории исландистики в Петербурге. Здесь предлагается более подробный рассказ. В связи с тем, что темой доклада являются связи Санкт-Петербурга/Ленинграда и Исландии, придется опустить материал о вкладе представителей других российских городов.

Знакомству Санкт-Петербурга с Исландией и ее культурой исполняется 250 лет. Самая ранняя из зафиксированных русских публикаций относится к 1755 г. В февральском номере петербургского журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» на страницах 123-138 появился материал И.Е.Фишера под названием «Рассуждения о гиперборейцах, или о народе, за севером находящимся». Борей – греческий бог северного ветра. Гиперборейцами в Древней Греции называли все народы, жившие за цепью гор, составлявших северную границу этой страны. Впоследствии так стали называть жителей севера Европы. В опубликованном материале речь шла о населении Скандинавских стран в целом и Исландии в частности.

Позже в 1785 г. в Петербурге появился в переводе с французского двухтомный труд известного швейцарского ученого Поля-Анри Малле, длительное время жившего в Копенгагене при королевском дворе и ознакомившего затем остальную часть Европы с историей Скандинавии. По-русски работа получила название «Введение в историю датскую, в котором рассуждается о вере, законах, нравах и обыкновениях (обычаях. – БЖ.) древних датчан». Там, в частности, шла речь и об Исландии, поскольку это был период, когда королевство Дания включала также современную Норвегию и Исландию. Среди

глав были такие: «Общее понятие о древней вере северных народов, а особливо скандинавов от Одина. Следствие веры северных народов, а особливо их служения». Особенно интересна глава «О морских походах древних датчан; Открытие Исландии, Гренландии и неизвестной страны, называемой Винланд». Рассматривалось также «Следствие обыкновений, наук и художеств древних скандинавов».

Книга произвела сильнейшее впечатление на русских читателей. Вот что писал позже, в начале XIX в., поэт Федор Глинка в известном военном дневнике «Письма русского офицера»: «Все сии доводы о наших самоучках должны служить неоспоримым доказательством чужеземным умствователям, что и в Гиперборейской стране и в России могут родиться изобретательные умы и процветать дарования. Не только науки, но и музы не разбирают климатов. Нужен ли к сему пример какого-нибудь иностранного автора? – вот он: Маллет повествует, что многие норвежцы, не стерпя рабства в правление одного из древних своих королей, ушли на остров Исландию. Там-то, на самом краю Северного моря – насадили они древо свободы, которое через долгое время зелено в благоустроенной их республике. Все лучшие историки и поэты Севера родились в Исландии: свобода и музы водворяли счастие на льдистых берегах ее. Поэзия рассыпала там цветы свои, и лиры скальдов воспевали героев, славу и любовь! Следовательно, и там, где иногда замерзает ртуть, страсти и воображение никогда не остывают».[503]

В XVIII в. публиковались не только книги и статьи об Исландии, но и переводы замечательных произведений древнеисландской литературы. Естественно, первые переводы были не прямо с языка оригинала на русский, поскольку специалистов тогда еще не было, использовался существовавший перевод с древнеисландского на более распространенный язык. В 1778 г. вышел самый первый перевод, это была «Ода Гаралда Храброго» в журнале «Санкт-Петербургский вестник».[504] Эта ода, или песнь позже переводилась и использовалась как материал для переложений неоднократно, поскольку в ней речь шла о безответной любви скандинава к русской княжне Елизавете Ярославовне.

В уже упомянутой книге Малле, вышедшей в 1785 г., имелся второй том, который содержал многие образцы древнескандинавской литературы. Здесь впервые на русском языке опубликованы отрывки из «Старшей Эдды» под названием «Едда, или иконословие кельтское», в частности «Гавамааль, или высокое слово» (позже переводилось как «речи Высокого»), «Песня короля Регнера Лодброга» и другие.[505] Швейцарский историк не всегда точно передавал звучание и значение древнеисландских слов. Так, в одном месте оригинала говорилось, что скандинавские воины, павшие в битвах, пьют хмельные напитки из гнутых деревьев лба зверя, т.е. из рогов. Во французском переводе сказано, что павшие герои пили из черепов убитых врагов, что перешло и в русский текст.[506]

В 1786 г. петербургский литературный журнал с неожиданно ботаническим названием «Растущий виноград» опубликовал «Речи Высокого» из «Старшей Эдды» под заглавием «Гавамааль, или Высочайшая наука, преданная кельтам верховным богом их Одином…».[507] Упоминание о кельтах отражает научные представления того времени, когда считалось, что древнее население северной части Европы составляли кельты и все языки происходили от кельтского.[508]

Наконец, было еще одно направление изучения Исландии, чисто лингвистическое. В том же XVIII в. было предпринято две попытки составления исландского словаря.[509] Сначала Л.И.Бакмейстер, собиравший в 1770-е гг. переводы некоторых фрагментов Библии и отдельных фраз на многие языки мира, получил среди прочих и современные исландские тексты, причем информантом был указан поименованный носитель исландского языка.

Позже, в 1780-е гг. знаменитый путешественник и естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук Петр Симон Паллас начал по поручению Екатерины II составлять большой сравнительный словарь всех (!) языков, который был опубликован. Слова 200 языков записывались русскими буквами. 285 слов были даны с эквивалентами на этих языках, в том числе и на современном исландском языке (несмотря на то, что с древних времен исландский язык изменился не так сильно, как норвежский, датский и шведский, все же различия между древним и современным есть). Исследователи сейчас говорят, что исландская часть словаря имеет весьма существенные дефекты. Тем не менее, следует признать сам факт знакомства с современным исландским языком в тот период значительным научным достижением. Следующие издания исландско- русского и русско-исландского словаря вышли только во второй половине 20 в.

В первой половине XIX в. продолжалось и расширялось знакомство с Исландией в Петербурге по всем трем направлениям.[510] О древнеисландской литературе, в частности мифологии, писали теперь уже не только иностранные, но и русские авторы. И.Брыков опубликовал большую статью «История Одина, победителя, законодателя, наконец бога древних скандинавов».[511] И.Лобойко написал обобщающий материал «Взгляд на древнюю словесность скандинавского Севера».[512] С.Руссов посвятил вопросу о связях Скандинавии с древней Русью целую книгу «О сагах в отношении к русской истории, или вообще о древней Руси».[513]

Продолжали появляться переводы, как, например, «Эймундова сага». Особо примечательно, что сага была впервые переведена не с немецкого, французского или латинского языка, а непосредственно с исландского оригинала и прокомментирована О.И.Сенковским (писавшим собственные литературные произведения под псевдонимом Барон Брамбеус).[514]

Из других переводов интересна «Сага о Фритьофе», поскольку перевод был осуществлен студентами, обучавшимися в Главном педагогическом институте.[515]

Очень популярным жанром стали также переложения древнескандинавских произведений и подражания им. Поэт Ипполит Богданович написал «Песнь храброго шведского рыцаря Гаральда», которая начинается словами «По синим по волнам на славных кораблях», Константин Батюшков - на этот же сюжет «Песнь Гаральда Смелого»: «Мы други летали по бурным морям». Николай Языков переложил «Смертную песнь Рагнара Лодброка» под заглавием «Песнь короля Регнера»:

Мы бились мечами; на память сынам
Оставил я броню и щит мой широкий,
И бранное знамя, и шлем мой высокий,

И меч мой, ужасный далеким странам…

Наконец, в XIX в. впервые появилась возможность познакомиться с тем языком, на котором были написаны памятники. В 1849 г. в Петербурге появилась первая в России работа об исландском языке. Это была большая в 240 страниц книга Стефана Карловича Сабинина «Грамматика исландского языка».[516] Автор высоко оценивает язык: «Язык исландский сам по себе, как язык, чрезвычайно богаты и чрезвычайно благозвучный, в полной мере достоин внимания филологов. С его богатством, особенно у стихотворцев, едва ли могут равняться богатства других известных языков».[517] Помимо описания собственно языковых явлений, она содержала также разделы о литературе: «Древняя поэзия исландцев; Различные роды стихотворений; Грамматические особенности древнейшего исландского, особенно стихотворческого языка».

Автор книги С.К.Сабинин (1789-1863) известен также своими публикациями переводов с древнеисландского языка, интересна и его судьба. Воспитанник Воронежской семинарии, он в 1817-1823 гг. учился в Санкт-Петербургской духовной академии. Затем был направлен священником в русскую духовную миссию в Копенгаген, там он прожил 14 лет и познакомился с миром древнескандинавской культуры. Позже его перевели в Веймар, в котором он провел всю оставшуюся жизнь. С.К.Сабинин был одним из образованнейших людей своего времени.

Знаменитый филолог, один из создателей современной русской орфографии академик Петербургской Академии наук Яков Карлович Грот много сделал также и для ознакомления русских читателей с литературой Скандинавии, в первую очередь шведской. У него есть немало работ по скандинавской мифологии и древнескандинавской литературе, публиковал он и переводы исландских памятников.[518]

Во второй половине XIX в. количество работ стало быстро расти. Как пример, можно назвать книгу П.Полевого о древних памятниках народной поэзии, которая содержит раздел «Памятники скандинавские»[519]. Знаменитый литературовед, академик Петербургской Академии наук Александр Николаевич Веселовский, написавший множество блестящих работ по мифологии и литературе Европы и Азии, хорошо знал и Скандинавию. Среди его трудов есть, например, «Эпос северный».[520]

Известный переводчик Петр Готфридович Ганзен (в Дании Петер Эммануэль Хансен), который сначала один, а затем вместе с женой Анной Васильевной Ганзен перевел со скандинавских языков множество книг, опубликовал также ряд статей о древнеисландской мифологии и литературе.[521]

Переводы древнеисландских памятников не только возросли по количеству, они стали также более качественными и полными. В конце века был выпущен наиболее полный к тому времени перевод «Старшей Эдды».[522] Процветали также подражания и переложения. Поэт Алексей Константинович Толстой написал «Песню о Гаральде и Ярославне»: «Гаральд в боевое садится седло…».[523]

В XIX и в начале XX вв. в Санкт-Петербургском университете не было систематического курса скандинавских языков. Тем не менее, уверенно можно сказать, что петербургские университетские филологи были знакомы с историческими связями Скандинавии и России, литературой и мифологией

древней Скандинавии и в первую очередь с древнеисландскими памятниками. Федор Александрович Браун, который был профессором кафедр романо-германской филологии и истории западноевропейских литератур, заведующим кафедрой романо-германской филологии и несколько раз в период 1905-1918 гг. деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского, с 1914 г. Петроградского университета, опубликовал несколько работ, посвященных древнескандинавским памятникам.[524]

Другой известный ученый Карл Фридрихович Тиандер, приват-доцент кафедр западноевропейских литератур и романо-германской филологии, также посвятил несколько публикаций древней Скандинавии.[525]

Публиковались переводы, в частности исландских родовых саг, которые в это время привлекли особое внимание издателей.[526]

Поэт Константин Бальмонт пересказал в стихах ряд отрывков из «Старшей Эдды», как, например, «Речи Высокого (Одина)»: «Другом для друга мужчине быть долженствует».[527]

В двадцатые годы XX в. работы по скандинавистике и переводы по известным причинам не появлялись.

Осенью 1935 г. первые студенты пришли на занятия по шведскому языку во «дворец Петра II» на Васильевском острове прямо напротив Медного всадника, что означало создание первого в истории России специального отделения, дающего высшее университетское образование в области скандинавистики. Это произошло в университете, в подразделении, которое с 1933 г. именовалось Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ) на кафедре романо-германской филологии, которую возглавлял Владимир Федорович Шишмарев, будущий академик.

Представляют интерес опубликованные в 1994 г. воспоминания человека, который учился в самой первой группе. «В 1935 году, окончив в Кемерове десятилетку, я поступил в давно облюбованный вуз – Ленинградский институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ) (Следует отметить, что вуз был для автора «давно облюбованным», т.е. хорошо известным в стране - Кемерово не близко! – *Б.Ж.*) Главными для нас предметами (кроме общеобразовательных) были языки: шведский, норвежский, датский, древнеисландский, литература скандинавских стран, а также дополнительно такие языки, как немецкий, английский, латинский».[528]

В 1937 г. ЛИФЛИ был преобразован в филологический факультет, здесь же была создана аспирантура, в частности и по специальности «скандинавистика». Поскольку выпускников собственно скандинавского отделения еще не было, в аспирантуру были приняты выпускники, окончившие другие отделения, в том числе с немецкого пришла Сарра Семеновна Маслова-Лашанская, которая в 1941 г. защитила первую в стране кандидатскую диссертацию по истории скандинавским языков, а позже докторскую диссертацию по шведской лексикологии. Преподавал теоретические дисциплины в 30-е гг. Соломон Давидович Кацнельсон, впоследствии доктор филологических наук, известный германист,

руководитель скандинавского отделения в 1948- 1950 гг. Им написано большое количество работ по древнеисландскому языку.

В научную деятельность вовлекались и студенты. Вот свидетельство того же очевидца: «Моя первая научная работа, опубликованная в «Ученых записках ЛГУ» незадолго до окончания последнего курса, носит название «К вопросу о генезисе страдательного залога в древнеисландском языке». Признаюсь честно, что в ее содержании мне уж и самому сейчас трудно разобраться».[529]

Исландистика была в программе и обучения, и исследований. В том же выпуске «Ученых записок ЛГУ» (1941, № 48, вып. 5) была опубликована статья «Переходные и непереходные глаголы в древнеисландском языке» Агнии Васильевны Десницкой, впоследствии члена-корреспондента Академии наук, крупнейшего специалиста в области балканской филологии и общего языкознания.

К шведскому отделению в университете, открытому в 1935 г., присоединилось в 1945 г. норвежское, в 1947 г. датское. Среди отделений нет отделения современного исландского языка, но все студенты-скандинависты в обязательном порядке изучают древнеисландский язык и древнеисландскую литературу. Несколько выпускников кафедры овладели в индивидуальном порядке и современным исландским языком.

Надо признать, что в значительной степени обучение первоначально состояло в изучении практического языка соответствующей страны. Лишь благодаря научной и организационной деятельности Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903-1981) неизмеримо возрос теоретический уровень преподавания всех предметов в области изучения истории и культуры скандинавских стран, а также общего и сопоставительного языкознания.

М.И.Стеблин-Каменский в 1945 г. стал докторантом на филологическом факультете, в 1948 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Поэзия скальдов». В 1950 г. он стал заведующим кафедрой германской филологии, в которую тогда входили немецкое и скандинавское отделения, а позже, с 1955 г., также английское. В эти годы было написано большое количество работ по скандинавистике, подтвердивших большой научный потенциал и педагогическое мастерство преподавателей. Именно М.И.Стеблин-Каменский был инициатором того, чтобы из большой кафедры германской филологии выделилась как самостоятельная административная единица кафедра скандинавской филологии – первая кафедра скандинавистики в стране. Он возглавлял ее с 1958 по 1978 г. Его влияние на развитие скандинавских исследований, как в нашей стране, так и за рубежом огромно, оно ощущается до сих пор.

Изучая сначала древнеанглийскую поэзию, М.И.Стеблин-Каменский всерьез заинтересовался и древнескандинавской поэзией: произведениями скальдов, «Старшей Эддой» и «Младшей Эддой», затем также прозой – родовыми сагами, а позже не только древней литературой, но и современными языками стран Скандинавии. И этот интерес никогда больше не покидал его. В 1946 г. в возрасте 43 лет он опубликовал свой первый научный труд, который положил начало удивительно плодотворному

научному творчеству, так что можно подумать, что речь идет не об одном исследователе, а о большом коллективе.

На протяжении трех с лишним десятков лет несколько поколений студентов слушали увлекательные лекции М.И.Стеблин-Каменского, участвовали в работе его многочисленных семинаров, в первое время также посещали его практические занятия по норвежскому языку. Под его руководством они приобретали навыки самостоятельной научной работы, писали курсовые и дипломные сочинения. Несколько десятков молодых ученых имели его своим научным руководителем и защитили кандидатские диссертации по многим языкам, как скандинавским, так и нескандинавским, а также по древнескандинавской литературе. Некоторые из этих аспирантов и соискателей впоследствии стали известными учеными, докторами филологических наук.

Международное признание пришло к М.И.Стеблин-Каменскому в тот период, когда советские ученые не были избалованы многочисленными поездками за рубеж. Были случаи, когда несмотря на присланное приглашение приехать в какую-то страну, он не получал от властей разрешения на выезд. Но его работы знали уже тогда во всем мире: его статьи публиковались в наиболее известных журналах, а сам он состоял членом редколлегий нескольких из них. Фактом международного признания было также то, что он был избран почетным доктором – doctor honoris causa – Стокгольмского университета в Швеции в 1969 г. и Исландского университета в Рейкьявике в 1971 г. Самой большой его любовью всегда была заброшенная в волны Атлантики Исландия с ее удивительной культурой.[530]

Научное наследие Михаила Ивановича Стеблин-Каменского велико по объему и многообразно по содержанию. Выдающийся лингвист, он опубликовал многочисленные работы по скандинавскому языкознанию, в том числе многочисленные статьи по исландскому языку и книгу «Древнеисландский язык» (М., 1955). Эта книга до сих пор востребована читателями, совсем недавно вышло ее новое издание. Одним из первых среди отечественных филологов он обратился к изучению проблем фонологии на материале истории скандинавских языков, опубликовал многочисленные статьи, впоследствии собранные в книге «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков» (Л., 1966). Выводы, сделанные на материале этих языков, привлекли внимание фонологов мира.

Человек острого ума М.И.Стеблин-Каменский всегда умел посмотреть на даже, казалось бы, хорошо изученные проблемы с неожиданной, новой стороны и на конкретном материале поставить вопросы, интересные филологам разных специальностей. Особенно широко в мировой науке известны его замечательные исследования по мифологии, средневековой литературе и культуре. Книги «Культура Исландии» (Л., 1967) и «Мир саги» (Л., 1971) принадлежат к числу наиболее читаемых и издаваемых у нас в стране и за рубежом. Более поздние книги «Миф» (Л., 1976), «Историческая поэтика» (Л., 1978), «Древнескандинавская литература» (Л.,1979) и посмертно изданная работа «Становление литературы», опубликованная в книге «Мир саги. Становление литературы» (Л., 1984), привлекли самое пристальное внимание специалистов разных стран.

Переводы этих книг выпущены в Англии, Норвегии, Дании, США, Чехословакии, Эстонии и Японии. Самое удивительное, что книги, посвященные исландской литературе, изданы в Исландии – стране, которая очень хорошо знает, любит и изучает свою средневековую литературу. Это значит, что в своих книгах М.И.Стеблин-Каменский сумел сказать нечто такое, что исландские ученые не смогли сказать сами.

Благодаря его многолетней неутомимой деятельности российская читающая публика познакомилась с важнейшими памятниками древнеисландской литературы. Несколькими изданиями вышли на русском языке крупнейшие родовые саги. Невероятно трудна для перевода поэзия средневековых поэтов – скальдов. М.И.Стеблин-Каменский мог бы, вероятно, ограничиться публикацией собственных статей об этой поэзии. Но нет, он сумел найти переводчика, увлечь его и в результате издать том с образцами удивительной древней поэзии в замечательных – можно смело утверждать гениальных - переводах Сергея Владимировича Петрова.

Одно из самых выдающихся произведений древней мировой литературы, получившее традиционное, хотя и исторически неправильное название «Старшая Эдда», на русском языке ранее существовало только фрагментарно, к тому же в очень старых переводах. В 60-е годы XX в. был выпущен полный перевод этого памятника.

Два творения великого исландца Снорри Стурлуссона: «Младшая Эдда» и сборник королевских саг «Круг земной» - теперь также существуют в переводе на русский язык. В 1979 г. мировая общественность отмечала 800 лет со дня рождения этого самого известного из всех исландцев. Было проведено заседание, посвященное этому событию, и в нашем городе. Увлекательный доклад прочитал на нем М.И.Стеблин-Каменский.

Дольше всего в народной традиции Скандинавии сохранялись средневековые народные баллады – они переведены теперь на русский язык. Все названные издания выходили по инициативе М.И.Стеблин-Каменского, под его редакцией, с его статьями и комментариями. Во многих случаях он был также и переводчиком, причем очень тонко чувствующим и умело передающим на русском языке стиль древних авторов.

М.И.Стеблин Каменский опубликовал в общей сложности около полутора сотен книг и статей. При этом следует подчеркнуть, что они написаны просто, живо и остроумно. Полностью сохраняя новаторское значение для науки, они в то же время помогают открывать людям, далеким от науки, увлекательный мир культуры других стран и эпох.

М.И.Стеблин Каменский был выдающимся ученым, блестящим лектором и мудрым наставником начинающих исследователей, неутомимым популяризатором древнескандинавской литературы. Все лично знавшие его единодушно говорят, что он был исключительно яркой и разносторонне талантливой личностью.

Среди его многочисленных аспирантов были такие, кто написал кандидатские диссертации по исландскому языку: С.И.Неделяева «Речевые средства иронии в трилогии Х.Лакснесса «Свет мира»,

В.В.Кошкин «Преаспирация в исландском языке». А.С.Либерман защитил после кандидатской также и докторскую диссертацию «Просодика исландского языка. Синхрония, типология, диахрония».

Плодотворная переводческая, педагогическая и научная деятельность преподавателей и выпускников кафедры скандинавской филологии Санкт-Петербургского университета заслужила всеобщее признание в стране и за рубежом. Среди петербургских переводчиков-исландистов можно отметить таких блестящих знатоков исландского языка как С.Халипов, В.Козлов, В.Семенова.

Особо следует отметить деятельность Валерия Павловича Беркова, заведовавшего кафедрой скандинавской филологии с 1978 по 1997 г. Член Академии Наук Норвегии, член Фризской Академии (Нидерланды), он награжден орденами трех государств: не только Исландии, о чем шла речь в начале статьи, но также России и Норвегии. Он является одним из крупнейших ученых в области скандинавистики, германистики и общего языкознания. В сферу его интересов входит Исландия, исландская культура и исландский язык, причем в наибольшей степени именно современный.

В.П.Берков, будучи студентом норвежского отделения, проявил глубокий интерес и к исландскому языку. Он написал по совету М.И.Стеблин-Каменского дипломную работу «Видовые обороты в современном исландском языке», ставшую первым в истории отечественным научным исследованием, посвященным современному языку.

После окончания университета он поступил в аспирантуру и под руководством М.И.Стеблин-Каменского написал кандидатскую диссертацию «Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках». Позже им было написано значительное количество статей, посвященных особенностям лексики, а также и другим аспектам современного исландского языка. Они опубликованы в отечественных и зарубежных изданиях.[531]

В 1962 г. в Москве был опубликован «Исландско-русский словарь», составленный В.П.Берковым (при участии А.Бёдварссона). Это большое достижение лексикографии: первый в истории словарь для данной пары языков, если не считать более, чем скромной попытки XVIII в. Позже В.П.Берков стал редактором большого «Русско-исландского словаря», составленного исландским ученым Хельги Харальдссоном, между прочим, учившимся в аспирантуре в ЛГУ и защитившим кандидатскую диссертацию по русскому языку.[532]

В 1965 г. вышла в свет первая отечественная учебная хрестоматия В.П.Беркова с текстами на современном исландском языке. У него есть ряд работ, посвященных исландской литературе разных периодов.

Опубликованы его многочисленные переводы памятников с древнеисландского языка, а с современного исландского - произведений таких писателей, как Эйнар Кристьяунссон, Тоурбергюр Тоурдарссон, Ньёрдюр Ньярдвик, Оулавюр Йоухан Сигюрдссон и других. Некоторые переводы уже выдержали не одно издание. В.П.Берков является членом Союза писателей.

Благодаря многогранной и плодотворной деятельности кафедры скандинавской филологии Ленинградский / Санкт-Петербургский государственный университет является ныне одним из

крупнейших европейских центров по преподаванию и по глубокому научному изучению языков и культуры Исландии, а также и других стран Скандинавии.

Несколько лет назад в Петербурге прошли «Дни исландского языка и культуры», в которых приняли участие известные исландские ученые и деятели культуры. Вызвавший большой интерес доклад о восприятии Исландии в России прочитал известный исландский филолог-славист Аурни Бергман.

В последние годы наладились экономические связи Исландии и Петербурга. В городе работает несколько исландских фирм, в основном в области пищевой промышленности. Появилось также почетное консульство Исландии, которое возглавил Бьорголвюр Тор Бьорголвюрссон.

Архимандрит Августин (Никитин)

РОССИЯ И ИСЛАНДИЯ

Как известно, в Исландии христианство было принято около 1000 г., за несколько десятилетий до разделения Западной и Восточной Церквей (1054 год). Но и после этого разделения исландские христиане долгие годы поддерживали связи с Православной Церковью.

К середине XI века относится известие о приезде в Исландию греческих и армянских епископов, что некоторыми исследователями ставится в связь с церковной политикой норвежского конунга Геральда Грозного (1046-1066 годы), направленной к независимости от Бременской архиепископии и от папской власти и имевшей восточную, византийскую ориентацию.[533] Как бы то ни было, в древнейшем своде исландских законов, так называемых Gradas, в отделе церковного права есть указание на то, что позволяется посещать службу, совершаемую епископами или священниками, не знающими латинского языка, армянскими или греческими.[534]

Авторы исландских саг получали сведения о Руси преимущественно из Норвегии, отчасти из Дании. Непосредственное общение с Русью имели лишь сравнительно немногие исландцы; исландские скальды, входившие в дружину норвежских и шведских конунгов, в редких случаях сами бывали на Руси, но, по крайней мере, знали о русских событиях от лиц, которые бывали там.

Так, в древнем повествовании об Ингваре - двоюродном племяннике Ирины (Ингигерды), жены киевского князя Ярослава Мудрого (1015-1054 годы) сообщается об одном таком исландце. В описании сборов Ингвара в поход на Русь по имени упоминаются 4 человека; один из них - «Кетиль, которого звали Гардакетиль - он был исландец». Прозвище Гардакетиль возникло от скандинавского названия Руси - «Гардарики», поскольку Кетиль еще до похода Ингвара побывал на Руси в дружине Эймунда Хрингссона, служившего у князя Ярослава в 1010-х гг. После смерти Ингвара (около 1041 г.) Кетиль принял на себя руководство скандинавской дружиной.[535]

О русско-исландских церковных связях упоминают некоторые древние западные рукописные источники. Так, в Повести о Торвальде-путешественнике сообщается об исландце, жившем во второй половине X века и принимавшем деятельное участие в христианизации Исландии. Там также говорится о том, что Торвальд в конце своей жизни отправился в Иерусалим, а оттуда - в Грецию, где был в большом почете у императора и византийского духовенства по причине своего высокого благочестия. Далее сообщается, что византийский император послал его на Русь, где Торвальд основал монастырь при церкви св. Иоанна Крестителя, щедро оделил его именем и кончил в нем свою жизнь.[536]

Эти данные дополняет другая сага, где сообщается о паломничестве Торвальда в Иерусалим и Миклагард (Константинополь), а затем в Киев, «по восточному берегу Днепра», и о его смерти «в Руссии» недалеко от Полоцка. По словам саги, он похоронен там в горе близ церкви Иоанна Крестителя, «и его называют святым». В подтверждение приводится строфа скальда Бранда-путешественника, побывавшего там, где «похоронен святой (Торвальд) в горе у церкви Иоанна».[537]

Следует отметить, что Полоцк, находившийся в сфере непосредственных контактов скандинавов с населением Древней Руси в X-XIII веках, неоднократно упоминается в древнескандинавских письменных источниках. Среди этих описаний можно упомянуть и о норвежской «Саге о Тидреке Бернском» (середина XIII века), где содержится описание Полоцка.

Итак, русско-исландские связи зародились уже вскоре после того, как Исландия и Русь приняли христианство, - в эпоху викингов. Но впоследствии развитию самых прямых связей между обеими странами препятствовали как татаро-монгольское иго, под которым находились русские земли, так и отдаленность Исландии от континентальной Европы. В XVIII столетии началось восстановление прерванных связей; к этому времени в Исландии была введена Реформация; страна поддерживала тесные отношение со скандинавским миром.

Общеевропейскую известность получили «Письма о путешествии в Исландию» (1777 год) финско-шведского просветителя Г. Портана. Вольное переложение этих писем, выполненное с учетом и других источников, появилось и в русском переводе под названием «Любопытные известия, или Сокращенная история об острове Исланде, собранная из Блефкения, Ангрима Ионаса и других разных историков Г. Пейрером. Перевел с французского Илья Грешищев» (М., 1789).

В 1795 г. русский исследователь Федор Моисеенко перевел на русский язык и издал «Младшую Эдду» (Эдда - буквально - «учение праотцев» - авт.), текст которой был помещен в переводном сочинении Г. Малета «Введение в Датскую историю» (СПб., 1795). Выдающийся русский ученый академик М. В. Ломоносов (1711 -1765) проявлял интерес к истории Исландии и ее Церкви. С этой целью он изучал труды известного исландского хрониста Снорри Стурлусона (1179 -1241), изданные в Стокгольме в 1697 г., а также книгу исландского историка Торлюда Торфеуса (1636 -1719) «История Норвегии». Современник М. В. Ломоносова - А. Л. Шлецер (российский исследователь немецкого происхождения) также обращал внимание на исландские саги, особенно выделив «Хеймскринглу» Снорри Стурлусона и подчеркнув, что она является «истинной хроникой».[538]

Представитель следующего поколения - знаменитый русский историк Н. М. Карамзин (1766 -1826) писал о том, что «лучший исландский летописец есть Снорро или Снорри Стурлезон или Стурлузон»[539]. Повествуя о св. равноапостольном и великом князе Владимире, крестившем Киевскую Русь, Карамзин ссылался на С. Стурлусона и писал далее о варяжских походах в Биармию, каковым именем «называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры».[540]

В конце XVIII - начале XIX века в России складывается представление о древнескандинавской литературе как об «общескандинавском наследии». Русские исследователи, изучавшие историю России и Русской Православной Церкви, по-прежнему уделяли большое внимание сочинению Снорри Стурлусона. Один из них, работавший под руководством отечественного деятеля Н. П. Румянцева, в 1815 г. подготовил к публикации русский перевод извлечения из «Истории норвежских королей» (Рукопись «Хеймскрингла») (около 1230 г.). В этом памятнике при описании царствования короля

Олафа встречаются известия по истории Древней Руси времени княжения Ярослава Владимировича. Перевод был подготовлен по латинскому изданию сочинения С. Стурлусона XVIII века и сопровождался интересными историческими примечаниями, а также хронологической таблицей событий, происходивших параллельно в России, Норвегии и Швеции X-XI веков.

Не случайно в предисловии подчеркивалось существование не только скандинавских сеймов, но и древнерусских вечевых собраний. По неизвестной причине эта публикация не увидела свет и хранится в рукописном собрании.[541] Что касается самого Н. П. Румянцева, то он постоянно обогащал свою библиотеку «достопамятностями северной словесности».[542] Он просил своих коллег (как свидетельствует его письмо Востокову от 13 января 1825 г.) переводить для него из исландских саг «по-русски все, что найдется».[543]

В первой половине XIX века в отечественной публицистике возросло число переводных трудов об Исландии. К числу таких сочинений относится статья В. Брайкевича «О христианском просвещении исландцев», опубликованная в 1820 г. в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения».[544] В обзоре, представлявшем собой извлечение из книги Фр. Рюса (Fr. Ruhs. Die Edda. Berlin, 1812), В. Брайкевич сообщал об истории христианизации страны, отмечая, что около 1000 г. находившиеся при дворе норвежского короля Олафа Тригвессона (995-1000) крещеные исландцы, «по большей части изгнанные из отечества за веру, отправляются на остров в сопровождении духовенства и нескольких ученых, проповедать братии своей Евангелие».[545] Далее в статье излагается история распространения веры Христовой в Исландии.

В те годы русские читатели могли познакомиться с тогдашним положением Церкви в Исландии из записок английского священника Э. Гендерсона, посетившего Исландию в 1815 -1816 гг. Отрывок из его мемуаров в 1822 г. был напечатан в «Северном архиве».[546] Примечательной была цель путешествия английского священника в Исландию. В 1814 г. Британское Библейское Общество напечатало в Лондоне более 2 тысяч экземпляров Библии на исландском языке, и, кроме того, более 4 тысяч книг Нового Завета. Отправка книг в Исландию была поручена пастору Э. Гендерсону. Прибыв в Рейкьявик, где в то время находился глава исландских лютеран - епископ Геир Витамен, Э. Гендерсон объехал затем почти весь остров, и в своих записках уделил место описанию религиозного быта исландцев.

Интерес, который проявляли русские исследователи к истории Исландии и других стран Северной Европы, побуждал их обращаться к первоисточникам, не довольствуясь лишь переводами западноевропейских авторов. В эти годы русские исследователи широко использовали исландские саги для изучения истории русско-скандинавских отношений. Но долгое время они заимствовали тексты саг в переводе с немецкого языка, либо с латыни.

Впервые перевод саги непосредственно с исландского оригинала был сделан известным отечественным ученым польского происхождения О. И. Сенковским (1800-1858). Для перевода он использовал текст древнего списка Королевской библиотеки, изданный «Королевским Обществом северных антиквариев» в Копенгагене в 1833 г. Это сочинение под названием «Эймундова сага.

Сказания об Эймунде Ринговиче и Рагнаре Агнаровиче, скандинавских витязей, поселившихся в России в начале XI века» (перевел с исландского и критически объяснил О.Сенковский. СПб., 1834) было напечатано в количестве 70 экземпляров и разослано известным исследователям в России. Впоследствии русский текст был снова напечатан в собрании сочинений О. И. Сенковского.[547]

Будучи профессором в С. Петербургском университете и специализируясь в области восточных языков, О. И. Сенковский, тем не менее, проявлял большой интерес к скандинавистике. В предисловии к своему переводу «Эймундовой саги» он подчеркнул важность сведений по истории Древней Руси, содержащихся в свидетельствах этого эпоса. Позднее известный историк М. П. Погодин (1800-1875, с 1841 г. - академик) в статье «О северных сагах» поддержал точку зрения О. И. Сенковского, отметив, что содержание исландских саг важно для русской истории, поскольку они хотя и не являются строго историческими источниками, все же передают колорит и дух взаимоотношений Руси и Скандинавии.[548]

Следует также отметить, что в середине 1830-х годов по инициативе О. И. Сенковского была открыта народная подписка, а собранные средства были переданы копенгагенскому «Обществу для изучения древнего Севера» на публикацию русских Известий исландских саг. В начале 1850-х годов издание увидело свет.[549]

Как известно, большинство рукописных оригиналов древних исландских саг хранится в собраниях Исландии, Дании и других скандинавских стран. Но, несмотря на географическую отдаленность Исландии от России, в первой половине XIX века один из списков исландской саги был привезен в Санкт-Петербург. Речь идет о бумажном списке «Саги о Стурлунгах» - по-видимому, единственной исландской рукописи, хранящейся в нашей стране. Ее первый владелец - генерал-инженер П. К. Сухтелен (1751-1836) - с 1809 г. был русским послом в Швеции. Он собрал огромное количество автографов и памятников, среди них и рукопись «Саги о Стурлунгах».

Текст этой саги восходит к XVII веку, вероятно, к 1630 г. Она содержит, в частности, т.н. «Сагу об Ауртни», разделенную в рукописи на 80 глав. Известно, что 80-ая глава была добавлена к этой саге видным церковным исландским деятелем Йоуном Арасоном. Рукопись из собрания Сухтелена была переписана в 1724 г., и до 1811 г. находилась в Исландии. Сухтелен приобрел ее в Стокгольме в 1814 г.; после смерти Сухтелена в 1836 г. вся его коллекция, в том числе и наша рукопись, была передана Публичной библиотеке в Петербурге, где и хранится до настоящего времени[550].

Памятники древнеисландской литературы становились известными в России все шире. Большая заслуга в этом процессе принадлежит еще одному отечественному исследователю - Якову Карловичу Гроту (1812-1893, с 1840 г. - профессор Гельсингфорского университета). В России он был первым, кто обратил внимание на древнеисландские литературные памятники мирового значения - Эдды. Как сообщал сам Я. К. Грот, «главными и самыми драгоценными хранилищами скандинавской поэзии служат два сборника, две так называемые Эдды. Одна из них - это сборник преданий и повествований исторического содержания; предание еще с XIV века приписывает составление этого сборника священнику Семуну Сигфуссону, прозванному в Исландии «ученым» или «мудрым» и умершему в

первой половине XII столетия. Эта книга называется Старой (Старшей - авт.) Эддой. Старая Эдда долгое время оставалась в забвении и была обнаружена в XVII веке, когда многие исландские ученые обратились к поискам старинных рукописей».[551]

В 1643 г. епископ Бриниольф Свендсен открыл пергаменный манускрипт, содержащий большую часть Старшей Эдды; впоследствии были обнаружены дополнительные фрагменты этого сборника. Другой сборник древних преданий и исторических повествований - так называемая Новая Эдда, принадлежит перу исландского историка Снорри Стурлусона (первая половина книги). Вторая часть Новой Эдды принадлежит его племяннику Олафу Тордарсену.[552] «У нас в России, - писал Я. К. Грот в 1839 г., - Эдды еще очень мало известны. Нельзя при этом случае не пожалеть, что исландская литература - предмет столь важный для изучения древнего скандинавского Севера и по тому самому столь занимательный для нас, не нашла еще в нашем отечестве никого, кто бы посвятил ей свои труды».[553]

До сих пор речь шла о том вкладе в историю русско-скандинавских отношений, который был сделан светскими представителями русских научных кругов. Важное место в этой области принадлежит и выпускнику С.Петербургской Духовной Академии протоиерею Стефану Сабинину. Стефан Карпович Сабинин (1789-1863) был сыном бедного дьячка; воспитанный в Воронежской семинарии, он в 1817 г. поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Вскоре после окончания Академии, в 1823 г. С. Сабинин был назначен священником русской миссии в Копенгагене, где прожил до 1837 г. Оттуда он был переведен в Веймар, где и оставался до самой смерти. Прот. С. Сабинин был один из образованнейших людей своего времени, ученым богословом, историком и филологом. Он состоял членом-корреспондентом императорского Общества истории и древностей российских, Мекленбургского Союза истории и древностей, Копенгагенского Общества северных антиквариев. Можно предположить, что жизнь в Дании, встречи с членами Общества северных антиквариев способствовали тому, что прот. С. Сабинин заинтересовался исландским языком. Он считал, что изучение исландского языка прольет свет на прошлое русского народа и русского языка. «Кто из молодых людей, посвятивших себя исследованию Российских древностей и изучению Российской истории, особенно древней, не посвятит себя на изучение языка исландского?» - писал прот. С.Сабинин в предисловии к «Грамматике исландского языка», им же самим и составленной (СПб., 1851).[554] Он даже намеревался, как он сам писал в письме к М. П. Погодину (от 20 июня 1840 г.), создать работу под названием «О сродстве исландского языка и скандинавских диалектов его с языком российским».[555]

Владея исландским языком, прот. С. Сабинин в 1840 г. перевел некоторые главы из саги, повествующей о короле Олафе Тригвиссоне (995-1000), просветителе Норвегии, при котором Исландия приняла христианство.[556] Отечественный исследователь отметил в этих материалах, содержащих большое число упоминаний о Руси и русско-скандинавских связях, стремление нарисовать достоверную картину жизни минувших поколений в значительной мере художественными средствами. «Есть у меня еще несколько извлечений из саг исландских, которые более или менее касаются древней истории

России, - писал прот. С. Сабинин в письме из Веймара от 20 июня 1840 г. - В законах Скандинавии встречал я законы древние русские, как то в законах Канута Великого, Edit. Kolderup-Kosenvinge, 1824... Там, например, закон о наказании прелюбодеев и прелюбодейц слово в слово сходен с подобным же законом в уставе Владимира Великого».[557]

Нужно учесть, что прот. С. Сабинин сделал далеко не все, что мог бы. «Перемещение меня из Копенгагена в Веймар, - писал он М. П. Погодину, - лишило меня возможности заниматься исландской литературой так, как бы мне хотелось. До манускриптов исландских... едва ли доберусь когда-нибудь».[558]

Важной вехой в истории русско-скандинавских связей явилось основание в России в 1845 г. журнала «Финский вестник», в котором, в частности, публиковались статьи об истории христианства в Исландии. Так, в 1845 г. в «Финском вестнике» появилось несколько публикаций на эту тему. Первая из них явилась переводом сочинения Генриха Выйтона «История северных народов», напечатанного в 1831 г. в Лондоне. Главным источником его «Истории» служили труды норвежских, шведских и датских историков, и в особенности сочинение Снорри Стурлусона, написанное на исландском языке.

В «Финском вестнике» перевод «Истории», содержавшей, в частности, сведения о христианизации Исландии, появился под названием «Исторические известия об открытиях древних скандинавов».[559] В статье отмечалось, что «первый миссионер христианский был приведен в Исландию в 981 году, Торвальдом, сыном корсара; Торвальд, получив крещение на берегах Эльбы, от немецкого священника по имени Фредерик, уговорил этого миссионера отправиться с ним в его отечество. Усилия проповедника сначала были безуспешны, но потом ему принесли помощь другие миссионеры, присланные королем норвежским, который, введя в свое государство новую религию, хотел ее распространить и в многочисленных норвежских колониях».[560]

В связи с изучением процесса христианизации Исландии, представляет интерес статья П. Дингельштедта «Литература Исландии», опубликованная в V-м томе «Финского вестника» за 1845 год[561], а также статья П. Дингельштедта «О древнем здании в Нью-Порте» - об исландских миссионерах XII столетия, которые достигли берегов американского континента.[562]

В 1850-1580-х гг. начался новый период русско-исландских отношений. Научное изучение древней исландской литературы стало систематическим (работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского и др.). В это время выходили многочисленные переводы исследований скандинавских авторов. В одном из них, принадлежавшем перу Фредерика Винкеля Горна «История скандинавской литературы» (М., 1894), есть глава под названием «Древнескандинавско-исландская литература».[563] В ней, в частности, говорится о том, что в исландском песнетворчестве XIII - XV веков существовали песни религиозного содержания - хвалебные гимны, посвященные Христу, Деве Марии и святым. А в XV веке появились так называемые «rima» - вид скандинавской народной песни; многие из них также имели религиозное содержание. Так, древнейшая дошедшая до нас рима (Olafsrima), относится ко второй половине XIV века и повествует о св. Олафе - короле Норвегии (1016-1029 гг.),[564] который содействовал

христианизации страны; в 1164 г. он был причислен к лику святых и объявлен покровителем Норвегии.

В конце Х1Х – начале ХХ в. в русских литературных кругах усилился интерес к Исландии. Константин Бальмонт посвятил этой стране такие строки:

Валуны и равнины, залитые лавой,
Сонмы глетчеров, брызги горячих ключей.
Скалы, полные грусти своей величавой,
Убеленные холодом бледных лучей.

Тени чахлых деревьев и море… О, море!
Волны, пена и чайки, пустыня воды!
Здесь забытые скальды на влажном просторе
Пели песни при свете вечерней звезды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
С именами железными, духи морей,
От ветров получили суровые чары
Для угрюмой, томительной песни своей.

И в строках перепевных доныне хранится
Ропот бури и гром, и ворчанье волны, -
В них кричит альбатрос, длиннокрылая птица,
Из воздушной, из мертвой, из вольной страны.[565]

«К. Д. Бальмонт много путешествовал, изъездил весь мир, был в Египте, в Мексике, на Тихом океане и еще во многих других местах, - писал В. Я. Брюсов. – Все земли, где он побывал, Бальмонт описывал в стихах и в прозе. Но живее всего он описал страну, в которой никогда не был - Исландию».[566]

В начале ХХ-го столетия публикации по истории русско-исландских отношений были продолжены. В 1903 г. в Петербурге был издан сборник «Древнесеверные саги и песни скальдов в переводах русских писателей» (вып. XXV, СПб., 1903). А в 1917 г. в переводе и с комментариями С. Свириденко была издана первая часть Старшей Эдды - замечательного памятника древнеисландского эпоса. Этим трудом как бы завершился довольно длительный процесс заочного знакомства отечественных исследователей с Исландией и ее церковно-историческим наследием.

В новейшее время важный вклад в развитие русско-исландских связей внес крупный отечественный исследователь М. И. Стеблин-Каменский, опубликовавший ряд монографий о литературных источниках по истории Скандинавии. Он явился основателем целого направления в отечественной скандинавистике, и его последователи успешно продолжают разрабатывать темы, имеющие отношение и к русско-исландским связям.[567]

Важным этапом в развитии русско-исландских церковных связей стал 1956 г. Осенью этого года по приглашению Московской Патриархии в нашей стране находился глава Церкви Исландии епископ Асмундур Гудмундсон. Он посетил Россию для ознакомления с местной церковной жизнью и установления контактов с деятелями Русской Православной Церкви. Епископ Асмундур Гудмундсон посетил Москву, Ленинград, Киев, побывал в Троице-Сергиевой Лавре и Московской Духовной Академии. В Москве он был принят митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем (Ярушевичем).

Связи между деятелями Русской Православной и Исландской Евангелическо-Лютеранской Церквей продолжались и в дальнейшем. В мае 1959 г. епископ Асмундур Гудмундсон направил в дар Русской Православной Церкви факсимильное издание Исландской Библии, изданной первоначально в 1584 г. епископом Гудбрандуром Торлаксоном. Этот дар сопровождался письмом на имя митрополита Николая (Ярушевича). В ответном письме митрополит Николай поблагодарил епископа Асмундура Гудмундсона за этот дар - Библию, изданную в средневековой Исландии - отметив, что «эта древняя книга с вечно живым, благодатным содержанием является святыней нашей веры и говорит одинаково на всех языках о богатстве милости и неиссякаемой любви Бога к человеку».[568]

В 1977 г. в одном из московских поэтических сборников, посвященных странам Европы, было опубликовано стихотворение исландского поэта Маттиаса Йохумссона (1835-1920) «Гимн тысячелетию Исландии». Удивительно то, что эти строки смогли пройти через сито тогдашней атеистической цензуры:

О, Бог земли, земли Господь! –
Мы имя святое, святое поем.
Вкруг солнца горят легионы веков
В ореоле небесном Твоем.
И день для Тебя – будто тысяча лет,
И тысяча лет – будто день,
И вечность – в холодной росе первоцвет –
Пред Богом ничтожная тень.
Исландии тысяча лет! –
Но и вечность – в холодной росе первоцвет –
Перед Богом ничтожная тень.

Помилуй, Боже, и прими
Как жертву молитву, молитву сердец,
Тобою горящих века и века,
Наш Господь, наш Творец и Отец.
Тебя славословим мы тысячу лет,
Ибо Ты сохранил нас в веках,
Тебя славословим и чтим Твой завет,
Ибо жизнь наша в Божьих руках.
Исландии тысяча лет! –
Но и это всего лишь холодный рассвет,
Первый солнечный луч в облаках.

О, Бог земли, земли Господь!
Мы тленны и слабы, как слабы цветы,
Мы вянем, утратив Твой дух и Твой свет,
Нас от тленья спасаешь лишь Ты.
О, пошли нам поутру живительный свет,
В полдень – силы, чтоб жить и цвести,
А под вечер – Твой мир, и любовь, и привет,
Да исправятся наши пути!
Исландии тысяча лет! –
Осуши наши слезы, пошли нам рассвет,
Укажи в Царство Божье пути.[569]

Следует также сказать о начавшемся осенью 1981 г. всеправославно-лютеранском диалоге. Весьма знаменательно, что одно из заседаний межправославной богословской комиссии по подготовке этого диалога, куда входили и представители Русской Православной Церкви, проходило в Исландии (Скальхолт, сентябрь 1980 г.).[570] В Рейкьявике члены православной делегации имели встречу с главой Евангелическо-Лютеранской Церкви Исландии епископом Сигурбьерном Эйнарссоном, а также совершили Божественную литургию в лютеранском кафедральном соборе столицы. По окончании работы межправославной комиссии членам делегации Русской Православной Церкви была оказана особая любезность, и они смогли посетить древний церковный центр Северной Исландии - Хоулар, где имели встречу с пастором Аугустом Сигурдсоном, а затем посетили место погребения национального исландского героя - епископа Йоуна Арасона (ум. в 1550 г.), боровшегося против датского вторжения в Исландию в XVI веке.

20 апреля 2002 г. в Московском Свято- Даниловом монастыре состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия П-го с президентом Исландии Олафуром Рагнаром Гримссоном. Приветствуя гостя, Предстоятель Русской православной Церкви отметил, что у России и Исландии схожая история: на развитие обеих стран огромное влияние оказало принятие в X веке христианства. Во время аудиенции была достигнута договоренность о том, что в Рейкьявике будет возведена постоянно действующая православная церковь. (В 2001 г., по просьбе россиян, проживающих в этой стране, Священный Синод принял решение об организации православного прихода). При этом Патриарх Алексий П подчеркнул, что православные священнослужители не будут заниматься прозелитизмом среди местного населения в Исландии, а будут знакомить исландцев с культурно-исторической жизнью российского народа и традициями Православия. «Надеемся, что вопросы о выделении земли для строительства храма и жилища священников с Вашей помощью будут решены», - сказал Алексий П президенту.[571]

Патриарх отметил, что присутствие русского прихода в Исландии поможет налаживанию сотрудничества с Лютеранской Церковью. По его словам, в последнее время в Исландии обосновалось много наших соотечественников, и по их просьбе в 2001 г. в Рейкьявике был образован приход Русской Православной Церкви. Патриарх поблагодарил президента и все государственные структуры Исландии за то, что «наш приход получил право юридического лица». Он также напомнил, что становлению отношений между двумя странами во многом способствовало принятие христианства, которое произошло на Руси и в Исландии почти одновременно – в X веке. Подавляющее большинство граждан наших стран исповедует христианство, подчеркнул Патриарх. «Нас также сближает память о том, что скандинавские племена, согласно древним летописям, стояли у истоков и русского и исландского государств, - отметил Алексий П. – Легендарные правители Киева Аскольд и Дир были первыми христианами, которые изначально прибыли на Русь из Скандинавии»[572].

Русская Православная и Исландская Евангелическо-Лютеранская Церкви осуществляют свое служение в различных условиях, в странах, расположенных на далеком расстоянии друг от друга. Но из настоящего краткого обзора видно, что издревле они были связаны многими нитями церковного и культурно-исторического характера. Можно надеяться, что в будущем эти связи станут еще более тесными, и большое место в этом процессе принадлежит взаимным визитам представителей обеих Церквей

С.Е.Ивлева

«ОЧЕРКИ ПЕРОМ И КАРАНДАШОМ ИЗ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ В 1857-1860-Х ГОДАХ» АЛЕКСЕЯ ВЫШЕСЛАВЦЕВА В РОССИИ И В ДАНИИ (К ИСТОРИИ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ 1860-Х ГОДОВ)

В 1863 г. в Копенгагене вышла книга «Столица Японии и японцы…»[573]. Конечно, в этом не было ничего необычного, рассказы о путешествиях в экзотические страны (а Япония была тогда страной, несомненно, экзотической) любили читать в Европе. Интерес вызывал подзаголовок - «Записки русского путешественника». Книга была переводом главы из издания, за год до этого опубликованного в России, - сочинения Алексея Вышеславцева «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857-1860 – х годах». О знаменитом русском путешествии благодаря книге, вышедшей в Копенгагене, стало известно и в Дании.

Странно порой может сложиться судьба изданий. Некоторые сразу и навсегда остаются в поле зрения читателей. Другие же незаслуженно забываются и становятся, в основном, предметом интереса ученых или любителей-библиофилов. Сочинение Алексея Владимировича Вышеславцева «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» после выхода в свет современники сравнивали с «Фрегатом Паллада» Гончарова. Потом другие работы Вышеславцева затмили популярность «Очерков…», книга была занесена в разряд географических сочинений и почти забыта. А между тем, это одно из самых любопытных изданий 60-х годов XIX века, как по содержанию, так и по художественному его оформлению.

Создатель «Очерков…» Алексей Владимирович Вышеславцев стал известен, прежде всего, как автор трудов по истории итальянского искусства. «Джотто и Джоттисты», «Искусство Италии XV века. Флоренция», «Умбрия и школа живописи Северной Италии», «Рафаэль»- без этих работ Вышеславцева и сегодня не обходятся исследователи искусства Возрождения. Между тем, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона про него было написано: «путешественник». Действительно, изучая памятники искусства, Вышеславцев многократно бывал в Италии, Греции на Кавказе. Но настоящим путешественником Алексей Владимирович стал задолго до написания первой книги по истории живописи. Выпускник медицинского факультета Московского университета, он начал службу в 1854 г. врачом Полтавского пехотного полка, участвовал в обороне Севастополя (находился во время осады при Камчатском редуте у Малахова кургана). После войны Вышеславцев был переведен на Балтику, в Кронштадт, врачом 23 флотского экипажа. Из Кронштадта 19 сентября 1857 г., в составе отряда кораблей под командованием капитана I ранга Д.И.Кузнецова, на клипере «Пластун», где он состоял врачом, Вышеславцев отправился в дальнее путешествие. Поход был примечательный. Это было одно из первых долгих плаваний отряда винтовых судов – новейшего достижения современного судостроения – к устью Амура. Целью экспедиции стало посещение нашего прибрежья на Тихом океане и «акклиматизация русского флага в японских и китайских пристанях».[574] Вышеславцеву повезло

участвовать в насыщенном, по морским меркам завидном предприятии. На клипер «Пластун» он обогнул мыс Доброй Надежды, побывал на Атлантических островах, в Сингапуре, Гонконге, во многих бухтах обустраемого Амурского края. Целый год клипер провел в японских водах. По пути домой, в составе эскадры адмирала А.А.Попова, Вышеславцев увидел Полинезию, прошел Магелланов пролив, побывал в Южной Америке, на пути домой вторично пересек Атлантический океан. Во время длительного путешествия корабль не раз попадал в обстоятельства чрезвычайные. Клипер «Пластун» пережил не один серьезный шторм, расставания и встречу с другими кораблями эскадры, долгое одиночное плавание. С борта корвета «Новик» (на него Вышеславцев был переведен в Монтевидео), в нескольких днях пути от родных берегов Вышеславцев видел взрыв клипера «Пластун» и гибель товарищей. Наконец, в августе 1860 г., после трехлетнего отсутствия, Вышеславцев возвратился в Кронштадт, совершив полное кругосветное плавание. Такова событийная сторона путешествия.

Долгое морское плавание – испытание не из легких. Непрерывная борьба с опасностями, недели и месяцы в утомительно-однобразной пустыне океана располагали к фиксации впечатлений. Из дальних портов, куда заходил «Пластун» Вышеславцев посылал в редакцию журнала «Русский вестник» заметки, представленные в форме писем. Отдельные главы будущей книги: «Мыс Доброй Надежды», «Атлантический океан», «Малайское море», «Гонконг», «Из Эддо» с ноября 1858 г. до конца 1860 г. печатали в журнале с пометками: «клипер «Пластун». В течение всего путешествия Вышеславцев зарисовывал наиболее интересные места, типы жителей разных стран, этнографические особенности их быта[575], проявляя «…неутомимую деятельность и безграничную любознательность…всюду старался побывать, все видеть».[576] Эти любительские рисунки стали художественным дневником путешествия и отразили трехлетний путь экспедиции. А.А.Сидоров, признанный авторитет в изучении рисунка и иллюстрированной книги, особо отмечал большое культурное значение путевых рисунков русских путешественников, их важность для развития искусства и науки. Без этих, может быть не всегда профессиональных, но всегда тщательных, этнографически подробных и неизменно доброжелательных к жителям экзотических стран зарисовок, трудно было бы представить неизвестные края, изучать жизнь и быт их народов.

Накопленные за время путешествия материалы легли в основу книги, которую Вышеславцев подготовил довольно быстро (за год с небольшим). Издателем выступило Морское Министерство. И не только потому, что Вышеславцев служил по Морскому ведомству. Морское министерство всегда придавало особое значение изданию материалов русских морских экспедиций, утверждению нашего научного приоритета в исследование новых земель, морей, островов, изучению жизни разных народов. С начала XIX века до конца 40-х годов было издано немало книг-отчетов русских мореплавателей о кругосветных и полукругосветных плаваниях или исследований отдельных морей.[577] Большинство из них печаталось в типографии Морского министерства (Морской типографии).

Как правило, книги эти совмещали публикацию официальных инструкций Адмиралтейства командирам кораблей, научные материалы гидрографических и астрономических наблюдений с живым

литературным описанием экзотических стран и народов, их быта и обычаев. Многие издания сопровождались иллюстрациями в тексте или отдельно изданными «Атласами» к путешествиям. «Атласы» представляли собой отдельные сброшюрованные листы, на которых были гравированы, с рисунков художников или натуралистов экспедиций, типы жителей разных стран, островов в их традиционной одежде, сцены быта, экзотическая флора и фауна. Гравировали «Атласы» («Атласы» к путешествиям Г.Сарычева, И.Крузенштерна, Ю.Лисянского, Ф.Беллинсгаузена и др.), как правило, известные художники-граверы.

В 50– е годы XIX века, в силу разных обстоятельств, подобные книги практически не издавались. Книга Вышеславцева должна была, после более чем десятилетнего перерыва, продолжить традицию публикаций материалов русских морских экспедиций. Особой удачей стало то, что Вышеславцев был фактически и бытописателем, и художником похода. Текстовая часть, большей частью уже представленная в журнале в форме писем, была для книги обработана в виде очерков. Рисунки Вышеславцева должны были стать иллюстрациями, составить своеобразный «Атлас» к путешествию. Полиграфическое оформление издания было задумано осуществить на самом высоком уровне. Текст книги напечатала типография Морского министерства. Иллюстрации к изданию было решено печатать не в собственной литографской мастерской Морской типографии (хотя качество производимых в ней работ было очень высокое), а в одном из лучших литографских заведений Петербурга в - литографии Поля Пети. Литографии, выполненные в этом заведении, были образцовыми по своим художественным качествам, и обращение к заведению Поля Пети свидетельствовало о желании издать книгу высокого художественного достоинства.

«Очерки...» вышли из печати в конце 1862 г. и были сразу замечены заинтересованными читателями.[578] Журнал «Морской сборник» посвятил книге Вышеславцева пространную статью. Особо было отмечено, что в лучших традициях русской «морской» книги Вышеславцев старался придать своему труду не только литературный, но и научно-познавательный характер. «Рядом с поэтическими описаниями картин тропической природы…»- писал журнал - «…вы находите главнейшие исторические сведения о странах, им посещенных,…и все это рассказано просто…живым, увлекательным языком».[579] Исторические эпизоды соединены у автора с рассказом о жизни, быте и нравах разных народов. Вышеславцев первым так подробно познакомил русскую публику с Мысом Доброй Надежды и ее жителями, рассказал о национальной пестроте Сингапура, о коренных обитателях Таите и Южной Америке. Очень подробно и заинтересованно описал Вышеславцев Японию. Пожалуй, первым из русских авторов, обратил он внимание на высокое достоинство традиционного японского искусства. «Очерки» господина Вышеславцева…»- отмечал «Морской сборник»- «замечательное явление в нашей литературе».[580]

Не менее примечательным получилось и художественное оформление издания. Текст книги был напечатан красиво, четким шрифтом на прекрасной веленевой бумаге. Размер издания в 8 (большую) долю листа позволял гармонично организовать страницу (с большими отступами для полей), сделать ее

удобной для чтения. Книгу открывала изящная обложка Адольфа Шарлеманя, характерного для изданий 60-х годов комбинированного типа. В обложке совмещались ряд разнообразных персонажей – самых характерных жителей континентов, где побывал Вышеславцев (Азия, Африка, Полинезия, Америка) и забавные сценки с их традиционными занятиями. Далее располагался титульный лист с названием, набранный шрифтом разных гарнитур, что придавало ему большую декоративность.

В тексте находились 27 иллюстраций-вклеек (литографии в два тона). Их с набросков Вышеславцева рисовали на камне ученики пейзажного класса Академии художеств: Иван Шишкин, Василий Верещагин, Александр Гине и Петр Джогин.[581] Иллюстрации были не подписаны. Только на одной (№4) «Мыс Доброй Надежды» в левом нижнем углу стояла подпись «Шишкин».[582] Листы иллюстраций отличались тематическим разнообразием. Это были и привычные для подобных изданий этнографические типы жителей далеких стран: «Мыс Доброй Надежды. Жители», «Индусы. (Жонглеры)», «Гиляки», «Японцы.Эддо», и пейзажные зарисовки: «Остров Вознесенья», «Императорская гавань», «Магелланов пролив», и жанровые сценки: «Сингапур», «Рио-де-Жанейро». Живые и выразительные,[583] иллюстрации запоминались читателям. «Так и кажется, что пришел достать огня в незатейливом очаге японца, окруженного своей семьей…» - писал о листе иллюстраций «Японцы. Хокадате» журнал «Морской сборник».[584]

В целом, в оформлении книги соединились две тенденции. С одной стороны, иллюстрации-вклейки были уже строго связаны с содержанием глав, что было характерно для большинства иллюстрированных изданий 60-х годов. Но они могли стать и листами в отдельном альбоме иллюстраций («Альбоме к путешествию»), что было привычно для изданий о путешествиях предшествующих лет.

Глава из этой замечательной книги, под названием «Столица Японии и японцы», и вышла в 1863 г. в Копенгагене. Возможным инициатором издания и его переводчиком стал участник экспедиции (об этом он сообщал во вступлении), природный датчанин, лейтенант русского флота, Вильгельм Карстерсен. В 1856 г. датский офицер Карстерсен был принят на русскую службу и на корвете «Воевода» (с 1857 по 1860 год) участвовал в том же, что и Алексей Вышеславцев кругосветном походе. В Кронштадт лейтенант Карстенсен и доктор Вышеславцев возвратились вместе на корвете «Новик».[585] За поход Вильгельм Карстерсен был награжден орденом Станислава 3-й степени. В 1861 г. он вышел в отставку, продолжал дружески общаться с Вышеславцевым и наблюдал за его работай над «Очерками…». После выхода сочинения Вышеславцева в России, Вильгельм Карстенсен решил познакомить с ним и своих соотечественников. Ему хотелось, чтобы в Дании знали о русском путешествии, участие в котором принимал и он сам. Для перевода на датский язык была выбрана глава о Японии – одна из самых насыщенных информацией глав книги. События, изложенные в ней, Карстенсен, как очевидец хорошо знал. Он и к себе мог отнести слова, сказанные в предисловии книги о Вышеславцеве: «Длительное пребывание в Японии…дало точное знакомство с народом, который он описывал».[586]Скромное, небольшого формата, с одним черно-белым фронтисписом, изображающим

«Сельское жилище в окрестностях Эддо» (литография), копенгагенское издание Вышеславцева являло любопытный пример русско-датских культурных связей.

В 1867 г. «Очерки…» Вышеславцева переиздал Маврикий Осипович Вольф. Он сохранил структуру книги, расположение иллюстраций, для желающих на выбор предлагалось два варианта художественного переплета. К сожалению, издание Вольфа получилось не таким изысканным, как первое, 1862 г. Кроме того, хотя на титульном листе было указано: «…с 27-ью литографированными рисунками» (печатались в литографской мастерской М.Тюлева), не все иллюстрации первого издания вошли во второе. Так, например, отсутствовал лист с подписью Шишкина.

«Очерки…» 1862 г. издания, судя по каталогом собраний, часто встречались в библиотеках учреждений Морского ведомства, кораблей русского флота. Издание 1867 г. было более распространенным, оно находилось в библиотеках учебных заведений, военных полков и в домашних книжных коллекциях.

«Очерки…» Алексея Вышеславцева стали заметным явлением среди иллюстрированных книг о путешествиях. Об этом свидетельствовало два издания «Очерков» в России и публикация главы «Столица Японии и японцы» в Дании.

А.Педерсен

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДАТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ОТ ПРЕБЫВАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В КОН. XIX – НАЧ. XX В.

В конце XIX - начале XX вв. три известных датских писателя побывали в Санкт-Петербурге и написали о своих впечатлениях. В 1885 г. приезжал Херман Банг, который написал репортаж об этом в газете[1]. В1887 г. ездил в Санкт-Петербург и в Москву с лекциями Георг Брандес. Он опубликовал книгу «Впечатления о России» в 1888 г.[2] В 1907 г. Мартин Андерсен Нексё впервые прибыл в город на борту датского грузового судна, но о своих впечатлениях он написал только в 1945 г., и это, конечно, наложило отпечаток на содержание статьи.[3] Херман Банг приезжал в Россию в 1911 г. Он выступал с чтением своих произведений в Санкт-Петербурге и Москве, он написал о своих впечатлениях о русском театре, в частности нарисовал очень интересные портреты Шаляпина и Станиславского.

В основе интереса этих датчан, а особенно их читателей к России лежало, наверное, элементарное любопытство по поводу весьма драматических политических событий этого периода. Впрочем, увидели они не очень много. Банг пишет:

«Я думаю, что если бы ты в этот момент приехал в Санкт-Петербург, ты испытал бы глубокое разочарование. Из всего того, что ты ожидал увидеть, ты увидел бы очень мало. Не правда ли, когда мы рисуем в своем воображении Неву и Петербург, мы представляем себе самых странных персонажей на улицах: театральных нигилистов; угрюмые, быстро передвигающиеся фигуры; множество полицейских, подкрадывающихся агентов полиции – целую галерею персонажей из всемирной мелодрамы. А вместо всего этого ты увидишь только бедняг- дворников, которые неизменно спят перед каждой дверью в Санкт-Петербурге и следят, чтобы в дом не вошел какой-нибудь нигилист».

Но на более глубоком уровне датские писатели интересовались Петербургом прежде всего как символом сложнейшего процесса модернизации России. В Дании происходил такой же процесс, и вышеупомянутые писатели принимали в нем самое непосредственное участие. Сам Брандес был инициатором и главным действующим лицом так называемого «Прорыва» в литературе, который он начал своими лекциями о главных течениях в европейской литературе XIX в. в 1871 г.

Херман Банг был на несколько лет моложе Брандеса. Он стал одним из лучших писателей «Прорыва» и был готов в 1885 г. осуществить свой прорыв в качестве импрессиониста.

М. Андерсен Нексё – еще на несколько лет моложе – должен был стать ведущей фигурой в одном из тех направлений, которые возникли в литературе после «Прорыва » - в социал-реалистическом.

Если сравнивать с остальной Европой, модернизация Дании шла долго и мучительно, но гораздо менее мучительно, чем модернизация России. Модернизация России осложнялась тем, что просвещенная элита была ничтожно мала по сравнению с колоссальной массой отсталых крестьян. Но

особенной чертой Российской модернизации было очень противоречивое отношение к ней царской власти. С одной стороны, российские императоры, заботясь о благе страны и народа, были за модернизацию, а с другой, они ей противодействовали для того, чтобы не потерять собственной власти. Нигде эти напряженные отношения не выражались так отчетливо, как в Санкт-Петербурге.

Как написал американец Маршал Берман в знаменитой книге «Все твердое испаряется в воздух»[4], Санкт-Петербург был в течение всего XIX в. самым ярким воплощением современности в России. Санкт-Петербург был придуман и основан по образцу Европы – полностью современным городом, окном России в Европу, как это метко было сформулировано знаменитой фразой, увековеченной Пушкиным. И еще одной «супермодернистской» чертой у Петербурга было то, что город был основан для того, чтобы расправиться с господством Москвы, т.е. поставить точку в истории традиционной России и начать новую историю.

Но одновременно с этим факт строительства Петербурга являлся экстремальным выражением деспотической системы традиционной России, так как заставить осуществлять строительный проект таких масштабов мог только государь с такой абсолютной властью, которая была у русского царя. Это противоречие между царской властью и модернизацией прослеживается красной нитью через всю историю Петербурга вплоть до Октябрьской революции. В русской литературе XIX в. оно изображалось как напряженные отношения между царской властью и Невским проспектом - символом разрастающегося гражданского общества.

Эти тяжелые условия модернизации России отчетливо отражаются в описаниях датских писателей.

Херман Банг был не только писателем, но и выдающимся журналистом и автором путевых очерков, который умел несколькими штрихами нарисовать целое общество, целую страну. Центральное положение в его описании Петербурга занимает контраст между традиционной Святой Русью и Невским проспектом - воплощением современности в Санкт-Петербурге. Всюду пахнет ладаном, пишет он, этот запах впитался в одежды извозчиков. Когда дышишь, неизбежно вдыхаешь этот дым. И куда ни глянешь, везде иконы, а извозчик, проезжая мимо, обязательно поклонится образу, расписанному золотом. Чувствуется, что Банг воспринимает эту религиозность скорее как духовное затмение, как идолопоклонство. В два часа ночи, наоборот, Невский проспект освещен как средь бела дня, и здесь разыгрывается самая современная ночная жизнь большого города, которую только можно вообразить. «В открытых экипажах закутанные в меха дамы полусвета едут в ночные рестораны, в то время как настоящие дамы в стеклянных каретах едут домой после званого ужина».

У Банга всё в сильном движении, лошади скачут и поднимаются на дыбы перед экипажами, всё вырисовывается в ярких красных тонах при резком белом свете уличного освещения. Но эта оживленность, все это движение никуда не ведет, поскольку Санкт-Петербург во всем подчиняется воли деспота-царя. Банг пишет: «Я думаю, что если бы ты приехал в царский город, он прежде всего произвел бы на тебя впечатление своей массой, количеством камней. Грандиозные пропорции

поражают, это не дворцы, а дворцовообразная масса, каменные чудовища, часто некрасивые, всегда громадные. Санкт-Петербург – это город всего колоссального». И поэтому Банг заключает: «Это производит большое впечатление, но радости это не внушает. Санкт-Петербург – красота без души. Полицейское правление царя выжило душу из его столицы»

Херман Банг был писателем-натуралистом, и в его описании Санкт-Петербурга виден детерминизм и пессимизм, характерный натурализму. Любопытно, что Банг сделал описание Санкт-Петербурга, которое довольно сильно напоминает описания людей его поколения, сделанные им и другими писателями-натуралистами. Эти люди выросли в переломное время столкновения традиции и модернизации, без успеха пытались вырваться из авторитета отцов. Для того, чтобы освободиться от темного религиозного наследства, они предавались пустым ночным развлечениям, только для того, чтобы в конце концов покориться судьбе и забыть о настоящем освобождении.

В это время Банг как раз стоял перед собственным прорывом в качестве писателя-импрессиониста («У дороги» 1886), что отражается в огромной чувственности его описания запахов, звуков, красок, движения – всей этой массы ощущений, которая так ярко показывает эстетическое мастерство Хермана Банга.

Георг Брандес описал Санкт-Петербург не так четко и выразительно как Банг. Брандес был не писателем, а литератором, у него была в распоряжении целая книга, в то время как у Банга была только одна колонка в газете.В общем, в описании Брандеса имеются те же элементы, что и у Банга. Например, о величине и искусственном происхождении города говорится: «Санкт-Петербург - это огромный, пересеченный каналами и реками город, построенный на болоте, окруженный пустыней. Искусственный город, который не имеет своего естественного окружения, а живет в основном за счет военных и чиновников, хотя в последнее время промышленность и торговля значительно выросли. Нездоровый город, в котором, как, впрочем и в исторической столице страны, смертность настолько превышает рождаемость, что численность населения падает на несколько тысяч в год, и население вымерло бы совсем, если бы не было постоянного притока переселенцев. Полуграмотный город, где 300.000 из 900.000 жителей до сих пор не умеют читать. Чудесный город, наконец, грандиозный в своем наполовину европейском, наполовину варварском великолепии».

Брандес тоже заметил, что извозчики крестятся перед каждой иконой и часовней на пути. Но он не жалуется на запах ладана, а только констатирует, что извозчики это делают по привычке, что они не настолько благочестивы, как кажется: пока извозчик крестится правой рукой, он левой почесывает спину.

На самом деле, самая большая разница между описаниями Банга и Брандеса состоит в том, что Брандес приводит своего читателя на Невский проспект днем – причем ярким, солнечным днем ранней весны: «Это настоящее зрелище большого города, Невский проспект под ярким солнцем, три – четыре ряда колясок, двигающиеся в необозримом порядке. В колясках элегантные женщины и мужчины. На тротуарах люди из менее состоятельных слоев населения, закутанные как куклы женщины прячутся от

холода, которого уже почти нет, очевидно, полностью лишенные способности одеваться так, чтобы одежда украшала их».

Здесь мы видим яркую картину, далекую от образа лихорадочного ночного Невского в искусственном освещении, который мы видели у Банга. Вполне вероятно, что Брандес читал статью Банга и сознательно отстранился от нее. Брандес не любил Банга. Может быть, его отношение к Бангу повлияло на его восприятие России, во всяком случае Брандес видел в России нечто другое, чем Банг.

Брандес не был натуралистом, хотя можно сказать, что именно он познакомил датскую публику с натурализмом. Брандес был сторонником позитивизма, он верил в естественные науки, и он, первый из всех, создал условия для прорыва реалистической литературы в Дании. Ему принадлежит знаменитое кредо, что литература должна «ставить проблемы на обсуждение». Но он не любил натурализм, и он не мог примириться с его детерминистским и поэтому пессимистическим восприятием человека. Брандес верил – что кажется немного парадоксальным – в развитие человеческого духа. Основная идея его большого произведения «Основные течения в литературе XIX века», - показать как дух XIX в. воплощается постепенно в течение столетия в идею о свободе. А это именно то, что он видел в России – развитие современной идеи свободы. Именно это выражается в его восприятии Невского проспекта. Там, где мы у Банга видели ночную жизнь и пусть сильное, но беспорядочное движение, у Брандеса мы видим практически весь народ в спокойном движении вперед под ярким солнцем разума. «Свет для народа – наша цель», как писал Якобсен.

Естественно, Брандес не мог не видеть и политического угнетения, так красочно описанного Бангом. Но он видел и другое. Брандес думал, что очень сильное политическое угнетение того времени было довольно новым явлением, которое существовало только в последние 25 лет, с тех пор как не увенчались успехом реформы Александра II. А в общем, писал Брандес, «в России свобода – это старое явление, а рабство – новое». И Брандес указывает на примеры. Самый древний свод русских законов «Русская Правда» не знает телесных наказаний, крепостное право ввели только в XVI в. и т.д. Кроме этого, Брандес говорит, что у русских – по крайней мере у русской элиты – есть фундаментальная предрасположенность к модернизации. Этот вывод следует – по мнению Брандеса - из двух фактов.

1. Интересы русских направлены в настоящее и будущее, а не в прошлое. «У русской интеллигенции чувство истории - явно слабое», пишет Брандес. Это, конечно, результат расправы Петра I с традицией.

2. Одной из самых характерных черт русских является реализм. Брандес пишет: «Русские поражают иностранца своим реализмом и практичным, позитивным взглядом на реальность, которые сделали их великим народом, побеждающим в борьбе за жизнь».

В качестве примера Брандес сравнивает польского аристократа с русским. Поляк – романтик, он презирает работу, его больше всего интересуют католическая церковь и былое величие исторической Польши. Русский же – практик и материалист, он родился не имея состояния и хочет стать богатым – очень богатым! Он учился на инженера в Германии, сначала работал на других, потом устроил свою

фирму, в 40 лет он уже миллионер. Но он еще и талантливый математик, интересуется современной музыкой, а глубоко в душе он – идеалист, для которого «Что делать?» Чернышевского – это библия.

Сам Брандес был космополитом, атеистом, интеллектуалом-аристократом. Ему пришлось много лет бороться за место в копенгагенском университете, его преследовал консервативный эстеблишмент. Брандесу легко было в просвещенной русской элите видеть самого себя и сочувствовать ее борьбе с политическим угнетением и духовным затмением.

В некоторых местах Брандес сравнивает русский и датский характер – и не в пользу датчан. О «широкой и гордой откровенности» русских, например, он говорит: « И за этой откровенностью лежит чувство, которое, кажется, самым чуждым для скандинавов, это – ужас и отвращение к лицемерию, это гордость, которая выражается в беспечности – она так непохожа на натянутость англичан, осторожность французов, сословное чванство немцев и вздорность датчан».

Но, конечно, Брандес, как и Банг, проектирует свои собственные убеждения на картину России. Для него характерно, что западники ему гораздо ближе, чем славянофилы и что его главные интеллектуальные герои – это Герцен и Чернышевский.

Еще один любопытный факт. В своем описании города Брандес ничего не пишет о Зимнем Дворце, только об уродливом сарае посреди Дворцовой площади, где кучера ночью греются, пока ждут господ. Потому что, говорит Брандес, «он такой же нужный, как Дворец, этот сарай, если не нужнее».

Мартин Андерсен Нексё впервые прибыл в Санкт-Петербург в 1907 г. на борту датского грузового судна, которое должно было отвезти лес в Роттердам. Нексё уже был писателем, он в это время писал «Пелле-Завоевателя» и вряд ли находился на корабле в качестве матроса, хотя он об этом ничего не говорит.

В гавани Санкт-Петербурга он видел потрясающее зрелище. Вниз по реке плыли огромные баржи с лесом, матросы прыгали по ним туда-сюда и были в своих синих и красных рубашках похожи на ожившую клумбу. Нексё все это описывает в духе воспоминаний Горького: «Они свою соленую селедку со смолой не ели, как нам рассказывали в детстве дома. Но хлеб они ели большими ломтями и запивали водкой из пятилитровых бутылок. Они выглядели дикарями с длинными волосами и огромными бородами, но с обросшего лица часто глядели добрые детские глаза».

Но вскоре приходит конец этой идиллии. Матрос с датского корабля тонет, пытаясь спасти ребенка, и начинается борьба с бюрократической Россией. Невозможно получить разрешение на похороны матроса, а пока он не похоронен, корабль стоит. Каждый день приходит какой-нибудь чиновник, которого нужно подкупать, но дело не движется, пока не вмешивается генеральный консул Дании влиятельный купец Григорий Елисеев.

А пока у Нексё есть возможность посмотреть на город, съездить в Петергоф и Царское Село. Однажды вечером два офицера с корабля взяли его с собой на «Острова», где можно было видеть декадентскую ночную жизнь Петербурга, о которой в то время говорили во всей Европе.

«Петербургские «Острова» - это золотые ворота в жизнь. Здесь ставили печать «пригодный» или «непригодный» для большого света», говорит Нексё.

Нексё не понравилось там. Одну из дам легкого поведения он знал еще в Копенгагене, Веру, дочку старьевщика. Ее мать показала Нексё фотографию дочки, и рассказала, что та выходит замуж за русского графа. Это почти трагедия! Друзья назвали реакцию Нексё мещанской, сам же он думает, что это, наверное, в нем протестует пролетарий.

По пути обратно на судно Нексё довелось увидеть, как русский офицер в ярости застрелил извозчика. Толпа была готова убить его, но его спасла полиция. На следующий день рабочие Путиловского завода угрожали забастовкой, если офицера не арестуют. Это главное событие в рассказе Нексё о пребывании в Санкт-Петербурге – он увидел солидарность рабочего класса.

Рассказ Нексё гораздо колоритнее, чем описания Банга и Брандеса. Но он также менее интересен, потому что написан много лет спустя и с определенной поучительной целью. Тем самым, свежие впечатления Нексё превратились в романтику и колорит, он сам это признает: «Я видел старую, добрую Россию с примесью романтической литературы, сильно отличающуюся от Западной Европы и от моего времени! Современной была только забастовка, которая странным образом выделялась на фоне всего остального. Она была современной, значит, более реальной, чем все остальное. И все-таки нереальной на фоне всего другого».

У Нексё историческое противоречие между отсталой и современной Россией отступает на задний план, а на передний план выступает моральное противоречие между «неправильной» Россией, бюрократической, декадентской Россией и «правильной» Россией, пролетарской Советской Россией. Так получилось, конечно, потому что Нексё писал о своих впечатлениях только много лет спустя.

Поэтому можно думать, что самое интересное в описании Нексё – это то, о чем он не пишет. Характерно, например, что Нексё почти ничего не пишет о Невском проспекте. Как уже было сказано, Невский в русской литературе XIX в. служил местом конфронтации между царской властью и разрастающимся гражданским обществом. Банг и Брандес знали об этом, поэтому важно отметить, что они пишут о Невском. Нексё, может быть, это тоже знал, но его не интересует гражданское общество, ему важно показать более декадентские стороны городской жизни, вот почему он пишет об «Островах», а не о Невском проспекте.

Но в 1907 г. Нексё еще не видел «светлого будущего» Советской России, что показывает следующее высказывание: «То, что они (имеется в виду рабочие Путиловского завода) имели социалистическое сознание и, может быть, даже были более солидарны, чем рабочие в других странах, мне не приходило в голову».

Значит, в 1907 г. было не очень ясно, что будущее за «правильной» пролетарской Россией. В 1907 г. Нексё, наверное, видел общество с огромными противоречиями и общество, которое могло развиваться в самых разных направлениях. Было бы интереснее, если бы он написал об этом.

О.А.Кривдина

ВОСПОМИНАНИЯ О СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ СКУЛЬПТОРА Ф. П. ТОЛСТОГО И ПИСАТЕЛЯ Д.В.ГРИГОРОВИЧА

Знаменитый скульптор и медальер граф Федор Петрович Толстой (1783-1873) начал с карьеры морского офицера. Учась в Петербурге в Морском кадетском корпусе, в 1800 г. он совершил свое первое учебное плавание в Швецию. Во время этого плавания он вел дневник – «Журнал кампаний гардемарина гр. Ф. Толстого». Этот «Журнал» в настоящее время хранится в Отделе рукописей Государственного Русского музея[587]. Под названием «В Морском кадетском корпусе» текст «Журнала» был опубликован в 2001 г. в книге «Записки графа Федора Петровича Толстого»[588], благодаря чему интереснейшие воспоминания стали доступны широкой читательской аудитории.

Скандинавские страницы повествуют о небольшой, но очень значительной части биографии Толстого, не освещавшейся в искусствоведческой литературе[589]. Из его записок известно, что в Кронштадте он взошел на борт фрегата «Богоявление», которым командовал капитан первого ранга Ф.В. фон Моллер. 21 июня 1800 г. фрегат вышел в море, а 12 июля прибыл в Стокгольм. Русских гардемарин привезли для знакомства со Швецией, а учащихся шведского кадетского корпуса доставили в Петербург.

Читая записи Толстого, словно совершаешь замечательное путешествие и перемещаешься в начало XIX века. Можно составить яркое впечатление о быте шведов и том, как в то время выглядел Стокгольм. «Погода была прекрасная, совершенно тихая и ясная. Большой залив, на котором стоит Стокгольм, освещенный утренними лучами солнца, был гладок, как зеркало… я увидел на этой гладкой серебристой поверхности огромное множество черных силуэтов крошечных лодочек <…> Вид на город не имеет ничего особенно замечательного и красивого – он плосок, богат водою, видны во многих местах большие здания, между которыми более всего бросается в глаза большое четырехугольное здание королевского дворца, выступающее в залив»[590].

Ярко описывает Толстой свои впечатления от посещения королевского дворца, обладающего художественными галереями. Он отмечает, что они не отличаются знаменитыми живописными и скульптурными произведениями. Как будущий скульптор, он обратил особое внимание на этот вид искусства: «…хорошо большое собрание античных бюстов почти всех римских императоров. Хороша лежачая статуя Эндимиона, раскинувшегося от утомления, Минерва с 9-ю музами, черного мрамора конь, несколько древних ваз <…> Все это размещено в трех или четырех комнатах»[591]. Говоря о бюстах римских императоров, Толстой, видимо, имеет в виду античные произведения, вывезенные Густавом III во время его путешествия в Италию в 1783-1784 гг.

Сильное впечатление произвело на Толстого посещение церкви – усыпальницы шведских королей и кавалеров ордена Серафима, учрежденного в 1260 г. Там в числе государственных гербов он с гордостью заметил российский герб и вензель императрицы Екатерины II. В настоящее время эта готическая церковь в Старом городе на острове Риддархольмен сохраняется как мемориальный

памятник[592]. Весь пол церкви покрыт надгробными плитами (их около 200) разных веков, начиная с конца XIII столетия.

Русских гардемарин привезли для ознакомления в размещавшийся в районе Стокгольма Карлсберг шведский кадетский корпус. Толстого поразила чистота жилых комнат, оформленных картинами с изображениями выигранных шведами сражений. Еще большее удивление он испытал при виде кадет, занимающихся различными ремеслами – столярным, слесарным, резьбой по дереву, переплетным и ружейным мастерством, ювелирными работами. Удивленному Толстому шведский офицер объяснил, что, попав в плен, и «зная хорошо какое-нибудь ремесло, он во всякой стране, куда бы война его ни занесла, может своим искусством и трудом добыть себе содержание до освобождения из плену»[593]. После всего увиденного Толстой сделал вывод: «И как не благоговеть пред правительством, которое старается с самой ранней молодости внушать воспитанникам своих корпусов такие благородные правила»[594].

Отметил Толстой посещение Рыцарского дома, где видел богатейшую коллекцию средневекового оружия. Посетителей встречали 12 конных статуй, убранных в латы разной формы и отделки. Особое внимание он обратил на восковую персону шведского короля Густава III Адольфа (1746-1792). Там же был выставлен ялик, история которого восходит к Петру I, построившему его в Голландии. В другом зале экспонировались подаренные Петром I Карлу XII седло с чепраком, изысканно вышитое по бархату золотом, уздечка и мунштук, усыпанные жемчугом. Заинтересовался Толстой чучелом льва, жившего в кабинете Карла XII, и убитого королем в целях обороны из пистолета. «Рыцарский дом» или здание Дворянского собрания строилось в 1641-1674 гг. по проекту Симона де ла Валле и Х. Вильхельма, ориентировавшихся на итальянский ренессанс и голландское барокко.

Подробно описано посещение загородного королевского дворца в Дроттнингхольме, построенного по проекту архитектора Н. Тессина Старшего в 1662-1681 гг. Здесь находились портреты шведских королей и королев, а также Петра I и Екатерины II. Ряд предметов прикладного искусства был изготовлен в Санкт-Петербурге: гобелен с портретом короля Швеции Густава III, зеркало, выполненное на петербургском стеклянном заводе и подаренное Екатериной II, серебряный чайный прибор и живописные полотна с видами Петербурга. Отдельно выделил Толстой имеющийся в загородном дворце кабинет редкостей, включавший природные экспонаты: редкие раковины, окаменелости. Здесь же его внимание привлекли архитектурные модели, в числе которых модели античных храмов и развалин Помпеи. «Из замка пошли мы в сад, который очень велик и хорош. Погуляв в саду, вошли мы в китайскую беседку, в которой все вещи и убранство – китайское», - писал в своих записях Толстой[595]. Парк Дроттнингхольма соединяет два вида: партерный парк с четкой геометрической композицией и живописный ландшафтный парк (архитектор Ф.-М. Пипер). В 1763 г. в парке был построен по проекту архитектора К.-Ф. Аделькранца «Китайский павильон», описываемый Толстым.

Русские гардемарины провели в Стокгольме 7 дней. В один из дней они побывали на балу. Толстой подробно описал мужские костюмы и женскую одежду. В другой день они посетили театр где,

пьесы исполнялись на шведском языке, и смотрели балет. «Все время, что мы были в Стокгольме, погода была прекрасная, и принимали нас везде ласково и дружелюбно»[596]. 1 сентября фрегат «Богоявление» стал на якорь около Ревеля (Таллинн). 12 сентября «пошли к [г]ельсинфорским шкерам», а с 13 по 16 сентября на катерах плавали в крепость Свеаборг. 2 октября путешественники прибыли в Кронштадт.

Второе плавание Ф.П. Толстого состоялось в Данию и Норвегию на фрегате «Архипелаг» под командою капитана первого ранга Малеева. Из Кронштадта фрегат вышел 20 июня 1801 г. Прошли остров Готланд, расположенный в Балтийском море в 90 км. от шведского берега. Проплыли мимо острова Борнгольм, как отметил Толстой, ставшего известным благодаря описанию Н.М. Карамзина в его очерке «Остров Борнгольм»[597]. Пройдя к острову Зеланд, русский фрегат стал на якорь перед Копенгагеном. Три дня были посвящены знакомству с Копенгагеном. В отличие от сохранившегося журнала, который Толстой вел при посещении Швеции, подробный журнал второго плавания пропал, и Толстой использовал лишь краткие черновые записки. В них он зафиксировал посещения Копенгагенского музея, Академии художеств, публичной библиотеки, зоологического кабинета.

По всему берегу до датского города Хельсингер (Ельсинор), расположенном на острове Зеландия, имелись постоянные и временные укрепления – свидетели недавних сильных боев между Данией и Англией. Далее он пишет: «Ельсинор – очень большая крепость и кругом укрепления и несколько временных батарей. Не помню, сколько дней мы тут простояли, в которые скопилось перед Ельсинором более 200 разной величины купеческих судов, стоящих на якоре в ожидании попутного ветра, как и мы»[598]. Наконец русский фрегат вышел в Северное море, и через несколько дней был в шкерах Бергена. «Вид города нисколько не привлекательный. Он стоит на самом берегу и состоит из очень меленьких каменных домов, несколько церквей и немногих побольше строений, вероятно каких-нибудь заведений»[599]. Во время осмотра Бергена Толстому стало плохо, и его доставили на стоявший здесь русский корабль « Св. Петр», где он лечился от лихорадки. После выздоровления Толстой был перевезен на свой фрегат, отправившийся в конце августа, как и корабль «Св. Петр» в Копенгаген. Таким образом, второе путешествие Толстого в Скандинавские страны, оказалось омрачено его тяжелой болезнью.

30 августа 1801 г. команды корабля и фрегата бурно отмечали день тезоименитства нового российского императора Александра Павловича, в честь которого произвели пальбу полными зарядами с ядрами. «На другой день рано поутру пришел к нам из Копенгагена военный катер, где, услышав пальбу с ядрами с кораблей у шведского берега, подумали, что не завязалась ли у нас какая-нибудь стычка с английскими кораблями, которых еще несколько оставалось в Балтийском море, и его послали узнать о причине пальбы с ядрами»[600]. Штормы надолго задержали плавание: 3 октября 1801 г. фрегат прибыл в Кронштадт.

Из воспоминаний Толстого известно, что во время этих плаваний он делал рисунки – наброски видов городов. К приезду в Петербург в ноябре 1800 г. шведского короля Густава IV Толстой выполнил

рисунок, изображающий Дуотингольмский замок, который было решено преподнести в дар. Однако визит шведского короля в Морской корпус не состоялся по причине раздора между ним и императором Павлом I. Какова дальнейшая судьба большинства из упомянутых рисунков Толстого неизвестно. В собрании Государственной Третьяковской галереи сохранилась небольшого размера акварель «Вид города Бергена», выполненная в 1801 г.[601]

Через год после второго плавания, 23 июня 1802 г. Ф.П. Толстой закончил свое обучение в Морском корпусе в чине мичмана. В это же время он начал посещать медальерный класс Императорской Академии художеств и обучаться в качестве вольноприходящего ученика. В 1809 г. Толстой был избран почетным членом Петербургской Академии художеств, и с этого времени он становится выдающимся русским художником-медальером, рисовальщиком и скульптором.

В 1858-1859 гг. писатель и секретарь Общества поощрения художеств Дмитрий Васильевич Григорович (1822-1899) по поручению Морского министерства совершил путешествие по морям и странам Северной Европы и описал его в ряде очерков, носящих общее заглавие «Корабль Ретвидан», и в своих «Воспоминаниях». Одним из самых сильных его впечатлений явилось посещение Дании. Большое значение для знакомства со столицей Дании – Копенгагеном и с творчеством крупнейшего датского скульптора Бертеля (Альберто) Торвальдсена в России во второй половине XIX века имела публикация Григоровича «Торвальдсен и Копенгаген», опубликованная в «Художественном сборнике» Московского общества любителей художеств в 1866 г. Написанная вдохновенно и восторженно статья и сегодня представляет большой интерес для историков искусства.

Григорович справедливо отмечал, что «имя Дании неразрывно связано с именем Торвальдсена. Если он пользуется всемирной известностью, - Дания не мало тому содействовала. Она первая, в детстве художника, умела отличить его, умела оценить его дарования и открыла ему дорогу; мало того что она воспитала его; она с отеческою заботливостью следила за каждым шагом его последующей карьеры, радовалась его успехам, поддерживала его в минуты неудач <…> Датчане имеют следовательно полное право гордиться *своим* скульптором; художник, с своей стороны, живя в Риме и пользуясь всеобщей известностью и почетом, постоянно гордился тем что он Датчанин»[602].

Анализируя биографию Торвальдсена, Григорович акцентирует внимание на самых известных произведениях скульптора, начиная с первой значительной статуи «Язона» и до последних крупных работ. Справедливо замечание русского писателя, что статуя «Язона» открыла скульптору путь к известности. В определении пластической манеры он выделяет «что-то спокойное, изящно-возвышенное и сильное, - подходящее к характеру северного искусства»[603]. Обратим внимание на меткое замечание Григоровича по поводу Торвальдсена, одновременно создающего несколько работ: «Одно произведение возникает за другим; пока одно рубится из мрамора, другое создается на бумаге или является в виде эскиза из воску, - третье оканчивается из глины»[604].

Оценивая значение Торвальдсена, Григорович писал: «Громадная его деятельность, характер его произведений, - характер в высшей степени благородный, но вместе с тем покойный и разумный, -

отражает как в зеркале черты его нации»[605]. Говоря о своей симпатии к Дании он объяснял, что она «основывается на нравственной силе этого маленького народа, который, при самых скудных средствах, умел сделать так много и для себя и для страны своей»[606].

Григорович перечислил имеющиеся в то время в Копенгагене учреждения - Академию наук, Академию художеств, институт иностранных языков, Академию для изучения истории Севера, Морской институт, публичную библиотеку, Университет, политехническую школу, четыре института для образования детей простого класса, - все, что ставит Копенгаген в число первоклассных столиц Европы. По его мнению, сказанное свидетельствует о пробудившемся в народе «сознательном чувстве национальной гордости, которое всегда толкает вперед нацию и творит вокруг себя великое дело»[607]. Любовь датчан к искусству побуждала «жертвовать огромные суммы на те постройки и памятники, которые, при жизни своей, предлагал Торвальдсен, имевший постоянно в виду украшение родного города»[608].

Статья Григоровича дает необходимую для исследователя информацию, помогающую даже в атрибутировании произведений. В 1913 г. в собрание Русского музея императора Александра III поступил барельеф, виртуозно выполненный в 1842 г. в технике гальванопластики мастером К.Ф. Вернером. Д.В. Григорович, описывая работы Торвальдсена для церкви Богоматери в Копенгагене, построенной в 1829 г. архитектором К.Ф. Хансеном, отметил «два небольших барельефа над кружками для бедных; один представляет ангела хранителя ведущего ребенка; другой милосердие: женщину с младенцем на руках»[609]. Эти сведения позволили установить, что в Русском музее находится гальванопластическое воспроизведение рельефа Торвальдсена «Милосердие». Обратим внимание на его стилистическое сходство с рельефом «Ночь», созданным Торвальдсеном в 1815 г. Мраморный экземпляр этого произведения в 2000 г. был атрибутирован нами в Биологическом Научно-исследовательском институте ГУ СПб., размещающемся во дворце М. Лейхтенбергского в Сергиевке, под Петергофом[610]. В своей статье Григорович назвал барельеф «Ночь» знаменитым произведением великого датского творца. Он писал, что «Ночь» имела особенно большой успех, «сколько поэзии и тонкой грации в этой молодой драпированной женщине, которая летит, и сомкнув вежды, наклоняет голову к двум детям заснувшим на руках ее!»[611]. Григорович отмечал, что именно в барельефах выразились блестящие свойства таланта скульптора – богатство воображения, живописность, поэтическое чувство, красота линий человеческого тела.

Большое внимание уделено в статье описанию музея Торвальдсена, акцентируется то, что построен он на собранные датским народом деньги. Характеризуя состав собрания, Григорович обращает внимание на то, что кроме произведений самого скульптора здесь размещены художественные коллекции, собранные Торвальдсеном во время жизни в Италии и завещанные им его родине. Посланный за скульптором в Италию в 1838 г. датский фрегат перевез в Данию бережно сохраненные Торвальдсеном гипсовые слепки всех его работ, имевшиеся в итальянской мастерской мраморные статуи и рельефы, и собранные им коллекции произведений искусства. «Возвращение

Торвальдсена сопровождалось таким торжеством, о котором до сих пор говорят в Дании»[612], - отмечал Григорович. Завершая статью, он писал: «Памятником скульптору служит его музей…»[613].

Знаменитые представители русской художественной интеллигенции – Ф.П. Толстой и Д.В. Григорович, посетившие в XIX в. Скандинавские страны, высоко оценили их достижения в разных областях науки и культуры. Наибольшее внимание Толстой уделил описанию Швеции, а Григорович – Дании. Оба выразили свое уважение перед трудолюбивыми и талантливыми народами стран Северной Европы. Публикуя свою статью, Григорович хотел обратить внимание своих соотечественников как на прекрасный пример для подражания на национальную гордость датчан и их преданную любовь к своему выдающемуся скульптору Торвальдсену.

Л.В.Суворова

ФИНСКАЯ ЖАНРОВАЯ ЖИВОПИСЬ В МУЗЕЯХ ПРИБАЛТИКИ И РОССИИ

В искусстве стран Северной Европы получили распространение разные жанры. В Финляндии, несомненно, одним из ведущих и интереснейших жанров можно считать бытовую живопись. Именно жанровая картина сыграла важную роль в становлении и развитии финского национального искусства во второй половине XIX века.

Музеи России и Прибалтики (имеются ввиду Латвия и Эстония) в своих коллекциях хранят многие полотна известных финских живописцев бытового жанра, приобретенных как с выставок, так и поступивших из частных собраний. Ряд произведений был заказан А.Эдельфельту членами императорской фамилии и составляет значительную часть экспозиции финской живописи в Государственном Эрмитаже.[614] О работах А.Эдельфельта и других художников северных стран, находящихся в музеях Украины, в частности, в Киевском государственном музее западного и восточного искусства, в Одесской художественной галерее и художественных коллекциях других городов сообщает А.К.Федорук в статье «Скандинавское изобразительное искусство на Украине».[615] Киевский музей хранит работу А.Эдельфельта «Рыбаки с дальних островов» 1898 г.,[616] в Одессе находятся его «Мадонна с ребенком» и «Старуха, играющая на кантеле».[617] М.И.Безрукова отметила жанровые произведения, поступившие в российские музеи с последних выставок изобразительного искусства Финляндии.[618] Если в московских музеях (Государственная Третьяковская галерея, Государственный музей изобразительного искусства им. А.С.Пушкина) в основном, хранится пейзажная и портретная живопись финской школы,[619] – это работы Х.Симберга, Э.Теслеф, А.Галлен-Каллелы, Ю.Оллилы, А.Эдельфельта и Г.Бакмансона, произведение которого батально-жанрового характера «Провожатый» (1899) находится в Музее коневодства,[620] – то каталог Государственного Эрмитажа информирует о наличии жанровых произведений, в числе которых всемирно известные «Прачки» и «В море» А.Эдельфельта, бытовые портреты Ю.Риссанена «Две девушки» (1916) и В.Куннаса «Портной-философ» (1925), «Утро в крестьянском доме» Э.Нелимаркки и др.[621]

Хотя нас интересует жанровая живопись, надо упомянуть также акварель А.Эдельфельта, выполненную в 1896 г. на сюжет коронационных торжеств «Поздравление казачьего войска» из Отдела рисунка Государственного Русского музея. Здесь же хранятся зарисовки фронтового быта русско-японской войны, а также этюды по материалам поездки в Северную Африку Г.Бакмансона, подобные его композиции находятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи,[622] работы М.Энкеля и Э.Тантту есть в Эрмитаже. Мастер политической графики Т.Тапиоваара двадцать лет сотрудничал с Мозаичной мастерской Академии художеств. По его эскизам были выполнены десять мозаичных панно и один витраж, посвященные темам Калевалы. Эти монументальные работы украсили многие города Финляндии. Два картона к сюжету «Вяйнемейнен и Дева Севера» (210x325; 214x315) хранит Карельский государственный краеведческий музей. А

петрозаводский Музей изобразительного искусства имеет в своем собрании работы маслом В.Бломстедта «Порт в Хельсинки» и «Сидящего мальчика» А.Эдельфельта.[623]

Среди работ скандинавских художников в рижском Музее зарубежного искусства насчитывается четыре жанровых полотна финской школы, относящихся к XX веку.[624] Это жанровый портрет «Охотник» (1900) П.Халонена, где среди нежной зелени подлеска изображен во весь рост у изгороди средних лет мужчина с ружьем. Тот, кто здесь позирует художнику, хорошо знаком по другим жанровым композициям П.Халонена на тему охоты, например, «Охотники на рысь» (1903, Музей Ренлунда в Коккола). В.Бломстедт представлен работой «Стрелок с луком» (1898), ее размер 60х100,2. Здесь тема охоты получает символистское звучание, а цветовой строй декоративен. В 1893 г. П.Халонен и В.Бломстедт, приехав вместе в Париж, становятся учениками П.Гогена, вернувшегося с Таити. Влияние П.Гогена проявилось неоднозначно в их творчестве.[625] Каталог музея воспроизводит в цвете «Охотника» П.Халонена, а также картину другого финского мастера, входившего в группу Септем – «Девушки у источника» Ю.Оллилы, которая свидетельствует о постимпрессионистических исканиях ее автора. Колорит картины сочетает сине-зеленые и серые тона. Ее размер 145,7х114,7. Последняя работа – жанровый портрет А.Алли «Дремлющая женщина»; размашисто написанный, портрет изображает заснувшую в неудобной позе утомленную работой женщину за кухонным столом. Характерно использование художницей черного контура. Большинство картин приобретено для музея с выставки финского искусства, которая состоялась в Риге в 1935 г.

Государственный художественный музей Эстонии, расположенный в Кадриоргском дворце – крупнейшее и наиболее сконцентрированное собрание эстонской, русской и западноевропейской живописи – также хранит интересные полотна современных финских художников. Это такие представители финского модернизма, как Т.Саллинен, А.Кавен, Я.Руококоски, составлявшие группу «Ноябрь» с ее кубистическими наклонностями. Далее В.Куннас и Ю.Оллила, Э.Веймас и Э.Ярнефельт, М.Ойнонен. Работы в основном поступили с выставки финского искусства 1930 г. в Таллинне. Сам Эстонский музей был основан в 1919 г., когда стал осуществляться сбор этнографического материала. Начиная с 1922 г. был сделан упор на приобретении художественных произведений. Музею были переданы полотна, некогда принадлежавшие гильдиям и цехам, редкие средневековые деревянные скульптуры, серебряные изделия XV века. Кадриорг считается красивейшим в Эстонии барочным ансамблем. Здесь некоторое время жили Петр I и Екатерина.[626]

Этюд Э.Ярнефельта «Зимний пейзаж» (67,0х47,1) датирован 1913 г. Написан в местечке Каяни. Художник выбирает динамичное построение композиции – на берегу реки, пересекающей по диагонали вытянутое вверх полотно, мальчишки в цветных рубахах заняты ловлей рыбы. Их фигурки яркими пятнами выделяются на фоне грязно-голубого снега. Выше на холме, со сбегающими к реке розовыми дорожками, лепятся домики кирпичного цвета – традиционная окраска крестьянских деревянных построек. Вдали сиреневый лес с черными вертикалями стволов, а над ним розоватое небо с желтой полоской. Берега реки волнообразно очерчены светло-зеленой каймой. Многообразие мягких

пастельных тонов сливается в гармоничный аккорд, создавая завершенность ритмического строя картины. Энергичная манера письма гибкими округлыми мазками, умело наложенными на грубую поверхность холста, живо выявляет форму. Пейзаж – свидетельство изменения художественной манеры Э.Ярнефельта: его манера в начале нового столетия становится более декоративной, основываясь на виртуозном использовании линии. Художник высказывался о пейзажной живописи, сравнивая ее с музыкой. Жанровая сцена на берегу зимней реки – любимый мотив в финском искусстве – зримый аккомпанемент застывшей на полотне природе.

Среди упомянутых работ финских художников в коллекции Кадриорга обращает на себя внимание жанровый портрет Т.Саллинена «Мальчик с бутылкой» (1925). Его размер 58,5х52,5. Написанная почти одновременно с портретом А.Кавена «Слепой» (1926, 64х44), работа подтверждает стойкий интерес финских жанровых живописцев к разработке детской тематики, идущий от психологически заостренных детских образов К.Янссона. В этом плане в собрании Кадриорга в отделе эстонской живописи выделяется портрет К.Лийманда «Мальчик с гитарой» (1936, 78,5х69); в отделе западноевропейских школ среди старых голландских мастеров – удивительно тонкий портрет Якоба Герритса Кейпа «Мальчик с гусем» первой половины XVII века, 55х45,4, написанный маслом на дереве, и более поздний портрет юноши 1663 г. немецкого художника Бениамина Блока (62,3х55,5). Финские портреты своеобразно дополняют эту уникальную галерею детских характеров.

Заканчивая обзор многообразной коллекции хранящихся в России и Прибалтике произведений финской бытовой живописи, приношу глубокую благодарность сотруднику Кадриоргского художественного музея Хилье Рудольфовне Ляти и хранителю Рижского музея зарубежного искусства Ингриде Микелевне Раудсепа за предоставленные материалы и помощь.

Ю.Пааскоски

САЙМЕНСКИЕ КАНАЛЫ: ИНТЕРЕСЫ, ПРЕДПОСЫЛКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Берущий начало от Лауритсы, заканчивающийся в Суоменведенпохья и ведущий к Выборгскому заливу, канал связывает воды Саймы и Финского залива. Современный Сайманский канал, построенный в 1968 г., был взят после длительных переговоров Финляндией в аренду у Советского Союза в 1963 г. На канале восемь шлюзов и ежегодно по нему перевозится порядка 2,1 миллионов тонн грузов, большую часть из которых составляет древесина и продукция деревообрабатывающей промышленности.

Изучение и описание почти 500-летней истории Сайменского канала представляет собой большой труд. Он прежде всего, связанн с проблемой в исследовании, красной нитью соеденившей события, явления и людей на протяжение значительного отрезка времени и объясняющий, какие вопросы решались на разных этапах строительства Сайменского канала. В данном же случае мы сосредоточимся лишь на одном из основных вопросов: в чьих интересах было строительство водных путей от Саймы к морю в разное время, а также каковы были основания и предпосылки для начала таких работ.

Решения о строительстве системы Сайменских каналов всегда были связаны с экономическими, политическими и военными интересами. Два неосуществлённых и три осуществлённых проекта строительства Сайменского канала на временном этапе с начала XVI-го века и до 1960-х гг., прежде всего, включали в себя целенаправленные политические замыслы, которые выдвигались самим руководством страны. Его интересы, цели и устремления сталкивались с ограничениями действительности, которые выражались в отсутствии, прежде всего, ресурсов и технических возможностей, а также вследствии неожиданных политических переломов, которые изменяли первоначальные задачи. Решения о реализации планов строительства канала всегда включали в себя тщательное взвешивание экономических, технических и политических факторов.

Чаще всего именно экономические задачи приводили к обсуждению возможности транспортировки водным путём от Саймы к морю. В Финляндии не было других товаров в XVII-м веке, интересующих торговые центры Европы за исключением смолы, пиломатериалов в XVIII-м и XIX-м веках, а также пиломатериалов и бумаги в конце XX-го веке, поэтому и не было необходимости вести обсуждения политических проблем, связанных с передвижением по каналу.

Однако, одних только экономических причин было недостаточно для осуществления проектов по его строительству. К экономическим обоснованиям обычно примыкают также и пояснения по политическим вопросам, связанные с передвижением по коналу, а также разяснения общественного значения Сайменского канала при его использовании для улучшения условий жизни жителей Восточной Финляндии. За экономическими аргументами прослеживается и определённые политические

цели, которые в последнюю очередь и решили проблему претворения в жизнь проекта. С этой точки зрения интересно сравнить между собой пять различных проектов по строительству Сайменского канала.

В первых двух, так и не осуществлённых проектах (одним был создан в начале XVI-го века при наместнике Эрике Турессон Биелке, а другой в начала XVII-го века при Бенгте Северинссоне Юустене), основными аргументами были экономические. На небольшой период времени Выборг занял важное положение в торговле на Балтийском море, поскольку ведущиеся на Балтике войны вынудили европейских шкиперов направляться суда вместо Таллинна в Выборг, куда российские купцы привозили свой товар. В это короткое время Выборг был прибыльным центром транзитной торговли между Востоком и Западом, пока не восстановились прежние торговые пути. Экономически благоприятная ситуация побудила влиятельных лиц Выборга заняться проектами по доставке товаров из страны в район товарообмена. Это явилось предпосылкой открытия водного пути из Саймы к морю. Оба проекта строительства канала на практике выглядели нереалистично, ввиду имевшихся в распоряжении как экономических, так и технических ресурсов.

В первом Сайменском канале, открытом в 1856 г., соединились как экономические, так и политичесие интересы. Император Николай I и генерал-губернатор А.С. Меньшиков стремились приблизить Великое княжество к России, разорвав его духовные связи со Швецией путем проведения многообразной политики реформ. В них, в частности, входит улучшение экономического положения развитием торговли, промышленности и путей сообщения.

В развитии средств транспортной связи Сайменский канал стал на первое места. Когда заместитель председателя экономического департамента сената и начальник финансовой редакционной коллегии Ларс Габриэль фон Хаартман принял проект и организовал его финансирование, экономические преграды на пути строительства Сайменского канала были устранены.

В проектах Биелке и Юустена явно недоставало технических ресурсов. Впервые технические предпосылки осуществились, когда проект строительства канала возглавил шведский подполковник Нильс Эрикссон. Через него были налажены контакты со строителями шведского канала Гёта, а также стала доступной самая современная в то время английская технология строительства каналов.

Строительство старого Сайменского канала осуществилось, поскольку политические интересы, а также экономические и технические предпосылки совпали. Без совпадения всех этих факторов проект строительства канала вряд ли бы был осуществлён. Когда впервые работы по прокладыванию канала основывались на политической воле, тщательном проектировании, соответствующих экономических расчётах, точном определении материальных затрат и при наличии для тех условий исключительно хорошо организованных строительных площадок – на лицо были все предпосылки для производства работ в намеченные сроки.

Второе строительство Сайменского канала в 1920-х и 1930-х гг. не удалось осущесвить таким же образом, как и первое. Оно осталось незавершённым в условиях начала Второй мировой войны и затем вообще были прекращены после изменения советско-финляндской границы.

Второму строительству канала помешало отсутствие у Финляндии значительных средств для этого. Ее государственный бюджет имел многочисленные сложности, поэтому строительство слабо функционирующего Сайменского канала не считалось первостепенным. И, во-вторых, полезный коэффициент вложений в строительство был настолько мал, что спешить с ним не было необходимости. Когда на решение стал оказывать влияние лишь экономический интерес, сроки производства работ по расширению канала растянулись. Канал не имел того политического значения, которое бы позволило ускорить его строительство.

С точки зрения исторического исследования анализ подоплёки последнего строительного проекта Сайменского канала представляет исключительный интерес.

Проблема введения в строй Сайменского канала позволила президентам Ю.К.Паасикиви и У.К. Кекконену прриступить к обсуждению с Советским Союзом политических вопросов, связанных с изменением условий Парижского мирного договора. Вначале Кекконен прямо высказался о необходимости возвра утраченных в годы войны Финляндией территорий. Но поскольку в Кремле не хотели обсуждать этот вопрос, Кекконен выдвинул идею относительно аренды Сайменского канала и прилегающих к нему территорий, включая Выборг. Кекконен предполагал, что его предложение едва ли сможет получить поддержку у советского руководства. Во время переговоров следовало лишь позаботиться о том, чтобы арендованная территория была, по возможности, большой и чтобы на ней можно было соблюдать финляндскую юрисдикцию. Внешнеполитическое содержание проблемы аренды канала оттесняло его экономическое значение на второй план.

По мнению многих финнов, подписанный в 1962 г. и годом позже ратифицированный, договор по аренде не удался. Суверенитет арендованной территории принадлежал Советскому Союзу, который соблюдал также и пограничные формальности. Арендованная территория к тому же была крайне узкой, а о получении Выборга не шло и речи. И хотя цели высшего внешнеполитического руководства не раскрывались широкой общественности, многие догадывались, в чём же заключался вопрос. Президент Кекконен также явно обманулся в своих ожиданиях.

Интерес Советского Союза в связи с арендой Финляндией территории, пренадлежащей к каналу, безусловно, входил в имидж его международной политики, как великой державы. Договором об аренде Советский Союз хотел показать определённое дружелюбие к своему соседу с другим общественным строем в условиях наличия договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. В случае его отсутстия соглашение об аренде никогда не было бы подписано.

В Советском Союзе рассматривали Сайменский канал как имеющий исключительное общественное значение: великое и большое государство хочет помочь маленькой соседней стране развивать свою приграничную промышленность и торговлю, а также создавать новые рабочие места. В

Кремле с удовольствием сравнивали Сайменский канал с Панамским, который являлся орудием для усиления влияния в Южной Америке империалистов и эксплуататоров-капиталистов США. Советский Союз же был диаметрально противоположным государством, что и демонстрировалось на примере Сайменского канала.

Сайменский канал имел значение и для собственных политических планов президента Кекконена. Готовясь к выборам выборщиков президента в 1962 г., Кекконен искал такое внешнеполитическое доказательство, с помощью которого он мог бы занять ударную позицию среди конкурентов. И здесь интерес страны явно был бы в пользу самого Кекконена, хотя нельзя утверждать, что он при этом руководствовался только личными амбициями. После длительной жаркой полемики об аренде Сайменского канала в 1960 г. были выработаны условия аренды, что и было определено как устраивающее во всех отношенияхпо внешнеполитическим соображениям.

Напряженность международной обстановки летом и осенью 1961 г. повлияла, однако, на планы Кекконена. Перед президентскими выборами в решении вопроса относительно Сайменского канала ожидаемого прогресса не произошло. Более того, последовала резкая нота Советского Союза, которая побуждала Финляндию к переговорам в соответствии с договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи из-за возможной военной угрозы Советскому Союзу. Этого Кекконен не мог предполагать: в процессе переговоров перелом, на который мог рассчитывать президент, не произошл. Вскоре Кекконену стало ясно, каким образом Советский Союз стремиться поддерживать действующего президента во время его выборной кампании: политические интересы Советского Союза сводились к тому, чтобы главой государства оставался Кекконен. Однако, оказывать поддержку путем согласия на заключение в довольно широком сиысле договор об аренде Сайменского канала Советский Союз не хотел. Самой же предостерегающей нотой, которая ничего не стоила Советскому Союзу, было достаточно накануне выборов выборщиков президента для поддержки Кекконена и устранения его политических противников.

Тепрь, когда опять начались переговоры об аренде Сайменского канала, надо пологать, данное исследование в какой-то мере раскроет его историческое значение. Сайменский канал – это не только транспортная статистика, а также данные о тоннах перевезённых грузов, суммах налогов, а вместе с тем и, прежде всего, политика. Здесь прослеживается внешняя политика в таком казалось бы небольшом и скромном, но для нас, финнов, символически довольно значимом вопросе.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрющенко Ю. Г., Санкт-Петербургский государственный университет.

Архимандрит Августин (Никитин)

Бажанов Д.А. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Барышников В. Н., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Барышников Н. И., д.и.н., профессор Северо-Западной академии государственной службы.

Бурков В.Г., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Возгрин В. Е., д.и.н., директор Меншиковского института.

Выскочков Л. В., д.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Жаров Б.С., к.фил.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Журавлев Д. А., Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга.

Ивлева С.Е., Государственный Русский музей.

Каллейнен К. д.н., доцент Хельсинкского университета.

Кобчиков Е. Ю., к.в.н., Военно-морской институт радиоэлектроники.

Копельманн В. С. Эстонский Морской музей.

Кривдина О.А., к.и., Государственный Русский музей.

Кротов П. А., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Мусаев В.И., к.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.

Невалайнен П. д.н., доцент университета города Йоенсуу.

Нетужилов К. Е., к.и.н., проректор Русского христианского гуманитарного института.

Пааскоски Ю., д.н., доцент Хельсинкского университета.

Партала М. А., к.т.н., Военно-морской институт радиоэлектроники.

Педерсен А., д.н. (Дания)

Пересадило Р. В., Поморский государственный университет.

Петров П.В., к.и.н., Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

Репневский А. В., д.и.н., профессор Поморского государственного университета.

Русенбрёйер К-К. д.н.(Финляндия).

Садова Л. В., Институт всеобщей истории РАН.

Седых В. Н., к. и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Стерликова А. А., Санкт-Петербургский государственный университет.

Суворова Л.В., Государственная академия живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

Тетеревлева Т. П., к.и.н., доцент Поморского государственного университета

Усыскин Г. С., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусства.

Фокин В.И., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Цоффка В. В., к.фил.н., Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина.

Шрадер Т.А., к.и.н., Музей антропологии и этнографии РАН.

Энгман М., д.н., профессор Або академии.

Юнтунен А., д.н., доцент Академии национальной обороны (Хельсинки).

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКАХ И МАТЕРИАЛАХ КОНФЕРЕНЦИЙ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ» (1999-2004 гг.)

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

аф Форселлес-Риска С. Как из офицера и руководителя промышленности Карла Энкеля получился знаток российских дел и последний статс-секретарь Финляндии в Петербурге. 2003

Барышников В. Н. К вопросу о различиях в подходе к образованию т.н. «русского правительства» у руководства Финляндии в период «зимней войны». 2004

Барышников В. Н. Роль А. А. Жданова в создании и деятельности т.н. «терийокского правительства» (1939-1940 гг.). 2003

Барышников Н. И. Маннергейм и блокада Ленинграда. 1999

Выскочков Л. В. «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. 2003

Выскочков Л. В. Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823 – 1831 гг.). 2004

Кривдина О.А. О скандинавской ветви в родословной скульптора П.К.Клодта фон Юргенсбурга (1805-1867). 2002

Мазур Т.П. Петербург в судьбе выходцев из Норвегии в эпоху Петра I. 2001

Митюрин Д.В. «Покоритель Финляндии» - генерал от инфантерии Н.М.Каменский. 2001

Новикова И. Н. Семеновы-Тянь-Шанские и Финляндия. По материалам архива В. П. Семенова-Тянь-Шанского. 1999

Пааскоски Ю. Александра Коллонтай и усадьба Куусаа под Муолаа. 2003

Рейман А. Л. Шведские садовые мастера в Санкт-Петербурге. 2003

Репневский А. В. Норвежский дипломат Фредерик Прютц в революционном Петрограде 1918 года. 1999

Репневский А.В. Консул Ф.С.Платоу и дело о «шпионаже» его русской супруги. 2001

Русенбрёйер К-К. Основатель Ниена - Антониус Брёйер/Росенбрейр. 2004

Садова Л.А. Роль С.Ю. Витте в развитии русско-норвежских отношений в конце XIX - начале XX веков. 2001

Семенцов С.В. Династия шведских промышленников и общественных деятелей Нобель в Санкт-Петербурге. 2002

Стерликова А. А. Мирный план Г. Герца и русская дипломатия (1716- нач.1718 гг.). 2003

Суворова Л.В. Карл-Эмануэл Янсон, академик живописи. 2001

Терюков А. И. Граф Н. П. Румянцев и финляндские ученые. 2003

Терюков А.И. Я. К. Грот и Финляндия. 2002

Тетеревлева Т. П. Валерий Вильямович Каррик (1869 — 1943): эмигрант из Петербурга в Норвегию. 2004

Трохачев С. Ю. Густав Орреус – первый доктор с российским дипломом. 2003

Усыскин Г.С. Деятельность В.М.Смирнова (Паульсон) в Петербурге, Швеции и Финляндии. 2002

Цоффка В. В. А.С. Пушкин и Финляндия. 2004

Цоффка В.В., Нилиц А.В. Усадьба княгини Н. П. Голициной в Выборгской губернии. 2003

Яковлев О. А. Финляндия глазами русских путешественников (XIX- нач.XX вв.). 2003

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Барышников В. Н. Военный аспект проблемы Ленинграда в советско-финляндских отношениях конца 30-х годов. 1999

Барышников В.Н. Анализ положения в Финляндии в октябре 1939 г. (по информационным материалам разведки штаба КБФ). 2001

Барышников В.Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского военного планирования 1932-1941 гг. 2002

Барышников Н. И. Подход в Финляндии к вопросу о судьбе Ленинграда (1941 г.). 2003

Веригин С.Г. Ленинград и Советская Карелия: совместное освоение «новых территорий» в 1940-1941 гг. 2001

Дубровская Е.Ю. Армейская повседневность: российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). 2003

Дунаева Ю.Г. Петербургский союзный договор между Россией и Швецией и балтийский вопрос. 2002

Дунаева Ю.Г. Швеция как участница административных союзов XIX века. 2003

Журавлев Д. А. Влияние боевых действий на социально-экономическую обстановку в Ленинграде в период советско-финляндской войны 1939- 1940 гг. 2004

Журавлев Д. А. Здравоохранение Ленинграда накануне советско-финляндской войны. 2003

Журавлев Д.А. Организация медицинской помощи раненным и больным в Ленинграде во время советско-финляндской войны. 2002

Иванов М. В. Русская торговля в Стокгольме в XVII в. 2003

Кротов П. А. «Совершенный камень во основание Санкт-Петербурха» (Полтавская битва: некоторые перспективы и итоги изучения). 2004

Мусаев В.И. Проблема российско-финляндской границы на Карельском перешейке в XIX-начеле XX вв. 2002

Пересадило Р. В. Санкт-Петербург и развитие Архангельской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. 2004

Петров П.А. Война в Заполярье 1939-1940 гг. (К вопросу об оперативном планировании на Северном флоте). 2002

Петров П.В. Проблема безопасности Ленинграда в период Второй мировой войны (По материалам оперативного планирования КБФ накануне советско-финляндской войны 1939-1940 гг.). 2001

Репневский А. В. Историческая судьба поморской торговли и день сегодняшний. 2004

Репневский А. В. Экономические претензии Норвегии к Советской России и торговые переговоры 1920-1921 гг. 2003

Репневский А.В. К обстоятельствам поездки норвежских бизнесменов в СССР осенью 1932 г. 2002

Садова Л. А. Русско-норвежские отношения во время первой мировой войны (по данным дипломатических донесений). 1999

Садова Л. В. Шведско-норвежский конфликт 1905 г. в донесениях в Петербург российских военных агентов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива). 2004

Стерликова А. А. Петербург - Стокгольм: поиск мира (1716 – начало 1718 гг.). 2004

Усыскин Г. С. Военно-революционная организация Народной воли в Гельсингфорсе. 2003

Усыскин Г. С. Куоккальская трагедия и ее герои (хроника событий 1907 – 1909 гг.). 2004

Шрадер Т.А. Шведско-русское сотрудничество в изучении Шпицбергена (конец Х1Х – начало ХХ вв.). 2003

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Акимова А.Е. Военно-морская база Порккала-Удд в контексте международных отношений в Северной Европе. 2002

Андрющенко Ю. Г. Особенности современных российско-латвийских связей в контексте международных отношений на Севере Европы. 2004

Бажанов Д.А. Матросы и берег: I-я бригада линейных кораблей Балтийского флота в Гельсингфорсе (1914-1917 гг.). 2004

Барышников В.Н. К вопросу о бомбардировке финской столицы авиацией КБФ в начале «зимней войны». 2001

Дуров И.Г. Пищевые рационы нижних чинов русского и флотов западноевропейских стран в Северную войну (1700-1721 гг.). 2003

Кобчиков Е. Ю. О планах уничтожения и прорыва кораблей КБФ из блокадного Ленинграда в 1941-1942 гг. 2003

Кобчиков Е. Ю.. Копельманн В. С. К вопросу о происхождении названия острова Котлин. 2004

Копельманн В. С., Кобчиков Е. Ю. К вопросу о происхождении названия острова Котлин. 2004

Кротов П. А. Российский флот как фактор противостояния шведскому великодержавию на Балтике (1703-1721 гг.). 2003

Кротов П.А. К решению проблемы безопасности Санкт-Петербурга в начале XVIII в.: из истории морского сражения у Гренгама. 2002

Лукошков А. В. Санкт-Петербург как звено в истории северо-западного торгового пути (по данным историко-архивных и подводно-археологических исследований). 2003

Межевич Н.М. Проблема безопасности Балтийского флота в контексте вопроса о причинах советско-финляндской войны 1939-1940 гг. 2001

Партала М. А. Малоизвестные документы о захоронениях германских моряков на Балтике в годы первой мировой войны (по материалам Российского государственного архива Военно-Морского Флота). 2004

Партала М. А. Первая постоянная радиостанция на территории Финляндии. 2003

Перовский Е. П. Создание морских подступов к Петербургу в войнах. 1999

Петров П.В. Оперативное планирование на Краснознаменном Балтийском флоте в 1940 году. 2004

Петров П.В. Уроки советско-финляндской войны на море (по материалам совещания командно-начальствующего состава ВМФ в Ленинграде 13-14 марта 1940 г.). 2001

Смирнов В. Г. Международная хронометрическая экспедиция в Балтийское море (1833 г.). 2003

Фокин В.И. Международные конференции по гидрографии Балтийского моря в Ленинграде (30-е гг. ХХ в.). 2004

Шрадер Т.А. Русско-норвежское мореходное общество в Ленинграде. 2001

Юнтунен А. Балтийское море – объект общих геополитических интересов. 2004

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Акимова Е. А. Деятельность Жданова А. А. в Союзной Контрольной Комиссии в Финляндии (по материалам дневниковых записей Ю. К. Паасикиви). 1999

Акимова Е.А. Освещение в ленинградской печати процесса над виновниками войны в Финляндии. 2001

Акимова Е.А. Освещение в ленинградской печати суда по делу организаторов тайных складов оружия в Финляндии. 2003

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда в концепциях финских историков. 2004

Барышников Н.И. Битва за Ленинград в исследованиях Хельге Сеппяля. 2001

Барышников Н.И. О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера историка В.В.Похлебкина (1923-2000). 2002

Бурков В.Г. Государственные символы «независимой Карелии». 2004

Бурков В.Г. К истории скандинавской группы государственных вексиллологических символов. 2001

Бурков В.Г. Российские фалеристические памятники Великого княжества Финляндского. 2003

Возгрин В. Е. Северная война в «Истории Петра» Ф. И. Соймонова. 2004

Дубровская Е.Ю. Сведения о Швеции в годы Первой мировой войны (по донесениям русских военных властей в Финляндии). 2001

Костригина Е.В. Историческая демография Карелии в работах финских и российских исследователей (исследования 1998 – 2003 гг.). 2004

Кривдина О.А. Скандинавская скульптура в освещении русской прессы (по материалам «Художественной газеты» 1836-1841 гг.). 2001

Кротов П.А. Об использовании датского образца права при подготовке русского Морского устава 1720 г. 2001

Кушеверский И. А. Русско-шведская война в дневниках и воспоминаниях участников. 2003

Кушеверский И. А. К вопросу о перспективах исследования истории шведских общин в России в XIX веке в фондах РГИА. 2002

Лазарев А. В. Характерные этапы в изложении событий советско-финляндской войны 1939—1940 годов ленинградской периодической печатью. 1999

Михалкова Т. К. Работа А.М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения» (1865) и статья А.В. Луначарского «Торвальдсен» (1910). 2003

Михалкова Т.К. М.И.Безрукова – исследователь искусства Северных стран. 2001

Михалкова Т.К. Работа А. М. Матушинского «Торвальдсен и его произведения» - первое фундаментальное исследование о датском скульпторе на русском языке. 2002

Нетужилов К. Е. Православные периодические издания в Великом княжестве Финляндском. 2004

Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: российские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии. 2002

Пересадило Р. В. Донесения российских консулов из Шведско-Норвежского королевства в Петербург, как источник по изучению экономической истории Норвегии (кон. XIX – нач. XX вв.). 2003

Петров П.В. РККА глазами финского командования: уроки советско-финляндской войны 1939–1940 гг. 2003

Приходько Н. И. Исследовательские периоды в изучении русско-шведской («финляндской») войны 1808-1809 гг. в отечественной историографии. 2002

Садова Л. В. Российская общественность о расторжении шведско-норвежской унии. 2002

Седых В. Н. Северо-запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов по археологическим и нумизматическим данным. 2004

Терюков А.И. Отклики на путешествие А.И.Шегрена в странах Северной Европы. 2001

Усыскин Г. С. Загадка Гельсингфоргского архива Вальтера Шеберга. 1999

Усыскин Г.С. Архивные разыскания Юрия Федоровича Дашкова в Северных странах Европы. 2001

Шрадер Т.А. Ленинградские газеты об исследовании Арктики в 1928 г. (по материалам Полярной комиссии). 2004

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Балашов Е. А. Русские усадьбы на Карельском перешейке. 2003

Балашов Е.А. Русское население на Карельском перешейке (XVIII- пер. половина XX вв.). 2002

Каллейнен К. Взгляд высшего чиновничества Финляндии на Россию, на русских и на положение Финляндии по отношению к России в начале XIX в. 2004

Кононенко В., Межевич Н.М. Региональная самоидентификации Финляндии: поиск пространственных основ. 2003

Куропятник А.И. Идентичность и система расселения на севере Европы: антропологический анализ корреляции. 2002

Куропятник А.И. Локальные мультикультуральные сообщества Северо-Запада России как социокультурный феномен. 2003

Куропятник М.С. «Запоздалые нации» Серной Европы: проблема конструирования идентичности. 2003

Куропятник М.С. Саамское общество и проблема социальной трансформации. 2002

Межевич Н.М. «Балтийский регион»: попытка идентификации. 2002

Межевич Н.М., Кононенко В. Региональная самоидентификации Финляндии: поиск пространственных основ. 2003

Мусаев В.И. Великое княжество Финляндское и русские революционеры (начало XX в.). 2004

Мусаев В.И. Советские беженцы в Швеции в годы второй мировой войны. 2003

Мусаев В.И. Советско-финляндские отношение и положение финского меньшинства в СССР в 1930-е гг. 2001

Невалайнен П. Основные черты иммиграции русских в Финляндию в 1917-1939 гг. 2002

Невалайнен П. Финны в Петрограде-Ленинграде после революции. 2004

Нironен Я. Финны в Петербурге. 2002

Новикова И.Н. Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. 2001

Садова Л. А. Российская публицистика о норвежском характере (конец XIX-начало XX в.в.). 2003

Энгман М. Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX-начале XX вв. 2004

НАУКА, КУЛЬТУРА, ОБРОЗОВАНИЕ И РЕЛИГИЯ

Архимандрит Августин (Никитин) Россия и Исландия. 2004

Белкина Н. В. К вопросу практики изучения финского языка на современном этапе с использованием мультимедийных учебников. 2003

Бурков В.Г. К истории скандинавской группы государственных геральдических символов. 2002

Галкин А. К., Бовкало А. А. Экскурсия самарских семинаристов по Восточной Финляндии в 1903 г. 2003

Жаров Б.С. Датские авторы на Петербургской сцене. 2002

Жаров Б.С. Кафедра скандинавской филологии - центр преподавания и изучения культуры и языков Скандинавии. 2001

Жаров Б.С. Санкт-Петербург и Исландия. 2004

Захарчук О.М., Зусьман Т.В. Наука Санкт-Петербурга и Северных стран: интеграция на рубеже веков. 2002

Захарчук Т.В., Зусьман О.М Международное исследовательское сотрудничество Петербурга и Северных стран: опыт библиометрического анализа. 2001

Зусьман О.М., Захарчук Т.В. Международное исследовательское сотрудничество Петербурга и Северных стран: опыт библиометрического анализа. 2001

Зусьман Т.В., Захарчук О.М. Наука Санкт-Петербурга и Северных стран: интеграция на рубеже веков. 2002

Ивлева С.Е. «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857-1860 гг.» Алексея Вышеславцева в России и в Дании (к истории иллюстрированного издания 1860-х гг.). 2004

Ивлева С.Е. Иллюстрированные издания типографии Георгия Гогенфельдена. 1860-е гг. 2003

Кащенко Е. С. История коллекции А. Андерссона (Национальный музей, Стокгольм): к вопросу о собраниях русского фарфора XVIII-XIX вв. в Скандинавии. 2003

Кириленко И. В., Папаскари Т. В. Некоторые современные направления в дизайне и искусстве Финляндии. 2003

Кольчугина Д. А. Финские влияния в творчестве Р. Ф. Мельцера (на примере каменноостровских особняков). 1999

Кротов П.А. К вопросу о постановке учебного процесса в Морской академии при Петре I (тетрадь конспектов И. С. Панчюкова 1716 г.). 2003

Кривдина О. А. Датский скульптор И.-А. Иерихау (1816—1883) и его работы в собрании Государственного Русского музея. 1999

Кривдина О.А. Воспоминания о Скандинавских странах скульптора Ф. П. Толстого и писателя Д.В.Григоровича. 2004

Кривдина О.А. Скульпторы - выпускники Королевской Академии художеств в Копенгагене и их работы в Санкт-Петербурге (вторая половина XVIII – начало XIX вв.). 2003

Лопато М. Н. Шведские золотых и серебряных дел мастера при русском дворе. 1999

Нетужилов К.Е. К проблеме распространения влияния православной церкви в Финляндии в конце X1X – начале XX вв. 2002

Пааскоски Ю. Сайменские каналы: интересы, предпосылки и действительность. 2004

Педерсен А. Впечатления датских писателей от пребывания в Санкт-Петербурге в кон. XIX – нач. XX вв. 2004

Семенцов С. В. Градостроительная и архитектурно-строительная история «Механического завода «Людвиг Нобель» в Санкт-Петербурге (1870-1917 гг.). 2003

Суворова Л. В. Финские академисты. 1999

Суворова Л.В. Коронационная акварель Альберта Эдельфельта. 2002

Суворова Л.В. Финская жанровая живопись в музеях Прибалтики и России. 2004

Терюкова Е. А. К вопросу о возникновении методизма в Петербурге. 1999

Терюкова Е.А. Из истории возникновения методизма в России: русская община епископальных методистов в Гельсингфорсе в начале XX века. 2002

Терюкова Е.А. Финляндский аспект история появления Армии Спасения в Петербурге в начале XX века. 2001

Федорова Т. С. Творчество архитектора Я. Перрена в Петербурге и Финляндии. 1999

Фокин В. И. Советско-скандинавские культурные связи в 1930-е годы. 1999

Фокин В.И. Научные связи Петрограда-Ленинграда и стран Северной Европы в 20 - 30-е гг. 2001

Фокин В.И. Пушкинские дни в Скандинавских странах в 1937 г. 2002

Фокин В.И. Театральные связи Скандинавских стран и Ленинграда в 20 – 30-е гг. 2003

Шрадер Т.А. Норвежские полярные исследователи - гости Санкт Петербурга (на рубеже XIX- XX веков). 2002

[1] Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003.
[2] См.: Невское время. 2003. 26. апреля.
[3] Закревский Арсений Андреевич [13.9.1783 (по другим данным, 1786), родовое село Берниково Зубцовского у. Тверской губ. – 11 23) 1. 1865, Флоренция], граф – (1830), генерал от инфантерии (1829), генерал-адъютант (1813 – 1831 и с 1847), сенатор (с 1826), член Государственного совета (с 1848).
[4] Долгоруков П.В. Петербургские очерки // Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта 1860 – 1867. М., 1992. С. 275.
[5] Там же.
[6] Закревская Аграфена Федоровна // Русский биографический словарь. Жабокритский – Зяловский. Пг., 1916. С. 194.
[7] Долгоруков П.В. Петербургские очерки. С.277.
[8] Цит. по: Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. С. 550 – 551.
[9] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / Изд. под ред. Н. Дубровина. Т. II. // Сборник Русского исторического общества (в дальнейшем – Сб. РИО). 1891. Т. 78. С. 281.
Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. СПб., 1909. С. 307, 305.
[10] Цит. по: Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. С. 552.
[11]Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 282. См. также: Бородкин М [М.] История Финляндии. Время императора Александра I С. 551.
[12] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 284. См. также: Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. С. 551 - 552.
[13] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Николая I. Пг., 1915. С. 59.
[14] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 288.
[15] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. С. 553.
[16] Там же. С. 555.
[17] Друцкий-Соколинский Д.В. Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского… // Сб. РИО.Т. 73. СПб., 1890. С. VIII.
[18] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. С. 557 – 562.
[19] Друцкий-Соколинский Д.В. Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского… С. IX.
[20] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского. С. 295.
[21] Граф Н.С. Мордвинов, А.А. Закревский, П.Д. Киселев, кн. А.Н. Голицын, Балашов и А.П. Ермолов // РС. 1881. Т. 30. № 1. С. 189.
[22] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Александра I. С. 199.
[23] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Николая I. С. 68.
[24] Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Оп. 9. Д. 3. О приготовлении серебреных и бронзовых орлов и для знамен и штандартов…1830 – 1832 гг. Л. 40, 80 об.
[25] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Николая I. С. 151.
[26] Друцкий-Соколинский Д.В. Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского… С. X.
[27] Переписка Арсения Андреевича (впоследствии графа) Закревского по званию финляндского генерал-губернатора и министра внутренних дел 1824 – 1831 г. // Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского). С. 489.
[28] Там же. С. 501.
[29] Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 277.
[30] Фигнер А.В. Воспоминания о графе А.А. Закревском // Исторический вестник. 1885. Т. 20. № 6. С. 664.
[31] Бородкин М [М.] История Финляндии: Время императора Николая I. С. 55.
[32] Фигнер А.В. Воспоминания о графе А.А. Закревском. С. 668.
[33] Там же.
[34] Смирнова-Россет А.О. Автобиографические записки. 5 вариант. // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 172.
[35] Исторические рассказы и анекдоты, шутки, остроты, заметки, мелочи (Записки Богуславского) // Русская старина. 1880. Т. 27. № 1. С. 172.
[36] Фигнер А.В. Воспоминания о графе А.А. Закревском. С. 666.
[37] Друцкой-Соколинской Д.В. Граф Арсений Андреевич Закревский. С. 268.
[38] Peuranen E. Puskin ja suomalaiset // Nuori voima. 1999. N 4. S. 7-9; Pesonen P. Alussa oli Puskin // Yliopisto. 1999. N 3. S. 24-27; Карху Э.Г. Пушкин о финнах и финны о Пушкине // Север. 1999. № 6. С. 99-114.
[39] Шайтанов И. Географические трудности русской истории (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопросы литературы. 1995. № 6. С.169.
[40] Словарь языка Пушкина. Т. 3. М., 1959. С. 412-413.

[41] Ордин К. Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I. СПб., 1889. Эпиграф на титульном листе.
[42] Володин Б.Ф. Санкт-Петербург как Pietari. Финские черты Российской столицы // Труды Международной конференции, состоявшейся 3 – 5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина. СПб., 1999. С. 402.
[43] Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам. XYIII. Тарту. 1984. С. 31.
[44] Грановская Н.И. Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. СПб., 1999. С. 215.
[45] Цит. по http://ailant/komi:ru/culture/lit3.html
[46] Устное сообщение краеведа А.В. Бурлакова.
[47] Ульяновский А.И. Няня Пушкина. М.-Л. 1940. С. 124.
[48] http://ailant/komi:ru/culture/lit3.html
[49] Грановская Н.И. Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. С. 135.
[50] См.: Ульяновский А.И. Няня Пушкина. М.- Л. 1940. С. 43.
[51] Нironен Я. Финский Петербург. 2003. С. 137
[52] Вепсские народные сказки. Составители Н.Ф. Онегина и М.И. Зайцева. Петрозаводск, 1996. С. 12.
[53] Тихменева Т.С. Финский альбом. Из русской поэзии начала XIX – начала XX века. Jyväskylä, 1998. С. 315.
[54] Казарин В.П., Киселев А.В., Андрейко Е.В. «Морем отправились мы в Юрзуф…» (Конец одной загадки) // Крымские пенаты. Альманах литературных музеев. №1. 1994. С. 3-11.
[55] Московский телеграф. 1825. Ч. III. № 12. С. 255 – 259.
[56] Сын отечества. 1825. № 10. С. 151 – 157.
[57] Klinge M. Kaukana ja kotona. Helsinki, 1997.
[58] Новые материалы к Словарю языка А.С. Пушкина. М., 1982. С. 261.
[59] Nissila V. Vuoksen paikannimistö. Helsinki, 1939.
[60] Ямпольский М.Б. К символике водопада. Символ в системе культуры // Труды по знаковым системам XXI. Ученые записки Тартуского Государственного университета. Тарту, 1987. Вып. 754. С. 37.
[61] Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные подходы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 168.
[62] В.К. (Валерий Каррик). День Русской Культуры в Норвегии // Руль. 1931. 23 июня.
[63] Циркуляр Департамента полиции от 18.10.1909 г. начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений об установлении наблюдения за связями Б. Савинкова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 260. Д. 26. Л. 120.
[64] E.g.: Каррик В. Россия и СССР // Русский в Аргентине. № 399. 1938. 26 марта.
[65] Отдел рукописей Центральной библиотеки г. Осло (Норвегия). Письмо профессору Савичу от 24.02.1929 г. (рукопись).
[66] E.g.: Там же. Письмо В.В. Каррика В.А. Нестерову от 20.12.1934 г.
[67] Там же. Благодарственное письмо В. Каррику от детей, собравшихся на елке в Сосновицах, Польша. 6.01.1936 г. (рукопись).
[68] Там же. Письмо Б. Пэйрса В. Каррику от 22.09.1930 г. (рукопись).
[69] Там же. Листовка “Письмо в Москву”.
[70] Там же. Письмо Б. Гофмана В. Каррику от 28.05.1922 г.
[71] Исследование переписки В. Каррика с М. Горьким см. в работе: Kjetsaa G. Maxim Gor’kij og Valery Carrick: Fra en ukjent korrespondanse // Meddelelser. Oslo. 1981.
[72] Отдел рукописей Центральной библиотеки г. Осло. Письмо В.В. Каррика В.А. Нестерову от 1.04.1936 г.
[73] Там же. Устав РЭК.
[74] Там же.
[75] Там же. Письмо В. Каррика неизвестному адресату от 11.02.1935 г.
[76] Там же. Письмо В. Каррика М.Ф. Престину (рукопись).
[77] Там же. Отчет о Дне русской культуры в Норвегии за 1930 г. (рукопись).
[78] Там же. Речь В. Каррика на праздновании Дня русской культуры (рукопись).
[79] Там же. Отчет о Дне русской культуры в Норвегии за 1930 г. (рукопись).
[80] Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М., 1997. С. 91.
[81] Карл Густав Маннергейм. Мемуары. М., 1999. С. 82.
[82] Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 221.
[83] Ibidem.
[84] Ibidem.
[85] Kansallisarkisto (далее: KA). Tudeerin kokoelma. Valtioneuvoston pöytäkirjöjä, 5.12. 1939-21.03.1940; Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: UM). 109. C 2c; Зимняя война 1939-1940. Кн. 1.Политическая история. М., 1998. С. 271.
[86] KA. Tudeerin kokoelma. Valtioneuvoston pöytäkirjöä, 15.12. 1939.
[87] Ibidem.
[88] Ibidem.
[89] Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 221.
[90] Ibidem.

[91] Tanner V. The Winter War. Finland against Russia. 1939-1940. Standford, 1957. P. 135.
[92] Trotski vastahallituksen johtoon? 15.12.1939 // Talvisota kronikka. Jyväskylä-Hels., 1989. S. 46.
[93] Pakaslahti A. Talvisodan poliitinen näytelmä. S. 222.
[94] См.: Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 206-207, 213-214.
[95] UM. 109. C 4. Salasähke UM:ll Washingtonesta 15.12.1939.
[96] Ibid. Документ без адреса, подписи и даты.
[97] Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940. Сборник документов. Кн. вторя. М., 1998. С. 328.
[98] См.: Там же. С. 292.
[99] UM. 109. C 4. Salasähke UM:lle Washingtonesta 15.12.1939; 27.01.1940.
[100] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». (Из Бахмеьевского архива Колумбийского университета, США) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 323.
[101] KA. G. Mannerheimin kokoelma. 612.
[102] Ibid. Tudeerin kokoelma. Valtioneuvoston pöytäkirjöä, 15.12. 1939.
[103] Tanner V. The Winter War. Finland against Russia. 1939-1940. P. 135.
[104] Talvisodan pikkujattiläinen. Hels.-Porvoo, 2002. S. 224.
[105] Julkunen M. Tuhon partaalla - ensimmäiset reaktiot talvisodan syyttymiseen // Kansakunta sodassa. 1. Hels., 1989, s. 24.
[106] KA.. Tudeerin kokoelma. Valtioneuvoston pöytäkirjöä, 22.01. 1940.
[107] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 321-322.
[108] См.: Suomela J. Rajatakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918-1940. Hels., 2001. S. 241.
[109] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 321.
[110] UM. 109. C 4. Valkoisten venäläisten yhteistoimintatarjous. Tallinnassa, 15.12.1939.
[111] Ibidem.
[112] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 322.
[113] Там же. С. 323; Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940. С. 273.
[114] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 324.
[115] Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940. С. 264.
[116] Там же. С. 271.
[117] Там же. С. 290.
[118] Там же. С. 301.
[119] Там же. С. 271-272, 292.
[120] Baschmakoff N., Leinonen M. Из истории и быта русских в Финляндии // Studia Slavica Finlandensia. Tomus VII, Hels., 1990. С. 35-36.
[121] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 324.
[122] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1997. С. 219.
[123] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 324.
[124] UM. 109. C 4. Rytin salasähkö Pariisiin, 28.12.1939.
[125] Ibid., Rytin salasähkö Pariisiin, 1.1.1940.
[126] Фролов Д. Д. По разные стороны колючей проволоки // Советско-финляндская война 1939-1940. Т. II., СПб., 2003. С. 281.
[127] Rislakki J. Erittain salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 130; Suomela J. Rajatakainen Venäjä. S. 243; Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 220.
[128] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 220-222; Фролов Д. Д. Из истории зимней войны 1939-1940 гг. Сборник документов. Петрозаводск, 1999. С. 16-17; Зимняя война 1939-1940. С. 326.
[129] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 219.
[130] KA. G. Mannerheimin arkisto. 612.
[131] См.: Фролов Д. Д. По разные стороны колючей проволоки. С. 269.
[132] Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1395. Л. 235.
[133] Pakaslahti A. Talvisodan poliitinen näytelmä. S. 224.
[134] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 222.
[135] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 331.
[136] Точные данные по этому поводу пока еще не известны, называется количество от 152 до 500 человек (см: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 221; Фролов Д. Д. Из истории зимней войны 1939-1940 гг. С. 17; Зимняя война 1939-1940. С. 326; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии 1939-1941. М., 1992. С.185; Rislakki J. Erittain salainen. S. 130). Некоторые же исследователии вообще даже не упоминают об этих формированиях (см.: Мусаев В. И. Советские граждане на службе в финской армии в годы Второй мировой войны // Новый часовой, 2002, № 13-14. С. 92).
[137] Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 221.
[138] «Мы должны учесть наш опыт в Финляндии…» РОВС об уроках «Зимней войны». С. 325.
[139] Невалайнен П. Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917-1939). СПб., 2003. С. 225.

[140] Там же. С. 164-165.
[141] Там же. С. 94.
[142] Там же. С. 274.
[143] UM. 109. C 4. P.M. [Päämaja], 21.02.1940.
[144] Письма и бумаги императора Петра Великого. М.,-Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 231.
[145] Васильев А.А. О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 67.
[146] Карцов П.П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851. С. 109.
[147] Пузыревский А.К. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 306.
[148] Гломозда К.Ю. Російська армія часів Полтавськоі битви (До 280-річчя битви) // Український історичний журнал. 1989. № 7. С. 130, 131.
[149] Васильев А.А. О составе… С. 62–67.
[150] Там же. С. 64.
[151] Российский государственный архив древних актов. Ф. 53. Оп. 1710 г. Д. 16. Л. 64–65 об.
[152] См.: Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV– XVIII веков. М., 1992. С. 190.
[153] Архив С.-Петербургского Института истории РАН (Архив СПБИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д.3187. Л. 1. – Черновой подлинник; Оп. 2. Д. 6. Л. 136 об.–138. Список.
[154] Дневник военных действий Полтавской битвы // Труды императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. 3. С. 285.
[155] Там же. С. 291.
[156] По данным полковой канцелярии, Новотроицкий драгунский полк потерял в Полтавской битве 7 чел. убитыми и 7 умершими от ран. – [Поликарпов Н.П.]. О войсковых частях, принимавших участие в «генеральной баталии» под гор. Полтавой 27-го июня 1709 года // Военный сборник. 1909. № 4. С. 245.
[157] Естественно, какое-то число из них, по всей видимости, пало еще в сражении близ редутов, но такие данные отсутствуют.
[158]Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3187. Л. 1; [Поликарпов Н.П.] О войсковых частях… // Военный сборник. 1909. № 4. С. 245.
[159] Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909. С. 278 (Прилож. 7).
[160] Колосов Е.Е. 1. Русская артиллерия в Полтавском сражении // Артиллерийский журнал. 1959. № 7. С. 59 – 62; 2. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 91–111.
[161] Колосов Е.Е. 1. Русская артиллерия в Полтавском сражении. С. 59, 61; 2. Артиллерия в Полтавском сражении. С. 103–104, 106–108.
[162] Бескровный Л.Г. Полтавская победа (К 250-летию Полтавского сражения) // Вопросы истории. 1959. № 12. С. 54; Гломозда К.Ю. Російська армія часів Полтавської битви… С. 132; Васильев А.А. О составе … С. 65; Артамонов В.А. «Генеральная баталия» // Павленко Н.И., Артамонов В.А. 27 июня 1709. М., 1989. С. 200; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 308; Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 75; Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven, London, 1998. P. 39.
[163] Кротов П.А. Артиллерия в Полтавской битве 1709 г. (некоторые спорные вопросы) // Мавродинские чтения. СПб., 2002. С. 126.
[164] Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 329.
[165] Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении. С. 93, 94, 96.
[166] Там же. С. 96, 104.
[167] Колосов Е.Е. Русская артиллерия в Полтавском сражении. С. 61.
[168] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 465, 499, 572.
[169] Рабинович М.Д. Полки Петровской армии. 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 37.
[170] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 37. Л. 380.
[171] См., например: Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. С. 75, 91, 155, 160.
[172] Артамонов В.А. «Генеральная баталия». С. 210; Васильев А.А. О составе… С. 67.
[173] Васильев А.А. О составе… С. 67.
[174] Российский государственный Военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 2. Д. 61. Л. 215.
[175] Колосов Е.Е. 1. Артиллерия в Полтавском сражении. С. 100–102; 2. Русская артиллерия в Полтавском сражении. С. 60.
[176] Васильев А.А. О составе… С. 67.
[177] Кротов П.А. Артилерия в Полтавской битве 1709 г. (некоторые спорные вопросы). С. 125–126.

[178] Юдинцева А.А. Русская дипломатия в период Северной войны. Автореф. дисс. к.и.н. М..1949.С.17-19.
[179] По данному сюжету см.: Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М.Д950.С.133-135; Anderson M.S. Europe in the Eighteenth century 1713-1783. L., 1961.P.177-180;Anderson M.S. Peter the Great. L., 1978;Chance J.F. George I and the Northern war. L., 1909. P.119-133; Murray J.J. George I, the Baltic and the whig of

l717. A study in Diplomacy and Propaganda. L., 1969.P.219-270; Murray J.J. Scania and the end of the Northern alliance," The Journal of modem history. V.XVI.1944.P.83-106.
[180] ВозгринВ.Е. Русско-датский союз в Великой Северной войне (1697-1716). Автореф...дисс.к.и.н. М.,197'7; Chance J.F. The "Swedish plot" of 171 б-1717 // The English Historical Review. У.ХУШ; Murray J.J. Robert Jakson's mission to Sweden (1709-1717) // The Journal of modem history. V.XXI № l.
[181] Сборник Русского Исторического Общества Т.34. СПб.,1881.С.498.
[182] РГАДА. Ф.96. Оп.1. Д.З. Л.1.
[183] An honest diplomat at the Hague. The private letters of Horatio Walpole 1715-1716 // Indiana university publications. l955. №13. P.325.
[184] РГАДА. Ф.96. Оп.1.Д.б. Л.5. Кондиции, посланные кн. Б.И. Куракину в Брауншвейг.
[185] Любименко И.И. Россия и Англия во второй половине XVIII века: Канд. дис. Л.,1950. С.342.
[186] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. S9.
[187] [Ormond, d', duc, J.B.] Memoires de la vie de mylord duc d'Ormond.. .La Haye, 1737. Vol.II.P.199; Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн.1. С. 89.
[188] Павленко Н.И. Вокруг трона. М.. 1998. С.322.
[189] Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1983. С.353.
[190] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн.1.СПб., 1980. С.90.
[191] РГАДА. Ф.50. Оп.1. Д.12. Л.1-3.
[192] Chance J.J. George I and the Northern War. P.236.
[193] РГАДА. Ф.50.0п.1. Д.3. Л.6.
[194] Там же. Д. 12. Л. 3 об.
[195] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн.2. Спб.,1891.С.127-130.
[196] РГАДА.Ф.96. Оп. 1. Д.3. Л. 1,8-9,11-13.
[197] Там же. Л. 22-23.
[198] Там же. Л.34.
[199] Там же. Л. 30-30 об.
[200] Там же. Ф.50. Оп.1. Д.8. Л.24-25.
[201] Там же. Д.6. Л.127.
[202] Журнал, или Поденная записка, Петра Великого...СПб., 1772. Ч. 2. С.57.
[203] Государственный архив Архангельской области (далее: ГААО). Ф. 1. Оп. 5. Д 985. Л. 1.
[204] Там же. Л. 13.
[205] Жилинский А. Акулий промысел на Мурмане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее : ИАОИРС). 1915. №1.
[206] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 613.
[207] Жилинский А. Акулий промысел на Мурмане.
[208] Жилинский А. Китоловство на Мурмане // ИАОИРС. 1914. №12.
[209] Журавлёв А. О Российской Лапландии, называемой Мурманским берегом, и о производимом при оном рыбном промысле// Архангельские губернские ведомости (далее: АГВ). 1847. №3.
[210] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 22-35.
[211] Там же. Л. 15.
[212] Подробнее см.: Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX в. Екатеринбург. 1999.
[213] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 19.
[214] Там же.
[215] Там же. Д. 979. Л. 9-9об.
[216] Та же. Д. 829. Л. 52об.
[217] Там же. Оп. 1. Т. 8. Д. 107.
[218] Там же. Оп. 9. Д. 255. Л.1.
[219] Там же.
[220] Там же. Л. 19об.
[221] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5990. Л. 1.
[222] Там же. ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 49об.
[223] Там же. Л. 223об.
[224] Статистические исследования Мурмана. Том I, вып.2. Колонизация (по материалам 1899, 1900 и 19002 гг.). СПб.,1904. С. 52-53.
[225] Тихомиров В. Заботы о заселении Мурмана во 2-ой половине прошлого столетия // АГВ. 1903. № 219
[226] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1133. Л. 1-6об.
[227] Березников В.А. Поездка по норвежской Лапландии в 1894 году. СПб., 1897. С. 4.
[228] Там же. С. 6.
[229] Там же. С. 8.
[230] Там же. С. 27.
[231] Там же. С. 32.

[232] Тулубьев К.К. О колонизации Печорского уезда. А., 1910. С. 22.
[233] Нильсен Й. П. Русская опасность для Норвегии?// Оттар. 1992. №192.
[234] Там же.
[235] Никольский В.Н. По горам и рекам Кольского полуострова // ИАОИРС. 1913. № 22
[236] Что нужно для колонизации Мурмана? (Мурман и его нужды)// ИАОИРС. 1909. № 2.
[237] Дециуш С.А. О помощи мурманским промышленникам// ИАОИРС. 1913. № 5.
[238] ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1133. Л. 75.
[239] Там же, л. 128об.
[240] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 4. д. 3579. Л. 6.
[241] Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 129.
[242] Там же. Д. 981. Л. 2-5.
[243] Там же.
[244] Там же. Д. 829. Л. 86.
[245] Там же. Ф. 4. Оп. 10. Т. 1. Д. 16. Л. 26.
[246] Там же. Д. 38. Л. 1.
[247] Там же. Д. 16. Л. 24-24об.
[248] Там же. Л. 23.
[249] Там же. Д. 57.
[250] Там же. Д. 58. Л. 3-3об.
[251] Там же. Д. 65. Л. 34-41.
[252] Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 829. Л. 64.
[253] Там же.
[254] Там же. Д. 980. Л. 1-7об.
[255] Там же. Л. 8об.
[256] Там же. Оп. 8. Т. 1. Д. 1900.
[257] Там же. Оп. 9. Д. 560-в. Л. 19.
[258] Суслов В.В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб.,1888. С. 32.
[259] Там же. С. 28.
[260] ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т 1. Д. 1922.
[261] Там же. Д. 1954. Л. 35.
[262] История Норвегии. М., 1980. С. 310.
[263] Бацис П. Э. Русско-норвежские отношения в 1905-1917гг. (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1973. С. 29.
[264] Теплов В. Расторжение шведско-норвежской унии. // Русский вестник. 1905, №11. С.10.
[265] Бацис П. Э. Русско-норвежские отношения в 1905-1917 гг. С. 26-27.
[266] Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 1 об.
[267] Там же. Л.2 об.
[268] Там же. Л.5; Признание Россией норвежского независимого государства (сборник документов). М., 1958, док. № 58. С. 101.
[269] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 5 об.
[270] Там же. Л.3об.
[271] Там же. Л.8.
[272] Там же. Л.4об; Åselius G. The “Russian menace” to Sweden. Stockholm. 1994. P. 162-163; Jungar S. Ryssland och den svensk-norska unions upplösning. Tsardiplomati och rysk-finländsk pressopinion kring unionsupplösningen från 1880 till 1905. Åbo.1969.
[273] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л.8 об.
[274] Там же. Л.4 об.
[275] Там же. Л.11-12 об.
[276] Там же. Л.13.
[277] Там же. Л.18-18 об.
[278] Там же. Л.23-23 об.
[279] Там же. Л.25, 27 об, 28.
[280] Там же. Л.26, 26 об; Похлебкин В.В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905-1907гг. и влияние на нее первой русской революции // Скандинавский сборник. Вып. 1. Таллин, 1956.
[281] Там же. Л.23 об, 26.
[282] Там же. Л.29.
[283] Там же. Л.26 об; Похлебкин В. В. Политическая обстановка в Норвегии в 1905-1907гг. и влияние на нее первой русской революциию.
[284] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 32-32 об; Там же. 400-4-256-100.
[285] Там же. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л.32 об.
[286] Бацис П. Э. Русско-норвежские отношения в 1905-1917 гг. С. 34; История Норвегии. С. 322; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л.33; Karlstad konferensen 1905. Protokoll och aktstycken. Utgivna av Arne Wåhlstrand. Uppsala,

Stockholm. Almqvist och Wiksells boktryckeri AB. 1953.
[287] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л.34 об.
[288] Там же. Л.35.
[289] Там же. Л.24.
[1] Государственный архив Российской федерации. Ф. ДП.00.1906 г. Д.25. Ч.25. Л.2.
[2] Боевая группа при ЦК РСДРП/б. М.., 1927. С.190.
[3] Право, 1907, июнь-ноябрь. С. 1995-2916.
[4] Краеведческий фонд библиотеки г. Петрокрепость. Нейман Е.Р. Страничка прошлого. Биографический очерк. (Неопубликованная машинописная рукопись).
[5] Центральный государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. Ф.2047. Оп. 4. Д.81. Коллекция.
[290] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. 411. Оп. 1. Д. 232. Л. 104.
[291] Архив Военно-медицинского музея (далее Архив ВММ). Ф. 141. Оп. 4326. Д. 4. Л. 1.
[292] Смирнов Е.И. Война и военная медицина. 1939-1945. М., 1973. С. 82.
[293] Очерки истории советской военной медицины. Л., 1968. С. 184.
[294] Архив ВММ. Ф. 141. Оп. 7914. Д. 1. л. 44.
[295] Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 39.
[296] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп 4. Д. 23. Л. 55 – 56.
[297] Там же. Оп. 14. Д. 56. Л. 56.
[298] Очерки истории Ленинграда. Т. 4. М.-Л., 1964. С. 409.
[299] Писарев С.Г. Городской транспорт. М., 1948. С. 360.
[300] Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 6. Л. 135.
[301] Там же. Оп. 44612. Д. 6. Л. 154.
[302] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 72. Л. 80.
[303] Там же. Оп. 4. Д. 34. Л. 39, об.
[304] Там же. Д. 35. Л. 39.
[305] Центральный государственный архив историко-политических документов (далее ЦГАИПД). Ф. 411. Оп. 1. Д. 228. Л. 81.
[306] ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 933. Л. 5, 37.
[307] Там же. Д. 931. Л. 63-64.
[308] Там же. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 152.
[309] Там же. Л. 157.
[310] Там же. Оп. 18. Д. 849. Л. 44; Ф. 9156. Оп. 4. Д. 42. Л. 62.
[311] Там же. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 42. Л. 62; Там же. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 849. Л. 44.
[312] Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 57.
[313] Там же. Л. 67.
[314] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 25. Л. 23.
[315] Там же. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 279.
[316] Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 1. Л. 148.
[317] Барышников В.Н. Экономика и социально-политическая обстановка в СССР // Зимняя война 1939 – 1940. Книга Первая. Политическая история. М., 1998. С. 219.
[318] ЦГАИПД. Ф. 408. Оп. 1. Д. 353. Л. 66.
[319] Архив ВММ. Ф. 141. Оп. 1680. Д. 5. Л. 5.
[320] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д 34. Л. 17.
[321] Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 6. Л. 162.
[322] Дзенискевич А. Р. Экономика Ленинграда накануне и в период «зимней войны» войны // 105 дней «зимней войны» (К шестидесятилетию советско-финляндской войны. 1939-1940 гг.). СПб, 2000. С. 72.
[323] Обширную международную библиографию вопроса можно найти в работах Т.А.Шрадер. См. также Бацис П.Э. Русско-норвежские отношения в 1905 – 1917 гг. // Автореферат канд. дисс. М., 1973; Оттар. Тромсё, 1992. № 192; Бернштам Т.А. Поморы. Л., 1978; Репневский А.В. СССР – Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск, 1998.
[324] Гебель Г.Р. К вопросу колонизации Лапландии. СПб., 1909. С. 10-11; Пришвин М. Север. М., 1935. С. 495.
[325] Шрадер Т.А. Торговля поморов в Северной Норвегии в конце XIX - начале XX века. // Тезисы докладов. XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., – Петрозаводск, 1997. С. 93.
[326] Спадс К.Ю. Торговый промысел в северных водах и рыболовная комиссия Государственной думы // Известия Архангельского общества истории Русского Севера (далее: ИАОИРС). 1911. № 8.
[327] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 17. Оп.1. Д.5. Л. 174.
[328] Зашихин А., Чудинов К. Руссий Север в 1918 – 1920 гг. и Норвегия.// Оттар. Норвегия и Россия на Севере. Трумсё, 1992. № 192. С.56; Голдин В.И. Революционный хаос в России и Норвегия. // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск. 1997. С. 45.
[329] Связи с Россией \ О Норвегии \ NORGE.RU.
[330] Петров Г. Ф. Кронштадт: Очерк истории города. Л., 1985. С. 4.
[331] Дорогов Н.Н. Исторический очерк и описание Кронштадта. СПб., 1908. С. 1.

[332] Материалы для истории русского флота. СПб., 1865. Ч. 1. С. 61-67, 79, 91, 93, 95.
[333] Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее : РГАВМФ). Ф. 870. Оп. 6. Д. 1, 9, 15.
[334] Там же.
[335] Иванов Д.И. Это было на Балтике. Львов, 1965. С. 159.
[336] Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! М., 1987. С. 17-18.
[337] Там же. С. 39.
[338] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д.144. Л. 27.
[339] Там же. Ф. 870. Оп.6. Д.1,9,15.
[340] Иванов Д.И. Это было на на Балтике. С. 130.
[341] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1, 9, 15; Ф. 743. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.
[342] Иванов Д.И. Это было на Балтике. С. 127.
[343] Там же. С.128.
[344] РГАВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.
[345] Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966. С. 33; Дыбенко П.Е. Мы – мятежники. Пг, 1923. С. 15.
[346] Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.129.
[347] Там же. С.174.
[348] Дыбенко П.Е. Мы – мятежники. С. 17.
[349] Иванов Д.И. Это было на Балтике. С.147.
[350] Дудоров Б.П. Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 208.
[351] РГАВМФ. Ф. р-266. Оп.1. Д.3. Л. 362.
[352] Там же. Ф. 1356. Оп.1. Д. 8. Л. 13.
[353] Там же. Ф. 477. Оп.1. Д.234. Л.2-10. 48-50.
[354] Там же. Ф. р-266. Оп.1. Д.3. Л.244-249.
[355] Там же. Ф.477. Оп.1. Д.158. Л.44.
[356] Там же. Л. 232; Ф.870. Оп.1. Д. 15. Л. 233; Д. 1. Л. 227 (мкф).
[357] Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 63.
[358] Там же. Ф.870. Оп.6. Д.2.ЛЛ.5об, 6об; Д.10. Л.99 (мкф).
[359] Там же. Ф.870. Оп.6. Д. 11. Л. 98об (мкф); Иванов Д.И. Я – матрос... С.95.
[360] РГАВМФ. Ф.870. Оп. 6. Д. 12. Л. 6об (мкф); Иванов Д.И. Я – матрос... С. 95-96.
[361] Иванов Д. И. Я – матрос «Гангута»! С 105.
[362] РГАВМФ Ф.р-852. Оп.1.Д.12. Л.49.
[363] Там же. Ф. р-266. Оп.1. Д.4. Л.67.
[364] Там же. Ф. 751. Оп. 1. Д. 95. Л. 178.
[365] Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих (далее – Ивестия…) 1917 г. №122. 10 августа (23 августа).
[366] Известия…1917 г. №132. 23 августа (3 сентября).
[367] Там же. № №157, 172, 175. 23 сентября (6 октября), 12 (25), 15 (28) октября.
[368] РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151. Л.4.
[369] Известия…1917 г. №132. 23 августа (3 сентября).
[370] Makela M. E. Das Geheimnis der «Magdeburg». Koblenz, 1984; Авария германского крейсера «Магдебург» у о-ва Оденсхольм в ночь на 13-е августа 1914 г.// Морской сборник. 1921. № 1-2. С.8-16; Емелин А.Ю., Бочаров А.А. Легенды крейсера «Магдебург» // Истор. альманах «Цитадель». 2002. №10. С. 33-44.
[371] Фирле Р. Война на Балтийском море. М., 1937. С. 125.
[372] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 6. Л. 152, 153.
[373] Таблица составлена по данным РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 2. Д. 47; ф. 716. Оп. 2. Д. 6; ф. 870. Оп. 1. Д. 63199, 63200.
[374] Schiffsrollenbuh. SMS «Magdeburg». РГА ВМФ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 85.
[375] Вахтенный журнал наблюдательного пункта «Оденсхольм» с 13 августа по 24 августа 1914 г. РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 63199.
[376] РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 2. Д. 6. Л. 254.
[377] Там же. Л.282.
[378] Там же. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 42.
[379] Там же. Ф. 757. Оп. 1. Д. 36. Л 77об.
[380] Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 558. Л. 31, 32.
[381] Там же. Л. 33.
[382] Там же. Ф. 736. Оп. 1. Д. 313.
[383] См.: Зубов Н.Н., Козицкий Н.И. Участие Советского Союза в проведении II Международного полярного года (1932 - 1933 гг.). М., 1959.
[384] Архив Российской Академии Наук. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.
[385] Известия. 1933, 12 авг.
[386] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 7668. Оп. 1. Д. 952. Л. 3, 5; Известия. 1933, 8 и 16 сент.

[387] Документы внешней политики. Т. 17. М., 1971. С. 765; Известия. 1934, 25 и 28 авг., 2 сент.; ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 882. Л. 1.
[388] Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 305. Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М., 2000. С. 56–57.
[389] Война и политика, 1939–1941. С. 305.
[390] Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 211–218. Петров П. В. Балтика, ноябрь 1939-го: Материалы боевого планирования Краснознаменного Балтийского флота // Русское прошлое, 1998, № 8. С. 228–263.
[391] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 1–4.
[392] Там же. Л. 11.
[393] Там же. Л. 17.
[394] Там же. Л. 17–18.
[395] Там же. Л. 18–19.
[396] Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 197–223. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 262–265. Невежин В. А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 120. Китчен М. «Загадка, покрытая мраком неизвестности»: Британские оценки СССР на начальном этапе Второй мировой войны // Война и политика, 1939–1941. С. 118–119. Городецкий Г. Миф «ледокола»: Накануне войны. Пер. с англ. М., 1995. С. 80–81.
[397] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 502. Л. 31.
[398] Там же. Л. 31.
[399] Там же. Л. 32.
[400] Там же. Л. 32–33.
[401] Там же. Л. 33.
[402] Там же. Л. 71.
[403] Там же. Л. 71.
[404] Там же. Л. 71.
[405] Там же. Л. 71.
[406] Там же. Л. 72.
[407] Там же. Л. 72.
[408] План боевых действий КБФ не датирован, составлен в рукописном виде, в единственном экземпляре, и не утвержден наркомом ВМФ. Вероятно, план был составлен не ранее июля 1940 г., поскольку к нему имеется приложение – «Состав КБФ согласно пр. НКВМФ № 00168 от 5.07.40 г.». Скорее всего, оперплан был представлен наркому вместе с соображениями Трибуца от 5 июля 1940 г.
[409] РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 660. Л. 1–24.
[410] Там же. Л. 1.
[411] Там же. Л. 1.
[412] Там же. Л. 1–2.
[413] Там же. Л. 2.
[414] Там же. Л. 7–8.
[415] Там же. Л. 10–13.
[416] Там же. Д. 668. Л. 26–35.
[417] Там же. Л. 32.
[418] Там же. Л. 2–15.
[419] Там же. Л. 4.
[420] Там же. Л. 8.
[421] Там же. Д. 661. Л. 1–13.
[422] Там же. Д. 669. Л. 1–9.
[423] Там же. Д. 682. Л. 1–9.
[424] Там же. Д. 662. Л. 1–13.
[425] Платонов А. В. Энциклопедия советских надводных кораблей, 1941–1945. СПб., 2002. С. 438.
[426] Боевая летопись Военно-морского флота, 1941–1942. М., 1992. С. 117. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг.: Оборона Прибалтики и Ленинграда (1941–1944 гг.). Кн. 1. М., 1990. С. 22.
[427] Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом ИТАР-ТАСС, РИА “Новости” и агентсва ”Интерфакс” относительно высказываний Президента Латвии В.Вике-Фрейберги по российско-латвийским отношениям. Сообщения Министерства иностранных дел Российской Федерации //http://www.mid.ru // 2003, 27 март.
[428] Иванов И. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М., 2001. С.227
[429] http://www.mfa.gov.lv// 2003, 12 март.
[430] Бизнес&Балтия. 2001, 30 авг.
[431]О парламентских слушаниях “Развитие торгово-экономических отношений России с государствами Балтии и интересы российских соотечественников”. Сообщения пресс-службы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации//http://www.mid.ru//27 марта 2003 г.

[1] [1] Дубов И.В. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 88-93; Мельникова Е.А.. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 80-87; Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157-170; и др.

[2] Мачинский Д.А. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога – древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11-35.

[3] Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

[4] Noonan T.S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Birka Studies. Vol. 3. Stockholm, 1994. P. 225-226.

[5] Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX-XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX-XX вв. Л., 1970. С. 65-66.

[6] Седых В.Н. Монетные находки в Старой Ладоге и возможности археолого-нумизматического исследования // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И.Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 46 - 47.

[7] Янин В.Л. Русские денежные системы IX—XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С.364-375.

[8] Лебедев Г.С. Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII-XI вв.) // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 7-23.

[9] Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. К 70-летию М.К.Каргера. Л., 1974. С. 11-17.

[10] Куза А.В. Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 39-104.

[11] Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

[12] Санкина С.Л. Скандинавские группы на Руси // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 139-143.

[13] Седых В.Н. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 153-158.

[14] Selling, D. Wikingerzeitlische und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955: 166-174, 226.

[15] Гакман А. Археологические раскопки в Аландии летом 1901 г. // ИАК. № 38. СПб., 1901; Kivikoski E. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963; Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors, 1980.

[16] Madsen H.J. Keramik // Andersen H.H., Crabb P.J., Madsen H.J. Århus Søndervold en byarkaeologisk undersøgelse. København, 1971; Knudsen B.M., Schiørring O. Fra grubehus til grillbar. Horsens i 1000 år. Horsens, 1992; Meier D. Winning — Eine wikingerzeitliche Siedlung am Ufer der inneren Schlei // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter Neumünster, 1998.

[17] Седых В.Н. Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001. С. 156.

[18] Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

[19]Лебедев Г.С. Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 21-35.

[20] Седых В.Н. О функциях монет в погребениях Древней Руси // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16-21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 106-108.

[21] Талвио Т. Монеты из захоронений эпох викингов и крестовых походов в Финляндии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 177.

[22] Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 77.

[23] Здесь и далее номера даны по каталогу монет с граффити, изданному И.Г. Добровольским, И.В. Дубовым и Ю.К. Кузьменко в 1991 году.

[24] Рябцевич В.Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970.

[25] Noonan T.S. Ninth century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands. Ed. M.A.S. Blackburn and D.M. Metcalf. Oxford: BAR, 1981, pp. 47-117; Noonan T.S. The first major silver crisis in Russia and the Baltic, c. 875 – c. 900 // Hikuin, 11 (1985): 41-50; Noonan T.S. Fluctuations in Islamic trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies, 16 (1992): 237-259; Noonan T.S. Viking-Age dirham hoards from Eastern and Northern Europe // A Surve of numismatic research, 1990-1995, ed. by Cécile Morrisson and Bernd Kluge (Berlin: International Numismatic Comission, 1997), 751-759; Noonan T.S. The impact of the Islamic trade upon urbanization in the Rus' lands: the tenth and early eleventh centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient [Actes du Colloque International tenu au Collège de France

en octobre 1997], édités par M.Kazanski, A.Nercessian et C.Zuckerman (Réalités byzantines 7), Paris: Lethielleux, 2000, 379-393; Нунан Т.С., Ковалев Р.К. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 152-156; и др.

[26] Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28-29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 9-35; Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Болгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Часть II. Казань. 2002. С. 188-217.

[27] Седых В.Н. Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным) // Великий Волжский путь. Материалы II-го этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург — Стокгольм — Санкт-Петербург, 5-14 августа 2002 г. Часть II. Казань, 2003. С. 137-145.

[28] Рябцевич В.Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970. С. 161.

[29] Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

[30] Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5-38.

[31] Булкин В.А., Мачинский Д.А. Русь конца VIII – начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.

[32] См., например, Нунан Т.С., Ковалев Р.К. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 152-156; и др.

[432] История Российская, с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Кн. Первая. Часть Первая. М., 1768. С. 22.

[433] Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Часть 2. Л., 1961. С. 32

[434] Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Сочинение Н.Аристова. Варшава, 1871. С. 33.

[435] Цит. по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. I. СПб.,1858. С. XLIII.

[436] Riasanovsky N.V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. Oxford, 1985. P. 45-46, 47–53, 55.

[437] Гольденберг Л.А. Фёдор Иванович Соймонов (1692 – 1780). М., 1966. С. 219.

[438] Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669 – 1707) / Сообщил Н.Ф.Каптерев // Чтения в Императорском Обществе истории и древней России при Московском университете. 1891. Кн. II. С. 59.

[439] Гольденберг Л.А. Каторжанин – сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И.Соймонова. Магадан, 1979.

[440] Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений. Т.VI. М., 1787. С. 302–303.

[441] Бужинский Г. Полное собрание поучительных слов, сказанных в высочайшем присутствии… М., 1784. С. 97, 252–253.

[442] Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.VIII. М.-Л., 1959. С. 109.

[443] Херасков М. Нума или Процветающий Рим. М., 1769. С. 177–180.

[444] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями. Т.I. СПб., 1895. С. 10–12.

[445] Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. Т. IX. М., 1787. С. 314.

[446] [Журнал М.Д.Чулкова] «И то, и сио». 1769. № 8.

[447] Шамрай Д.Д. К истории цензурного режима Екатерины II. // XVIII век. Сборник 3. М.- Л., 1958. С. 194–195.

[448] Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск.1994. С.198-199; Laurla K.K. Ita-Karjalan Tunnuksia. Helsinki.1997. S.38-39.

[449] В Финляндии оно называется «Временным правительством Восточной или Двинской Карелии».

[450] Впервые это письмо А.Галлен-Каллела было опубликовано в 1990 г. в журнале « Karjalan heimo» (№ 11-12).

[451] Русский перевод А.М.Пашкова – см.: Гербы и флаги Карелии. Указ. соч. С.184-191.

[452] Олонецкое правительство было создано в мае 1919 г. для управления южными районами Карелии (территория бывшей Олонецкой губернии России). Оно состояло из представителей местного карельского населения под председательством Г.Куттуева и выступало за присоединение Южной Карелии к Финляндии. В августе 1919 г. Олонецкое правительство бежало в Финляндию и формально действовало до 10 декабря 1920 г.

[453] Jukka I. Mattila. Vapaussodan Muistomitalit. Tampere, 2001. S.145.

[454] Ibid. S.144.

[455] Виттенбург П.В. В поисках Амундсена. Л., 1928; Самойлович Р.Л. Во льдах Арктики. Поход «Красина» летом 1928 г. Л., 1930; Лавров А. Малыгин в поисках экспедиции Нобиле во льдах восточного побережья

Свальбарда. Л., 1929; Морис-Меликов М.А. На «Малыгине» в полярных льдах Л., 1928.
[456] Петербургский филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 75. Оп. 1. Д. 167. Спасение экспедиции Нобиле.
[457] Красная газета. 1928. 4 июня.
[458] Там же. 13 августа.
[459] Niskanen P. Belägringen av Leningrad och Finland // Ny Tid, 2003, 1.2; Leningradin piiritys ja Suomi // Carelia, 2003, N 2. S. 126.
[460] Baryshnikov N. Yhdeksänsataa kauhun päivää // Keskisuomalainen, 1993, 3.1.
[461] Jokipii M. Suomalaiset saksalaisten rinnala // Keskisuomalainen, 1993, 3.1.
[462] Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 205-206.
[463] Jokipii M. Jatkosodan synty. Hels., 1987.
[464] Seppälä H. 1)Taistelu Leningradista ja Suomi. Porvoo-Hels., 1969.. S. 136-137; 2)Suomi hyökkääjänä 1941. Porvoo-Hels.-Juva, 1984. S. 180.
[465] См.: Барышников Н.И. 1) Маннергейм и блокада Ленинграда // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999; Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941-1944. СПб.-Хельсинки, 2002. С. 111-128.
[466] Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 5C5. Sähkösanoma Berliinista Helsinkiin, 24.6.1941.
[467] Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. 1941. Hels., 1980, S. 175.
[468] Vehviläinen O. Barbarossan varjossa // Kansakunta sodassa. 1. Hels., 1989. S. 320.
[469] Войонмаа В. Дипломатическая почта. М., 1984. С. 47.
[470] Kansallisarkisto (KA). Risto Rytin kokoelma. Suomen lähetystö Berliinissa, 26.09.1941: R. Wittingelle luottamuksellinen, T.M. Kivimäki.
[471] Кащенко С.Г. Изучение массовых источников XIX-начала XXвв.на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского университета (1997 –2001 гг) // Историография и источниковедение отечественной истории : Сб.научных статей и сообщений.СПб.,2001.С.15 - 24.
[472] Твердюкова Е.Д. в своем диссертационном исследовании "Административные и церковные источники по истории народонаселения Новгородской губернии XIX- нач.XXвв." показала, что для Новгородской губернии лакуны очень значительны, так как метрики, уцелевшие в ходе войн и оккупации, уничтожались и в послевоенное время.
[473] Кащенко С.Г. Изучение массовых источников XIX-начала XXвв.на кафедре источниковедения истории России Санкт-Петербургского университета (1997 –2001 гг).
[474] Маркова М.А. Некоторые наблюдения за полнотой фиксации младенческой смертности в метрических книгах Олонецкой губернии // Компьютер и историческая демография. Барнаул, 2000.С.165-172.
[475] Валегина К.О., Кащенко С.Г. К вопросу о возрасте вступления в брак населения Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв.// Историография и источниковедение отечественной истории : Сб.научных статей и сообщений. Вып.2.СПб.,2002.С.95-108.
[476] Väestö ja perhe Karjalassa. Население Карелии и карельская семья. Joensuu, 2003.
[477] Российский государственный истолрический архив (далее: РГИА). Ф. 1405. Оп. 82. Д. 9358. Л. 10–10 об.
[478] Мустонен А. А. Разоблачение тайн. Взаимные отношения революционеров и социалистов в Финляндии. СПб., 1909. С.44–45.
[479] РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16. Л. 16–16 об.
[480] Там же. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 60. Л. 1 об., 3.
[481] Там же. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16. Л. 2 об.
[482] Там же. Л. 3.
[483] Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М.–Л., 1939. С. 296–298.
[484] Rislakki J. Hengitimme Suomen kautta // Suomi suuriruhtinaanmaa. Helsinki, 1991. S. 189.
[485] Башмакофф Н., Лейнонен М. Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939 // Studia Slavica Finlandensia. T. VII. 1989. С. 9.
[486] Rislakki J. Hengitimme Suomen kautta. S. 193.
[487] См. напр.: Коронен М. М. В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1983; Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка 1820–1920. Л., 1987.
[488] Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка 1820–1920. С. 163–164.
[489] Rislakki J. Hengitimme Suomen kautta. S. 196.
[490]Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка 1820–1920. С. 188–200, 204–206.
[491] РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16. Л. 29–29 об.
[492] Усыскин Г. С. Из революционной истории Карельского перешейка 1820–1920. С. 121–131.
[493] Rislakki J. Hengitimme Suomen kautta. S. 198.
[494] РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 56. Л. 1, 6 об.
[495] Там же. Д. 54. Л. 1–3.
[496] Rislakki J. Hengitimme Suomen kautta. S. 205.
[497] РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
[498] Там же. Л. 1 об.– 2 об.

[499] Там же. Л. 5.
[500] Там же. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921. Л. 52.
[501] Там же. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 21.
[502] Там же. Л. 73.
[503] Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806; Глинка Ф. Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год: Ч. 2. М., 1815. С. 116-117. Следует добавить, что в XVIII в. не только в Петербурге, но и в Москве выходили книги об Исландии, как например: Ла Пейрер И. Любопытные известия, или сокращенная история об острове Исланде, собранная из Блефкения, Ангрима Ионаса и других разных историков / Пер. с французского И. Грешищева. М., 1789.
[504] Санкт-Петербургский вестник. Ч. 1. Апр. С. 312-314. Подпись Б.
[505] Малле П.А. Введение в историю датскую. СПб., 1785. Ч. 2, содержащая в себе достопамятные иконословия и стихотворения древних народов / Пер. с французского. С. 1-138, 150-157, 164-166, 169-170, 170-172.
[506] Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 92.
[507] СПб., июль. С. 43-51.
[508] Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. С. 92.
[509] Либерман А.С. Начало исландистики в России // Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Ч. 2. С. 204-206.
[510] Об этом подробно см.: Шарыпкин Д.М. Скандинавская литература в России. Л., 1980.
[511] Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1819. Ч. 8. № 11. С. 57-79; № 12. С. 57-71.
[512] Сын отечества. СПб., 1821. Т. 68. № 13. С. 245-263; № 14. С. 293-304.
[513] СПб., 1834. 122 с.
[514] Эймундова сага» // Библиотека для чтения. СПб., 1834. Т. 1. С. 1-77; Т. 2. С. 1-77. Затем перевод вышел отдельным изданием: Eymundur saga. Эймундова сага. Сказания об Эймунде Ринговиче и Рагнаре Агнаровиче, скандинавских витязях, поселившихся в России в начале XI века. Перевел с исландского и критически объяснил О.Сенковский. СПб., 1834. (Очень трогательно выглядят русские отчества в именах скандинавских воинов).
[515] Сага о Фритьофе // Опыты историко-филологических трудов студентов Главного педагогического института. СПб., 1852. С. 147-178.
[516] Сабинин С.К. Грамматика исландского языка, составленная протоиреем Придворной российской православной в Веймаре церкви. СПб., 1849 (X+230 стр.).
[517] Там же. С. IV.
[518] Грот Я. Поэзия и мифология скандинавов // Отечественные записки. СПб., 1839. Т. 4, № 6. С. 1-38. В статье приводятся также его переводы отрывков из «Старшей Эдды»: «Видения Валы», «Беседа Вафтруднира». О его переводах со шведского языка см.: Савицкая А.В. Переводчик Яков Грот // Первые скандинавские чтения: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 257-261.
[519] Полевой П. Опыт сравнительного обозрения древнейших памятников народной поэзии, германской и славянской. СПб., 1864. С. 3-29.
[520] Веселовский А.Н. Теория поэтических родов в их историческом развитии. СПб., 1885-1886. Ч. 1. История эпоса. Вып. 2. С. 56-182.
[521] Ганзен П. Мифология Севера и ее влияние на характер, нравы и обычаи древних северян // Русский вестник. СПб., 1896. Т. 245, № 7. С. 52-83.
[522] Старшая Эдда (Семунда Мудрого): Сборник мифологических, гномической и эпических песен в переводах русских писателей / Под ред. А.Н.Чудинова. СПб., 1897. (129 стр.).
[523] Вестник Европы. Т 2. Кн. 4. СПб., 1869. С. 789-793.
[524] См., например: Браун Ф.А. 1) Исландская литература // Браун Ф.А. Лекции по истории всеобщей литературы, читанные на Высших женских курсах 1897-1898 гг. СПб., Б.г. С. 1-97; 2) Русские князья в исландских сагах: Реферат сообщения // Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Русского Археологического Общества. СПб., 1905. Т.7, вып. 1. С. 179.
[525] См., например: Тиандер К.Ф. 1) Поездки норманнов в Белое море. СПб., 1906. 450 с. (В этой большой книге есть глава «Разбор исландских саг»); 2) Скандинавская мифология // Энциклопедический словарь. Гранат. 7-е изд. [19-]. Т.39. С. 188-191.
[526] Древнесеверные саги; Песни древних скальдов // Древнесеверные саги и песни скальдов в переводах русских писателей / Под ред. А.Н.Чудинова. СПб., 1903. С. 1-181.
[527] Вестник иностранной литературы. СПб., 1907. Дек. С. 14; Другие переводы древнеисландских произведений см. в кн.: Бальмонт К.Д. Гимны, песни и замыслы древних (Зовы древности). СПб., 1908. С. 169-175.
[528] Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 8.
[529] Там же. С. 9. Спрос на специалистов по шведскому языку тогда был огромный, и почти все выпускники начали работать в различных учреждениях. «Мне была предложена командировка в качестве референта корреспондентского пункта ТАСС в Стокгольме. «Года на два, - сказали тогда мне, - а потом вы сможете вернуться и заняться научной работой в университете, как собирались». Там же. С. 12. Вышло иначе: выпускник стал дипломатом, работал под началом А.М.Коллонтай в Стокгольме в течение всей войны, позже в

аппарате МИД в Москве и впоследствии стал помощником четырех подряд руководителей СССР. Это был Андрей Михайлович Александров-Агентов (в сообщениях прессы того же периода обычно А.М.Александров).

[530] Первую поездку в Исландию он совершил лишь тогда, когда был интернационально известным ученым. Свое путешествие он описал в интересной статье: Стеблин-Каменский М.И. На «Коне Золотая Грива» - в страну саг // Новый мир. 1961. № 4. С. 207-218.

[531] О пребывании в Исландии им написана статья: Берков В.П. Исландия без гейзеров // Новый мир. 1968. № 1. С. 198-210.

[532] Haraldsson H. Rússnesk-íslensk orðabók. Reykjavík, 1996. 946 bls.

[533] Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. II, М.-Л., 1935. С. 8.

[534] Там же. С. 8.

[535] Мельникова Е.А. Экспедиция Ингвара-путешественника на Восток и походы русских в Византию в 1043 году // Скандинавский сборник. XXI. Таллин, 1976. С. 81.

[536] Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне. С.16.

[537] Там же. С. 16.

[538] Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. Пер. с немецкого Дм. Языкова. Ч. I. СПб., 1809. С. 53.

[539] Карамзин Н. М. История государства российского. Кн. 1.,СПб.,1842, прим. 78 к т. 1, гл. 2.

[540] Там же. Т. I. Изд. 2. СПб., 1818. С. 44.

[541] (ГБЛ. Ф. 256. Д. 149. Л. 26-30). См.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1985. С. 116, 137.

[542] Лобойко И. Взгляд на древнюю словесность скандинавского Севера. СПб., 1821. С. 8.

[543] Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. СПб., 1873. С. 168.

[544] Брайкевич В. О христианском просвещении исландцев // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. № 2. С. 150-164.

[545] Там же. С. 153.

[546] Северный архив. 1822. Т. I. С. 407-420.

[547] Сенковский О. И. Собрание сочинений. Т. V. СПб., 1858. С. 511-573.

[548] Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. I. М., 1846. С. 287; См. также: Лященко А. И. «Eymundar Saga» и русские летописи // Известия АН СССР (Л., 1926). Серия VI. Т. XX. № 12. С. 1061-1086.

[549] Antiquites russes d'apres les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. T. 1-2. Ed. C. Rafn. Copenhagen, 1850-1852.

[550] РНБ. Исл. Г-IV. I, № 1293 (см. также Либерман А. С. Рукопись «Саги о Стурлунгах» в Лен. гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина // Скандинавский сборник. XVIII. Таллин, 1973,.С.256.

[551] Грот Я.К. Труды. Т. I. СПб., 1898. С. 32. (Статья «Поэзия и мифология скандинавов»).

[552] Там же. С. 32-33.

[553] Там же. С. 33.

[554] Китлов А. А. Русь в исландских сагах // Русская речь. 1971. № 2. С. 25.

[555] Русский исторический сборник. Т. IV. Кн. 1. М., 1840. С. 138-139.

[556] Там же. С. III-V, 7-116.

[557] Там же. С. 143.

[558] Там же. С. 137-138.

[559] Финский вестник. Т. III. Отд. 2. Спб., 1845. С. 293-316.

[560] Там же. С. 315.

[561] Там же. Т. У. Отд. 2. СПб., 1845. С. 49-94.

[562] Там же. С. 95-110.

[563] Горн Фредерик Винкель. История скандинавской литературы. М., 1894 (перевод К. Бальмонта). С. 9-67.

[564] Там же. С. 29.

[565] Бальмонт Константин. Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1983. С.113.

[566] Брюсов В. Я. Miscellanea // Эпоха. Кн. 1. М., 1918. С. 229.

[567] См. наприм.: Джаксон Т. Н. Исландские саги о русско-скандинавских матримониальных связях // Скандинавский сборник. XXVII. Таллин, 1982. С. 108-109.

[568] Журнал Московской Патриархии. 1959. № 7. С. 9.

[569] Поэзия Европы в трех томах. Т. 1. М. 19977. С. 375.

[570] Августин (Никитин), архим. Неделя в Исландии - стране льдов и гейзеров // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 5. С. 52-54.

[571] НГ-Религии. № 2 (97). 2002, 15.5. С. 3.

[572] Там же.

[573]Vuisheslavtsov A. Japans Hovedstad og Japaneserne. Kjobnhavn. 1863.

[574] Соловьев М.П. А.В.Вышеславцев // Вестник изящных искусств. 1889. Вып. 5. С. 412.
[575] А.А.Сидоров указывал, что оригиналы рисунков А.Вышеславцева хранятся в отделе редкой книги Российской Государственной библиотеки (Сидоров А.А. Рисунки русских мастеров (II пол. XIX века). М., 1960. С.478).
[576] Морской сборник. 1862, № 11. С.3.
[577] В эти годы вышли: Сарычев Г. Путешествие флота капитана Сарычева по Северной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении осьми лет, при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под началом флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год.. СПб., 1802; Крузенштерн И.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». СПб., 1809-1812; Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах.. СПб., 1812; Головнин В.М. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817-1819 годах флота капитаном Головниным. СПб., 1822; Коцебу О.Е. Путешествие в Южный океан и в Беренгов пролив в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах на корабле «Рюрик».СПб.. 1821-1823; Литке Ф.П. Путешествие вокруг света, совершенное по повелению Императора Николая I на военном шлюпе «Сенявин» в 1826-1829 годах флота капитаном Федором Литке. СПб., 1834-1836; Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819-1821 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный». СПб., 1831. Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820-1824 годах экспедицией, составленной под начальством флота лейтенантом Фердинандом Врангелем. СПб., 1841 и др.
[578] Книжный вестник. 1862, № 21. Раздел география и история.
[579] Морской сборник. 1862, № 11. С.2.
[580] Там же. С.25.
[581] Пенкина-Триполитова З.М. Русская библиография морского дела. СПб., 1885. С.90, № 1365.
[582] Д.Ровинский указывал, что «… в книге Вышеславцева: Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания 1857-1860 годов было 14 рисунков, рисованных Шишкиным на камне с набросков Вышеславцева». (Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI – XIX в. СПб., 1895. Т. 2, столбец 1197).
[583] А.Сидоров обратил внимание на то, что перерисованные на камень «рисунки Вышеславцева сделаны… энергичнее оригинала» (Сидоров А. Рисунки русских мастеров (вторая половина XIX века). М., 1960. С.478).
[584] Морской сборник. 1862, №11. С 5.
[585] Общий морской список. Часть X. Царствование Николая I. СПб., 1898. С.296.
[586] Japans og Japaneseme. K., 1863.
[1] Bang H.. St. Petersborg 1885 // Danmark i Digtning 3. Danskere i det Fremmede / Red. Knud Bøgh. København, 1948.
[2] Brandes G. Indtryk fra Rusland. København, 1888.
[3] Andersen Nexø M.. Leningrad 1907 // Danmark i Digtning 3. Danskere i det Fremmede / Red. Knud Bøgh. København 1948.
[4] Berman M. All That Is Solid Melts Into Air. New York, 1982.
[587] Отдел рукописей Государственного Русского музея (далее ОР ГРМ). Ф. 4. Д. 3. Л. 1-75.
[588] Записки графа Федора Петровича Толстого. Сост. А.Е. Чекунова, Е.Г. Горохова. М., 2001. С. 79-126.
[589] Кузнецова Э.В. Федор Петрович Толстой (1783-1873). М., 1977.
[590] Записки графа Толстого. С. 82, 84.
[591] Там же. С. 85.
[592] Николаева Н.С. Стокгольм и его музеи. Город. Пригороды. Музеи. М., 1995. С. 22.
[593] Записки графа Толстого. С. 86-87.
[594] Там же. С. 87.
[595] Там же. С. 92.
[596] Там же. С. 95.
[597] Очерк «Остров Борнгольм» опубликован Н.М. Карамзиным в его литературном альманахе «Аглая». СПб.,1794. Кн. 1. С. 92-117.
[598] Записки графа Толстого. С. 117.
[599] Там же. С. 122.
[600] Там же. С. 125.
[601] Кузнецова Э.В. Федор Петрович Толстой (1783-1873). М., 1977. С. 210. В этой монографии автор отсылает читателей для знакомства с путешествиями Толстого к его путевому дневнику, хранящемуся в отделе рукописей Государственного Русского музея (См: ОР ГРМ. Ф. 4. Д. 3).
[602] Григорович Д.В. Торвальдсен и Копенгаген. // Художественный сборник. Московское общество любителей художеств. М., 1866. С.97.
[603] Там же. С. 102-103.
[604] Там же. С. 103.
[605] Там же. С. 94.
[606] Там же. С. 97.
[607] Там же. С. 98.
[608] Там же. С. 99-100.

[609] Там же. С. 109.
[610] Публикации Кривдиной О.А.: 1).Скульптура дворца герцога Лейхтенбергского и парка усадьбы «Сергиевка» Биологического института СпбГУ. – Санкт- Петербургский университет, 11 сентября 2000, № 20. С. 26 – 32; 2). Коллекция скульптуры Лейхтенбергских. – Юный художник, 2001, № 5. С. 14-16; 3). К истории коллекции скульптуры герцога Максимилиана Лейхтенбергского и великой княгини Марии Николаевны в Сергиевке под Петергофом. – Судьбы музейных коллекций. Материалы VII Царскосельской научной конференции. Государственный музей-заповедник «Царское Село». СПб., 2001. С. 293-302; 4). Коллекция скульптуры Лейхтенбергских. – Санкт-Петербургский университет. Специальный выпуск (3597), апрель 29, 2002. С. 11-13.
[611] Григорович Д.В. Торвальдсен и Копенгаген. С. 118.
[612] Там же. С. 111.
[613] Там же. С. 126.
[614] Березина В.Н. Альберт Эдельфельт и его произведения в Государственном Эрмитаже и других музеях СССР. Л., 1963.
[615] Федорук А.К. Скандинавское изобразительное искусство на Украине // Материалы X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. II. М., 1986. С.325.
[616] Киевский музей западного и восточного искусства. Каталог. Киев, 1961.
[617] Безрукова М.И. Искусство Финляндии. М., 1986. С.233.
[618] Там же. С. 238.
[619] Там же. С. 96 , 234.
[620] Бакмансон, Гуго Карлович // Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. Т.I. М., 1970. С.264.
[621] Искусство Финляндии // Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог 2. Л., 1981. С.275.
[622] Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Каталоги произведений изобразительного искусства. Л., 1959. Кн. I: Живопись. С.118, 241.
[623] Музей изобразительного искусства Карельской АССР. Каталог. Петрозаводск, 1963.
[624] Западноевропейская живопись в Музее зарубежного искусства Латвийской ССР. Рига, 1977.
[625] Valkonen M. Finnish art over the centuries. Helsinki, 1999. P.78.
[626] Государственный художественный музей ЭССР. Таллинн, 1981.